Волгоградский государственный педагогический университет
Научно-исследовательская лаборатория
«Аксиологическая лингвистика»

В.И. Карасик

Языковая кристаллизация смысла

Волгорад
«Парадигма»
2010

ББК 81.0 + 81.432.1
К 21

Карасик В.И.

К 21 Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. – 428 с.

ISBN 978-5-903601-30-1

В монографии обсуждаются актуальные проблемы антропологической лингвистики. Рассматриваются модусы общения (рутинный и креативный, эмблематический, аллегорический и символический), коммуникативные характеристики массовой культуры, предлагаются новые подходы к изучению лингвокультурных концептов и типажей, излагаются лингвокультурные комментарии к некоторым произведениям мировой художественной литературы.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих основы интегральной науки о человеке.

ББК 81.0 + 81.432.1

ISBN 978-5-903601-30-1 © В.И. Карасик, 2010

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Лингвокультурные модусы общения 7
1.1. Рутинное и креативное общение 7
1.2. Третья сигнальная система? 19
1.3. Интерпретативные модусы 35
1.3.1. Эмблематический модус общения 35
1.3.2. Аллегорический модус общения 56
1.3.3. Символический модус общения 70
1.3.4. Знак как эмблема, аллегория и символ («корона») . . . 76
1.3.5. Лингвосемиотика аллегорий (русские и китайские пословицы) 89
1.4. Коммуникативные характеристики массовой культуры . 104
1.4.1. Девербализация 104
1.4.2. Эпиномы как смысловые образования 114
1.4.3. Рубрикация общения 124
1.4.4. Абсурд в политической риторике 132
Выводы 147
Глава 2. Лингвокультурные концепты и типажи 149
2.1. Концепт как единица лингвокультурного кода («чистота» и «грязь») 149
2.2. Концепт как лингвокультурная матрица («слава») 165
2.3. Концепт как амбивалентный регулятив поведения («интрига») 188
2.4. Концепт как индикатор эпохи («сознательность» и «очковтирательство») 199
2.5. Типаж как характер («коллекционер») 221
2.6. Типаж как протест («шпана») 240
2.7. Типаж как диагноз («разгильдяй») 258
Выводы 276
Глава 3. Лингвокультурные комментарии 279
3.1 Комментарий как жанр герменевтического дискурса 279
3.2. «Экклезиаст»: лингвокультурный комментарий 295
3.3. «Королева Элинор»: лингвокультурный комментарий . . 308
3.4. Загадочный текст Уистана Хью Одена: лингвокультурный комментарий 318
3.5. Эдгар По «Эльдорадо»: лингвокультурный Комментарий 328
3.6. Линии Стивена Крейна: лингвокультурный комментарий 345
Выводы 356
Заключение 357
Литература 361

Итак, слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Оно потому служит посредником между людьми и устанавливает между ними разумную связь, что в отдельном лице назначено посредствовать между новым восприятием (и вообще тем, что в данное мгновение есть в сознании) и находящимся вне сознания прежним запасом мысли.

(А.А. Потебня)

Введение

Обретение и передача смысла являются важнейшими признаками Человека разумного. Определение того, что есть смысл, относится к числу центральных проблем гуманитарных областей знания. Лингвистика традиционно решает эту проблему, устанавливая отличия между значением как закрепленным в содержании языкового знака коллективным символическим освоением того или иного фрагмента действительности, и смыслом как выделением личностно-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира. Встречное движение между значением и смыслом осуществляется в соответствии с закономерностями познания и преобразования мира человеком. Существует множество моделей такого движения, например, соотношение между ближайшим и дальнейшим значением слова, по А.А. Потебне, между содержанием языковых и речевых единиц, по Ф. де Соссюру, между интенсиональными и импликациональными компонентами высказывания, по М.В. Никитину.

Принятое в современной лингвистике понятие трехмерного пространства языка (Ю.С. Степанов) опирается на противопоставление семантики, прагматики и синтактики в содержании языковых знаков. Эта общая

семиотическая схема (отношение знака к миру, интерпретатору и другим знакам) уточняется в новых направлениях антропологической лингвистики, к которым относятся изучение языковой личности, концептов и дискурса. Один из подходов к исследованию содержательных характеристик языка представлен в моих книгах «Язык социального статуса», «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» и «Языковые ключи». Суть этого подхода состоит в обосновании принципов многомерности языковых явлений, функциональной специализации языковых знаков, наличия лингвокультурных доминант, партитурности общения, ситуативно-культурной обусловленности коммуникативных смыслов.

Эта книга представляет собой развитие высказанных ранее тезисов об этно- и социокультурных концептах – квантах переживаемого знания, в составе которых выделяются понятийные, образные и ценностные характеристики, о противопоставлении личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса и выделении в рамках этих базовых разновидностей вербального общения в их институциональных и неинституциональных типах, о лингвокультурных типажах как обобщенных образах представителей того или иного социума. Новым в данной работе является поворот в сторону интерпретации языковых смыслов, в сторону филологической герменевтики как области гуманитарного знания.

Почему в ключевого образа взята кристаллизация? В мире физическом образование кристалла есть процесс постепенного накопления заданных характеристик определенного вещества. В мире знаковом это сравнение может пониматься как аккумуляция переживаемых культурно значимых знаний о мире в содержании языковых единиц и сознании языковой личности. В культурной традиции существует понятие «магический кристалл» – волшебный прозрачный предмет в виде драгоценного камня, взглянув в который можно увидеть нечто скрытое, например, будущее. Существуют определенные силовые

линии, в направлении которых происходит кристаллизация знаний и проникновение вглубь скрытого знания. Культурно значимые смыслы вариативно кодируются в содержании концептов и скриптов (статических и динамических ментальных образований), в сюжетах значимых повторяющихся событий и способах повествования об этих событиях. Социум вырабатывает модели языкового сжатия и закрепления ценной для него информации и модели растворения информации, потерявшей свою актуальность. При этом социум, будучи неоднородным образованием, характеризуется многомерностью и противоречивостью процессов, определяющих культурную аккумуляцию и нейтрализацию смыслов.

В этой книге обсуждаются проблемы рутинного и креативного общения, эмблематической, аллегорической и символической коммуникации, изменения общения под влиянием массовой культуры, рассматриваются векторы конфигурации смыслов в содержании лингвокультурных концептов и типажей, предлагаются описания лингвокультурных смыслов в виде комментариев – интерпретаций некоторых произведений мировой художественной литературы.

Специфика гуманитарного знания состоит в том, что не существует внечеловеческого способа фиксации и распредмечивания значимой для человека информации. В этом плане антропологическая лингвистика в максимальной мере выполняет назначение всех гуманитарных наук – объяснение смыслов.

Вопросы, о которых идет речь в этой книге, неоднократно были предметом обсуждения с моими друзьями и коллегами – С.Г. Воркачевым, В.В. Дементьевым, В.И. Жельвисом, В.Б. Кашкиным, Н.А. Красавским, В.В. Красных, О.А. Леонтович, А.В. Оляничем, В.М. Савицким, Г.Г. Слышкиным, И.А. Стерниным, Е.И. Шейгал. Я искренне благодарен им за предложения по уточнению моей концепции.

Глава 1. Лингвокультурные модусы общения

1.1. Рутинное и креативное общение

Общение как один из типов человеческой активности может рассматриваться в науке о языке с различных точек зрения. С позиций функционально-семантической лингвистики мы анализируем тематику общения, соотношение между языковыми значениями и ситуативно-личностными смыслами, прямую и непрямую коммуникацию. С позиций жанровой лингвистики исследователи обращаются к сложившимся в той или иной лингвокультуре устойчивым ситуативно обусловленным текстовым форматам, в рамках которых происходит общение. С позиций лингвокультурологии устанавливаются ценности и нормы, определяющие коммуникативное поведение представителей той или иной социальной и этнической общности. С позиций социолингвистики нас интересуют его участники, у которых есть цели и мотивы коммуникации, которые обладают коммуникативной компетенцией и осуществляют общение в соответствии со своими установками, стереотипами, эмоциональным состоянием и индивидуальным стилем поведения. С позиций прагмалингвистики на первый план выходят ситуативные характеристики общения – обстоятельства, в соответствии с которыми принимается та или иная тональность коммуникации. Помимо обстоятельств общения для прагмалингвистики релевантны каналы коммуникации – устная либо письменная речь, общение по телефону либо в виде коротких посланий (sms), участие в компьютерно опосредованной информации. Список таких позиций может быть расширен, поскольку общение представляет собой многомерное явление и соответственно должно моделироваться как фасеточное образование, в котором каждая из граней отражает определенную сторону этого явления. Следует отметить, что подходы к изучению общения не являются изолированными, в работах разных исследователей получают специфическое развитие и взаимопересекаются.

Одним из возможных подходов к изучению общения, не вписывающихся в названные выше аспекты изучения коммуникации, является освещение общения с позиций его креативности либо рутинности. Речь идет о коммуникативной точности.

Любая коммуникация осуществляется в соответствии с ожидаемым стандартом либо вопреки этому стандарту и затрагивает как содержание, так и форму общения. В формальном плане рассматриваемая категория коммуникативной точности соответствует известному в стилистике противопоставлению стандартного и экспрессивного способов выражения той или иной идеи. В содержательном плане эта категория понимается как проявление в языке творческих способностей человека – поэтических и когнитивно-конструктивных (Ирисханова, 2009, с.160). Действительно, любой акт бытия человека в мире происходит в новых условиях и в этом плане характеризуется креативностью. Однако есть акты маркированного творчества, в том числе и языкового, и акты минимального проявления креативности. О.К. Ирисханова справедливо предлагает рассматривать языковое творчество как «континуум разнообразных нововведений» (там же, с.168). Если мы согласимся с пониманием языка как матрицы, содержащей различные потенциальные варианты форм для обозначения смыслов (аналог третьего мира, или объективного знания, по К.Попперу), то любой акт речи есть акт выбора, т.е. креативный поступок.

В какой мере коммуникативная точность связана с креативностью и экспрессивностью и, соответственно, неточность – с рутинным и стандартным общением? Главный отличительный признак – фокусировка на способе общения, на слове или другом языковом знаке, поиск нюансов и привлечение внимания к таким нюансам. Стандартное общение – это оперирование языковыми знаками в автоматическом режиме, годится любой знак, понятный адресату, здесь важна не точность, а скорость передачи смыслов. Именно поэтому первым признаком переключения общения на нестандартный режим является

создание препятствий для естественного высокоскоростного обмена переживаемой информацией.

В психологии проблемы креативности неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Для психологов релевантным оказывается противопоставление креативности как умения создавать нечто новое и эвристичности как умения находить нестандартные решения. Креативность логически предполагает наличие некоторого стандарта, по отношению к которому нечто можно квалифицировать как новое и необычное. Применительно к коммуникации представляется удобным использовать термин «рутинное общение» в его англоязычном истолковании как обычный порядок, общепринятая практика, следование шаблону (в русской лексикографии зафиксировано вторичное оценочное значение этого заимствованного слова – шаблонность, косность, монотонность, однообразие).

В каких коммуникативных ситуациях общение является преимущественно рутинным?

Обиходный дискурс отличается принципиально рутинным характером. Люди представляют себе, о чем вообще может пойти речь. Не случайно в обиходном общении между близкими людьми типичны замены слов жестами, не до конца развернутые высказывания. Британский исследователь Б. Бернстайн (Bernstein, 1979:164-167) определил суть такого общения как использование ограниченного кода (restricted code) в противоположность общению между незнакомыми людьми с помощью развернутого кода (elaborated code), когда требуется говорить о неочевидных вещах, обсуждать понятия и аргументировать свою точку зрения. Ограниченный код в обиходной коммуникации касается как тематики общения, так и используемых языковых средств, а также речевых актов и жанров. Например: «*Что-то у меня голова болит». – «Температуры нет?» / «Давление померил?» / «Ляг отдохни» / «Ты же у нас герой труда, работаешь за четверых*» и др. Подобного рода бытовые диалоги пронизывают повседневную жизнь людей и используются не только в личностно-ориентрованном, но и в статусно-

ориентирован-ном дискурсе, как в разговоре между незнакомыми людьми *(«Простите, который час?» – «Без пяти восемь»*), так и в институциональном общении («*Ирина Владимировна, Ваш Юра стал опаздывать на уроки и приходит с невыполненными домашними заданиями». – «Ольга Николаевна, мы примем меры»*).

Отличительным признаком рутинного дискурса является плавная речь его участников, люди не подбирают слова, не стремятся к точным обозначениям, не редактируют свою речь, а просто говорят. В этой связи приведу известное высказывание А.М. Пешковского (1925, с.116): «Дикари просто говорят, а мы все время что-то «хотим» сказать». Это высказывание следует трактовать не как снобистское по отношению к тем, кто занят только бытом, а в том плане, что разговор о неочевидном, выходящем за рамки повседневности, обычно сопровождается коммуникативными затруднениями.

Следующим признаком рутинного дискурса является большое количество заместительных слов и выражений в речи. Например, «*Вы что, вообще? А ну, быстро, это!*». Ситуация, в которой прозвучала такая фраза, снимает множественность ее толкований. Обратим внимание на то, что подобные эрзац-выражения свойственны не только сниженно-разговорной, то и официальной речи. Классическим примером может быть красноречивое умалчивание (Кузнецова, 2006), разговор ни о чем, например, в интервью политика:

«Какие меры Вы собираетесь предпринять, чтобы справиться с коррупцией?» – «Коррупция – это великое зло, и мы должны приложить все усилия, чтобы справиться с этим социальным недугом, потому что в противном случае мы никогда не добьемся выполнения поставленных целей».

Ответ содержит нулевую информацию, хотя внешне перед нами высказывание, построенное по всем правилам речи.

Непременным качеством рутинного общения является его герметичность, такое общение исключает посторонних в силу своей пунктирности, высокой контекстуальной и ситуативной обусловленности. Это общение только в кругу своих. Стремление к устранению избыточной информации

приводит к использованию аббревиатур, коротких прозвищ, коротких прецедентных текстов. Например, при обсуждении диссертации: «*Я не понял, это работа по четверке или по девятнадцатой?*» Посторонний человек не поймет, что филологи называют сокращенный шифр специальности, по которой планирует защищаться соискатель в соответствии с действующей номенклатурой специальностей научных работников (речь идет о том, что диссертация должна быть отнесена к одной из двух специальностей: «германские языки» либо «теория языка»).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что рутинный дискурс неоднороден и распадается на два базовых типа – фатическое и обиходное общение. Фатическое общение, впервые описанное Б.Малиновским, в современной лингвистике трактуется в узком и широком понимании, в первом случае это – установление, поддержание и замыкание общения (этикетные формулы и вербальные и невербальные знаки участия в коммуникации), во втором – общение, в котором информативная составляющая минимальна (неинформативные и малоинформативные речевые жанры – светский разговор, ссора, флирт, разговор по душам и др.). Первый подход сориентирован на структурно-формальное описание общения, второй – на его содержательную характеристику. Наиболее развернуто содержательные признаки фатического общения раскрыты в работах В.В. Дементьева (2006, 2007, 2010). Граница между фатическим и обиходным общением весьма размыта, строго говоря, элементы фатического общения пронизывают обиходный дискурс. Принимая во внимание это разграничение, будем говорить о рутинном дискурсе как обиходном и фатическом.

Противопоставление рутинного и креативного общения по выделенным шести признакам (тематическая ограниченность бытом либо тематическая открытость, использование сокращенного либо развернутого кода, высокая либо низкая предсказуемость содержания высказываний, большое либо малое количество заместительных выражений, плавная либо затрудненная

речь, герметичность либо открытость для посторонних) дает возможность измерить уровень рутинности либо креативности общения. Следует отметить, что важнейшей характеристикой речи является уместность, по Цицерону, и поэтому избыточная креативность в общении закономерно приводит к коммуникативным сбоям. Так, например, людям, не знакомым с академическим стилем общения в Оксфорде или Кембридже кажется странным то обстоятельство, что профессора этих прославленных университетов вставляют в свою обиходную речь знаки хезитации *(«Пройдите, э-э, по коридору и потом, м-м, поверните, э-э, направо»)*. Это не является претенциозной манерой коммуникативного поведения, а соответствует конвенциям общения в определенной академической среде и происходит в речи этих людей помимовольно.

Для креативного общения характерна прежде всего небытовая тематика речи. Прототипными видами такого общения являются художественная, философская, научная коммуникация. Приведу отрывок из лекции отечественного философа Г.П.Щедровицкого, прочитанной в Ростовском университете 19 марта 1987 г.:

«Отправления человеческой головы – это еще не мышление. Мышлением отправления человеческой головы становится только тогда, когда они, эти отправления, соответствуют определенной культурной норме. А следовательно, когда у этой головы уже есть правильный способ решения данной задачи, или если эта голова поднимается на более высокий рефлексивный уровень и самостоятельно строит правильное нормативное решение. Если же мы сидим, пьем чай и рассуждаем, подобно героям Ильфа и Петрова, разрешит ли Бриан класть ему палец в рот или нет... Хотя головы наши при этом биологически функционируют, к мышлению это никакого отношения не имеет. И когда вы начинаете изучать мышление, то должны предварительно составить нормативное представление о том, что вы выделите как мышление, в отличие от остального, что есть фиктивно-демонстративный продукт.

В связи с этим возникает невероятно сложная проблема объекта психологии мышления. Можем ли мы вести психологические исследования так же, как мы ведем биологические исследования, изучать мышление так, как изучаем природу? По-видимому, в данной ситуации мы вновь должны

придти к известному тезису культурно-исторической концепции Выготского и определять как мышление только то, что культурно. А из этого много чего следует, да такого страшного, что даже думать об этом не хочется. Тогда ведь что оказывается: если нам не повезло и мы не попали в социологическую школу при Сорбонне, если мы родились не в дворянской семье и нам не наняли гувернера, который, как потом выяснилось, был великий философ, – короче говоря, если нас не *учили* мыслить, то мы не сможем мыслить как в пять лет, так в сорок пять. И тогда это в известном смысле социокультурный урон... Что же тогда должны изучать психологи? Ситуация становится совершенно непонятной. По словам одного скандинавского лингвиста, мышление – это то, чему долго обучают, чему могут обучиться лишь немногие, и, научившись чему, и даже осуществив три или четыре раза, человек не может быть уверен, что он осуществит это в пятый раз» (www.psylib.ukrweb.net).

Приведенный отрывок представляет собой развернутое рассуждение на одну из наиболее сложных тем – что такое мышление. В быту людям тоже приходится рассуждать при решении конкретной задачи, например, пригласить или нет определенного человека на день рождения с учетом того, что он обычно ведет себя очень шумно, хотя у него добрейший характер. Бытийное рассуждение принципиально отличается от бытового. В первом случае мы стремимся понять, как устроен мир, во втором случае – понять, как нужно себя вести. Разумеется, мир един, и в любом конкретном явлении можно увидеть основания природы вещей, а рассуждая об отвлеченных категориях – сделать выводы о целесообразном поведении. Обратим внимание на базовую установку бытийного общения – готовность прийти к отрицательному результату, т.е. к признанию того, что мы не можем понять обсуждаемую проблему, что окончательного решения этой проблемы нет, что мы находимся лишь на определенной стадии познания мира. Здесь уместна аналогия с фракталами (фрактал — это бесконечно самоподобная геометрическая фигура, каждый фрагмент которой повторяется при уменьшении масштаба, например, бензиновый узор на воде). Бытовое общение требует принятия решений, и поэтому отрицательный результат («*С одной стороны, да, но, с другой стороны, нет*») обычно вызывает негативную

реакцию. Позицию человека, вышедшего на уровень бытийного смысложизненного мышления, трагически точно отразил великий русский поэт Ф.И.Тютчев: «*Мысль изреченная есть ложь*». Это – не та ложь, с которой мы сталкиваемся в обиходе, а осознание предельности нашего бытия.

Вернемся к рассуждению философа для иллюстрации сути развернутого кода. Дискурсивное, развернутое развитие мысли предполагает определение предмета. Г.П.Щедровицкий, следуя классической философской традиции, определяет этот предмет через отрицание, апофатически, противопоставляя мышление псевдомышлению (фиктивно-демонстративному продукту). Вспомним в этой связи, что Мартин Хайдеггер вкладывал особый смысл в немецкое слово *Gerede* – «болтовня», обозначая этим словом речь, в которой не создаются новые смыслы («Болтовня есть возможность понимать все без предварительного усвоения сути»). Из рассуждения Г.П.Щедровицкого следует, что мышление требует подготовленности, умения самостоятельно строить правильные решения, подразумевает культурный фундамент и доступно не каждому. Такое понимание мышления расходится с его стандартным, общепринятым осмыслением. Адресат имеет право на возражение. Ироничный, местами саркастический авторский стиль этого рассуждения перекликается с диалогами Сократа. Финальной дефиниции, которую ожидает увидеть читатель, привыкший к жанру учебника, здесь нет. И отсюда вытекает главная характеристика креативного общения – оно вовлекает его участников в самостоятельное мышление, в такую коммуникативную практику, в которой не может быть заранее заданных ответов. Следовательно, одной из характеристик креативного дискурса является парадоксальность, неожиданность выводов. Нельзя не отметить в этой связи еще один момент креативности мышления: оно дает участникам коммуникации неповторимое чувство интеллектуальной радости, которого не могут испытывать участники рутинного дискурса. Кстати, в теологии высказана мысль о том, что в иерархическом

ряду тех благ, которые может получить человек, творчество занимает одно из высших мест, поскольку сближает человека с Богом (физические удовольствия – любовь – осознание праведности своего поступка – творчество – встреча с Создателем).

Антиподом заместительности является точность обозначения. Обратим внимание на предельно точное раскрытие сути псевдомышления – фиктивно-демонстративный продукт. Понимание без усвоения сути есть фикция, и при этом фикция, которая активно тиражируется в речи. Дефисное обозначение характеристики псевдомышления свидетельствует о философской культурной традиции находить для новых объектов имена с опорой на словосложение, распространенный способ создания новых слов в древнегреческом и немецком – в тех языках, носители которых внесли существенный вклад в развитие философии.

Тезис о затрудненной речи как показателе креативного общения требует комментария. Затрудненность не всегда выражается как перебор слов, хезитационные вставки, саморедактирование вслух. Она приобретает различные формы в зависимости от индивидуального коммуникативного стиля человека – один замедляет темп, пытаясь найти точное соответствие слова и мысли, другой дает серию уточняющих выражений, синтаксически усложняя высказывание, третий максимально использует интертекстуальные связи и отсылки к различным прецедентным феноменам, делая свое высказывание многомерным (аллюзии в приведенном тексте Г.П. Щедровицкого требуют отдельного изучения), четвертый находит иной способ активного поиска смысла. В любом случае человек вслушивается в свой текст и текст собеседника, в то время как в рутинном общении внимание моментально переключается на референтные области. В этом плане заслуживает внимания глубокое замечание С.Г.Тер-Минасовой: «Человека всегда окружают слова, и чем больше слов, тем меньше свободы, но больше культуры» (Тер-Минасова, 2000, с.229). В этом тезисе речь

идет о внешнем ограничении свободы человека словами, но внешнее неразрывно связано с внутренним: креативное общение требует обращения к тонким смысловым дистинкциям, которые либо закреплены в семантике особых слов, используемых именно для поиска точных обозначений, либо выводятся из креативного общения, создаются для схватывания идеи.

Креативные тексты открыты для подключения к ним как в момент разговора, так и после. Такое общение способствует появлению комментариев.

Принято считать, что художественная литература в значительной мере отвечает требованиям, предъявляемым к креативному общению. Разумеется, художественный уровень произведения может быть разным, как и уровень подготовленности читателя. Кроме того, люди обращаются к произведениям художественной литературы, в частности, к поэзии, с разными целями: одни для того, чтобы получить эстетическое удовольствие, другие для того, чтобы скоротать досуг, третьи – с целью продемонстрировать в дальнейшем свою начитанность, четвертые – для подготовки к экзамену или написания рецензии и т.д. Рассмотрим одно из стихотворений Р.М.Рильке.

Der Nachbar

Fremde Geige, gehst du mir nach?
In wieviel Städten schon sprach
deine einsame Nacht zu meiner?
Spielen dich hunderte? Spielt dich einer?
Giebt es in allen großen Städten
solche, die sich ohne dich
schon in den Flüssen verloren hätten?
Und warum trifft es immer mich?
Warum bin ich immer der Nachbar derer,
die ich bange zwingend zu singen
und zu sagen: Das Leben ist schwerer
als die Schwere von allen Dingen.

Сосед

Скрипка, бродишь за мною вслед?
Сколько странствий и сколько лет
я – неспящий, с тобой – неспящей.
Вездесущ ли скрипач пропащий?

Или в каждой людской столице
есть такие, кому пора –
скрипки с ними не будь – топиться?
Чем далась мне твоя игра?
И зачем я всегда в ответе
за того, кто тебе внушает:
тяжесть жизни – всего на свете
тяжесть общую превышает?
(пер. В.Топорова).

Стихотворение великого австрийского поэта посвящено вечной теме – плате за божественный дар владения словом. Эта идея выражена в образах скрипки, одиночества в ночи, большого города, реки, в которой можно утонуть, предельной тяжести и соседства с теми, кто ощущает эту тяжесть. Не претендуя на единственное истолкование этого текста, считаю нужным обратить внимание читателя на следующие парадоксальные моменты: определение fremde Geige – чужая, нездешняя скрипка (поэт – человек не из этого мира); большие города, где человек чувствует себя наиболее одиноко; реки, в которых можно было бы пропасть, затеряться (переводчик выбрал самое категоричное толкование – утонуть); трудное для осознания сочетание zwingend zu singen – вынужденные, обреченные петь (такое пение не зависит от воли певцов, они не могут без него жить, но и не радуются ему), и, наконец, идея соседства (название стихотворения несет главный смысл): сколько в мире таких людей – сотня или один, которым выпала судьба ощущать неимоверную тяжесть жизни. Это стихотворение, как и другие шедевры высокого искусства, не имеет однозначного истолкования и в этом смысле приближается к языку музыки: каждый читатель может найти в нем отклик своим переживаниям. В.В.Налимов (1979) писал об особом измерении языка: существует жесткий язык формул и мягкий язык искусства, обиходный вербальный язык занимает срединную позицию. В этом плане, вероятно, креативность художественного текста состоит в большей степени неоднозначности истолкования, чем это присуще повседневному общению.

Точность художественного текста и художественного общения заключается не в углублении в понятие и

раскрытии его бесконечных уточняющих характеристик, а в создании резонирующего образа, который способен отразить переживание автора и сделать его открытым для читателя. Цитируемое стихотворение интертекстуально перекликается с известным высказыванием Г.Гейне: «*Когда мир раскалывается надвое, трещина проходит через сердце поэта*», со стихотворением Н.С.Гумилева «Волшебная скрипка» (1907): «*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка, / Не проси об этом счастье, отравляющем миры, / Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, / Что такое тёмный ужас начинателя игры!*». Отечественный классик Серебряного века выразил идею расплаты за божественный дар при помощи того же самого ключевого образа – скрипки. Идея расплаты за творчество прослеживается у многих поэтов: «*О, знал бы я, что так бывает, / Когда пускался на дебют, / Что строчки с кровью – убивают, / Нахлынут горлом и убьют!*» (Б.Л.Пастернак), «*Хоть рифма, точно плаха, / Меня сама берет*» (А.А.Тарковский), «*Мне кажется, я узнаю себя / В том мальчике, читающем стихи; / Он стрелки сжал рукой, чтоб не кончалась эта ночь, / И кровь течет с руки*» (Б.Гребенщиков). Приведенные образы имеют символический характер.

Отдельного изучения требует вопрос о том, как рождаются креативные тексты, каковы обстоятельства, способствующие возникновению креативного общения. Судя по прямым и косвенным свидетельствам поэтов, для создания стихотворения требуется особое состояние души – вдохновение, наивысший подъем душевных сил: «*В поте – пишущий, в поте – пашущий! / Нам знакомо иное рвение: / Легкий огнь, над кудрями пляшущий, – / Дуновение вдохновения!*» (М. Цветаева). Вдохновение, впрочем, приходит к тем, кто способен и умеет нечто создавать. И.Сельвинский высказал эту идею дидактически прямо: «*Поэт, изучай свое ремесло, / Иначе словам неудобно до хруста, / Иначе само вдохновенье – на слом! / Без техники нет искусства*». Соглашаясь с тем, что креативность суверенна, ее невозможно форсировать (хотя можно сымитировать), и с тем, что у человека должен быть опыт в той предметной сфере, где требуется создать нечто новое, отмечу, что типы креативного общения весьма вариативны:

поэтическая креативность возникает из потребности выразить свой внутренний мир (философская и художественная разновидности креативности очень близки), креативность в научном дискурсе проявляется как умение видеть новые пути в исследовании проблем, новые аспекты изучения того или иного явления. Если поэтическое творчество носит индивидуальный и камерный характер, то для появления новой научной идеи плодотворными оказываются разного рода коллективные дискуссии, диспуты, мозговые штурмы, где главное – задать вопрос. Креативность парадоксальна. Известный коллекционер С.А. Шустер часто повторял фразу: «*Несмотря на подпись, вещь подлинная*» (Семенова, 2009).

Из того, что было сказано выше о принципиальном отличии рутинного общения от креативного, не вытекает, что креативность не свойственна повседневному общению, наоборот, именно на основе повседневности возникает самая распространенная форма креативности – игра. В этом плане нельзя не согласиться с В.Г.Борботько (1998), противопоставляющим два основных типа дискурса – игровой и деловой, независимо от их институционального либо личностно-ориентированного характера. Деловое коммуникативное действие направлено на достижение практического результата, оно носит стратегический и результативный характер, по Ю.Хабермасу, в то время как игровое действие имеет целью получение удовольствия от самого процесса этого действия. В реальном общении деловое и игровое действия часто взаимопереплетаются, при этом игровому компоненту коммуникации отводится роль фиксатора межличностных отношений, деловой компонент обиходного общения часто маскируется, отодвигается на второй план. В этой связи заслуживает внимания изучение псевдокреативности, когда коммуниканты (либо один из них) делают вид, что говорят на отвлеченные темы ради удовольствия от общения, на самом деле преследуя стратегические цели.

Таким образом, одним из возможных аспектов изучения общения является выделение рутинного (фатического и обиходного) и креативного типов дискурса. В качестве

дифференциальных признаков, позволяющих отнести общение к названных типам, выступают тематическая ограниченность обиходом либо открытость, использование сокращенного либо развернутого кода, высокая либо низкая предсказуемость содержания высказываний, заместительность либо точность, плавная либо осложненная речь, герметичность либо открытость для посторонних. Рутинное и креативное общение проявляются как в личностно-обусловленном, так и в статусно-обусловленном типах дискурса.

1.2. Третья сигнальная система?

Одним из важнейших положений психологии высшей нервной деятельности является обоснованное И.П. Павловым противопоставление первой и второй сигнальных систем – совокупных реакций организма на сенсорно воспринимаемые непосредственные раздражители внешней среды (болевых, вкусовых, световых, тепловых и др.) либо целостных реакций на слова как сигналы сигналов. Благодаря второй сигнальной системе человек способен воспринимать обобщения, закрепленные не в индивидуальном, а в коллективном опыте в виде системы языковых значений. При этом, разумеется, во многих ситуациях люди, как и высокоорганизованные животные, ориентируются в мире благодаря первой сигнальной системе. Эти системы взаимодополнительны, и поэтому отрицание любой из них является отрицанием сущности человека. Для лингвиста разграничение сигнальных систем является обоснованием социально-биологической природы языка. Вместе с тем любое разграничение предполагает как поиск промежуточных образований, так и определение возможных выходов за рамки той или иной объяснительной схемы.

Тезис о неоднородности сигналов второго типа (опосредованных сигналов) осмысливается в языкознании в нескольких направлениях.

Во-первых, разграничиваются преимущественно образные и преимущественно понятийные способы вербальной фиксации опыта. Это – фундаментальное противопоставление конкретного чувственно воспринимаемого опыта и абстрактного рассудочного аналитико-синтетического постижения действительности. В обиходной повседневной жизни мы оперируем преимущественно чувственными ментальными образованиями, а в определенных сферах деятельности выходим в область преимущественно абстрактных структур. Последние разрабатываются для освоения ненаблюдаемого мира. В этом плане принципиально значимо различие между концептами и понятиями в трактовке В.З. Демьянкова: мы воспринимаем концепты как данность, но можем договариваться о понятиях: «Понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» (Демьянков, 2001, с.45). Если я говорю, что в комнате холодно, я предполагаю, что моему собеседнику известно на основании его опыта, что значит «холодно», и менее всего ожидаю в качестве ответной реакции вопрос, связанный с уточнением признаков холода или комнаты. Но если я скажу, что в английском языке есть трудно переводимое на русский язык слово *contingency*, обозначающее вероятные неблагоприятные обстоятельства, которые следует учитывать при заключении договоров, составлении деловых планов и программ и т.д., то здесь возможен некоторый смысловой зазор, заполняемый уточняющими вопросами, примерами, парафрастическими формулировками. Различие между чувственным и рассудочным обозначением и выражением фрагментируемой действительности детально обсуждается в когнитивной лингвистике и психолингвистике.

Во-вторых, обсуждается степень интерпретативной свободы в соотношении означающего и означаемого. Это – градация жесткости связи между содержанием и формой знака. В.В.Налимов говорит о «мягких и жестких языках»,

образующих своеобразную шкалу, пределами которой являются язык музыки, с одной стороны, и язык научных формул, с другой стороны. Обычный человеческий язык занимает срединное положение (Налимов, 1979). Это срединное положение не является точкой, а в свою очередь представляет собой протяженное образование, в котором можно выделить единицы с широкой вариативностью и жесткой закрепленностью смысла (сравним лирические стихотворения и медицинские рецепты). Следует отметить, что повседневное обиходное общение тяготеет к ситуативной определенности и однозначности смысла, при этом можно противопоставить референтную и эмотивную определенность. Примером референтной определенности являются высказывания, допускающие однозначную интерпретацию относительно положения дел в объективном мире: «*Мне, пожалуйста, без гарнира*» (работник столовой сразу поймет, что имеется в виду). Эмотивная определенность показывает отношение говорящего к собеседнику и предмету разговора: «*Какое барахло!*» (адресат понимает, какого рода оценку говорящий дает конкретному предмету).

Референтная определенность может выражаться формульно, такие формулы должны быть известны участникам общения, это в первую очередь относится к институциональному дискурсу. Так, в юридическом дискурсе достаточно назвать номер статьи Уголовного кодекса, и участникам этого дискурса будет ясно, какую меру ответственности может нести то или иное лицо. Подобное парольное общение характеризуется однозначной связью между содержанием и формой знака. В этом плане можно выделить простую однозначную связь означающего и означаемого («*Предъявите документы!*»), парольную однозначную связь («Триста девятнадцатая» – Статья 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Оскорбление представителя власти» – *Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением – наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на*

срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года), завуалированную однозначную связь («*Кто-то сегодня телевизор смотреть не будет*» – в речи взрослого, обращенного якобы к другому взрослому, а на самом деле – к провинившемуся ребенку).

Весьма распространены и неопределенные вербальные знаки в обиходном и необиходном общении – намеки, недосказанность, нечеткость обозначения. Например, недосказанность: «*Вам добавить минералку? – Спасибо. – «Спасибо – «да» или спасибо – «нет»*?» Неопределенные вербальные знаки допускают многомерную интерпретацию: есть неопределенность для адресата и для стороннего интерпретатора. Такая неопределенность может быть намеренной и помимовольной. Примером намеренной неопределенности для адресата является язык оракулов, в современной коммуникативной практике – язык гороскопов («*Ваше упрямство может стать первопричиной всевозможных неурядиц. Постарайтесь не срывать свое настроение на близких людях*». Такой текст годится для любого человека в любой ситуации, его информативность является нулевой). В определенных коммуникативных ситуациях намеренная нечеткость, загадочность, недосказанность воспринимаются как знак высокого социального статуса участников соответствующего общения (Карасик, 2002).

Помимовольная неопределенность для адресата – это, как правило, показатель низкой коммуникативной культуры говорящего, не умеющего точно формулировать свои мысли («*Вот так всегда, как говорится, ну, слов нет, понимаешь!*»). Намеренная неопределенность для интерпретатора – это использование указателей, шифра, парольных высказываний, понятных участникам общения и непонятных третьему лицу (например, фраза «*Над всей Испанией безоблачное небо*», прозвучавшая по радио в Испании 18 июня 1936 г., была сигналом для начала фашистского мятежа генерала Франко против испанского правительства). Помимовольная неопределенность для интерпретатора – это признание того, что текст является семантически пустым, например, в том случае, если он

составлен роботом по некоторому алгоритму. Такова, например, генерирующая псевдонаучные тексты программа SCIgen, написанная несколько лет назад группой студентов Массачусетского технологического института с целью проверки качества рецензирования на научных конференциях. В нашей стране с помощью этой программы был составлен текст статьи «Корчеватель: алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности», принятой к публикации в «Журнале научных публикаций аспирантов и докторантов». В сети Интернет приводится текст этой статьи. Показателен фрагмент этого текста: *Для понимания происхождения приводимых результатов следует знать использованную конфигурацию сетей. Было проведено развертывание на сети перекрытия NSA планетарного масштаба для изучения взаимно широкомасштабного поведения исчерпывающих прототипов. Во-первых, эффективное пространство оптического диска мобильных телефонов было разделено пополам для лучшей оценки средней латентности использованных компьютеров типа desktop).* Рецензент положительно отозвался об этой статье, и на этом основании журнал был закрыт. Признавая правоту такого решения, отмечу при этом естественное стремление адресата найти в любом тексте смысл.

В-третьих, можно говорить о неоднородности сигналов второго типа по степени их абстрактности. Эта проблема обычно рассматривается в лингвистике применительно к различию между лексическим и грамматическим значениями. Принято считать, что лексические значения конкретны, а грамматические абстрактны. В целом этот тезис верен, но при этом следует отметить градуальность абстракции как лексических, так и грамматических значений.

В лексической системе можно выделить более и менее абстрактные значения слов, например, «подбородок» и «бесконечность». При этом даже самые конкретные слова обозначают не единичные предметы, а их классы, т.е. неизбежно обобщают фрагменты осмысленной действительности. Исключение составляют имена собственные, соотнесенные с вполне определенным объектом, например, «Аристотель» или «Москва». Однако и

в этом случае знаковая фиксация объекта представляет собой специфическую абстракцию: называя определенный единичный объект, говорящий осуществляет указательную отсылку к нему, наделяя этот объект в каждом случае упоминания о нем новыми, контекстуально и ситуативно определяемыми признаками: «*Аристотель был великим греческим философом», «Зачем цитировать Аристотеля не к месту?», «В полемике между Аристотелем и Платоном русская философская мысль обычно занимает позицию, противоположную Стагириту»*. Речь идет о референции имен собственных: объект имеет множество характеристик, и его обозначение в свернутом виде содержит бесконечное количество возможных контекстов. Указательность (дейктичность) не тождественна конкретности, конкретное противопоставляется абстрактному по объему понятия, в то время как указательное противопоставляется описательному по возможности непосредственного или опосредованного восприятия объекта.

Возвращаясь к словам с нарицательными значениями, замечу, что можно выделять более и менее абстрактные слова. Эта проблема детально освещена в лингвистике в связи с теорией прототипов Э.Рош: существуют слова прототипного уровня («яблоко», «собака», «кукла»), слова генерализующего уровня («фрукт», «животное», «игрушка») и слова конкретизирующего уровня («антоновка», «овчарка», «марионетка»). В зависимости от коммуникативной значимости того или иного фрагмента осознаваемой действительности вертикальные ряды соответствующих обозначений могут получать более или менее дробную детализацию.

В-четвертых, сигналы второго типа обладают множественными внутрисистемными соответствиями, им свойственна синонимическая и парафрастическая вариативность. Такая вариативность единиц в коммуникативном плане не сводится только к поиску более точного слова или адекватной замене сказанного для большей экспрессивности либо для того, чтобы избежать тавтологии, но и включает различного рода отсылки к прецедентным феноменам. Например, высказывание

известного политика «*Такого еще никогда не было, и вот опять случилось*» ассоциируется с его более известной фразой «*Хотели как лучше, а получилось как всегда*». Подобного рода переключения могут иметь внутрижанровый, междужанровый и межъязыковой характер. Например, комментарий на информационном портале Lenta.ru о развитии Интернет-рекламы в 2008 году дан под заголовком «*Добро пожаловать в ad*». Заголовок представляет собой интертекстуальное совмещение трех типов текстов: во-первых, это – стандартная фраза приветствия, во-вторых, это ироничная фраза из компьютерной игры («*Добро пожаловать в ад!*»), в-третьих, это межъязыковая омонимия – переосмысление русского слова «ад» и английского «ad» – advertisement – «объявление, реклама».

В-пятых, единицы второй сигнальной системы неоднородны по ситуативной обусловленности, по их принадлежности определенному регистру общения. На этом основании противопоставляются стилистически нейтральные и стилистически маркированные единицы, обычно говорят о единицах высокого, нейтрального и сниженного регистров. В данном случае речь идет не только о словах, хотя слова наиболее показательны в этом плане, но и о фонетических и грамматических особенностях речи: «*Вынужден констатировать, что поведение Вашего сына вызывает нарекания у всех педагогов» – «Все учителя жалуются на поведение Вашего сына» – «Ваш Денис всех достал!*». В первом случае используется развернутое модусное обозначение позиции говорящего («Вынужден констатировать»), говорящий показывает, что общение имеет официальный характер. В диктальной части высказывания используется формульное выражение «вызывает нарекание», ситуация обобщается через номинализацию («Поведение X вызывает Y»). Во втором случае общение имеет стилистически нейтральный характер, используется прототипная нарративная субъектно-объектная конструкция. В третьем случае говорящий переходит на сниженный регистр общения, используя жаргонное слово для характеристики объекта

речи и эмоционально нагружая высказывание. Обратим внимание на обозначение учителей: от высокого «педагог« к нейтральному «учитель» и далее – к разговорному эллипсису (имеется в виду «всех нас»). Существуют и множественные проявления намеренного смешения регистров с игровой целью.

Разумеется, аспекты неоднородности единиц второй сигнальной системы не сводятся только к тем, которые приведены выше. Эти аспекты иллюстрируют основные четыре стороны знака: семантику (в данном случае – образное либо понятийное осмысление объекта и степень абстрактности), прагматику (в рассматриваемом ключе – стилистическая вариативность языковых единиц), синтактику (разного рода синонимические, парафрастические и интертекстуальные связи единиц), сигматику (в приведенных примерах – соотношение между содержанием и формой языкового знака применительно к степени референтной определенности). Приведенные подходы дают возможность построить определенную шкалу для измерения уровневой семиотической специфики языковых единиц.

В какой мере правомерен вопрос о постепенном становлении элементов третьей сигнальной системы применительно к языковым знакам?

С точки зрения семантики языковых знаков постановка такого вопроса представляется оправданной. Известно, что существует принципиальная разница между указательными и неуказательными высказываниями. Об этом писал Э.Ганс, противопоставляя три типа речений: остенсив (жестовое указание на объект), императив, декларация о ненаблюдаемых объектах (Gans, 1981, с.100). Движение в сторону отвлеченности, неуказательности есть построение второй сигнальной системы. Переход от конкретных объектов к их классам представляет собой качественный сдвиг в языковом осмыслении мира, усложнение второй сигнальной системы. На определенном этапе освоения мира возникает принципиально новый модус такого осмысления – построение теории и выработка научных понятий на базе обиходных. Такое движение соответствует

движению от ближайшего к дальнейшему значению слова, по А.А.Потебне. Но идея А.А.Потебни значительно глубже, чем противопоставление обиходного и научного понятий, это – противопоставление содержательного минимума, значения для всех, и содержательного максимума, значения для немногих.

Такое противопоставление можно представить в виде дихотомии рутинного и креативного осмысления действительности. Эта дихотомия поддерживается всей системой языка. В этом плане все содержательные ресурсы языка можно разбить на минимальную, часто повторяющуюся часть (основной словарный фонд, базовые синтаксические конструкции устной речи, сниженный и нейтральный стилистический регистр) и максимальную, потенциальную часть языковых средств, используемых в специфических областях общения (специализированные области лексикона – термины, обозначения абстрактных понятий, номинализации, свежие метафоры). Языковой минимум осваивается в раннем возрасте, психолингвисты говорят о 5-7 годах. Движение в сторону языкового максимума продолжается всю жизнь и по-разному проявляется в коммуникативной практике: для одних видов деятельности принципиально важным является специализированное языковое поведение (есть профессии, осуществляемые через речь), для других видов деятельности такое поведение факультативно. Важнейшим фактором такого движения является письменная речь и свойственное этой речи особое умение – развернутое, дискурсивное выражение мысли. В условиях обиходного устного рутинного общения не требуется формулировать мысли, достаточно просто говорить, при этом приветствуется лаконичная и упрощенная манера выражения мыслей и чувств.

С точки зрения прагматики языковых знаков важнейшим показателем эффективности общения является его соответствие ситуации, или уместность, по Цицерону. Существуют, как известно, две риторики: риторика как красноречие и риторика как система успешного достижения коммуникативных целей. Первая риторика является

декоративной и представляет собой искусство. Такому искусству следует специально учиться, оно должно быть поддержано коммуникативной традицией в той или иной лингвокультуре. Так, например, бывший британский премьер-министр Тони Блэр сказал: *«Success is the only exit strategy I am prepared to consider» – «Успех – это единственная стратегия выхода из сложившихся обстоятельств, которую я готов рассматривать*». Подобные формулировки требуют длительного опыта ведения публичных диспутов. К такого рода высказываниям относятся различные афоризмы и сентенции, например: *«Wenn die weisse Männer nicht irrten, müssten die Narren verzweifeln» (Goethe) – «Если бы мудрецы не ошибались, дураки пришли бы в отчаяние».* Отметим, что подобная коммуникативная практика, во-первых, не требуется в обиходе, она уместна только в определенных коммуникативных ситуациях, во-вторых, для овладения подобной практикой требуются особые способности и особое обучение, в-третьих, неудачные примеры красноречия становятся предметом осмеяния, как и любые другие формы профанации искусства. Вторая риторика по своей сути является стратегической: здесь важно добиться поставленной цели, а не продемонстрировать виртуозность выражения мысли. Рекламный и политический дискурс – основное коммуникативное пространство для проявления стратегической риторики. Приведу пример успешного рекламного слогана с комментарием (www.textart.ru):

Слоган для Билайн

Оператор сотовой связи

С нами удобно

С профессиональной точки зрения это просто грамотный рекламный слоган. Он ценен не сам по себе, а потому, что идеально резюмирует очень качественную и стройную маркетинговую стратегию. И именно поэтому практически при каждом упоминании оказывается так к месту. Если бы не это и не тираж, которым он выходит в "рекламный эфир", он бы не привлекал к себе такого внимания. И был бы тем, чем и является – образцом хорошего ремесла.

В рекламных слоганах заложен высокий потенциал воздействия на потребителей. Эта риторика стремится к максимальной лаконичности и прямому выражению

стержневых ценностей цивилизации. В данном случае такой ценностью является удобство.

В политической риторике эффективным оказался призыв «*Голосуй сердцем!*» на выборах Президента России. Имиджмейкеры точно рассчитали установку электората принимать интуитивные, а не рассудочные решения и сформулировали девиз, который оказался созвучным традиционному противопоставлению ума и сердца в России. Вспомним название комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Для владения стратегической риторикой, несомненно, требуется специальная подготовка, однако специфика данного типа общения состоит в сознательном уходе от усложненного развернутого выражения мысли. Стратегической риторикой в совершенстве владеют дети, стремящиеся добиться поставленной цели: *«Мама, ты меня когда любишь?» – «Когда ты хороший». – «А я тебя всегда люблю – купишь мне трансформер?».* Мальчик строит коммуникативную ловушку для своей матери, используя прием стратегической риторики. Эта риторика манипулятивна по своей сути. И поскольку манипуляция – это разновидность обмана, которым владеют не только люди, но и высоко развитые животные, нет оснований для того, чтобы считать такую риторику проявлением особого уровня знаков второй сигнальной системы. В лингвистике убедительно обоснован принципиальный тезис о том, что непрямое общение является базовым типом общения как такового (Дементьев, 2006).

Вместе с тем, владение разными регистрами речи и разными речевыми жанрами представляет собой показатель высокой коммуникативной компетенции (Богин, 1984). Уточню: речь идет об умении переключать регистры и выходить за рамки исходного обиходного дискурса. В этом плане необиходные речевые регистры, письменная необиходная речь и специализированные жанры речи представляют собой прагматически маркированные типы выхода за рамки знаковых образований второй сигнальной системы.

В плане синтактики языковая система представляет собой многомерную ассоциативную сеть. В языке всё соединено со всем, по Ф. де Соссюру. Вопрос о возможности установления выхода за рамки второй сигнальной системы применительно к синтактике языковых знаков можно переформулировать следующим образом: выходит ли языковая система на качественно новый уровень при увеличении количества ассоциаций в связи с ростом числа единиц в этой системе? Это философская проблема, и в рамках философии ответ на такой вопрос будет положительным: количество переходит в качество. Для лингвиста остается при этом нерешенной задача установления синтактически релевантных признаков подобного перехода на новый уровень.

Соотношение между содержанием и формой языкового знака в рамках второй сигнальной системы обсуждается в семиотике как соотношение между иконическими и сигнальными знаками. В первом случае существует мотивированная связь между означающим и означаемым, во втором случае эта связь произвольна. В естественном языке сигнальные знаки доминируют в количественном плане, и это дает основания считать знак-сигнал прототипным языковым знаком, а иконический знак – образованием менее высокого уровня абстракции. Рассуждая логически, следует признать, что если первая сигнальная система состоит из знаков действительности, вторая – из знаков знаков, т.е. вторичных знаков, то третья сигнальная система должна отличаться усложнением по отношению ко второй. Такое усложнение наблюдается в двух направлениях: это 1) переосмысление языкового знака, его метафоризация либо 2) ремотивация языкового знака, реконструкция (или конструкция) связи между внутренней формой и значением.

Следует отметить, что в коммуникативной практике изменение содержания знака является правилом, а не исключением общения. Мир меняется, и соответственно меняются обозначающие его единицы, сохраняя при этом часто прежнюю форму. Такое изменение должно носить и носит плавный характер, иначе язык перестанет выполнять

свою главную функцию – быть средством общения. Предметы и понятия обиходного мира меняются на наших глазах. Дверной замок из навесного превращается во внутренний, затем из механического в электронный, однако его название остается прежним. Соответственно меняется ключ к замку, постепенно переходя в код. Слова могут конкретизироваться, например, в современном английском слово *knowledge* наряду с известным значением «знание» приобрело специфическое значение: «*экзамен на знание Лондона для желающих стать таксистами*», в этом случае используется определенный артикль. Для того чтобы сдать этот экзамен, нужно уметь доехать вместе с экзаменатором кратчайшим путём из одного пункта в другой с возможными заездами по требованию клиента в необходимые места. Эти примеры изменения знаков не дают нам, однако, оснований для того, чтобы выделить особый тип знаков, свойственный третьей сигнальной системе.

Важнейшей характеристикой качественного изменения знака является необходимость интеллектуального усилия для декодирования этого знака. В обиходном общении такие усилия не требуются, поскольку такое общение по своей природе имеет предметный характер. Можно выделить следующие виды необиходного общения, требующие интеллектуальных усилий: 1) научный дискурс, 2) художественный дискурс, 3) игровой дискурс.

Научный дискурс представляет собой постановку теоретических вопросов и формулировку возможных решений этих вопросов. Приведу фрагмент открытой лекции профессора Петербургского университета Татьяны Владимировны Черниговской, известного специалиста в области психо- и нейролингвистики, когнитивной лингвистики и психологии, теории эволюции, искусственного интеллекта, развития и патологии языка, на тему «Язык и сознание: что делает нас людьми?». Лекция опубликована на сайте www.polit.ru.

Татьяна Черниговская: *Еще одна вещь, которая меня расстраивает в связи с мозгом – это его самодостаточность. Он делает, что хочет. Похоже, что ему не нужен внешний мир. Дальше возникает вопрос, кто кому подчиняется? Мы мозгу,*

или мозг нам? Есть данные, из которых следует, что нейронная сеть обладает собственной свободой воли. Если снимать (фиксировать) функциональные процессы, которые идут в мозгу, когда человек должен принимать какое-то решение, простое решение, мозг принимает это решение за 20-30 секунд до того, как человек об этом узнает.

Борис Долгин: *В каком смысле узнает?*

Татьяна Черниговская: *Мозг дает сигнал субъекту о том, что он, человек, якобы принял это решение самостоятельно. Это довольно страшно. Я думаю, что все зависит от того, какие решения. Если принимается решение «жениться – не жениться», – это другое. А мелкие решения связываются с т.н. «самостью». А она определяется как транспарентность тела, или духовного и телесного в человеке. Это восходит к Аристотелю и Фоме Аквинскому, которые писали, что душа есть форма тела. Но отношение к этому очень различно в разных культурах, от полного отрицания такой самости, например, в Махаяне, до трактовки ее как результата личного опыта в понимании Лютера. Самость – это функция, и она не всегда включается. Говорят, что характеристикой развитого сознания является рефлексия, я бы сказала так. А с чего мы взяли, что все, принадлежащие к нашему биологическому виду этим обладают? Я постоянно вижу множество людей, которые к никакой рефлексии не способны. Этим, конечно, не обладают дети. Но и взрослые тоже. Так что рефлексия не всегда есть. Это значит, что есть некий разрыв между происходящим, нашим осознанием этого и оценкой.*

Рассуждая об определении сознания, Т.В.Черниговская очерчивает понятия «самость» и «рефлексия», предлагая слушателям и посетителям сайта самостоятельно обдумать сущность этих понятий. Обратим внимание: в отличие от педагогического дискурса в научном общении важно не дефинировать то или иное понятие, а дать импульс для движения идеи, показать разные направления этого движения и поставить вопросы. С автором можно вступить в полемику, это приветствуется в научном дискурсе. Я бы, например, не согласился с тем, что есть люди, которые не способны к рефлексии, к самоанализу, к тому, чтобы давать оценку своим действиям и состояниям. Вероятно, есть разные степени и виды рефлексии, от простейшего восклицания «*Зря я это сделал!*» до сложных

философских систем, в центре которых находится знание о знании.

В художественном тексте всегда есть некий зазор для свободной мысли читателя, в этом плане художественный текст диалогичен не только потому, что направлен на потенциального адресата, но и потому, что предполагает сотворчество читателя. Такая взаимная направленность креативных смыслов автора и адресата дает полное основание говорить о художественном дискурсе.

Приведу стихотворение Арсения Александровича Тарковского:

Когда вступают в спор природа и словарь
И слово силится отвлечься от явлений,
Как слепок от лица, как цвет от светотени, -
Я нищий или царь? Коса или косарь?
Но миру своему я не дарил имён:
Адам косил камыш, а я плету корзину.
Коса, косарь и царь, я нищ наполовину,
От самого себя ещё не отделён.

О чём это стихотворение? На мой взгляд, о поэтическом творчестве. В приведённой лирической миниатюре фигурируют сложные, многоплановые образы-диады: слепок и лицо, цвет и светотень, нищий и царь, коса и косарь, камыш и корзина, Адам и Поэт. Эти ряды образов параллельны. Поэт осмысливает себя как звено между миром и словом, говорит о своем праве на отрыв от копирования мира, сравнивает себя с библейским Адамом, которому было поручено дать имена природным существам, признает, что он получил слова по наследству, и его задача – сплести из этих слов нечто новое. Право на творение мира словом – божественное право, здесь А.А. Тарковский ведет диалог с Г.Р. Державиным, который сказал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Что значит быть нищим в этом контексте? По-видимому, это значит быть частью природы, частью земного праха. Слово поднимает поэта над прахом. Осознавая свою человеческую ипостась, свою промежуточность, поэт

заявляет, что он лишь наполовину принадлежит миру явлений, и что его удел – стать частью мира слов. Значимым в этом контексте является указатель – «*ещё* не отделён». Я привожу одну из возможных интерпретаций. Другие интерпретации стихотворений А.А. Тарковского можно посмотреть в работах Е.Н. Верещагиной (2007), И.Г. Павловской (2007), Т.Л. Чаплыгиной (2007).

Игровой дискурс включает различного рода загадки, опыты со словами, смысловые ловушки.

Приведу пример загадки, построенной на каламбуре:

What month do soldiers hate? – March. Какой месяц ненавидят солдаты? – Март (в английском название этого месяца совпадает со словом «марш»).

Весьма часто в общении используются ловушки:

Отец поучает сына: «Запомни, сынок, умный человек всегда во всём сомневается. Только дурак быть полностью уверенным в чём-либо». – «Ты уверен в этом, папа?» – «Абсолютно».

Формально-логическое следствие нарушено, и это вызывает улыбку.

Представляют интерес звукосимволические опыты с несуществующими словами. Читатель должен вывести ассоциативный смысл, опираясь на свое чувство языка. Например, звукопись Алексея Кручёных («Весна с угощением»):

«Губайте вин сочливое соченье;
Вот крепкий шишидрон и сладкий наслаждец!»

Авторский глагол «губать» понятен по контексту, а названия «шишидрон» и «наслаждец» у каждого могут вызвать свои ассоциации, например, с шипучим или прохладным напитками.

Игровой дискурс проявляется в различных аллюзиях. Следующие шутливые строки А.Левина перекликаются со стихотворением А.С.Пушкина «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы пробирается луна»):

Сквозь лунастые берлины продвигается туман
монотонные светланы тянут млечный сок полян
на пригорках и в низинах где столбом зелёный дым
бьются гейнцы и алины с румпельштицхеном худым.

В этом стихотворении обыгрывается традиционный образ сказочной туманной Германии в русском сознании:

светловолосые, немного скучные дамы, густой лес, рыцарские поединки героев и волшебников. Упоминается (в искаженной форме) карлик Румпельштильцхен из сказки братьев Гримм (этот карлик помог дочке мельника выйти замуж за короля, превратив солому в золотую пряжу, но взяв обещание с девушки, что она отдаст ему за это своего первенца). Приводятся типичные немецкие имена Гейнц и Алина, но странно, что в битве участвует женщина.

Разумеется, приведенные примеры не исчерпывают разнообразия видов креативного дискурса. Дальнейшее изучение этого дискурса представляется перспективной задачей в развитии антропологической лингвистики.

Подведем основные итоги.

Язык как вторая сигнальная система представляет собой неоднородное образование в плане семиотического усложнения интерпретируемого мира. Можно выделить две базовые разновидности дискурса, функционально сориентированных на обиходное, упрощенное, предметное, устное либо на необиходное, усложненное, отвлечённое, письменное общение – рутинный и креативный дискурс. Выделяются семиотически релевантные признаки креативного дискурса: в плане семантики – акцентированные личностные смыслы, выходящие за рамки ближайших значений слов, в плане прагматики – необиходный стилевой регистр, коммуникативные каноны красноречия, необиходные речевые жанры, в плане синтактики – усложненная ассоциативная динамика смыслов, в плане сигматики – метафоризация и ремотивация языковых знаков и вытекающая отсюда необходимость интеллектуальных усилий для поддержания такого общения. Развитие языка в направлении креативного дискурса представляет собой постепенный переход к третьей сигнальной системе.

1.3. Интерпретативные модусы

1.3.1. Эмблематический модус общения

Дискурс, понимаемый в широком смысле как общение посредством текста, может рассматриваться с разных

позиций. Разные комуникативные ситуации и разные предметы речи требуют различных типов понимания и интерпретации.

В семиотическом плане можно противопоставить разновидности вербального общения на основании того, какого типа образность используется в этом общении.

В семиотике, как известно, противопоставляются знаки иконические, индексальные и символические (Пирс, 2000, с.185). В первом случае форма знака имеет определенные черты сходства с обозначаемым объектом, и можно догадаться о содержании этого знака. Во втором случае форма знака связана с его содержанием условно, нужно знать, что определенный объект является знаком чего-либо. В третьем случае форма знака порождает ассоциации, заставляющие нас интерпретировать символ как отсылающий к определенному объекту. Э. Лич (2001, с.19) противопоставляет сигналы и индексы: сигнал – это автоматическая естественная связь между знаком и объектом, индекс – указательная произвольная связь, сигналы метонимичны, индексы метафоричны.

Литература, посвященная символу, безбрежна. Это объясняется особой ролью символа в освоении мира. С.С. Аверинцев определяет символ как знак, «наделенный всей органичностью и неисчерпаемостью образа» (Аверинцев, 1983, с.607). Важнейшими характеристиками символа являются многозначность, неисчерпаемая диалогичность, притягательная загадочность. С.А. Радионова подчеркивает, что «символ создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня» (Радионова, 2002, с.674). Для понимания сути символа важна идея Ю.М. Лотмана о том, что содержание символа служит планом выражения для другого, более ценного содержания. Многозначность символа, таким образом, имеет горизонтальное и вертикальное прочтение: символ может вызывать разные ассоциации у интерпретаторов, с одной стороны, и последовательно разворачиваться в систему образов и ценностей, с другой стороны.

Символ как знак противопоставляется аллегории и эмблеме. Аллегория представляет собой иносказательное обозначение определенной идеи, однако в отличие от символа аллегория допускает одно прочтение, один вариант интерпретации. А.Ф. Лосев определяет суть аллегории так: образ как иллюстрация идеи, как пояснение к идее. Наиболее типичный пример аллегории – басня (Лосев, 1990, с.425). А.Ф. Лосев высказывает очень глубокую мысль о том, что «одна и та же выразительная форма, смотря по способу соотношения с другими смысловыми выразительными или вещественными формами, может быть и символом, и схемой, и аллегорией одновременно» (там же, с.430).

Эмблема представляет собой изображение, у которого есть точное однозначное объяснение. Е.Г. Григорьева (1997, с.425) трактует эмблему (эмблематичность) как принцип семиотического дублирования мира в различных кодах – в образной и понятийно-аналитической формах. Соотношение символа и эмблемы объясняется Ю.М. Лотманом следующим образом: «эмблема подразумевает перевод с одного языка (например, словесного) на другой (например, графический). … Когда, например, создается эмблематический знак, имеющий некий утвержденный за ним смысл, а сам этот эмблематический знак включает в себя словесную надпись – текст какого-нибудь лозунга, то вся эта триада означает одно и то же и взаимопереводима. Необходимость нескольких выражений одного и того же содержания диктуется педагогическими или агитационными соображениями, но неизменно подразумевает однозначность смысла. … Отношение символа к его значению всегда имеет не полностью предсказуемый, лишь частично конвенциональный художественный или мистический характер. … Символ со своим значением находится в отношениях принципиальной неоднозначности и неполной предсказуемости» (Лотман, 1997, с.417).

Эмблема, аллегория и символ могут рассматриваться как специфические модусы общения. Так, обиходный и рекламный дискурс тяготеют к эмблематичности,

педагогический и религиозный дискурс – к аллегоричности, художественный дискурс – к символичности.

Обиходное общение насыщено эмблемами. Можно выделить следующие функции эмблемы: идентификация, информационное дублирование, упрощение содержания.

Идентифицирующая функция эмблемы состоит в том, что соответствующий образ является знаком принадлежности того или иного индивидуума к определенной группе. Такая идентификация проявляется в предметах, которыми пользуется индивидуум, в способах его самопрезентации и стиле жизни.

Несмотря на широкое использование в общении эмблема еще не получила должного освещения в лингвосемиотике. Эмблематика общения – это система однозначно опознаваемых коммуникантами сигналов. Общение представляет собой многомерный феномен, модель которого может быть представлена как партитурное образование. В общении можно выделить максимально однозначные и максимально неоднозначные сигналы, а также явления промежуточного порядка. Соотношение между однозначно и неоднозначно воспринимаемой информацией дает возможность выделить особый план анализа дискурса – герменевтику дискурса. В каждой конкретной ситуации общения это соотношение бывает специфичным в зависимости от обстоятельств, участников, тематики и общих культурных прескрипций, определяющих поведение коммуникантов.

Эмблема узнается, а символ требует разгадки. В этом плане отсутствие необходимых знаний превращает эмблемы в символы для неподготовленного коммуниканта. Например, те, кому неизвестна семиотика воинских различий в российской армии, будут воспринимать широкие красные лампасы на брюках как украшение либо принадлежность к какому-то роду войск, в то время как другие сразу же поймут, что перед ними генерал. Возможно и обратное интерпретативное движение, когда сложный символ воспринимается в качестве простой эмблемы, например, крест или полумесяц воспринимаются как

опознавательные знаки христианства или мусульманства, а не как символы соответствующих вероучений.

Определяя конститутивные признаки имиджа, Г.Г. Почепцов (2000, с.12) говорит, о том, что это – знаковый заменитель, отражающий основные черты объекта. Собственно говоря, знак есть заменитель, содержанием которого является указание на некий референт, а способ указания так или иначе отражает одно из качеств объекта. Например, по-русски мы говорим об *истоке* и *устье* реки, т.е. называем то место, откуда река берет начало, точкой истечения, а то место, где она соединяется с морем, сравниваем с устами (ртом). В английском языке для соответствующих обозначений используются сравнения с головой и ртом (*river head – river mouth*), в кабардинском – с носом и хвостом (*псыпэ*, букв. «вода + нос», *псыкIэ*, букв. «вода + хвост»). В цитируемом определении понятия «имидж» для нас важно то, что имидж обозначает именно основные черты объекта, а не случайные. Я бы сформулировал этот тезис более резко: имидж есть образ, сведенный к одной значимой характеристике. Интересно отметить то, что в английском языке такая смысловая дистинкция не может быть установлена однословно, поскольку *image* – это образ, и для передачи этого смыслового различия следует говорить о полном и редуцированном образах. При построении имиджа мы неизбежно упрощаем воспринимаемую информацию, стилизуя, упрощая или преувеличивая ее (Карасик, 2007). Иначе говоря, построение имиджа реализуется как стилизация (подведение образа под некий канон, встраивание в некую систему), упрощение (выделение единственного признака) и преувеличение (установление иерархии, эмфаза соответствующего признака для адресата).

Имидж соотносится со стереотипом, но функции этих феноменов, как отмечает Г.П. Мельник (2001, с.34), различны: имидж создается и строится специально, «наделяет объект дополнительными характеристиками с целью выделения его из ряда других, похожих», в то время как «стереотип обозначает образ, хотя и упрощенный, но

все же отражающий свойства и характеристики, хотя бы отчасти присущие явлению, хотя бы изображенные с искажением». В этой смысловой оппозиции прослеживаются важные признаки имиджа – его искусственность, придуманность, с одной стороны, и отличительность, четкая опознаваемость, с другой стороны. Имидж эмблематичен по своей природе.

Предметная эмблематичность находит выражение в товарных знаках, брендах, логотипах. Товарный знак представляет собой словесное, изобразительное или комбинированное обозначение товара – продукта труда, имеющего стоимость и предназначенного для потребления, обмена или продажи. Применительно к товарному знаку эмблема – это его изобразительный компонент, а логотип – его словесное графическое обозначение. Бренд (или брэнд, англ. brand) – это торговая марка в комбинации с эмоционально-оценочными стереотипами в отношении того или иного товара. В лингвокультурном отношении, когда мы отвлекаемся от юридических и экономических характеристик эмблемы, на первый план выступает ее указательная сущность. Эмблема является индексом социального статуса человека. Например, марка автомобиля свидетельствует о том, к какой социальной группе относит себя ее владелец: человек, претендующий на принадлежность к социальной элите в обществе потребления должен иметь дорогой престижный автомобиль. Это относится к любым предметам, выполняющим знаковую функцию – одежде, продуктам питания, предметам обихода, различным техническим устройствам и т.д. Соответствующая эмблематичность характеризует не только уровень благосостояния человека (реальный и конструируемый), но и принадлежность этого человека к любой группе (возрастной, профессиональной, конфессиональной и др.). Например, в Турции окладистая борода ассоциируется с религиозным фундаментализмом, коротенькая бородка с усами сигнализирует о том, что человек позиционирует себя как сторонник либеральных взглядов, а если мужчина носит усы и бреет бороду, то тем самым он показывает, что является националистом. В

России аналогичным образом маркируются представители молодежных субкультур: длинноволосые неопрятно одетые «неформалы», бритоголовые «гопники» с татуировками и цепочками на шее, одетые в розово-черное подростки, относящие себя к «эмо», облаченные в дорогие костюмы мальчики «мажоры» и т.д. Подобная индикация прослеживается в речи представителей тех или иных социальных групп, например, форсируемая вульгарность в общении гопников. Эмблематика социального статуса обнаруживает важнейшую знаковую характеристику – знаки должны привлекать внимание, быть достаточными и минимальными: требуется лишь один признак для подчеркивания идентичности его носителя (знаки отличия на униформе, единый галстук для выпускников определенной элитной школы, особое произношение одного или нескольких звуков, вплоть до специфической назализации) (Карасик, 2002).

Эмблематичность может быть явной и скрытой, одни изобразительные знаки сориентированы на открытое сообщество адресатов (стилизованное изображение градусника над аптекой), другие эмблемы понятны только представителям определенного замкнутого социума (татуировки у заключенных, обозначающие тип преступления, срок пребывания в местах заключения и др.). Эмблематичны жесты: помахивание поднятой ладонью, обращенной к партнеру, есть знак узнавания и приветствия, рукопожатие – знак демонстрации уважения. При этом любое изменение формы знака ведет к его переосмыслению, например, затянувшееся рукопожатие означает выражение сердечной привязанности (англ. hold-ing hands).

Изобразительный знак должен быть известен адресату. Именно поэтому, например, некоторые жесты допускают неоднозначную трактовку: русский жест, обозначающий сытость (горизонтальное проведение ладонью вдоль горла), в некоторых восточных культурах воспринимается как отсечение головы.

Особенно значимой является эмблематичность власти – абсолютной, институциональной и сакральной

(Астафурова, Олянич, 2008). Знаковые характеристики власти проявляются в статусных признаках поведения участников общения, например, в европейских государствах король имел право сидеть или носить шляпу, а все другие мужчины в его присутствии должны были стоять и снимать головные уборы.

Эмблематичность как способ самопрезентации представляет собой построение имиджа. Широкая искренняя улыбка – непременный атрибут американского политика или кинозвезды, демонстративное отсутствие галстука в официальной ситуации – знак принадлежности к родной индейской культуре у некоторых президентов латиноамериканских государств, нечеткое проговаривание фраз, обилие жаргонных выражений и активная мимика – индексы подросткового коммуникативного поведения.

Когда мы говорим об эмблематичности как стиле жизни, то здесь имеется в виду демонстративное сведение многообразия ситуаций и отношений к ограниченному набору эмблем. Показательны получившие широкое распространение в современной культуре смайлики – эмблемы эмоций. Эти знаки возникли в компьютерной переписке как дополнительные маркеры графемики: участники такого общения нуждались в знаках-интенсификаторах эмоций. Несмотря на то, что эмотикон смайликов включает множество знаков, в обиходе фигурируют два базовых смайлика – для обозначения радости и огорчения: ☺ и ☹. Кстати, обратим внимание на то, что в современных неофициальных объявлениях часто встречаются форсированные восклицания: *После звонка в аудиторию не входить!!!*

Эмблематичность – использование упрощенных образов для дублирования или замены словесно выраженной информации – сочетается, как можно видеть, с интенсивным проявлением эмоций. И напротив, усложнение информации, ее тонкая дифференциация сопряжены с качественным изменением эмоций, снижением их интенсивности и увеличением их вариативности. Возрастание роли эмблем в современной культуре объясняется разными причинами, среди которых можно

выделить следующие: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных масс-медиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры. Эмблема не требует обдумывания, она должна быть легко узнаваема. Массовая культура стремится к понижению рациональности, критичности, индивидуальности во всех человеческих проявлениях. Информационный взрыв неизбежно приводит к противопоставлению двух типов знания – ориентационного и фундаментального. Специфика ориентационного знания состоит в том, что оно по своей природе является отсылочным, нужно знать, к какой сфере относится то или иное явление, в то время как фундаментальное знание, независимо от степени его глубины, предполагает системное освоение объекта, понимание его природы и построение его модели. Ориентационное знание по своей сути является этикеточным, а эмблема оптимально соответствует этикетке. Закономерно возрастает значимость гипертекстуальных ссылок, которые являются примером операционального знания (практического, процедурного знания того, как следует осваивать мир), противопоставляемому концептуальному знанию (теоретическому знанию о том, как устроен мир).

Эмблема – это редуцированный образ, за которым стоит не идея, а указание на ситуацию, в которой может актуализироваться идея. Это качество эмблемы делает ее оптимальным средством для воздействия на сознание адресата. Герой повести Фазиля Искандера «Созвездие козлотура», начинающий журналист, получает задание написать очерк о работе сельских тружеников по выведению якобы перспективных животных – козлотуров, и председатель колхоза, опасаясь, что в газете появится неприятная для него информация, прибегает к испытанному способу сделать гостя безвредным – напоить его. Молодой человек приглашает журналиста пообедать в

местной столовой и предлагает ему выпить в следующей форме:

- Чтоб я выкопал старые кости отца и бросил грязным, зловонным собакам, если не подымешь! – воскликнул он неожиданно и замолк. В его огромных голубых глазах застыл ужас неслыханного святотатства. Я слегка обалдел от этого внезапного взрыва родовой клятвы.

- Старые кости отца – грязным собакам! – конспективно напомнил он и безропотно склонился над столом. Мне стало страшно (Ф.Искандер).

Образ превращается в эмблему, и контрастивное сопоставление высокого и низкого, святого и вульгарного становится действенным способом убеждения в речи молодого человека.

Это качество эмблемы – быть ярким образом, непосредственно апеллирующим к сознанию адресата, – активно используется в публицистике.

В газете «Комсомольская правда» от 01.04.2009 сообщается о том, что одна учительница из Екатеринбурга решила необычным способом провести воспитательную работу с первоклассником:

В тот день, 16 марта, в портфеле Саши дневника не оказалось. Четверку за хороший ответ по математике ставить было некуда. Вот Светлана Владимировна и нашла выход – размашистым почерком вывела ее… на лбу ребенка! Вместе со своей росписью – чтобы дневник дома больше не оставлял.

Оценка с подписью учителя обычно ставится в дневник. В этой заметке допущена фактуальная ошибка: в первом классе дневников нет, оценки не ставятся, но суть дела от этого не меняется. Школьник, как это часто случается, забыл дневник дома. Учительница расписалась у ребенка на лбу. Дело получило огласку, дирекция школы объявила педагогу выговор. Подпись на лбу сопоставима с клеймом. Подобным образом клеймят скот. Этот пример допускает не только эмблематическое, но и символическое прочтение, свидетельствуя о падении нравов в обществе, об отсутствии уважения к личности ребенка, об извращенном чувстве юмора у педагога. В этой корреспонденции говорится, что учительница так хотела пошутить. Надпись

на теле – особая тема для лингвокультурного анализа. В современном обществе наблюдается новый расцвет культуры татуировки, свойственной примитивным сообществам. То, что раньше было магическим знаком, приобретает сегодня эстетическое прочтение. Прослеживается интересное развитие татуировки: от магического орнамента на теле дикаря – к клеймению преступника (вспомним лилию на плече миледи в «Трех мушкетерах» А.Дюма), далее – к татуировке в среде уголовников либо представителей замкнутых сообществ, например моряков, далее – к номеру на руке заключенного в концлагере, далее – к штампику на руке – заменителю входного билета на современную дискотеку, просвечивающему в ультрафиолетовых лучах. Магическая эмблема становится стигмой, знаком позора, а затем осмысливается как украшение. Коммуникативный конфликт возникает при несопряжении интерпретаций.

В политическом дискурсе эмблематичны простые образы. Например, обсуждая трагическую ситуацию в бывшей Югославии, С.Черняховский настойчиво проводит в жизнь тезис о том, что принципы международной политики производны от силы, а не наоборот:

«Не в силе бог, а в правде» – хорошо, когда это говорит военный вождь, за плечами которого стоит закованная в железо испытанная дружина и тысячи готовых зубами рвать врага ополченцев. И поэтому, если хочешь отстоять Правду – имей за плечами Дружину. Силу (С. Черняховский, www.apn.ru).

Закованный в железо воин – эмблема вооруженных сил. Автор ведет полемику с теми политологами, которые настаивают на соблюдении принципов международного права в ущерб собственным интересам.

Эмблематичные образы активно используются в рекламном дискурсе. Например, электронная версия газеты The New York Times / International Herald Tribune содержит следующий рекламный ролик: фотография сложенной свежей газеты, перед которой стоит белая чашечка кофе на блюдце. Над изображением появляются три сменяющих друг друга рекламных текста: *Subscribe today. Get the world delivered to your door… And save up to 65% off the cover price. – Подпишитесь сегодня. Получите весь мир, доставленный к*

Вашей двери. И сэкономьте до 65% цены, в которую включены все услуги. Желтым маркером выделены слова today и world – «сегодня» и «мир». В сознании адресата возникает эмблематическая связь: данная газета – чашечка утреннего кофе – весь мир в руках. Образы комфорта и статусной идентичности (эта газета сориентирована на тех, кто желает контролировать мир) поддержаны идеей выгодной экономии средств. Обратим внимание на сознательную апелляцию к нескольким сенсорным модальностям – изображение, воспоминание о запахе и тактильном ощущении.

Современные средства массовой информации активно прибегают к визуальной составляющей в новостях. Например, в английском таблоиде The Sun от 07.04.2009, сориентированном на массовую публику, сообщается о пожаре в Виндзорском замке, принадлежащем королевской семье, следующим образом: под рубрикой Royals (новости королевской семьи) приводится яркий заголовок Duke of Edin-burn (игра слов: официальный титул Филиппа, супруга царствующий королевы Елизаветы II, – герцог Эдинбургский; журналисты произвели шутливую замену в слове Edinburgh – Edin-burn, фонетически сблизив окончание в слове Эдинбург со словом burn – «ожог»). Здесь же приводится крупным планом фотография престарелого герцога с подписью *Furious… Prince Philipp – В ярости… герцог Филипп.* Далее сообщается о том, что герцог приказал служащим убрать распиленные стволы упавших деревьев в парке на территории замка, те решили сжечь эти дрова, в результате разгорелся большой огонь, от которого могли пострадать знаменитые английские дубы, и пришлось вызывать пожарных. Здесь же приводится фотография этого пожара и сообщается о том, что подобное происшествие является не первым в замке. Акцентируется эмоциональная фраза герцога, увидевшего разбросанные куски распиленных стволов: *A source said: “It was a silly thing to do to set fire to a huge pile of logs like this so close to the woods. But Prince Philip was not happy with the mess and called it a ‘bloody eyesore’. – Источник сообщил: «Было глупо поджигать эту огромную кучу дров поблизости от леса. Но*

герцога Филиппа раздражал этот беспорядок, по его словам, это ему «чертовски резало глаза».

В чем состоит эмблематичность подобных сообщений? Во-первых, члены королевской семьи, как и другие знаменитые люди, узнаваемы всеми и в известной мере являются знаковыми персонажами большого социального спектакля. Лицо королевы, изображение короны, герб или флаг страны выступают в качестве опознавательных знаков, эмблем государства. Аналогичным образом популярный певец является знаком массовой культуры. Во-вторых, сообщения подобного типа относятся к разряду информации о происшествиях. Такая информация по своей природе сенсационна, ее назначение – привлечь внимание публики на одно мгновенье. Фотографии пожара на газетной полосе соседствуют с изображениями фотомоделей, рекламируемых автомобилей, недвижимости на продажу и в калейдоскопическом формате создают эмблему сиюминутной реальности. От адресата требуется только ориентационное определение информации, не случайно современные читатели газет в основном читают только заголовки. В-третьих, новости такого типа являются эмблемой повседневности. Неприятности разного рода происходят почти со всеми каждый день, обычно вследствие неумения или нежелания учитывать последствия своего поведения, и столь же естественной является негативная эмоциональная реакция на подобное развитие событий. Коллективный читатель видит в газете свое отражение и получает подтверждение того, что спонтанная реакция на хаотическую реальность является нормой поведения.

Представляют интерес эмблематические способы самопрезентации в рекламном дискурсе. Под самопрезентацией понимается намеренное конструирование собственного имиджа в сознании адресата, т.е. акцентирование говорящим нескольких значимых для него оценочно-маркированных образных признаков, которые должны создавать у аудитории положительное отношение к нему. Эмблема представляет

собой изображение с однозначным объяснением и этим принципиально отличается от символа, допускающего множественную интерпретацию. Эмблемы нужны в тех коммуникативных ситуациях, где требуется моментальное узнавание, и поэтому они превалируют в обиходном и рекламном дискурсах.

Назначение рекламного дискурса состоит в продвижении того или иного товара, т.е. в воздействии на адресата с целью убедить его приобрести соответствующий товар в буквальном или переносном смысле. В буквальном смысле мы приобретаем товар, покупая определенные предметы или оплачивая определенные услуги, в переносном смысле товар воспринимается как некое мнение, которое нам предлагают разделить (в этом плане мы говорим о политической рекламе).

Все виды коммуникации можно противопоставить по признаку симметричности вербальной активности отправителя и получателя речи. В этом отношении обиходный дискурс является примером симметричного общения. Симметричными являются научный, деловой, дипломатический типы дискурса. В педагогическом дискурсе вербальную активность проявляют как учителя, так и ученики, хотя модели их участия в общении различны. Вместе с тем существуют типы дискурса с выраженным дисбалансом участия коммуникантов в диалоге: политик обращается к электорату, публицист привлекает внимание широкой аудитории читателей или телезрителей к актуальным проблемам современности, священнослужитель читает проповедь прихожанам, которые молча участвуют в диалоге. Следует отметить, что в определенных жанрах асимметричного дискурса происходит реверсия активности его участников: например, исповедь в религиозном, письмо в газету в массово-информационном, скандирование лозунгов в политическом дискурсе. К асимметричному типу общения относится и рекламный дискурс, однако в этом дискурсе адресат не вступает в реальный или виртуальный диалог с отправителем речи, реагируя на воздействие прагматически – поступая определенным образом.

Рекламный дискурс специфичен в отношении своих жанров. Жанром дискурса является исторически сложившийся текстотип, которому присущи определенные установки его участников, культурно-ситуативные обстоятельства и алгоритмы реализации. Существуют типы дискурса с весьма разветвленной системой жанров (показательны в этом отношении художественный и массово-информационный типы дискурса) и менее дифференцированной жанровой системой (например, спортивный дискурс). Можно выделить следующие жанры рекламного дискурса: 1) рекламное объявление, 2) рекламный ролик, 3) рекламные слухи, 4) рекламное письмо, 5) рекламный плакат, 6) рекламный щит или стенд. Список не претендует на полноту. Различие между этими жанрами носит нечеткий характер и в значительной мере определяется каналом коммуникации. Генетически исходным является рекламное объявление в его устной форме: например, «*Покупайте бублики!*». Но уже в устном виде в таких объявлениях прослеживается квалификация товара: «*Арбузы! Вкусные арбузы! Половина – сахар, половина – мёд!*». В письменном виде рекламное объявление широко варьируется – от информации о продаже и покупке определенных предметов до брачных объявлений. В исследованиях рекламного дискурса и практических пособиях говорится о разных видах рекламных объявлений, например, «объявления в рамках», «мелкие объявления», «рекламные вкладыши». Радио- и телевизионные рекламные ролики пронизывают ткань информационных и развлекательных передач. С возникновением сети Интернет рекламные объявления стали проникать в новостные программы, появились разновидности рекламы, которых раньше не было, например, спам – массовая рассылка рекламных писем без согласия на это получателей.

Отметим, что не все объявления носят рекламный характер. Существуют объявления информирующего, призывающего, запрещающего и рекламного характера: *«15 октября с 8.00 до 20.00 будет отключена вода в связи с ведением профилактических работ», «Сделаем любимый город*

чище!», «Руками не трогать», «Сниму квартиру на длительный срок». Рекламная интенция прослеживается в различных типах дискурса, в этом смысле сам феномен рекламного общения ставит под вопрос разработанные в лингвистике критерии выделения типов дискурса. Продвижение того или иного товара можно увидеть в критической рецензии, в научно-аналитическом обзоре, в юмористической телепередаче, в спортивном репортаже, в блогах и т.д. В этом смысле правомерно противопоставлять прямой и косвенный рекламный дискурс. Кроме того, рекламная интенция может не привести к продвижению объекта, и напротив, адресат может усмотреть рекламный смысл в высказывании, которое такого смысла не содержит. Например, во время одной из выборных кампаний имиджмейкеры кандидата NN выбрали в качестве основных адресатов людей, которым дорога справедливость. В свое время NN был снят с ответственной должности в городской администрации. Появились большие плакаты с портретом этого кандидата, содержащие тексты такого рода: «*Кому помешал NN, когда отремонтировал дороги в Центральном районе?*». На выборах этот политик набрал малое количество голосов, и не в последнюю очередь потому, что подобные фразы звучали как жалобы, а жалоба – показатель слабости. Рекламная интенция не привела к желаемому результату.

В основе прототипного рекламного высказывания лежит следующая логическая схема: 1) существует X, 2) этот X нужен и полезен Вам, 3) у меня есть X, 4) Вам следует приобрести X у меня, 5) потому что этот X лучше, чем у других, 6) потому что у меня Вы его получите на более выгодных условиях, чем у других. В этой логической схеме можно выделить агента, адресата и объект. Агент является обладателем рекламируемого продукта и готов предоставить этот продукт адресату. Соответственно, самопрезентация агента выступает в качестве важнейшего выраженного или подразумеваемого элемента рекламного высказывания. Например:

ООО «СВ Строй-сервис» работает на рынке ремонтно-строительных услуг в течение 7 лет. Бороться с конкуренцией нам удаётся благодаря безупречному качеству и умеренным,

доступным ценам. Мы выполняем дизайн квартир, отделку, ремонт квартир, офисов и других помещений любой степени сложности в Омске: от простого евроремонта квартир до суперсложных реконструктивных работ и VIP отделок помещений. Если Вы планируете получить качественные услуги в области ремонта в квартире или офисном помещении и при этом сэкономить свое время, деньги и силы, то обращайтесь несомненно к нам! Отделка квартиры нами не займет много времени, а полученный результат порадует Вас оригинальностью и качеством.

Наш телефон: +7 (3812) 491-444

Электронный адрес: sv-omsk@yandex.ru

Выезд специалиста-оценщика БЕСПЛАТНЫЙ!

Всегда трезвые работники :)

Обратим внимание на знаки самопрезентации агента в данном объявлении: 1) название фирмы «СВ Строй-сервис» выглядит традиционно, так называются многие строительно-ремонтные организации, аббревиатура СВ, возможно, указывает на инициалы учредителя; сложное слово «Строй-сервис» построено по модели названий западных фирм, включает компонент «сервис», обозначающий обслуживание населения; 2) агент дискурса сразу же говорит о стаже работы – 7 лет, это достаточный срок для становления компании; 3) концентрированная оценочная самопрезентация выражена во второй фразе: организация успешно ведет конкурентную борьбу на рынке аналогичных услуг, эти успехи объясняются высоким качеством работы (агент квалифицирует свою работу словами «безупречное качество») и умеренными ценами (в объявлении далее приводятся конкретные расценки на разные виды работ, и адресат может сравнить их с расценками других фирм); 4) уточняются виды работ и на первый план выдвигается высокая квалификация мастеров («любая степень сложности»). Евроремонт квартир требует от строителей определенных умений и считается сравнительно дорогостоящим, в объявлении даны знаки, адресованные очень состоятельным заказчикам (суперсложные реконструктивные работы и VIP отделка помещений). Аббревиатура VIP (very important person – очень важный человек) активно внедряется в современный

лексикон наших соотечественников: в аэропортах существуют VIP залы (для высокопоставленных лиц), VIP сервис обозначает обслуживание класса люкс, по высшему разряду. В рекламном объявлении трижды характеризуется уровень услуг – качественные услуги – и акцентируется экономия времени, денег и сил заказчика. Обычно подчеркивание экономичности товара свидетельствует о том, что адресатом рекламного объявления является человек или организация со средним уровнем доходов. Финальная фраза, впрочем, резко меняет тональность рекламного текста: заказчики по опыту знают, что ремонтники не всегда бывают трезвыми и поэтому срывается график выполнения работ. Это указание завершается смайликом – специальным знаком, передающим доброе отношение отправителя текста адресату. Это объявление размещено на сайте «Российской газеты». С учетом того, что местом работы фирмы является Омск, можно утверждать, что такое объявление свидетельствует о попытке сконструировать имидж данной строительной фирмы как очень преуспевающей: подразумевается известность на всю страну. При этом получателю информации посылаются знаки доступности услуг – это упоминание об умеренности цен и о трезвости работников (для очень состоятельных заказчиков информация о ценах не релевантна, а шутка о трезвости мастеров неуместна, в случае срыва сроков контракт может быть расторгнут с выплатой компенсации).

Рекламное письмо представляет собой более развернутый текст по сравнению с рекламным объявлением. Приведу выдержки из одного такого письма, размещенного в сети Интернет, с комментариями по ходу изложения текста.

Начни зарабатывать прямо сейчас!

Если Вы Хотите Иметь Свой Бизнес В Сети Интернет, Быть Финансово Независимым И По Настоящему Свободным Человеком, Но Не Знаете Как, Тогда Вы Попали По Адресу...

Письмо начинается с базовой установки читателю и определению его характеристик (в рекламном бизнесе это – таргетизация товара, от англ. *target – мишень*). Обратим внимание на выделение каждого слова заглавной буквой (в

оригинальном тексте используется также цветовое выделение).

Здравствуйте! Меня зовут Татьяна Коваль.

Я хочу привести вам один исторический пример для размышления...

Времена правления умного князя Владимира Мономаха (внука Ярослава Мудрого и отца Юрия Долгорукого).

Половцы осадили небольшой городок. Жители вышли на крепостные стены с оружием в руках и храбро сражались. Помощь из Киева не подошла. Ночью жители через подземный ход ушли в леса. Половцы сожгли городок дотла. Князь приехал на пепелище, мудро оценил ситуацию и выдал всем жителям равные доли денег на восстановление хозяйства, освободив их на пять лет от налогов.

Через пять лет Мономах приехал в этот городок и удивился безмерно. Семьи, которые были богаты до нашествия, стали еще богаче, а бедные семьи – так и остались бедными, а деньги прогуляли.

И сказал тогда Владимир Мономах пророческие слова: «Нищета – это труд лености».

Этот исторический пример представляет собой притчу, иллюстрирующую известное речение «Каждый – кузнец своего счастья». Автор позиционирует себя как интеллектуала, способного изъясняться аллюзиями. Примеру предшествует прямое обращение к читателю. Далее автор излагает суть проблемы:

Я училась в школе на "отлично", закончила университет и стала экономистом, работала последние годы в банке... Для многих это формула успеха, но к чему она ведет, если проанализировать будущее?!

Я всегда буду много работать, и мои дети вырастут без моего участия.

Я никогда не смогу купить дом и жить в комфорте.

Мои доходы всегда будут ограничиваться рамками зарплаты.

Я всегда буду считать чужие деньги и тупо подчиняться своему руководству.

Потом меня выкинут на жалкую пенсию, и как я буду жить?

А если я заболею, то на что мы будем жить уже через пару месяцев?

И я стала искать выход...

Я поняла, что богатые люди становятся еще богаче, а бедные, даже получив в подарок от судьбы большой куш, все равно, возвращаются в свой круг нищеты! Значит, богатые люди знают что-то такое, чего не знают бедные. Я нашла ответ на этот вопрос и хочу поделиться им с вами...

Автор характеризует себя как успешного человека (отличница в школе, выпускница экономического факультета университета, сотрудница банка – известно, что банковские служащие сегодня зарабатывают больше, чем представители других профессий). Затем перечисляются минусы работы в учреждении: необходимость много работать (фольклорная мечта о скатерти-самобранке), отсутствие времени для контакта с детьми (это заведомо ложный тезис, нельзя согласиться с тем, что у работающих женщин нет времени для общения с семьей), невозможность покупки собственного дома (такую покупку в нашей стране могут позволить себе только очень состоятельные люди), ограниченность доходов зарплатой (этот минус предполагает получение прибыли на основе собственной предпринимательской деятельности), необходимость подчиняться руководству (еще один довод в пользу собственного бизнеса), скудная пенсия как неизбежная перспектива и возможность потери работы из-за болезни (упрек в адрес государства). Далее следует глобальный вывод о тщете усилий по достижению приличного уровня жизни и о секрете богатства. Этот вывод носит исторический характер: бессмысленность труда отражена во многих речениях, авторами которых были, по-видимому, крепостные, а для них, отметим, богатство всегда было связано с неправедной жизнью. Итак, существует простой путь к богатству (известный сюжет о поле чудес). Этот пассаж говорит нам о том, что данный персонаж не очень намерен трудиться, а хочет разбогатеть чудесным путем и полагает, что такие же установки разделяют его адресаты.

Сегодня в мире начинают процветать новые технологии, и умные люди чаще всего говорят о пассивном доходе. Но почему же они не имеют этого самого дохода? Почему большинство людей вообще не имеют своего бизнеса? Потому что у них нет стартовых денег! Нет идеи! Не хватает смелости и

решимости вести свой бизнес. Это ведь страшный груз. И люди понимают, что они не потянут этот груз. Люди соглашаются с этим в ущерб себе. А жаль...

Цель обозначена: это пассивный доход, деньги сами растут. Способом достижения цели являются новые технологии. Автор называет основные причины, которые препятствуют открытию собственного бизнеса: отсутствие стартового капитала, идей и смелости. Письмо адресовано тем, у кого такого капитала явно нет, идеи тоже в дефиците, а смелость может проявиться.

Но Как Создать Свой Бизнес...?

Вас это может удивить, но это просто. Наша команда и я лично можем Вам предложить то, от чего ни один человек на планете не сможет отказаться. Начать и развить свой бизнес в сети интернет. Понимаете, есть такой вид бизнеса, в котором уже есть готовая система и всё расписано по полочкам, только бери да пользуйся.

Как правило, готовые системы стоят сотни тысяч долларов. Это очень дорогой бизнес, очень надёжный и гарантированно приносящий прибыль. Многим, очень многим бизнес не по карману. Но с развитием новых технологий и Интернета использование таких систем становится очень доступным. И мне есть, что Вам предложить. Позднее вы прочитаете о том, как использовать секрет заработка в сети Интернет, а пока...

В рекламном письме названо решение: бизнес в сети Интернет. Обратим внимание на то, что в данном тексте акцентируется идея простоты такого решения. Автор честно предупреждает читателя, что надежная система получения больших доходов стоит очень дорого (и оставляет за скобками информацию о неизбежном риске, сопровождающем предпринимательскую деятельность). В письме настойчиво повторяется ключевое слово «секрет». С этого момента рекламное письмо рисует радужные перспективы для читателей:

Став членом нашей команды, Вы получаете чёткий план действий, готовую рабочую систему, которая позволяет Вам добиться следующего:

Выйти на доход в $100 в день уже через 2-3 месяца с начала Вашего Бизнеса;

Через 1 год купить собственное жильё на выгоднейших условиях, и расплатиться за него ещё через полгода полностью!!!

Стать долларовым миллионером с одних только инвестиций через 10 лет!

Заинтересованный читатель может самостоятельно проверить, какой процент наших соотечественников получает доход 3000 долларов в месяц, эти данные есть в Интернете (в 2005 году число таких людей составляло менее 5% населения России). Эмоциональный накал обращения к получателям данного послания достигает высокой точки, об этом свидетельствуют восклицательные знаки. Текст насыщен эмблемами:

Да-да-да, именно такие результаты. Вы можете этому конечно сильно удивляться и говорить, мол, как это так, но в настоящем бизнесе это более чем нормально. Это норма покупать себе недвижимость по всему миру, иметь несколько автомобилей, причём не Жигули, а Феррари, Роллс-Ройс, Астон Мартин, лимузины и т.д. ЭТО НОРМА!

В Интернет-общении текст в виде сплошных заглавных букв ассоциируется с повышением голоса. Автор, как мы видим, переходит на крик.

В данном письме не говорится о том, каков материальный статус его автора, но приводится видеоролик с выступлением успешного бизнесмена и указывается адрес для получения записанного на компьютерном диске курса по организации бизнеса. Последнее и составляет цель всего рекламного письма.

Заслуживает внимания заключительный пассаж письма:

По-моему, нужно быть слепым, чтобы не увидеть свой интерес в этом бизнесе, и надо быть глухим, чтобы не услышать «звон золотых монет», который безусловно сопровождает этот бизнес! Чтобы узнать подробнее об этом бизнесе, чтобы зарегистрировать бизнес-место и начать зарабатывать в сети Интернет, перейдите по стрелке!

Чувство меры подводит составителя данного письма, и автор балансирует на грани оскорбления в адрес читателя, который критически отнесется к посланию. Адресат, по мнению составителя письма, должен немедленно осознать необходимость получения рекламируемого товара и сделать соответствующую заявку. Императивность и

примитивность данного текста свидетельствуют о том, что перед нами демонстрация неуважения к читателю, от которого ожидается только слепое следование командам. Можно констатировать, что такая самопрезентация предпринимателя в полной мере соответствует нормам отношений между людьми в период первоначального накопления капитала.

В приведенных фрагментах рекламного текста использовались следующие образы в качестве эмблем процветания: собственный дом, престижный автомобиль, золотые монеты.

Резюмируем. Эмблема представляет собой указание посредством образа на ту или иную референтную группу либо ситуацию, не требует развернутой интерпретации, направлена на выработку немедленной реакции на определенный стимул, в максимальной мере соответствует канонам массового сознания и массовой культуры. Рекламный дискурс содержит множество эмблематических знаков, назначение которых – способствовать продвижению рекламируемого товара. В самопрезентации отправителя рекламного текста содержится два типа информации – создание позитивного имиджа агента дискурса (акцентирование собственного престижа и высокого качества рекламируемого товара) и конструирование базовых ценностей в обществе потребления (наличие богатства и его важнейших знаков, выступающих в функции эмблем).

1.3.2. Аллегорический модус общения

Аллегория, или иносказание, представляет собой обозначение некоторой абстрактной идеи с помощью чувственно воспринимаемого образа. К аллегории обращаются для того, чтобы объяснение было наглядным и эмоционально насыщенным. В философской литературе высказаны обоснованные суждения о том, что аллегория сопоставима с эмблемой и символом: эмблема непосредственно связывает некоторый смысл с его иконическим воплощением, аллегория представляет собой

выраженную с помощью образа загадку, имеющую единственное решение и требующую от интерпретатора некоторых усилий для ее расшифровки, символ же представляет собой образ, имеющий принципиально множественное толкование и выводящий на систему высших ценностей (Аверинцев, 1983; Лосев, 1990). В этой связи представляет интерес осмысление аллегории как особого модуса общения, обусловленного специфическими целями коммуникации.

Когнитивно-дискурсивная модель описания языка предполагает, что в структуре концепта выделяются его три базовых компонента – образ, информационное содержание и интерпретативное поле (Попова, Стернин, 2006, с.75). В другой исследовательской модели концепты – кванты переживаемого знания – представляют собой многомерные ментальные образования, в составе которых можно выделить понятийную, образную и ценностную стороны (Карасик, 2002, с.129). Развертывание образной (точнее – образно-перцептивной) стороны концепта допускает интерпретацию концепта, как справедливо отмечает А.Ф.Лосев (1990, с.430), в виде эмблематического, либо аллегорического, либо символического образа в зависимости от коммуникативных целей. Концепты проявляются в дискурсе и организуют дискурс. Соответственно, аллегорический модус общения требует определенных концептов и определенных коммуникативных стратегий.

Иносказание проявляется в разных типах дискурса – обиходном, философском, художественном, религиозном, педагогическом и других. Детальный обзор аллегорического метода толкования применительно к философской поэзии приводится в исследовании А.Л. Вольского (2008), противопоставляющего общеязыковые (обиходные), логические (научные) и металогические (поэтические) концепты на основании их интерпретативного потенциала. В богословской традиции противопоставляются буквальный, аллегорический, тропологический и анагогический смыслы: в первом случае священный текст толкуется исторически, во втором – метафорически, в

третьем – этически, в четвертом – мистически (Кассиан www). Аллегория в таком понимании трактуется как переносный смысл. Можно противопоставить две разновидности аллегории – бытовое иносказание, целью которого является передача некоторого назидания, и бытийное иносказание, направленное на выход к особому типу знания, такое противопоставление соответствует антитезе бытового и бытийного дискурса (Карасик, 2002). Бытийная аллегория граничит с символом.

Типичными жанрами, в которых проявляются обиходные аллегории, выступают пословицы. В художественном и религиозном дискурсе аллегория выражается в виде басни и притчи.

Важной характеристикой пословицы является, как отмечает Г.Л. Пермяков, образная мотивировка смысла, хотя многие изречения с образной мотивировкой имеют не только переходный, но и прямой смысл, например, «*Алмаз и в грязи блестит*» (Пермяков, 2001, с.13-14). В структурном отношении к образным речениям с переносным смыслом цитируемый автор относит отдельные сочетания слов (поговорки), самостоятельные предложения (пословицы) и целые рассказики или сценки (побасенки) (там же, с.15). Характерной чертой всех подобных речений является то, что их идея, или логическая форма, проявляется в виде вариативных этноспецифических образов: «*Куй железо, пока горячо*» – «*Лепи из глины, пока она сырая*» – «*Готовь тыкву, пока не погас огонь*». Генезис паремиологического смысла состоит в контаминации номинального и реального значений, исходное значение становится образной основой для построения переносного смысла: «*It's like taking a candy from a baby*» – «*Это будто отнять леденец у ребенка*» (очень легкое и очень гадкое дело) (Савицкий, 2006, с.154). При изучении пословиц исследователи обращают внимание на их структуру, образную специфику, анонимность и дидактический смысл, хотя в ряду паремиологических единиц встречаются и речения, в которых отсутствует переносное значение. Заслуживает внимания тезис о том, что существует особый пословичный менталитет, т.е.

отраженный в пословичном фонде менталитет определенных социальных групп народа (Иванова, 2002, с.19). Образную основу пословиц составляют ситуации обиходной жизни людей, допускающие назидательное истолкование. Такое истолкование строится по нескольким моделям, из которых важнейшими являются модели констатации и долженствования (в утвердительной и отрицательной формах). Например, «*Маленькая собачка – до старости щенок*» и «*В присутствии слепого слепых не ругают*». Дидактический смысл констатации сводится к тому, что людям свойственно поступать так-то, и это нужно принимать во внимание, в то время как подобный смысл долженствования содержит предписание вести себя определенным образом.

Аллегорический смысл того или иного речения в концентрированном виде выражает ситуацию, которая содержит в себе некоторую коллизию. Например: «*Как бы корова ни сердилась на теленка, все равно за него заступится*». Идея «Свои заступаются за своих» выражена в модельной ситуации, которая изображает отношение родителей к непослушным детям посредством указания на домашних животных. Отношения уступки связывают в единую структуру три положения дел: теленок ведет себя не так, как нужно, корова сердится на него, но несмотря на это готова его защитить. Интерпретация этой пословицы строится по универсальной модели: так ведут себя животные, так ведут себя люди, так поведут себя и те, о ком мы говорим. Отсюда вытекает и назидательный смысл данной пословицы: не следует ждать от родителей, чтобы они дали возможность другим людям наказать провинившееся чадо. В этом речении выражено правило корпоративного поведения.

Следует отметить, что класс аллегорических образов неоднороден, среди них есть достаточно простые аллегории, часто это – домашние животные, олицетворяющие те или иные качества людей, но встречаются и весьма сложные образы, граничащие с символами. Таков библейский образ разрушения дома: «*Расстроивающий дом свой получит в удел ветер*» (Притчи, 11:

29). Разрушение своего дома аллегорически обозначает сознательное отступление от праведной жизни, а образ ветра ассоциируется с различными тяготами и невзгодами. Если же выйти за рамки однозначной аллегории, то разрушение своего дома – это предательство по отношению к своим близким, к своему прошлому, к своим мечтам, а ветер – отсутствие мира и покоя, мятущаяся душа, бесконечное и бессмысленное кружение. Этот образ кружащегося ветра повторяется в Книге Проповедника: «*Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои*» (Экклезиаст, 1:6).

Существенным (хотя и не облигаторным) компонентом многих пословиц является контраст: «*Птица может забыть про западню, но западня про птицу не забудет*». Олицетворение западни придает этому речению дидактический смысл: следует сохранять бдительность, расплата за беспечность неотвратима. Образ птицы, попавшей в западню, представляет собой аллегорию такой расплаты.

Исходный образ может представлять собой достаточно редкое в реальности, но яркое и запоминающееся событие, достойное аллегорического истолкования: «*Неудачника и на верблюде собака укусит*». Речь идет о маловероятном, но все же возможном развитии событий. Констатирующий смысл выражает сочувствие к неудачнику, так могут сказать о близких людях или о самом себе, ища поддержку у слушателей.

К этому типу моделируемых ситуаций примыкают образы, которые относятся к невозможному положению дел: «*Тот, кто засунул яйцо в бутылку, легко может вынуть его оттуда*». Бутылочное горлышко не может пропустить яйцо. Перед нами образ нереальной ситуации, но его дидактический смысл сводится к необходимости отвечать за свои поступки и не жаловаться другим на трудности, которые возникли из-за глупости.

Обращают на себя внимание иронические речения: «*Ты поднимай, а я буду пыхтеть*». Здесь имеет место двойное переосмысление: один поднимает, т.е. трудится, а другой

пыхтит, т.е. делает вид, что работает, во-первых, и говорящий иронически ставит себя на место того, кто работает, укоризненно обращаясь к увиливающему от работы, во-вторых.

Паремии используются в ситуациях обиходных назиданий. Право на назидание имеет старший по возрасту или по положению. Предполагается, что назидание следует с почтением выслушивать и демонстрировать свою признательность за нравоучение. В коммуникативной практике ситуация назидания нередко сопровождается подчеркиванием неопытности адресата, содержит в себе элементы унижения, и поэтому может порождать протест в виде отсутствия благодарности, шутливой реакции на поучение или прямого конфликта. Шутливая реакция на назидание бывает упреждающей, когда человек ожидает, что окружающие неодобрительно отнесутся к его поведению, и в этом случае нарушитель тех или иных норм поведения пытается оправдаться, приводя прямое или аллегорическое высказывание: «*Пусть лучше брюхо лопнет, чем добро пропадет!*» (так говорят те, кто замечает, что окружающие неодобрительно или насмешливо смотрят на обжорство, обычно дармовое). Известно, что людям нужно помогать. В качестве аллегорического образа помощи выступает протянутая другому рука. Вместе с тем, к сожалению, отмечается, что многие люди черствы и не хотят оказывать помощь ближним. Это отмечено в следующем ироническом афоризме: «*Если человек готов протянуть людям руку, значит, он тонет*» (К.Мелихан). Готовность протянуть руку переосмыслена как трудная ситуация, в которой оказывается потерпевший (аллегорически – тонущий). Авторы шутливых афоризмов часто прибегают к приему восстановления внутренней формы фразеологической единицы для того, чтобы переосмыслить устойчивое выражение: «*Как много желающих подать руку, чтобы стащить с пьедестала*» (Журнал «Крокодил»). Обычно подают руку помощи, но в данном случае подают руку, чтобы сбросить кого-либо с высокого положения, лишить уважения и славы (аллегорически – стащить с пьедестала). Возможность

человека самому определять свою судьбу часто выражается в речении «*Всё в руках человека*», при этом руки аллегорически понимаются как право на выбор. Но в следующем афоризме происходит критическая переоценка этого права: «*Всё в руках человека. Поэтому их нужно как можно чаще мыть*» (Ежи Лец). В этом изречении констатируется, что человеку свойственно пачкать руки (аллегория совершения неблаговидных поступков), особенно это характерно для тех, кто многого добился в жизни. Выражение «мыть руки» аллегорически означает очищать свою совесть.

Басня как жанр литературы возникла на основе поучительного примера. Это нравоучительное произведение с повествованием о событиях из жизни животных или растений, раскрывающее человеческие пороки и завершающееся выраженной моралью. Классическим примером являются басни Эзопа:

Бесхвостая лисица

Лисица потеряла хвост в какой-то западне и рассудила, что с таким позором жить ей невозможно. Тогда она решила склонить к тому же самому и всех остальных лисиц, чтобы в общем несчастье скрыть собственное увечье. Собрала она всех лисиц и стала их убеждать отрубить себе хвосты: во-первых, потому что они некрасивые, а во-вторых, потому что это только лишняя тяжесть. Но одна из лисиц на это ответила: «Эх, ты! не дала бы ты нам такого совета, не будь тебе самой это выгодно».

Басня относится к тем, кто подает советы ближним не от чистого сердца, а ради собственной выгоды.

В этом повествовании героем является лиса – аллегория хитрости. Приводится ее история (потеря хвоста), раскрывается мотивация ее поступка – убедить других лисиц в том, чтобы они отрубили себе хвосты, даны ее аргументы (эстетический и утилитарный) и показана реакция другой лисы, которая увидела истинные намерения обманщицы. В данном случае басню завершает мораль, выраженная как указание, но это указание легко трансформируется в рекомендацию: следует осторожно относиться к советам, поскольку в их основе может быть

собственная выгода советчика, направленная во вред слушателю.

Заслуживают внимания афористичные басни Леонардо да Винчи:

Дикая лоза, недовольная своим местом за изгородью, стала перекидывать ветви через общую дорогу и цепляться за противоположную изгородь. Тогда прохожие ее сломали.

В этой басне идет речь о людях, теряющих чувство меры в стремлении улучшить свое положение. Такие действия, как показано в аллегорическом образе поломанной лозы, приводят к печальному результату.

В современной художественной литературе басня отодвинулась в разряд специфических произведений для детей. Например:

A toad and a frog were sitting on the front stoop criticizing each others looks. Each thought himself beautiful and the other ugly. While they were posturing, a girl happened by and was disgusted by both. "Yeaccchh!!" she screamed, and she stomped on each and ran away.

Жаба и лягушка сидели на веранде и критически оценивали внешность друг друга. Каждая из них себя считала красавицей, а другую – уродиной. В это время, когда они так выставляли себя напоказ, мимо проходила девочка. Она взглянула на них, завизжала от омерзения: «Ай!», топнула ногой на каждую и убежала прочь.

В этой басне говорится о том, что не следует заниматься самолюбованием, считая, что другие уродливы. С точки зрения людей, и жабы, и лягушки очень некрасивы.

Заслуживает внимания наблюдение С.В. Сидоркова (2003, с.73) относительно расхождения в толкованиях античных басен их авторами и нашими современниками:

Ворон, не видя нигде добычи, заметил змею, налетел на нее и схватил, но змея извернулась и ужалила его. Испуская дух, ворон сказал: «Несчастный я! Такую нашел добычу, что сам от нее погибаю». Эзоп комментирует эту басню так: «*Басню можно применить к человеку, который нашел клад и стал бояться за свою жизнь*». Современные люди, замечает С.В. Сидорков, скорее бы увидели за этим сюжетом смысл «*Следует соизмерять свои действия со своими возможностями*», соответствующий пословицам типа «*Не откусывай больше, чем можешь проглотить*». Действительно, аллегорическое прочтение может быть

различным. Я бы увидел в этой притче назидание о необходимости быть осторожным. Такое положение дел не ставит под сомнение тезис об одномерности интерпретации аллегории. У исходного образа может быть несколько возможных направлений для истолкования, но носители языка принимают какую-то одну интерпретацию из нескольких возможных. Так, например, русское ироническое речение «*Чем дальше в лес, тем больше дров*» было проинтерпретировано студентами-иностранцами следующим образом: «*Чем больше мы изучаем что-либо, тем лучше мы это знаем*», в то время как смысл этой паремии состоит в констатации того, что иногда чем дальше развиваются события, тем больше непредвиденных трудностей появляется.

В русской литературе басни были очень популярны. И.А.Крылов, который мастерски изложил на русском языке многие басни Эзопа и Лафонтена, считался одним из наиболее значительных поэтов. В период революции и послереволюционные годы басни были пропагандистским орудием: «*Нынче снова строят плутни злые трутни и шмели*» *(Д.Бедный).* Под видом кусачих насекомых показаны иностранцы-враги. Впоследствии из агитационного жанра басни стали понемногу превращаться в своеобразные иронические эпиграммы. Например:

К вопросу о квалификации

Гвоздь работает, старается – и его все время бьют.
А шурупам все прощается, хоть у них полегче труд.
И не те у них усилия, и не та у них судьба…
Дело ж все в одной извилине – под названием резьба.
(Ф.Кривин).

Аллегорические образы в этой миниатюре – гвоздь, завистливый недалекий тупица, и шуруп, его сообразительный товарищ, – иллюстрируют суть многих производственных конфликтов. Обратим внимание на перефокусировку по ходу нарратива: сначала автор якобы на стороне обиженного гвоздя, но затем в заключительной строке появляется афористически точное сравнение ума с резьбой. По канону басни в последней фразе сформулирована мораль.

Притча – короткий рассказ, содержащий поучение в иносказательной форме, но без прямого наставления (Тумина, 2008, с.7) – в значительной мере совпадает с басней, отличаясь от последней направленностью на глубинную философскую или религиозную идею, возвышенностью слога, несовместимостью с шуткой и отсутствием сюжета. Впрочем, притча может содержать остроумный диалог. Например:

— Зашей, — сказал афинянин портному, подавая расколотую ступку.

— Скрути нитку, — ответил портной, высыпая перед ним горсть песку (Агада).

В этой миниатюре сталкиваются два невозможных действия, при этом остроумный ответ содержит наставление, которое можно проинтерпретировать следующим образом: на любой, казалось бы, неразрешимый вопрос можно найти достойный ответ.

Заслуживает внимания отличие притчи от идеологемы в трактовке Н.Л. Мусхелишвили, Н.В. Шабурова и др.: назидательность притчи является непрямой, в то время как идеологема требует буквального понимания (цит. по: Тумина, 2008, с.37). Такое понимание нивелирует границу между аллегорией и символом, поскольку многозначность интерпретаций – один из важнейших признаков символа. В этой связи подчеркнем плодотворную идею А.Ф. Лосева о принципиальной множественности интерпретативных стратегий при обращении к любому тексту: притча может быть воспринята и пережита как символ, рационально истолкована как аллегория и даже принята к практическому применению как эмблематический знак. Л.Е. Тумина выделяет четыре структурных типа притчи: притчи-повести, притчи-басни, притчи-пословицы, притчи-загадки (там же, с.58-64). При столь широком понимании притчи этот жанр превращается в прототипное проявление аллегории в дискурсе. Вероятно, было бы точнее говорить о том, что жанровые границы притчи не являются четкими, и возможны случаи возникновения промежуточных (или гибридных) жанров, когда притча смыкается, например, с пословицей (Г.Л. Пермяков называет такие образования побасенками).

Аллегорический смысл притчи проявляется в образном сравнении:

Выбор

Если бы мы могли повесить все наши печали на вешалку и затем выбрать любую по собственному желанию, то каждый из нас взял бы снова свою собственную заботу, ибо оказалось бы, что все остальные еще тяжелее (М. Бубер).

Печаль сравнивается с кладью, которую несет человек, и назидание этой притчи состоит в том, что каждому достается тот груз, который можно этому человеку поднять.

Притча часто заканчивается вопросом, ответ на который и составляет ее суть:

Один богач спросил у приятеля:

— Почему меня упрекают за жадность, когда известно, что я распорядился передать после моей смерти всё, что я имею, на благотворительные цели?

— В ответ, — сказал друг, — я позволю себе рассказать о том, как свинья жаловалась корове, что к ней плохо относятся: «Люди всегда говорят о твоей доброте и нежных глазах. Конечно, ты даёшь им молоко и масло, но ведь я даю больше: колбасу, окорока и отбивные, кожу и щетину, даже ножки мои варят! И всё равно никто меня не любит. Отчего так?» Корова немного подумала и ответила: «Может быть, потому, что я всё даю ещё при жизни?»

Этот текст интересен тем, что содержит в себе интерпретативную модель – указание на применение притчи, расположенное в начале текста. Аллегорическое сопоставление позиций свиньи и коровы показывает более значимую ценность доброго дела, совершаемого немедленно, здесь и сейчас, чем отложенного во времени.

Образный строй притчи соотносится с ежедневными событиями в жизни человека, которые допускают аллегорическое переосмысление:

Пропал у одного человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит — как укравший топор, глядит — как укравший топор, говорит — как укравший топор; словом, каждый жест, каждое движение выдавали в нём вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать землю в долине и нашёл свой топор. На другой же день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил он на вора.

Конкретное действие «украсть топор» выступает в качестве образа для иллюстрации совершения любого дурного поступка.

Притча часто содержит повторяющиеся ряды соответствий, например, действие – интерпретация:

Однажды вор залез в чужой курятник и украл курицу. Когда он убегал, то опрокинул лампу, и курятник загорелся. Курица смотрела назад и, видя огонь пожара, понимала: он спас ей жизнь.

Когда вор откармливал курицу пшеном и хлебом, курица понимала: он о ней заботится.

Когда вор скитался из города в город, пряча курицу за пазуху, курица понимала: он её любит.

Когда курица увидела, что вор замахнулся ножом, она поняла: он хочет покончить жизнь самоубийством. Она прыгнула на нож и прикрыла вора своим телом. И умерла счастливой.

Курица в этом тексте олицетворяет слепую любовь, и данная притча показывает, что любое действие любимого человека всегда воспринимается как проявление любви. Этот пример, кстати, опровергает ту точку зрения, что притча всегда имеет возвышенный характер.

Назначение притчи – поставить слушателя в состояние этического выбора для того, чтобы тот самостоятельно изменил свои ценностные установки:

Один мужик хранил в стенке большую сумму денег. Ходил каждый день караулить, чтобы не украли.

Однажды это заметили рабочие, и, подловив момент, украли деньги. Мужик впал в уныние, не обнаружив их. В тот момент к нему подошел старик, узнав, что с ним, он дал ему камень и сказал:

- На тебе камень, и храни его в стенке. Это будет то же самое, потому как деньги ты не тратил, а тогда и нет разницы между камнем и деньгами.

Данная притча может быть осмыслена символически: камень в стене как заместитель сокровища соотносится с известным сюжетом о человеке, который зарыл в землю свой талант, т.е. свое богатство.

Притчи могут являться стержневыми сюжетными образованиями внутри более крупных художественных

произведений. Приведу отрывок из «Гамлета» в переводе М.Лозинского:

Гамлет. Не сыграете ли вы на этой дудке?

Гильденстерн. Мой принц, я не умею.

Гамлет. Я вас прошу.

Гильденстерн. Поверьте мне, я не умею.

Гамлет. Я вас умоляю.

Гильденстерн. Я и держать ее не умею, мой принц.

Гамлет. Это так же легко, как лгать; управляйте этими отверстиями при помощи пальцев, дышите в нее ртом, и она заговорит красноречивейшей музыкой. Видите – вот это лады.

Гильденстерн. Но я не могу извлечь из них никакой гармонии; я не владею этим искусством.

Гамлет. Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука; а вот в этом маленьком снаряде – много музыки, отличный голос; однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил. Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, – вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете (У.Шекспир).

Гамлет укоряет своего бывшего друга в манипуляции, сравнивая себя с дудкой, на которой можно играть. Это сравнение носит притчевый характер, авторская аллегория заключается в том, что человека считают предметом, с которым можно делать все, что заблагорассудится. Вспомним, что этот диалог происходит после другого знакового включения, текста в тексте, когда бродячие актеры разыгрывают при королевском дворе сцену убийства герцога Гонзаго, и Гамлет убеждается в правоте своих подозрений, глядя на реакцию короля. Моделируемая ситуация – быть дудкой в чьих-либо руках – осмыслена как прецедентное явление в паремиологии и фразеологии («танцевать под чью-либо дудку», англ. «As you pipe, I must dance»).

Общение в аллегорическом формате представляет собой престижную форму коммуникации – так говорят мудрецы, опытные люди, к словам которых прислушиваются. Вместе с тем возможны ситуации, когда

подобное общение представляет собой условную игру, единственное назначение которой – подтвердить свой статус мудреца. Приведем пример из американского сериала «Звездные врата». Команда американских исследователей оказывается на чужой планете и встречается с ее обитателями – кочевниками, во главе которых находится седой патриарх. К патриарху обращается один из местных жителей, который представляет ему гостей: «*Они говорят, что они наши друзья*». Седой старец отвечает: «*Нельзя называть другом того, о ком не знаешь, можно ли ему доверять*». Старший из исследователей, полковник О'Нил, подходит к главе племени, и между гостями и хозяевами начинается следующий обмен сентенциями:

Патриарх: *Не суди о книге по ее обложке: враги обещают, а на самом деле разрушают.*

О'Нил: *Честность – лучшая политика*.

Патриарх: *У кого много друзей, тот на самом деле не имеет ни одного*.

О'Нил: *Да, но птицу видно по полету*.

Патриарх: *Мне не знакома эта поговорка. Какой у нее смысл?*

О'Нил: *Она говорит о проявлении и о единстве. Но честно говоря, я здесь не для того, чтобы объяснять*.

Американец приводит часто используемые фразы, одна из которых ставит главу племени в тупик. После этого состязание в изречении мудрых высказываний переходит в иную плоскость.

Подведём основные итоги.

Аллегория может быть осмыслена как особый модус общения, состоящий в мобилизации внимания слушающего с целью глубокого осмысления некоторой идеи. Аллегорический образ представляет собой рационально осознаваемый пример некоторой идеи. Аллегория реализуется в жанрах пословицы, басни и притчи, между которыми нет жестко определенных границ. Прямолинейность и директивность аллегории делают этот интерпретативный канон маркированным для тех видов дискурса, в которых изначально задано статусное неравенство собеседников. В тех случаях, когда такое неравенство вызывает протест, возникают лингвокультурно

фиксированные способы карнавального переворачивания соответствующих коммуникативных жанров. Аллегория неоднородна, существуют аллегории, сближающиеся с символами, с одной стороны, и с эмблемами, с другой стороны. Тенденция демократизации общения приводит к тому, что бытовая аллегория постепенно теряет свою значимость, а бытийная аллегория смыкается с символическим осмыслением действительности.

1.3.3. Символический модус общения

Осмысление символа в гуманитарном знании имеет давнюю традицию, об этом написано множество книг. С.С. Аверинцев противопоставляет научное и эстетическое понимание символа, в первом случае трактуя его как знак, во втором – как «образ, взятый в аспекте своей знаковости, и знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа» (Аверинцев, 1983, с.607). Символ противопоставлен аллегории – иносказанию, образу с ясно читаемой однозначной рассудочной формулой дешифровки этого образа (например, череп и кости – смерть). Символ принципиально многозначен, эта многозначность представляет собой не только возможность множественной интерпретации символа, но и последовательную множественность интерпретаций. С.С.Аверинцев говорит в этом плане о символических сцеплениях. Истолкование символа диалогично, динамично и бесконечно – символ направлен на то, чтобы через частное явление выйти на целостный образ мира. С.А. Радионова развивает динамическое толкование символа, отмечая, что «символ создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня» (Радионова, 2002, с.674).

В классической теории Ч.Пирса знак определяется как икона, индекс либо символ, икона отсылает к объекту в силу сходства с обозначаемым объектом, индекс – в силу зависимости от объекта, символ – в силу ассоциации идей между знаком и объектом (Пирс, 2000, с.186). Примерами знаков первого типа (икон) являются фотографии или рисунки, знаков второго типа (индексов) – указания, знаков третьего типа (символов) – правила интерпретации. Символ выражает связь знака с объектом через идею. В цитируемой статье С.А. Радионовой (2002) автор противопоставляет символ как высшую степень знаковости (по Пирсу), как принцип конструирования культуры (по Кассиреру), как идею содержания, которое служит

выражением для более ценного содержания (по Ю.М. Лотману).

А.Г. Шейкин дает следующее определение символа с позиций социокультурных наук: материальный или идеационный культурный объект, выступающий в коммуникативном или трансляционном процессе как знак, значение которого является конвенциональным аналогом значения иного объекта (Шейкин, 2007, с.457). Количество культурных смыслов, как отмечено в статье, всегда превосходит число существующих общепринятых знаковых форм (очень глубокое развитие тезиса С.Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака). Знак переходит в символ, накапливая отвлеченные смыслы (коннотации), поскольку они более актуальны для конкретной коммуникации. Символу свойственна эстетическая привлекательность, которая подчеркивает его важность и общезначимость, а также формальная простота, актуальная для употребления в коммуникативной ситуации. Заслуживает внимания еще одно важное свойство символа, о котором пишет А.Г. Шейкин: нередко следствием коммуникативной актуальности символа оказывается формирование его повседневного аналога, выраженного языковыми средствами, наиболее употребительными в обыденной коммуникации (там же, с.458).

А.Ф. Лосев устанавливает тонкое отличие между аллегорией, схемой и символом: схема – это выражение идеи в отвлеченном и общем виде, аллегория – это образная иллюстрация идеи, символ – отождествление идеи и образа (Лосев, 1990, с.424-427). Важное дополнение в понимание символа вносит Л.Ф. Чертов, выделяющий существенное различие между нехудожественным (языковым) и художественным символизмом: художественный символ оказывается не столько средством коммуникации между автором и реципиентом, сколько поводом для свободного смыслообразования в сознании последнего (Чертов, 1993, с.135).

Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко выделяют еще одно важное качество символа: «Смысл символа, который не может и не должен быть понятным для людей,

не принадлежащих к этой группе, т.е. для тех, кто не посвящен в значение символов (каждый символ является по своему характеру тайным или по крайней мере условным знаком), – этот смысл является, как правило, намеком на то, что находится сверх или за чувственно воспринимаемой внешностью образования (напр., крест – символ христ. веры)» (Философский энциклопедический словарь, 1998, с.413).

Суммируем общие характеристики символа: это перцептивный образ, характеризующийся смысловой глубиной, обозначающий идею, которая обладает высокой ценностью, генерирующий новые смыслы, допускающий множественное истолкование, отсылающий к сверхчувственному опыту. На основании приведенных определений символа можно выделить его типы: 1) обиходный символ – условный знак в виде конкретного образа, сопряженного с ценностью, имеющий интерпретативную глубину, 2) художественный символ – условный знак в виде конкретного образа, порождающий множественную открытую систему ценностно насыщенных ассоциаций, 3) институциональный символ (политический и религиозный) – условный знак в виде конкретного образа, отсылающий к системе базовых ценностей соответствующего института. Разумеется, эта схема упрощает множественные глубокие толкования символа. Понятие «логический символ» отождествляет символ и знак и поэтому в данном контексте является избыточным.

Общение, основное назначение которого состоит в поиске и выражении символов как прецептивных образов, допускающих множественное истолкование и отсылающих к базовым ценностям культуры, можно определить как символический дискурс.

Концепт «мел» в обиходном сознании обозначает белое вещество в виде камня, используемого в школе для письма на доске, или в виде раствора для побелки. Обратившись к специальной литературе, мы можем узнать, что мел – это разновидность известняка, включающего также мрамор и гипс, он является осадочной горной породой, останками скелетов органического мира, химически представляет

собой соединение кальция. Обиходные образные признаки мела сводятся к его физическим свойствам – он белого цвета, сравнительно мягкий и легко крошится. Ценностные признаки этого концепта имеют функционально-утилитарный характер – мелом удобно писать на классной доске, осуществлять побелку, мелом чистят серебро, вместе с тем мелом можно испачкаться.

При художественной концептуализации мела раскрываются ассоциативные признаки этого объекта, обусловленные мировидением автора. К самому простому переосмыслению относится метонимический сдвиг: «*Щеки заливал смертельный мел*» (Ю.Анненков). В этом случае выделен признак цвета, в русском языке частотно сравнение «белый, как мел», «бледный, как мел». Подчеркивается степень белизны – смертельная белизна: когда уходит жизнь, лицо теряет цвет. Это происходит и в моменты ужаса.

Другой пример метонимии: «*Трепетный мел на дрожащей двери, огненный мел на царской стене*» (С.Григоров) – здесь прослеживается аллюзия на библейские сюжеты спасения от карающей руки ангела смерти, посланного в Египет, и Валтазарова пира, актуализируется функциональный признак «мел как инструмент», «надпись мелом», мел служит символом переписки между Богом и человеком и ассоциируется со словом.

Метафорическое расширение функциональных характеристик мела дано в шутливом афоризме «*Все мы одним мелом мазаны*» (И. Грекова). Это аллюзия на известное выражение «*одним миром мазаны*» (т.е. помазаны особым благовонным веществом «миро», которое использовалось при определенных церковных обрядах, такое помазание означало переход в особое качество, отсюда и помазание на царство), в наше время так говорят об одинаково подозрительных людях. В приведенной фразе, которую преподаватель произносит о своих коллегах, речь идет об общей судьбе и, возможно, об общих недостатках.

Иное переосмысление, вытекающее из природы мела, видно в следующем примере: «*И микрокосм уйдет без следа в тысячеслойный кальций*» (Д. Карвин) – в этом контексте

противопоставляются жизнь и смерть, дух и материя, человек как венец творения (микрокосм) и прах в виде мела. Это сравнение мела со смертью и прахом коррелирует с распространенной (преимущественно на востоке) ассоциацией «глина – телесный мир, прах»: «*Мы умираем раз и навсегда. Страшна не смерть, а смертная страда. Коль этот глины ком и капля крови исчезнут вдруг – не велика беда*» (Омар Хайям). В приведенных примерах «мел или глина – прах» мы имеем дело не столько с символом, сколько с аллегорией – здесь контекстуально задан только один интепретативный код.

С интересным символическим переосмыслением концепта «мел» мы сталкиваемся в тексте современного популярного писателя-фантаста С. Лукьяненко. Для иллюстрации конструируемой системы ценностей необходимо привести развернутый пример:

Курьер привез кусочек мела. <…>

- Маленький кусочек мела,- темный маг улыбнулся. – Им можно писать на школьной доске. Или рисовать классики на асфальте. Или натирать кий на бильярде. Все это можно делать так же легко, как колоть орехи большой королевской печатью. Но вот если этот мелок возьмет в руки Великая Волшебница... Именно Великая – рядовой не хватит силы. Именно Волшебница – в мужских руках мел останется простым мелом. К тому же Волшебница должна быть Светлой. Для Тьмы этот артефакт бесполезен. <…>

- Маленький кусочек мела...- Завулон откинулся в кресле, покачался взад-вперед. – Он уже весь сточен, его не раз брали тонкие пальчики красивых девушек, чьи глаза горят светлым огнем... Его пускали в дело, и земля вздрагивала... таяли границы государств, поднимались империи, пастухи становились пророками, а плотники богами, подкидышей признавали королями, сержанты возвышались до императоров, недоучки семинаристы и бесталанные художники вырастали в тиранов... Маленький огрызок мела. Всего лишь. <…>

- Мелок, – сказал я. – Маленький мелок, заточенный с обеих сторон. Им можно писать на чем угодно. Например, на Книге Судьбы. Зачеркивая прежние строки, вписывая новые.

Существует волшебный артефакт – кусочек мела. В руках определенного человека, наделенного магическими способностями (великая светлая волшебница), этот

артефакт способен изменить судьбу человечества, если с его помощью будет сделана надпись на Книге Судьбы. Под Книгой Судьбы понимается не книга, а особый предмет, допускающий магическое действие стирания и написания. Перед нами эзотерический текст, требующий принятия на веру неких рационально непостижимых сущностей. Автор делает прямолинейные аллюзии – с помощью этого волшебного мела, оказывается, велись войны за передел мира (с благими намерениями, для построения светлого царства), у самых обычных людей открывался пророческий дар (пастух, который становится пророком – типичный библейский персонаж), сержант, получающий императорскую корону, – намек на судьбу Наполеона, недоучка-семинарист – это Сталин, а бесталанный художник – Гитлер. Верховный темный маг Завулон раскрывает герою великую тайну этого кусочка мела. Остается загадкой, почему С.Лукьяненко назвал темного мага именем основателей одного из колен Израилевых. Мелок, заточенный с обеих сторон, символ магического преобразования мира. Идея письма как магического акта традиционна для религиозного сознания. Так, в иудаизме молитва Судного дня включает упоминание о записи, которую Всевышний вносит о каждом человеке в Книгу Жизни на год вперед, и люди просят, чтобы в этой книге были стерты записи их грехов. Современный писатель в соответствии с языческими установками наделяет обычного человека, обладающего особыми способностями, правом стирать и записывать в Книге Судьбы. Интересная интерпретативная линия, связанная с символом «мел», может возникнуть, если мы вспомним, что крупье в казино делает отметки мелом.

Сюжет цитируемого произведения разворачивается по канонам сегодняшнего дня: выясняется, что верховный светлый маг Гесер организовал таинство применения волшебного мела в личных целях: он отколол кусочек артефакта, чтобы спасти от заклятия любимую женщину, и устроил представление для светлых и темных магов, вручив основную часть волшебного мелка героине, которая, как он знал заранее, откажется делать запись в Книге

Судьбы. Волшебство свершилось обманным путем. Не буду комментировать этические моменты данного авторского построения. Символ «мел» в рассматриваемом сюжете соответствует признакам художественного многомерного ментального образования: он является чувственно воспринимаемым знаком, допускает множественную интерпретацию, открыт для посвященных, отсылает к высшим ценностям конструируемого мира – равновесию между добром и злом, непременностью судьбы, человеком как центром мироздания и др.

Символическая интерпретация может затрагивать различные концепты, но следует признать, что существуют образы, в большей и меньшей мере открытые для многомерного глубокого ценностно маркированного переосмысления. Например, сердце, зеркало, дом, дорога, книга, солнце, вода, дерево, занавес, подарок, игра, маска, часы, перстень, ключ, вино, щит и меч допускают символическое осмысление, а тарелка, вентиль, яичница, галстук, велосипед, дискета, локоть, ангина с трудом могут быть осознаны как многомерные знаки с ценностным содержанием. По-видимому, обиходность противоречит символическому осмыслению концепта, и в этом состоит одна из особенностей символического дискурса.

Резюмирую.

На основании признака интерпретативной глубины смысла можно выделить символический дискурс. Конститутивными признаками этого типа дискурса выступают следующие: 1) ценностная насыщенность лежащих в его основе перцептивных образов, 2) его направленность на сверхчувственный опыт, 3) его интерпретативная глубина и многомерность, 4) его аттрактивность для носителей культуры.

1.3.4. Знак как эмблема, аллегория и символ («корона»)

Известно, что корона является одним из знаков царской власти. Головной убор в виде обруча из драгоценного металла со стилизованными остроконечными лучами с

давних времен украшал головы верховных правителей народов. Корона в ее традиционном варианте впоследствии видоизменилась: лучи образовали сферу, и в точке их соединения возник крест, поскольку такой головной убор был знаком монарха в христианской Европе. Металлический обруч функционально соответствовал венцу, и поэтому в короне часто фигурировали элементы растительного орнамента. О.В. Мареева пишет, что традиция возложения венца на монарха была заимствована из Византии и, ссылаясь на работу Кодина «О чинах», выделяет три разновидности венца: «1) диадема — матерчатая повязка, затем металлический обруч, основная форма ранней византийской короны; 2) скиадий — венец в виде обруча с матерчатым верхом, представляет старинную форму венца, впоследствии ставшую головным убором чина кесаря и других приравненных ему; 3) стемма — золотой обруч, надетый на матерчатую шапочку, увенчанный крестообразно сложенной дугой, в перекрестии которой устанавливался драгоценный крест. … Форма венца отражала статус его владельца: от диадемы, соответствующей положению вассала, до стеммы полновластного правителя, чью власть можно было соотнести с императорской. Особым головным убором, скиадием, обладал наследник государя» (Мареева, 2006, с. 420, 427). В данной работе рассматриваются лингвокультурные характеристики короны.

Слово «корона» (англ. «crown») этимологически восходит к латинскому «corona» – «венок, гирлянда» (Фасмер, 1986). Этимологи возводят внутреннюю форму этого слова к индоевропейскому корню **(s)qer-* со значением «изогнутый, круглый», ср. рус. «кривой» (Klein 1966). Частью короны являются стилизованные лучи или рога. Латинское «cornu» – «рог» восходит к индоевропейскому корню **ker-* со значением «рог, верхняя часть головы». Древнее обозначение рога лежит в основе русского слова «корова» – «рогатая». Хотя слова «корона» и «рог» восходят к разным индоевропейским корням, фонетически сближаясь в латыни, семиотическая связь между соответствующими предметами и символами несомненна. Стилизованное изображение рогов в виде

лучей короны представляет собой отражение древнего поклонения могучему рогатому животному – тельцу.

Такой культ был широко распространен на Ближнем Востоке. Древнееврейское слово «keren» (фонетическая связь между семитским и индоевропейским корнями не вызывает сомнений) имело богатую гамму значений: «рог животного; бараний рог как сакральный музыкальный инструмент; луч; сила, мощь, слава, гордость» (Klein, 1987). Рогатые божества представлены в различных культах – это Мардук у шумеров, Ашшур у ассирийцев, Исида у египтян. Символическая значимость этого божества отражена в первой букве древнего алфавита, которым пользуются наши современники – А. Греческая альфа (как и древнееврейский алеф) графически изображает голову быка, поставленную на рога. По мнению этимологов, есть связь между древним семитским корнем «el» – «бог» и названием буквы «алеф». Этимология корня «el» вызывает дискуссии, однако представляется убедительной позиция тех, кто считает, что он обозначает идею силы.

Утверждение монотеизма шло в ожесточенной борьбе с древними языческими культами. Вспомним о библейском повествовании, где говорится о том, как устав ждать возвращения Моисея с горы Синай, его соплеменники заставили Аарона отлить из золота изваяние тельца. До сих пор золотой телец является символом богатства. Важнейшие зооморфные признаки тельца – его рога, копыта и хвост – стали отличительными внешними характеристиками дьявола – главного противника Бога. Подобное переворачивание ценностей и свойственных этим ценностям атрибутов широко распространено в истории.

Итак, рога превратились в эмблему дьявола. В этой связи представляется интересной эмблематика короны как символа верховной светской власти в христианской Европе. Корона в виде диадемы была украшена острыми или листовидными зубцами, количество которых варьировалось (в английском языке для зубчатой диадемы есть слово «circlet» – «венец»). Было это случайным совпадением либо в такой символике представители светской власти в

определенный период Средневековья намеренно наделялись дьявольскими признаками, сказать трудно. Но следует заметить, что в церемонии коронации именно верховный представитель церкви держал над головой нового монарха этот артефакт. Затем с течением времени форма короны видоизменилась, и в ее сферической форме стеммы теперь не видны бывшие рога.

В обиходном понимании корона – это золотой венец с драгоценными украшениями как знак власти монарха. В переносном смысле – это знак высшего титула, например, шахматная корона как звание чемпиона мира по шахматам. Во время всяких торжественных или шутливых церемоний на голову определенного человека возлагают бутафорскую корону. Аналогичным образом коронуют сейчас королев красоты (в их коронах используются весьма дорогостоящие материалы). Метонимически о короне говорят как о власти монарха или о государстве: *Служить британской или испанской короне.* Простейшим образом короны является условное изображение шахматного ферзя в виде усеченного конуса, широкое верхнее основание которого завершается остроконечными зубцами (т.е. рогами).

В Русском ассоциативном словаре (РАС) приводятся следующие частотные реакции респондентов на стимул «корона»: *золотая (13), империи (12), царская (10), Российской империи (8), царь (6), императора, короля, на голове, России, царя (3), блеск, ворона, красивая (2).* Можно видеть, что для современных информантов значимыми признаками короны являются ее внешний вид и эмблематика.

Примеры из Национального русского корпуса (www.ruscorpora.ru) уточняют следующие характеристики предметного понимания короны.

Корона сделана из золота:

У него была роскошная белая, как сахар, седая борода, такие же седые кудри и большие чёрные глаза. На голове его красовалась золотая корона. Одет он был так, как вообще одеваются короли (Л.Чарская).

Корона инкрустирована драгоценными камнями:

Большая Императорская корона была сделана знаменитым Позье, придворным ювелиром императрицы Екатерины II в 1762 году; она представляла собой митру и была увенчана крестом

из пяти громадных бриллиантов, соединенных вместе неограненным рубином, а по кругу располагались двадцать восемь больших бриллиантов (Великий князь Александр Михайлович).

Обратим внимание на форму короны – это митра (высокий с круглым верхом позолоченный головной убор). Корону венчает крест. Драгоценные камни символизируют могущество монарха.

У императоров было несколько корон для разных церемоний:

Это была опрокинутая романовская корона, окруженная тремя концентрическими нитками матового царственного жемчуга, изливавшего яркий теплый, золотистый бальный свет (В.Катаев).

Опрокинутая корона похожа на чашу. Наряду с большой бриллиантовой короной у русских царей была малая жемчужная корона.

Будучи атрибутом королевского сана, корона сочетается с особой роскошью одеяния и другими знаками монарха:

Все почему-то думают, что коронованные особы — это какие-то небожители, у которых на голове алмазная корона, во лбу звезда, а на плечах горностаевая мантия, хвост которой волочится сажени на три сзади (А.Аверченко).

Мех горностая очень дорог и традиционно украшает королей. Автор юмористически дополняет образ царственной дамы пушкинской фразой из «Руслана и Людмилы» («А во лбу звезда горит»), хотя можно интерпретировать этот текст и без юмора – алмазные диадемы похожи на звезды. Мантия с хвостом в три сажени (сажень – старинная русская мера длины, 2,134 м) символизирует богатство и могущество монарха.

Корона придает ее носителю величественность:

Дар Ветер представил ее в длинном облегающем парчовом платье, в золотой короне с синими камнями, с пепельными косами ниже колен, с отважным взглядом серых глаз — и радостно улыбнулся (И.Ефремов).

Сравнение с короной также говорит о величественности:

Очень может быть, что фамилия принадлежала мужу, но она носила ее как корону (В.Токарева).

Соответственно, лишение или снятие короны показывает человека в невыгодном свете:

Когда он снимает корону, перед нами просто плешивый старичок, всеми брошенный, одинокий, растерявшийся (С.Маршак).

Речь идет о короле Лире.

Существуют разновидности корон:

Мне сделали грим индийской красавицы, подчеркнули глаза, приклеили красный рубин на лоб, надели ожерелье и нарядную восточную корону с подвесками (Л.Вертинская).

Подвески были также частью византийской короны.

Корона была церемониальным предметом: ее возлагали на голову во время коронации и по особым случаям:

Дабы окончательно не выпасть из политической жизни, «Николай III» организовал торжественное венчание на царство, причем корону на его чело возложили сразу три архиепископа (П.Ковригин).

Обычно правом венчания кого-либо на царство обладают высшие церковные иерархи. В приведенном примере иронически комментируется церемония, которую организовал один из претендентов на русский престол.

В разных странах существуют определенные традиции поведения присутствующих во время коронации:

Во время коронации английских королей, в самый торжественный момент, когда монарх возлагает на свою голову корону, все пэры и пэрессы, присутствующие в Вестминстерском аббатстве, тоже надевают свои короны (Г.Федоров).

У английских пэров – представителей высшего слоя дворянства (герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны) – есть особые короны (в английском противопоставляются слова «crown» – «coronet»). Чем ниже ранг пэра, тем проще выглядит соответствующая корона.

В случае смерти монарха корона должна находиться рядом с ним:

Наконец облаченное в императорскую мантию тело вознесено было на парадное ложе, близ которого на небольшом столе, покрытом малиновым бархатом, засверкала золотая корона (О.Форш).

Корона представляет собой как символическую, так и материальную ценность:

Конечно, самым правильным было бы выкупить корону на деньги Российского государства и сдать ее в Алмазный фонд Кремля (А.Тарасов).

Корона может быть украдена:

По-видимому, развенчанный король был хозяйственным парнем: престол-то потерял, но золотую корону с алмазами, брильянтами и прочими драгоценностями с собой из Англии захватил (А.Игнатьев).

Человек, не понимающий символической ценности короны, показан как преступник:

Корона Дании — символ величия власти — для короля, подобного Клавдию, лишь ценный предмет, вещь, которую можно украсть, как и всякую другую, если она плохо лежит: стянуть, чтобы потом содрать за нее подороже (Г.Козинцев).

Известный режиссер интерпретирует образ короля-убийцы в необычном ключе: корона понадобилась Клавдию как предмет купли-продажи. Тем самым противопоставляются величие убитого короля Гамлета и мелочность его брата.

Изображение короны на гербе показывает титул того, кому принадлежит герб:

Король возвел Жанну в дворянское достоинство со всем ее родом по мужской и женской линии, наградил графским титулом и дал герб, близкий к королевскому: на чистом поле вертикально стоящий меч, острием вверх, на нем графская корона, а по бокам две лилии (П.Ковалевский).

Лилии были, как известно, знаком Бурбонов.

В наши дни корона часто ассоциируется со спортивными победами:

Если всё же французский этап завершит спор за корону, Михаэль Шумахер не только сравняется с великим Фанхио по количеству титулов и повторит его уникальное достижение, выиграв три чемпионата подряд (Известия).

Победа на состязаниях дает автогонщику спортивную корону. На самом деле речь идет о спортивных медалях и прочих призах. Аналогичным образом обсуждаются успехи шахматистов:

Если хочешь победить в поединке за корону, надо находиться в идеальном психологическом состоянии — нет ничего лучше, когда ты показываешь интересную игру и отличные результаты, когда у тебя постоянно растет

рейтинг… Кроме того, как мои победы, так и победы Крамника только повышают в шахматном мире интерес к нашей встрече (Шахматное обозрение).

Самым заслуженным спортсменам могут преподнести корону как знак признания их достижений:

…в финале праздника под фанфары и брызги фейерверка самой заслуженной чемпионке нескольких Олимпиад Г.Гороховой торжественно преподнесли символическую олимпийскую корону (Культура).

В современном мире весьма популярны конкурсы на звание «Королевы красоты»:

Корона первой красавицы района и денежный приз достались Светлане Шубиной из села Салтакъял (Марийская Правда).

Приз первой красавицы райцентра значительно уступает тем наградам, которых удостаиваются победительницы международных конкурсов красоты:

Вот сейчас поведут на первую мою пресс-конференцию. Успеть бы корону надеть! Кроме традиционной встречи с журналистами, королева красоты успела в воскресенье встретиться с министром туризма Ливана, поужинать в одном из шикарных ресторанов Бейрута, дать несколько телеинтервью и оговорить условия контракта, который ей предложат подписать в январе организаторы конкурса «Мисс Европа-2002». Ведь к тому, чтобы надеть корону самой красивой девушки Старого Света, студентка петрозаводского техникума городского хозяйства шла с самого детства (Известия).

Победительница конкурса «Мисс Европа» получает весьма солидный денежный приз и подписывает контракты, в которых ей предлагают рекламировать различные товары и услуги (в данном примере речь идет о туристском бизнесе). Такие девушки становятся знаменитыми.

Короны могут возлагаться на головы обычных людей во время дружеских представлений и семейных торжеств:

По сложившейся «имперской» традиции виновнице торжества надели на голову корону и подарили право первого надреза праздничного торта в виде рояля (С.Козлов).

В данном примере рассказывается о юбилее музыкантов.

Корона как верховная власть страны символизирует действия, осуществляемые монархом или правительством:

По традиции в конце года британская корона называет имена своих подданных, добившихся наибольшего успеха в самых разных областях деятельности — имена новых кавалеров Британской империи (Светские Новости).

Орден Британской Империи – самая массовая награда в Соединенном Королевстве.

В монархических государствах строго соблюдаются правила престолонаследия:

Если он не оставит потомства, русская корона переходит к Анне Петровне и ее наследникам, с тем однако, что тот из них, кто будет на шведском престоле, не может быть русским императором (П. Мельников-Печерский).

Многие европейские монархи были родственниками.

Передать корону означает отказаться от законного права на королевскую власть:

Герцог и герцогиня Виндзорские — в декабре 1936 г. король Великобритании Эдуард VIII (1894-1972) отрекся от престола, передав корону брату, чтобы получить возможность жениться на американке Уоллис Уорфилд Симпсон (1896-1986). Эта американка из Шанхая была, безусловно, роковой страстью монарха, оставившего ради нее корону и жившего в добровольном изгнании (Л.Лопато).

Сын Георга V был в течение 10 месяцев английским королем, а затем принял решение отречься от престола, поскольку по протоколу британский король не имеет права жениться на разведенной женщине. Он получил титул герцога Виндзорского и оставшуюся жизнь провел за пределами Англии. В дальнейшем романтическая биография этого человека получила уточнение: как выяснилось, он активно контактировал с нацистами.

Слово «корона» часто используется при наименовании различных учреждений и предметов – кораблей, автомобилей, гостиниц, банков, напитков и продуктов питания. Такое название боевого корабля оказывает воздействие как на членов своего экипажа, так и на противника:

23 июня 1773 года в морском бою у Балаклавы два русских корабля «Корона» и «Таганрог», вооруженные тридцатью двумя пушками, наголову разбили турецкий флот, состоявший из двух больших кораблей по пятьсот две пушки в каждом и двух шебек с пятьюдесятью пушками (А.Новиков-Прибой).

Если слово «корона» входит в название автомобиля, то предполагается, что это – престижная модель:

За жилье еще не рассчитался, как и за машину (поддержанную «Тойоту Корону»), взятую в кредит (А.Макаров).

Монархические ассоциации способствуют, по мнению копирайтеров, успеху продукции:

Осваивайте новые, выведенные к юбилею родного города «Шапку Мономаха», «Царь-пушку», «Царь-колокол», «Корону российской империи» с наполнителями из вафельной крошки, шоколадной смеси, орехов и повидла (Столица).

Предполагается, что продукция с царской символикой по определению является качественной и превосходит аналогичную продукцию конкурентов.

Обратимся к аллегорическому истолкованию сюжета, в котором фигурирует корона.

Однажды нищий нашел на свалке грязный обруч с остроконечными зубцами, похожий на корону. Он надел этот обруч на свою лохматую голову и вдруг чудесным образом оказался на троне в царском дворце. Чужеземные послы почтительно склонились перед ним. В изумлении он дотронулся до короны и сразу же ощутил, что металлический венец начал сжимать ему голову. Торжественный прием тянулся нестерпимо долго, у подножия трона росла гора драгоценных даров из разных стран. Наконец, церемония завершилась. Властным взмахом ладони он приказал всем покинуть тронный зал и подошел к огромному зеркалу. Схватив корону двумя руками, он попытался снять ее, но не тут-то было. Режущая боль от сверкающего кольца на черепе стала невыносимой. Он почувствовал, что сходит с ума, и плюнул в зеркало. Когда он очнулся, то увидел, что лежит на свалке в груде мусора, сжимая в правой руке картонную смятую корону.

В этом тексте говорится о чудесном получении недостойным человеком царской власти, о мучениях, которые он испытал и от которых неожиданно спасся. Корона превратилась в гарроту – обруч, стягиваемый винтом, орудие варварской пытки, смертной казни путем удушения, применявшееся в средние века в Испании и Португалии. Обычно этот обруч фиксировался на шее. Спастись от мучений удалось только через демонстрацию презрения к короне. Корона оказалась бутафорской.

Аллегорический смысл, который содержится в этой притче, сводится к следующим поучениям: 1) следует знать, что великая награда может оказаться губительной для того, кто недостоин ее; 2) следует иметь в виду, что ощутив презрение к мучениям, можно избавиться от них; 3) следует знать, что предмет мечтаний в реальности может быть мусором. Корона в данном случае представляет собой иллюстрацию для определенных этических рассуждений.

Символическое осмысление короны касается ритуальных событий. Церемония коронации имеет символический характер:

Во время обедни император должен был получить из рук папы перстень, мантию и корону. Первые две регалии император взял из рук папы, но в то самое мгновение, когда папа поднял уже корону, император крепко схватил ее руками и плотно надел на свою голову. Возложив корону на себя, Наполеон сказал: «Бог дал мне ее, пусть побережется тот, кто вздумает до нее коснуться!» (П.Ковалевский).

Бонапарт сам возлагает на себя корону, показывая всем, что он не подчиняется никому на земле. В контексте постоянной борьбы между королями и папами это был значимый поступок самоутверждения.

Корона должна крепко держаться на голове:

Когда венчанный Император возложил корону на Императрицу, то по церемониалу прикреплять ее должны были дежурные статс-дамы — для формы, а в натуре это должен был исполнить парикмахер Императрицы, а так как все спешили ко времени церемонии, то поспешил и парикмахер, и, на его беду, в минуту, когда должно было начаться обратное шествие, вдруг корона сваливается с головы Императрицы, сбоку ее успели поддержать, и уже на ходу несчастному парикмахеру пришлось кое-как ее скрепить (В.Мещерский).

Падение короны было бы истолковано всеми как дурной знак.

Особое прочтение приобрело переосмысление венца в известном Евангельском сюжете:

На голову Иисуса надели импровизированную «корону», сплетенную из терновника (А.Мень).

Как известно, юридическим основанием для преследования Иисуса из Назарета было обвинение в том,

что он присвоил себе царский сан. Римские солдаты издевательски украсили страдальца терновым венцом.

Идея страданий, связанных с короной, прослеживается в следующем примере:

Один сбежавший из плена десантник рассказывал Ярому, что его друга боевики казнили так: распяли на столбе, вылепили у него на стриженой голове корону из теста, затем налили в нее бензин и подожгли (А.Грачев).

Этот художественный образ сравнивает пленного российского солдата с Христом.

Зубцы короны могут вызвать неожиданные ассоциации:

Я указал на север, куда восходящее солнце уже добросило свои первые лучи. — Похоже на королевскую корону, — решил Жан. — Или на зубья пилы, — добавила его супруга (А.Белянин).

Королевская корона сравнивается с пилой и вызывает неприятные ассоциации.

Символически насыщенным является следующее сравнение с короной:

Три гвоздя вбиты мне в голову и лучами торчат поверх головы, как корона (М.Ремизов).

Корона одновременно сравнивается с нимбом и терновым венцом, актуализируются идеи святости и страдания, при этом писатель намеренно сталкивает высокий и низкий стили повествования: гвозди могут торчать, но лучи изливаются из источника света.

Очень яркий контраст между предназначением и осуществлением власти показан в следующей сентенции:

В России нет закона, есть столб, и на столбе корона (В.Гиляровский).

В этом высказывании обличается беззаконие самодержавия, при этом монарх сравнивается со столбом (сравнение оскорбительно, поскольку столб, или остолоп, – типичное наименование глупых людей). Вместе с тем столб с короной выступает как эмблема государства.

Интересны примеры, в которых фигурирует корона как элемент театрального представления. Здесь происходит семиотическое замещение драгоценности бутафорией:

В сегодняшнем спектакле все бороды из пакли, а царская корона из лучшего картона! (С.Маршак).

Картонная корона является знаком карнавального переворачивания власти.

Отсутствие трепета перед сакральной сущностью короны отличает американцев:

Верно сказал когда-то один умный лицедей: «В Америке невозможно ставить Шекспира, ибо в представлении актеров король — это такой парень, который время от времени нацепляет корону и залезает на трон» (М.Успенский).

Обратим внимание на слово «нацепляет»: одевает как нечто смешное.

Вместе с тем актер может перевоплотиться, войдя в роль царя:

Ему помогают, его одевают, потом облачают в царские платна, в бармы, надевают корону, дают державу и скипетр — и, на глазах у всех, из изможденного, едва живого, иссохшего старика вырастает Грозный — страшный владыка с орлиным носом и глазами (К.Станиславский).

Известный режиссер показывает, как царское одеяние превращает немощного человека во властелина, который внушает всем ужас.

В афористике подчеркивается идея тяжести царской власти, высокой ответственности за принимаемые решения:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха! (А.С.Пушкин).

Uneasy lies the head that wears a crown (Shakespeare) Но нет покоя голове в венце (У.Шекспир).

Люди часто стремятся получить высшую власть, ошибочно полагая, что это автоматически даст им все радости жизни:

A crown is no cure for the headache (Franklin). Корона не излечивает от головной боли (Б.Франклин).

Люди, облеченные высшей властью, порой теряют способность адекватно оценивать ситуацию:

Царский венец слишком часто бывает только повязкою на глазах царя (П.Буаст).

Право носить корону сопряжено с постоянными опасениями потерять царскую власть, поскольку многие стремятся ее получить:

О корона, корона! Если бы люди знали, какие заботы и беды, страхи и горести таятся под тобой, то будь ты даже найдена

на базарной площади среди камней, тебя бы никто не поднял с земли! (Абрабанель).

Потеря короны обычно связана с потерей жизни:

Примеряя корону, нужно помнить, что ее снимают обычно вместе с головой (Д.Карвин).

Если упала корона, – посмотри, нет ли в ней головы! (Е.Кащеев).

Подведем основные итоги.

В эмблематике короны акцентируется идея высшей власти и богатства. Корона в концентрированном виде выражает могущество властителя и заставляет человека в короне вести себя соответствующим образом. Существует строгий церемониал возложения короны, ее ношения и передачи другим лицам. В современном сознании корона ассоциируется прежде всего с первенством, с победой в состязаниях, с абсолютным преимуществом в разных сферах деятельности, и это отражено в использовании слова «корона» при наименовании товаров и услуг.

Аллегорическое осмысление короны касается либо идеи высшей земной власти, которая очень притягательна для многих, либо необходимости соответствия того, кто носит корону, требованиям, предъявляемым к монарху, либо иллюзорности царской власти.

Символика короны акцентирует не только желанность власти, ее очарование, но и неизбежную расплату за высшую власть – утрату покоя, бремя ответственности и постоянное чувство угрозы для жизни. Корона символизирует сакральность высшей власти, она обладает способностью мучить тех, кто добился ее негодными средствами, обычно потеря короны влечет за собой смерть. В христианском вероучении корона имеет символическую ценность: как нимб – это знак святости, а как терновый венец – символ мученичества. Игровое переосмысление короны семиотически противопоставляет ее сакральный статус и сценическое воплощение.

1.3.5. Лингвосемиотика аллегорий (русские и китайские пословицы)

Аллегория, или иносказание, представляет собой двуплановое высказывание, внешнее содержание которого связано с определенными характеристиками внешнего, наблюдаемого мира, а внутреннее содержание – с нормами поведения или законами миропорядка. Аллегория используется в тех случаях, когда говорящий считает необходимым дать возможность адресату сделать некоторое минимальное интеллектуальное усилие для того, чтобы прийти к определенным выводам. Сделав такое усилие, адресат овладевает престижным стилем общения, понимая, что непрямая коммуникация представляет собой выражение уважения к нему. Специфика аллегории в отличие от символа состоит в том, что аллегория допускает только одно прочтение, в то время как символ принципиально многозначен. У этих способов непрямого выражения смысла существует разная направленность: аллегория сориентирована на приобщение человека к неким нормам социума, она направлена на коллективное знание, символ же в его художественном понимании нацелен на выход за рамки коллективного знания, на актуализацию индивидуального творческого осмысления мира. Разумеется, речь идет о типичных аллегориях и символах. Например, известное русское речение «*Где тонко, там и рвется*» имеет одно прочтение: неудача случается чаще в тех ситуациях, где нет запаса прочности (это осуждение непредусмотрительности). В художественном тексте однозначная интерпретация вряд ли возможна: «*Женщина – подстрочник, мужчина – перевод, Бог – первоисточник. Вот!*» (Вера Павлова). Сравнивая разные типы текстов и предназначение мужчин и женщин, поэт приглашает нас задуматься и понять многомерность такого предназначения. Но наряду с однозначными аллегориями и многозначными символами существуют промежуточные образования, в частности сложные аллегории и относительно простые символы. Кроме того, к одному и тому же тексту можно подойти с разными интерпретативными установками, не случайно в любой фразе при желании можно найти эзотерический смысл.

Несмотря на то, что механизм аллегории универсален, существуют этнокультурные модели типичного выражения поучений. Эти модели отражают многовековой опыт освоения мира, свойственный определенному языковому сообществу. С позиций лингвокультурологии можно говорить об этноспецифической концептуализации действительности (Воркачев, 2009; Карасик, 2004; Шмелев, 2002). Весьма продуктивной является новая лингвокультурологическая модель этностилистики, предполагающая выделение этностиля – стилевых характеристик, типичных для коммуникативной практики определенного народа (Ларина, 2009).

В данной работе рассматриваются этностилистические особенности русских и китайских аллегорий на материале пословиц и поговорок. Материалом для анализа послужили паремиологические справочники, составленные В.И. Далем, В.П. Жуковым, Г.Л. Пермяковым и Б.Л. Рифтиным.

Этнокультурная специфика пословиц проявляется в нескольких аспектах: 1) типичный образ, положенный в основу аллегории, 2) типичные модели универсальных высказываний, 3) типичная коммуникативная тональность таких речений.

Типичные образы аллегорий связаны с реалиями, окружающими людей. Это реалии географические (в русских пословицах фигурируют лес, поле, река, а не горы, море, тундра), исторические (например, «*Душа божья, тело государево, а спина барская*» – здесь речь идет о физических наказаниях, которым подвергались в России крепостные крестьяне), обиходные (одежда и обувь, жилище, продукты питания), типичные представители фауны и флоры. В китайских паремиях отражены соответствующие реалии: *«У собаки во рту не вырастут бивни слона», «Даже красные цветы поддерживают зеленые листья», «Если дома почитаешь родителей, то зачем же идти далеко жечь ароматические палочки?».*

Обратим внимание на разные типы ситуаций, которые были осмыслены как основания для поучений. Например, интересна диалектическая русская паремия: «*Не прав медведь, что козу задрал; не права коза, что в лес ушла*». В этой фразе говорится о том, что в конфликте обычно

виноваты оба его участника. Китайцы отмечают диалектику развития событий по-своему: «*Вода может нести лодку, а может и перевернуть ее*». Здесь говорится о том, что не следует рассматривать развитие событий только в благоприятном плане. Ситуации такого плана имеют место везде (домашние животные могут отвязаться и уйти в лес, лодка может перевернуться), но в одной культуре они осмысливаются как повод для аллегории, а в другой – нет. Существуют и симметричные варианты аллегорического осмысления ситуаций, например, по-русски говорят о том, что «*Ложка дегтя портит бочку меда*», а по-китайски – «*Горошина мышиного помета портит котел каши*». В обоих случаях речь идет о том, что малая степень чего-то плохого перечеркивает все хорошее, каким бы большим оно не было. Такая симметричность рассматривается В.М. Савицким как семантический изоморфизм – «*возить уголь в Ньюкасл*» (англ.), «*возить борд – сорт ткани – в Йемен*» (перс.), «*со своим самоваром в Тулу ехать*» (рус.) (Савицкий, 2006, с.41). В этих выражениях критикуется бессмысленность усилий по доставке чего-либо туда, где соответствующий предмет имеется. Аналогичные изоморфные речения касаются и других ситуаций: «*Сапожник – сам без сапог*» (рус.), «*Продающий веер обмахивается рукой*» (кит.).

Критика социальной несправедливости отчетливо и разнообразно выражена в русских пословицах: «*Алтынного вора вешают, полтинного чествуют*» (простых людей сурово наказывают за кражу в малых размерах – алтын был равен трем копейкам, а преступников, расхитивших казну, хвалят: серебряная полтина – 50 копеек – считалась сравнительно большой суммой денег). В пословицах отчетливо выражено критическое отношение к представителям закона: «*Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос*». Вместе с тем в коллективном крестьянском сознании ясно выражена идея допустимости умеренного покушения на чужую собственность: «*Около печи нельзя не нагреться*», «*Быть у воды – как не напиться?*». В русских пословицах формулируется великая дилемма, стоящая перед честными людьми: «*Неправдою жить – не хочется, а правдою жить – не можется*». В этом речении нет образности, перед нами

горькая этическая сентенция, которая конкретизируется в следующих паремиях: «*За правдивую погудку смычком по рылу бьют*», «*Грех воровать, да нельзя миновать*». Этическое и практическое в русском сознании четко разделены и противопоставлены. Такая антитеза имеет универсальный характер, человек живет в двойном измерении: он твердо знает, как следует себя вести, видит, что так прожить невозможно, сознательно идет на нарушения, оправдывая себя тем, что реальная жизнь не соответствует законам высшей справедливости. Бросается в глаза непрагматичность норм русского поведения, отраженного в пословице: «*Доносчику первый кнут*». Это речение объясняется исторически обычаем пытать доносчика первым, чтобы убедиться в истинности его показаний. Следовательно, доносительство не поощрялось. В русских пословицах выражена надежда на то, что справедливость будет восстановлена: «*Отольются волку овечьи слёзки / Отольются кошке мышкины слёзки*» – Обидчику придется держать ответ за обиды, причинённые слабому. Эта фраза обычно произносится как утешение обиженному.

Для русского языкового сознания весьма важной является идея трезвой оценки непреодолимых обстоятельств: «*Лбом стену не прошибёшь»*, «*Плетью обуха не перешибёшь*», современное речение «*Против лома нет приёма*». Такая трезвая оценка базируется на необходимости смирения, весьма важного концепта традиционной русской лингвокультуры. Смирение предполагает жертвенность: «*Лес рубят – щепки летят*». Говорящий признает, что жертвы неизбежны и тем самым оправдывает их заранее.

В китайских паремиях акцент делается на практических последствиях поступков: «*Выбитые зубы попадают в живот*» (когда нет возможности жаловаться, надо молча переносить обиду). Вместе с тем констатируется несправедливость мироустройства: «*Все хорошие дела достаются прекрасной барышне, а плохие – валятся на плешивую служанку*». Вывод – тем, кому плохо, и далее придется страдать.

Китайцы подчеркивают множественность взглядов на мир: «*Выпадет снег – собакам радость, а у воробья в животе полно злости*». Акцентируется идея различий между людьми, при этом нет указания на какую-то одну позицию, с которой ассоциирует себя говорящий. При этом делается вывод, что когда от чего-то кому-то хорошо, другому от этого же будет плохо. В русских пословицах на первый план выдвигается мысль о том, что люди отличаются друг от друга своими пристрастиями: «*На вкус и на цвет товарища нет*», «*Кто любит попа, кто попадью, кто попову дочку*».

В китайских паремиях осуждается претенциозность: «*Днем ходит, как вельможа, а по ночам ворует сою*». В этом речении выражена очень важная для китайской лингвокультуры норма поведения – нельзя терять лицо.

Ориентированность на эту жизнь резко отличает китайские паремии от русских: «*Думай лучше о еде в этом мире, а не о том, что на том свете нечем будет топить*». Человек должен думать о проблемах насущного дня.

В китайском языковом сознании остро переживается идея несоответствия между низким статусом человека и его завышенными притязаниями: «*Жаба всем сердцем хочет попробовать лебединого мяса*». Вместе с тем допускается возможность выхода за рамки своей социальной группы: «*И из курятника выходят фениксы*». Феникс, как и дракон, являются высшими персонажами китайской мифологии. В китайском сознании закреплена идея возможности социального роста человека. В русском сознании такой рост оценивается иначе: «*Из грязи, да в князи*». Здесь подчеркивается другой смысл: получив высокий статус, человек низкого происхождения остался тем же, кем и был – грязью. Эта весьма частотная паремия используется в тех ситуациях, когда люди презрительно отмечают низкие этические качества тех, кто сумел пробиться наверх. В русских паремиях идея соответствия статуса человека и его поведения выражена как предостережение тем, кто вмешивается не в свое дело: «*Знай сверчок свой шесток*». Вместе с тем и в русском языковом сознании приветствуется идея продвижения по службе: «*Плох тот солдат, который не надеется стать генералом*». Вероятно, в

коллективном сознании есть некая усредненная норма социального роста, плохо, если кто-то слишком быстро поднимается вверх, и нехорошо, если кто-то останавливается на пути.

Принято считать, что в китайской лингвокультуре не поощряется самовыдвижение. Однако в корпусе китайских пословиц наличествует такое речение: «*Если есть цветы, так воткни их в волосы при всех*». Это означает, что окружающие должны знать о достоинствах человека, их не нужно скрывать. Человек не должен со всеми соглашаться: «*Из круглых камней стена непрочная*». Аллегория понятна: удобный и приятный всем человек сравнивается с круглым камнем, но на такого человека нельзя положиться.

Китайские пословицы советуют человеку придерживаться выбранного курса: «*Коль собрался бить в барабан, не бей в гонг*». Стабильность высоко ценится в китайской лингвокультуре. Очень интересно речение, в котором рекомендуется ценить то, что находится рядом: «*Лекарство, что стоит тысячу монет, растет у самого плетня*». Народная мудрость учит человека внимательно смотреть на реальность и говорит о том, что наилучший выход из сложной ситуации может быть найден поблизости.

Китайцы подчеркивают важность умеренности: «*При трех ноздрях будет идти лишняя струйка воздуха*». Иначе говоря, избыток вреден. В русской лингвокультуре актуализируется идея полярного контраста, драматического выбора между взаимоисключающими вариантами: «*Пан либо пропал*», «*Либо в стремя ногой, либо в пень головой*», «*Либо грудь в крестах, либо голова в кустах*». Такой выбор – всё или ничего – свидетельствует о приоритете эмоционального романтического порыва над здравым смыслом, о презрении к золотой середине и, если задуматься, о более значимой роли ситуаций противоборства по сравнению с ситуациями повседневного труда.

В русском языковом сознании множественно и вариативно выражена идея коллективизма: «*Лес по дереву не плачет*» – Интересы всего общества важнее интересов отдельных людей. Особенно важно быть вместе с другими людьми в критических ситуациях: «*На миру и смерть красна*».

Количество ратников часто решает судьбу сражения: «*Один в поле не воин*». Коллективный труд более производителен: «*Артельный горшок гуще кипит*», «*Одной рукой узла не завяжешь*» – Сообща легче справиться с любым делом. В китайской паремиологии показаны как плюсы, так и минусы коллективной жизни. В рискованных предприятиях человеку нужна поддержка: «*Чтобы убить тигра, непременно нужны родные братья*». Помимо коллективности в этом речении подчеркивается важность родственных связей. Но в паремиях встречаются и критические оценки тесных взаимных связей: «*Можно вместе переносить невзгоды, нельзя вместе делить радость*». Подобная пословица резко диссонирует с русскими речениями на эту тему: «*Если радость на всех одна, то и беда одна*».

Отметим точность наблюдений о человеческом характере в китайских пословицах: «*Сорвавшаяся рыба всегда самая большая*». Человеку свойственно преувеличивать значимость того, что потерялось, чуть не став обретением.

Универсальные высказывания строятся по определенным моделям, включающим кванторы существования и всеобщности, причинно-следственные отношения, перечисления и противопоставления. Если говорить о прототипных ситуациях поучений, лежащих в основе аллегорических речений, то это ситуации побуждения к действию, запрета (побуждения к отказу от возможного действия), констатации некоторого положения дел – простого и сложного. Например, «*Не бей Фому за Ерёмину вину*». В этом запрете содержится предписание устанавливать ответственность человека за совершенное им действие и не наказывать невиновного. В паремии содержится обобщенное наблюдение, включающее несколько суждений. Например, «*Ворон ворону глаз не выклюет*». Это речение означает, что своих в сложной ситуации пожалеют. Ворон может выклевать глаз другому живому существу, и люди могут вести себя достаточно агрессивно, но по отношению к своим агрессия будет иной по сравнению с отношением к другим.

В китайских паремиях весьма часто мы сталкиваемся с симметричными суждениями. Например, «*Деньги в руках посыльного – баран во рту у тигра*». В этой конструкции (А есть В) второе суждение раскрывает сущность первого. Именно второе суждение содержит аллегорию. Подобные речения встречаются и в русской коммуникативной практике («*Женщина за рулем – обезьяна с гранатой*», распространенное сексистское утверждение, посредством которого мужчины пытаются самоутвердиться в собственных глазах; на самом деле женщины водят автомобили осторожнее мужчин). Интересны симметричные китайские речения, в сжатом виде повествующие о развитии некоторых событий: «*дерево свалится, мартышки разбегутся*». Аллегорический потенциал этой паремии допускает такую интерпретацию: дерево – любая опора в прямом и переносном смысле, позволяющая тем, кто находится там, чувствовать себя в безопасности, как только эта опора рушится, они пытаются спастись. При этом нужно знать, что мартышки бывают агрессивными, особенно, когда чувствуют себя неуязвимыми: их любимое занятие – бросать сверху на людей или животных плоды. Таким образом, общий смысл такого речения – обидчики торжествуют, пока они в безопасности, но это пройдет. В китайских паремиях часто имеет место риторическое удвоение смысла: «*Женщина, продающая овощи, ест желтые листья; женщина, продающая цветы, вставляет бамбуковые листья в волосы*». В этом изречении выражена одна идея в двух вариантах: тот, кто распоряжается какими-либо ресурсами, часто не пользуется ими. Продавая овощи, можно было бы их есть, но женщина не может использовать даже свежие зеленые листья и вынуждена довольствоваться высохшими желтыми; и продавщица цветов не может воспользоваться своим товаром для украшения своих волос. Аналогичным образом используется риторическая тавтология в других китайских пословицах: «*Когда лодка опаздывает, то и ветер встречный; когда крыша протекает, то и дождь идет*». Смысл этого удвоенного речения в том, что неблагоприятные обстоятельства часто накладываются друг на друга. В

русском языке эта идея выражена менее образно: «*Беда не приходит одна*», «*Пришла беда – открывай ворота*». В английском языке есть подобное высказывание: «*It never rains, but it pours*» – Если уж пошел дождь, то это – ливень. Китайская концептуализация такого положения дел является более подробной. Идея выражена с помощью двух образов-ситуаций, которые по своей динамичности похожи на видеоклип.

Симметричность структуры многих китайских пословиц объясняется следующим образом: «типичной спецификой китайской пословицы является *dui ou* (букв. пара + парность; знач. параллельный стиль или симметрическое построение ее частей). Она отражает специфику мышления китайского народа (единство противоположности) и эстетическое восприятие их (парность) (Лю Цзюань, 2004, с.94). Симметричные поучения обычно содержат общую идею, выраженную формулой «A – B, C – D)», при этом в аллегорическом смысле переосмысливаются все компоненты паремии. Например: *Chu men wen lu, ru xiang wen su – Отправляешься в дальний путь – узнай дорогу; придешь на новое место – узнай обычай*. Эта пословица применима к широкому спектру ситуаций знакомства с кем-либо. В паремиях могут полностью повторяться компоненты первой и второй частей: *Yi bo wei ping, yi bo you qi – Не успела одна волна накатить, как поднимается другая.* В этом образе аллегорически выражена идея необходимости постоянно быть готовым к испытаниям судьбы.

Модели универсальных высказываний, выступающих в качестве основы для аллегорического осмысления, представляют собой свернутые повествования. Аллегория часто выражается в виде нарратива:

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил посланцу:

- Видали вы когда-нибудь жертвенного быка? Наряжают его в расшитые ткани, откармливают сеном и бобами! А потом ведут в храм предков – на заклание. Он и рад бы тогда снова стать простым теленком – да не тут-то было! (Чжуан-цзы).

В этой притче говорится о расплате за роскошную жизнь. Фабула данного повествования представляет собой диалог царского посланца и мудреца, который, отказываясь от

лестного приглашения стать придворным, аллегорически сравнивает царедворца с жертвенным быком. Сюжет нарратива – это жизнь жертвенного животного: этот бык избран из стада, его красиво наряжают, сытно кормят, мы можем также заключить, что его не заставляют работать, а потом его ведут на заклание, и вернуться в стадо и стать простым быком он уже не может. Эту притчу можно было бы свернуть в пословицу: Знает ли жертвенный бык, для чего его откармливают?

В русской культуре поучения ситуативно конкретизированы и часто завершаются четкой формулировкой, которая впоследствии начинала циркулировать в качестве пословицы. Например: «*Целовал ворон курочку до последнего перышка*». Иная любовь приводит объект этой любви к печальному концу, и человек иногда не понимает, что губит любимое существо своей страстью. Вместе с тем в известном собрании сказаний и легенд русского народу в книге А.Н.Афанасьева приводится ряд притч, имеющих религиозную основу. Например:

Когда-то пришел Христос в худой нищенской одеже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись — мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость! Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так, самая малость. «Вот дурак! Сколько отдал,— думает мельник,— да я еще за помол возьму; что ж ему-то останется?» Ну, хорошо.

Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпется, да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпется, да сыпется... Мужик не знал, куда и собирать-то!

Эта история («Чудо на мельнице») представляет собой сюжет об испытании богатого и бедного на щедрость.

Богатый мельник отказал нищему в милостыне, бедный мужичок щедро поделился с нищим своим зерном, и поэтому произошло чудо: из небольшой мерки ржи вышло много муки. Мораль этой истории сводится к тому, что следует быть щедрым. Скупой богач будет наказан, а щедрый бедняк награжден, или еще короче: скупой потеряет, а щедрый найдет. Щедрость, как известно, – одна из базовых ценностей традиционной русской культуры. Кроме того, в этой притче содержится осуждение богатых людей, которые из-за своего богатства очерствели сердцем. В современном русском языковом сознании существует пословица «*Скупой платит дважды*». Интересно, что в современном русском паремиологическом фонде нет речений, в которых бы положительно оценивалась щедрость. Возможно, это связано с тем, что осуждение недостатков более значимо, чем восхваление достоинств. Отметим также, что противопоставление богатства и бедности в современном русском сознании приобрело иной характер: «*Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*». Такая метаморфоза ценностей объясняется изменением социальных ориентиров в современной России. Норма становится актуальной только тогда, когда в ней есть некая новизна, самоочевидные вещи повторяются только с игровой целью. Можно, разумеется, усмотреть игровой смысл в приведенном речении, и тогда оно воспринимается как пустоговорка, существующая для заполнения паузы. Но можно построить иную объяснительную схему: раньше считалось, что главное – это духовное богатство, а материальный достаток не важен, а теперь считается, что материальное богатство, как и физическое здоровье, – это то, к чему следует стремиться.

Коммуникативная тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения (Карасик, 2009). Тональность ситуативна и присуща дискурсу в целом, отдельные высказывания могут значительно отличаться друг от друга по этому параметру,

попадая в другие типы дискурса. Но если даже слово, по М.М.Бахтину, хранит в своем значении типичные ситуации употребления, то подобная дискурсивная память тем более свойственна высказываниям. Это в полной мере относится к универсальным высказываниям, которые предназначены для поучений. И.М.Снегирев (1848, с.XXIII) отмечает, что «коренная, древнейшая форма пословиц есть эпическая; но нередко облекается она в лирическую и символическую, иногда принимает и драматическую». Эпическая форма представляет собой повествование – в прошедшем, настоящем либо будущем времени. Мы видим развитие событий: «*Взвыла собака на свою голову*» (рус.) – Собака завыла, хозяин вышел и побил ее. Мораль: надо молчать, как бы плохо ни было на душе, иначе будет еще хуже, поскольку люди редко проявляют сочувствие. Мы можем представить себе ситуацию использования такого речения следующим образом: в неподходящий момент кто-то жалуется начальнику на кого-либо, а начальник вместо сочувствия начинает ругать обиженного. Комментатор, рассказывая такую историю, приводит эту пословицу в качестве типичного развития событий. Подобные высказывания широко распространены в русской паремиологии. Перед нами притча в ее классическом концентрированном выражении, т.е. отдельный случай, имеющий аллегорическое истолкование. В высказывании выражена авторская оценка поступка – «на свою голову». В этом комментарии мы видим и осуждение, и сочувствие.

В китайской паремиологии критические речения широко представлены: «*Бедный за богатым ходит, ходит – а штанов все равно нет*» (кит.). Отрицательно оценивается неверная стратегия поведения. В затруднительной ситуации слепое подражание или ожидание помощи не принесет пользы. Человек должен искать иные решения. Обращает на себя внимание саркастичность речения. Подобная тональность прослеживается во многих речениях, осуждающих неумное поведение: «*Поднял с земли семена кунжута, а потерял арбуз*» (кит.). Преследуя неверную цель, человек неизбежно несет потери. Ситуации ошибочного поведения весьма разнообразны. Например: «*Когда вор ушел, закрывают*

двери» (кит.). Надо было вовремя думать о вероятных неприятностях. Ирония выражается в несоответствии поступков: «*Когда садишься в свадебный паланкин, поздно прокалывать дырочки в ушах*» (кит.). Осуждается отсутствие планирования и предусмотрительности в жизни. В современном русском разговорном обиходе есть соответствующее присловье: «*Поздно пить боржом, когда печень отвалилась*» (рус.).

Ироничная тональность прослеживается в целом ряде русских пословиц. Например: «*Вылетела пташка из клетки, не знает, где и сесть*» (рус.). Бывает так, что человек, осуществив свою мечту, не знает, что дальше делать. Особенно это касается молодых и неопытных людей. Говорящий не проявляет сочувствия к персонажу, сравнивая его с глупой птичкой, а укоризненно покачивает головой. Иронично звучит речение, выражающее критическую оценку неблагодарности: «*Дали нагому рубашку, а он говорит: толста*» (рус.). Эта идея в иной тональности достаточно часто проявляется в паремиологическом фонде: «*Дареному коню в зубы не смотрят*» (рус).

В пословицах часто аллегорически выражается призыв к бдительности. Например: «*Умерла щука, да зубы остались*» (рус.) – Хотя источник зла устранен, его последствия еще будут приносить вред. Эта идея очень важна: в данном речении содержится предостережение против беспечности. Перед нами серьезное поучение в чистом виде.

В пословицах может содержаться утешение и сочувствие. Например: «*Подняться в небо – нет дороги, спуститься под землю – нет ворот*» (кит.). Так говорят о безвыходном положении. По-русски в такой ситуации говорят так: «*Куда ни кинь, везде клин*» (рус.). Русское речение носит более разговорный характер. Общий вывод таких речений – случаются безысходные ситуации. Зачем нужны такие речения, в которых не содержится совет? По-видимому, они являются способом эмоциональной разрядки и в этом плане эквивалентны междометиям, если обращены к самому себе. Но если такие высказывания адресованы другим людям, то предполагается, что в ответ говорящий услышит слова сочувствия и поддержки. С

некоторыми оговорками такие речения можно назвать лирическими. Утешение сопряжено с оправданием: «*Пока не попадешься на удочку, не станешь знатоком*» (кит.). Здесь выражена идея неизбежности совершения ошибок. Эта же идея прослеживается в русской пословице: «*Конь о четырех копытах, и тот спотыкается*». Такой вывод зафиксирован в паремиологии многих народов, например: «*Человеку свойственно ошибаться*» (лат.). Существуют и речения, в которых сочувствие не сопряжено с оправданием: «*Уломали сивку крутые горки*» (рус.). Так говорят о тех, кто не выдержал напряженной работы, сошел с дистанции, не выполнил своих планов. Такая ситуация точно отражена в хрестоматийно известных словах Катерины Ивановны Мармеладовой из романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»: «*Заездили клячу – надорвалась!*». Яркий образ уставшей изможденной лошади сразу же обрастает аллегорическим смыслом.

Некоторые паремии парадоксальны: «*Огонь в бумагу не завернёшь*» (кит.). Здесь выражена идея бессмысленности применения неподходящих средств для решения тех или иных проблем. Подобные парадоксальные суждения есть и в русской паремиологии: «*Плетью обуха не перешибешь*» (рус.). Несочетаемость огня и бумаги, плети и топора самоочевидна. Говорящий находит яркий контраст для того, чтобы объяснить адресату, что тот поступает неправильно и неизбежно сильно пострадает, если не изменит своего поведения. Перед нами акцентированная тональность настойчивого увещевания. Здесь можно усмотреть и самооправдание: говорящий оправдывается перед собой или другими, что предпринимал какие-то усилия, но все оказалось безрезультатным.

В паремиях может выражаться тональность удивления, смешанного с некоторой досадой: «*В рай за волосы не тянут*» (рус.). Так говорят в тех случаях, когда не удается убедить кого-либо в том, что было бы ему полезно. У этого речения есть коммуникативные эквиваленты: «*Вольному воля, а спасенным рай*» (рус.) или в современном варианте с некоторой долей юмора: «*Колхоз – дело добровольное*» (рус.).

В русской паремиологии обращают на себя внимание шутливые речения. Например: «*У каждой избушки свои поскрипушки*» – Каждому человеку присущи какие-то свои привычки, которые кажутся странными другим. Эта идея поддержана современным разговорным речением: «*У каждого свои тараканы в голове*». Стремление понизить стилистический регистр в поучении свидетельствует о том, что говорящий отдает себе отчет в возможной негативной реакции на это поучение со стороны слушающего. Такая коммуникативная тактика оказывается весьма успешной, поскольку, как известно, действенна только благожелательная критика. В китайской паремиологии подобные шутливые изречения попадаются значительно реже. Возможно, требуется более полный список пословиц, но не исключено, что в китайской лингвокультуре поучение не сопряжено с юмористической тональностью. В ряде случаев ирония становится достаточно едкой: «*Хоть дуйся, хоть не дуйся, уж не быть быком лягушке*» (рус.). В этом речении осуждается спесивое надменное поведение кого-либо.

В пословичном фонде представлены и диалоги, своеобразные драматургические аллегорические речения: *«Тит, пойди молотить!» – «Брюхо болит». – «Тит, пойди вина пить!» – «Дай кафтанишко ухватить».* Вариант: *«Тит, иди кашу есть!» – «А где моя большая ложка?»*. В этом диалоге иронически показано отношение к лодырю.

Подведем основные итоги.

В коммуникативной практике выделяются ситуации, значимые для поучений. Такие ситуации закрепляются в определенных речениях, обычно в пословицах и притчах. Анализ русских и китайских аллегорий на материале паремиологии показал, что существует определенная специфика фиксации аллегорического смысла в сравниваемых лингвокультурах. Эта специфика выражается в типичных образах, которые положены в основу аллегорий, в типичных моделях универсальных высказываний и типичных разновидностях коммуникативной тональности, закрепленных в соответствующих аллегорических речениях. Образ, модель

и тональность представляют собой семиотическое представление прототипной ситуации поучения, в которой выделяются семантические, синтактические и прагматические характеристики. Семиотическое своеобразие образов, используемых в аллегорических речениях, сводится к набору исходных реалий и к совокупности значимых идей, выражаемых посредством этих реалий. В русской лингвокультуре выделяются идеи справедливости и коллективизма, в китайской – целесообразности и трезвого учета обстоятельств. Китайские паремии часто построены в виде симметричных суждений, русские аллегорические высказывания могут выражаться в разных структурных типах предложений. Основными типами коммуникативной тональности в паремиологии являются осуждение и утешение, при этом для русских речений характерно шутливое снижение стилевого регистра, а для китайских – явно выраженная назидательность.

1.4. Коммуникативные характеристики массовой культуры

1.4.1. Девербализация

Одним из общих мест в современном сознании является констатация резкого обеднения языковой культуры наших сограждан. Чем вызван данный процесс и каковы вероятные последствия изменения языкового сознания и коммуникативного поведения?

Прежде всего, следует отметить, что критики сложившегося положения дел правы лишь частично. Словарный запас и коммуникативная компетенция большинства населения в любой стране отражают потребность этого населения в адекватном выражении своих чувств, воздействии на собеседников и сообщении им некоторой релевантной информации. Обиходная жизнь в ее устном вербальном облачении требует лишь минимума словесных знаков для обеспечения социального взаимодействия. Известен тезис психолингвистов о том, что в устном общении невербальные знаки превалируют

над вербальными (Горелов, 2006), и это в полной мере соответствует золотому правилу Цицерона: главным в речи является требование уместности. Обиходное общение в своих основных разновидностях направлено на побуждение собеседника к действию, выражение эмоций, запрос и передачу практического знания. Все эти виды общения в значительной мере обусловлены коммуникативной ситуацией, и элементы этой ситуации пронизывают подобное симпрактическое взаимодействие. Кроме того, вербальный ряд общения адекватно заменяют его разнообразные паравербальные элементы – взгляд, мимика, жестикуляция, сопровождающие речь действия, коммуникативно значимое молчание. Людям в ситуации обиходного общения не требуется поиск и выбор слов, необходимый минимум вербальных знаков приходит спонтанно и моментально. Требуется не точное, а функционально адекватное замещение коммуникативной потребности вербальным знаком, и поэтому важнейшей характеристикой обиходного общения является широкая семантическая вариативность используемых знаков, размытость их семантики и логически связанная с этим качеством ситуативная обусловленность. В ряду словесных знаков этим требованиям более всего соответствуют междометия и их эквиваленты.

Вряд ли кто-то арифметически установил соотношение обиходного и необиходного общения в ежедневной жизни людей. Можно лишь предположить, что ежедневная жизнь складывается из бытового жизнеобеспечения, производственной (либо учебной, либо игровой) деятельности и условного остатка, который можно определить как выход на духовный уровень бытия.

Бытовое жизнеобеспечение требует минимума словесных знаков, более того, эти знаки часто дополнительны и играют фатическую роль в общении, свидетельствуя в основном о наличии контакта между коммуникантами. Когда мама утром говорит сыну: «*Умылся? Иди за стол*», никакой новой информации тот не получает, эта фраза говорит о том, что все идет по обычному сценарию. Производственное общение, составляющее

значительную часть жизни взрослого населения, как известно, распадается в коммуникативном отношении на три типа: 1) девербальное, не требующее словесного выражения (многие виды физического труда, изобразительное искусство, музыка и др.), 2) вербальное, состоящее в словесном выражении (педагогическая, юридическая, религиозная, административная, массово-информационная, художественно-литературная и другая деятельность), 3) конвербальное, включающее элементы словесного выражения (медицина, различные виды сервиса, научные исследования и др.). При всей условности подобного деления видов производственного общения следует признать, что в тех случаях, когда вербальное выражение не является необходимым компонентом деятельности, оно по своей сути смыкается с вербализацией бытового жизнеобеспечения.

Учебная и игровая деятельность в лингвистическом плане не отличаются принципиально от деятельности производственной, если согласиться с известным тезисом психологов о корреляции этих видов активности с возрастом человека: младшие играют, подрастающие учатся и взрослые трудятся. Разумеется, элементы игры и учебы пронизывают и жизнь взрослых. Как игровая, так и учебная деятельность включает конвербальное и девербальное поведение.

Духовный уровень бытия – это особая ипостась человеческого существования. Апологетический подход к человеку требует признать, что выход на этот уровень бытия присущ всем представителям рода человеческого в моменты восхищения прекрасным, столкновения с чудом, в ситуациях моральных коллизий. Этот выход может находить вербальное выражение, но может быть и невербальным. Отметим религиозную практику монахов, принявших обет молчания: этот опыт является доказательством факультативности вербального ряда в освоении духовного уровня бытия. Критический подход к человеку в данном отношении заключается в тезисе о том, что многие успешно существуют, не задумываясь о смысле

жизни и функционируя как биологические особи. В мягкой иронической форме эту идею выразил Хулио Кортасар:

Не без труда один из хронопов изобрел жизнемометр. Нечто среднее между термометром и манометром, картотекой и curriculum vitae.

К примеру, хроноп принимает дома фама, надейку и языковеда. Используя свое изобретение, он определяет, что фам является инфражизнью, надейка – паражизнью, а языковед – интержизнью. Что касается самого хронопа, то он может быть отнесен к слабому проявлению супержизни, но, скорее, в смысле поэтическом.

Во время обеда хроноп с наслаждением слушает сотрапезников, беседующих, по их мнению, на одну тему, а на самом деле кто в лес, кто по дрова. Интержизнь пользуется такими отвлеченными понятиями, как дух и сознание, что для паражизни равносильно звуку дождя, слушать который тоже дело тонкое. Разумеется, инфражизнь то и дело просит передать ей тертый сыр, а супержизнь разделывает цыпленка со скоростью сорок два оборота, по методу Стенли Фитцсиммонса. Покончив со сладким, все прощаются и отправляются по своим делам, а на столе после жизней остаются лишь разрозненные кусочки смерти (Жизнь хронопов и фамов).

Хронопы, фамы и надейки – это фикциональные типажи, отражающие существенные разновидности людей. Первые наблюдают за жизнью, переживая свои наблюдения, вторые просто существуют, не задумываясь ни о чем и получая от жизни удовольствие, а третьи пытаются заставить всех жить по правилам приличий, не вникая в суть вещей.

Итак, первый вывод, который следует сделать из рассуждений об обеднении языкового сознания и коммуникативного поведения современников, состоит в том, что разным типам людей в разных типах ситуаций неизбежно присуща минимальная вербализация поведения, стремящаяся к девербализации, и это явление ни в коей мере не свидетельствует о дегенерации человечества.

Вторая линия рассуждений связана с влиянием массовой культуры на сознание и поведение людей. Суть массовой культуры состоит в особом влиянии общества как

целостного организма на поведение индивидуума: чем более многочисленным является социум, с которым ежедневно контактирует отдельный его представитель, тем в большей мере поведение человека носит сугубо знаковый характер. В малых сообществах люди знают друг друга, имеют совместный опыт переживания различных ситуаций, воспринимают свое сообщество как некое единство и идентифицируют себя с ним. В крупных сообществах индивидуум проявляет себя как член своей малой группы (таких групп бывает несколько) и как элемент большой системы, требующей от человека соблюдения стандартных норм формального поведения. Именно принадлежность человека к большой системе приводит к специфическим массовым формам поведения.

Социологи, изучающие влияние города на поведение человека, отмечают, что человек городской существенным образом отличается от человека природного: природный порядок покоится на обычае и традиции, городской порядок – на индивидуальной борьбе за существование в искусственных условиях (Парк, 2008). Эта индивидуальная борьба проявляется как противостояние индивида и многочисленного скопления индивидов, составляющего, по Г.Лебону, одухотворенную толпу. Толпа подчиняется бессознательным мотивам: «В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума» (Лебон, 1995, с. 161). Рассуждая о факторах, влияющих на специфическую психологию толпы, цитируемый ученый выделяет следующие три момента: 1) снятие с себя ответственности, 2) заразительность поступков, 3) восприимчивость к внушению. Для толпы характерны такие свойства, как импульсивность, раздражительность, некритичность, отсутствие рассуждения, преувеличенная чувствительность (цит. соч., с.162, 164). Эти качества толпы в концентрированном виде отражаются в массовой культуре. Лингвистически релевантной характеристикой массовой культуры является гипертрофия эмоционального компонента и редукция рационального компонента в вербальных реакциях. Следует отметить, что эмоциональный компонент в поведении неоднороден.

Признавая справедливость тезиса В.И. Шаховского о том, что «эмоция является ядром языковой личности» (Шаховский, 2008, с.48), подчеркну принципиальное отличие эмоций окультуренных от эмоций биологических. Проявление биологических эмоций составляет специфику поведения толпы.

Составители рекламных роликов максимально используют это свойство массовой культуры: «*Имидж – ничто, жажда – всё!*». В приведенном примере реклама прохладительного напитка навязывает зрителям определенные нормы поведения: нужно удовлетворять свои желания и не следует обращать внимания на мнение окружающих. Эти нормы выражены в виде контрастного высказывания с компонентами «ничто – всё». Обратим внимание на лозунговый характер этой рекламы и ее связь с прецедентными текстами *(«Движение – всё, цель – ничто!» и «Du bist Nichts, dein Folk ist Alles!» – «Ты – ничто, твой народ – всё!»*). Политический лозунг социал-демократа Э.Бернштейна, который подверг ревизии идею К.Маркса о цели пролетарской революции, и девиз немецких нацистов построены на упрощенном контрастном сопоставлении ценностей. Составители рекламного текста манипулятивно противопоставляют понятия «имидж» и «жажда»: жажда показана как нечто естественное, а имидж – как артефакт, как социальная условность. Следствие – призыв к снятию социальных условностей, т.е. к одичанию.

Массовой культуре противопоставляются культура традиционная и культура элитарная. В традиционной культуре высока значимость авторитетных текстов – народных изречений и священных формульных выражений, обиходное общение пронизано духовным общением, происходит на фоне традиций и ритуала. В элитарной культуре весьма значима вербализация тонких смыслов – философских, художественных и научных. Несмотря на то, что в количественном отношении массовая культура является преобладающим видом современной социальной практики, ценности традиционной культуры составляют фундамент человеческого поведения, в том числе и коммуникативного. Что же касается элитарной культуры, то

ее носители всегда составляют малый процент по отношению к социуму в целом, однако они в своей устной и письменной речи задают стандарты языкового сознания и коммуникативного поведения. Удивительна изощренная сложность латинской грамматики. Например:

Omnino amicitiae corroboratis jam conformatisque et ingeniis et aetatibus judicande sunt (Cicero). – Вообще о дружбе можно судить лишь по отношению к людям зрелого возраста и зрелой души.

Переводчик ушел от буквализма в передаче на русский язык причастий corroboratus – «укрепленный» и conformatus – «сформированный» в их падежных формах в связи с существительными ingenium – «знания» и aetas – «время жизни» и герундива judicandum – «то, что следует судить». Трудно представить себе, чтобы римский плебс изъяснялся подобным образом на улицах. Перед нами фраза, составленная прославленным оратором. Все последующее развитие латыни было движением в сторону упрощения грамматики (за исключением языка средневековых схоластов).

Важной характеристикой массовой культуры является постоянное движение в сторону снятия табу. Нормальное существование социума невозможно без противопоставления высокого и низкого регистров общения, предназначенных для сакральных и профанных коммуникативных ситуаций. Сфера сакрального не стабильна и включает как ритуальные, так и официальные ситуации. Десакрализация многих подобных ситуаций приводит к тому, что нормой официального общения становится нейтрально-разговорный и порой сниженно-разговорный регистр, соответственно, происходит снижение всей системы стилевых регистров. Показателем разговорной ситуации становится использование жаргонных, обсценных и вульгарных выражений. Наличие соответствующих слов в различных типах текстов – от художественной литературы до академических словарей – становится нормой. Следует признать, что в определенных ситуациях вульгарная речь звучала всегда, более того, по свидетельствам современников, английская королева Елизавета I изъяснялась так, что нынешние обитатели мест

заключения покраснели бы. Вероятно, произошло смещение коммуникативных ситуаций, которые были зарезервированы для обсценных выражений. Спектр этих ситуаций стал богаче. Кроме того, до определенного времени было принято делать вид, что литературная норма и есть прототипный модус языка. Аналогичным образом многие лингвисты полагали, что грамматика сводится к правильно построенным предложениям. Исследователи разговорной речи успешно доказали принципиальный тезис о том, что этот тип речи характеризуется собственной системой языковых форм и речевых жанров и не должен рассматриваться как отклонение от литературного языка. В реальной коммуникативной практике значительное место в речи многих людей принадлежит речениям, которые вообще трудно классифицировать и которые М.Я.Блох остроумно назвал изглашениями.

Интересным знаком нашего времени в отношении табу можно считать социальный запрет на использование определенных выражений в речи представителей англоязычного среднего класса. Человек, который совершенно спокойно использует обсценную лексику, разговаривая с представителями другого пола и детьми, не может позволить себе выражения, которые стали непрестижными, стигматизированными. Эти выражения очень подвижны: то, что считалось вполне приличным некоторое время тому назад, становится абсолютно неприемлемым на короткий срок и затем заменяется другим табуированным выражением. Например, таковы слова, обозначающие чернокожих граждан США: *Negro, Afro-American, Black*. Этот феномен социальной субституции табу требует своего изучения.

Итак, влияние современной массовой культуры на коммуникативную практику выражается как сокращение лексического фонда, упрощение грамматики и увеличение доли эмоционального содержания высказывания по сравнению с долей рационального содержания, а также как вульгаризация речи. Демократизация общественных отношений привела к тому, что повседневная речь большинства населения в ее естественном виде стала

доминирующей в коммуникативном пространстве современной западной цивилизации. В прежние времена этот тип коммуникативной практики рассматривался в лингвистических исследованиях как периферийный и не заслуживающий описания, в результате чего создавалось впечатление, что язык как таковой есть язык образованного и воспитанного меньшинства.

Третий тезис, который хотелось бы обсудить в связи с проблемой девербализации в современном обществе, касается языковой политики – целенаправленной деятельности государственной власти в области языковых отношений. Принято считать, что языковая политика касается таких вопросов, как юридический статус государственного языка и миноритарных языков, преподавание государственного, родного и иностранных языков в государственных учебных заведениях, радио- и телевизионное вещание на государственном и других языках, оформление официальных документов на государственном языке и др. Вне поля зрения общественности остается коммуникативная компетенция граждан – владение ими необходимыми речевыми ресурсами (от языковых единиц до речевых жанров). В этой связи хотелось бы отметить следующее обстоятельство: англичане и американцы выгодно отличаются от наших сограждан в плане свободного и непринужденного владения своим языком в ситуациях публичного общения. Это не зависит от возраста и образовательного ценза людей. Наши соотечественники в большинстве своем не любят и не умеют выступать публично. Известный отечественный лингвист В.В.Колесов утверждает, что подобное избегание публичной речи есть не недостаток, а фундаментальное качество русской ментальности, в которой «знание никак не отождествляется с говорением» (Колесов, 2004, с.35). Эта же установка четко выражена в известной цитате тургеневского Базарова: «*Аркадий, не говори красиво!*».

Действительно, публичная речь часто бывает неискренней и формальной. Однако распространенное неприятие публичной речи как таковой наносит большой

вред сообществу в целом. Во-первых, значимым молчаливо признается только диалог без свидетелей, который, строго говоря, не имеет юридической силы. Должны быть слова, сказанные с глазу на глаз, и слова, сказанные при всех. Во-вторых, отсутствие навыка публичных выступлений свидетельствует о спонтанности коммуникативных поступков, поскольку публичная речь непременно включает внутреннее редактирование вербализуемой мысли. Такое редактирование есть частный случай самоконтроля в поведении, отсутствие самоконтроля является показателем деградации личности. В-третьих, неумение строить развернутые высказывания сигнализирует о резком обеднении инструментальной стороны общения, все жанры речи сворачиваются в исходный жанр обиходно-бытовой коммуникации, человек пользуется только тем регистром, который был им усвоен в раннем детстве. Известно, что подобная редукция имеет место в стрессовых ситуациях. Человек в ситуации стресса и человек с низким уровнем речевой культуры ведут себя одинаково (сокращается лексикон, речевые поступки носят стереотипный характер, увеличивается доля эмоционально-оценочных образований с размытой семантикой, теряется способность оперировать абстрактными именами и др.) (Бейлинсон, 2007, с.21). В-четвертых, неприятие публичной речи приводит к появлению особой привилегированной касты, которую этнографы, изучавшие первобытные племена, назвали «носители слов вождя» (Карасик, 1982). Развитие дискурсивных способностей всех членов общества является одним из показателей социального прогресса, и наоборот, затухание таких способностей свидетельствует о социальном регрессе.

Приходится констатировать, что развитие дискурсивной компетенции граждан не рассматривается в нашем обществе как одно из приоритетных направлений в языковой политике, и это наносит несомненный урон культуре поведения наших современников. Такая компетенция не усваивается стихийно в обиходном общении, более того, она принципиально несовместима с повседневным модусом бытия. Следовательно,

дискурсивная компетенция должна быть детально осмыслена лингвистами, сформирована в школе, поддержана в средствах массовой информации и постепенно принята массовым сознанием как тип престижного поведения.

Подведем основные итоги.

Девербализация – обеднение языковой культуры – представляет собой комплексный процесс деградации общества. Суть этого процесса состоит в редукции разнообразной системы языковых средств и речевых жанров в сознании носителей языка к обиходному способу общения, усвоенному в раннем детстве. Важнейшими характеристиками устного обиходного общения являются сокращение вокабуляра, размытая семантика базовых единиц, их контекстуальная обусловленность (прагматическая широкозначность), резко увеличенная доля эмоционального содержания по сравнению с рациональным, сокращенный и упрощенный синтаксис, снижение стилевого регистра.

Развитие человечества в лингвистическом плане есть переход от первой сигнальной системы ко второй. Вторая сигнальная система как сложное многомерное знаковое образование неоднородна, можно выделить базовую и производную систему языкового кодирования. Прогресс письменной цивилизации проявился в усложнении и тонкой дифференциации системы языкового кодирования в речи носителей элитарной языковой культуры. Процессы урбанизации и демократизации общества ведут к вытеснению сложных дискурсивных образований.

Девербализация поддается коррекции при условии активного влияния социума, производственная деятельность которого является вербальной, на общество в целом, на подрастающее поколение и на выборную администрацию. Парадоксальным следствием девербализации может стать возрастание престижа элитарных языковых личностей, когда их количество уменьшится до определенного минимума.

1.4.2. Эпиномы как смысловые образования

Смысловые образования в индивидуальном и коллективном сознании носителей определенной лингвокультуры неоднородны и подвержены различным трансформациям. Основываясь на противопоставлении ближайшего и дальнейшего значения слова (по А.А. Потебне) и выделении актуального, дополнительного и этимологического слоев концепта (по Ю.С. Степанову), можно выделить особый тип смысловых образований – **эпиномные** концепты, или эпиномы, смыслы с редуцированным предметным и гипертрофированным эмоционально-оценочным содержанием. Таковы, например, в массовом сознании концепты «демократия», «свобода», «война». Эти концепты, как показывают проведенные исследования (Солохина, 2004; Крячко, 2007; Филиппова, 2007), характеризуются резким изменением смысла в разных типах дискурса (научном и обиходном, политическом и художественном), имеют различное содержание в сознании представителей разных социальных групп, отличаются высокой диффузностью и используются в специфических коммуникативных ситуациях.

Терминологически эпиномные концепты соотносятся с телеономными, отправляющими к высшим ценностям (термин С.Г. Воркачева). Р.Ходж и Г.Кресс говорят о логономных правилах (logonomic rules), предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, эти условия определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить (Hodge, Kress, 1988, p.3–6). Если продолжить этот ряд терминов, то можно выделить высшие и стандартные смысловые образования – **акрономные** и **эргономные** концепты (греческие корни *epi-, erg-, acr-, nom-* выражают смыслы «поверхность», «инструмент», «вершина» и «закон»). Предлагаемая сетка координат сориентирована на принципиально разные типы дискурса: 1) тот, в котором порождаются новые бытийные смыслы (акрономный дискурс), 2) тот, в котором речь идет об

обычных вещах и при этом сообщается некоторая содержательная информация (эргономный дискурс), 3) тот, в котором общение сводится к эмоциональному контакту (эпиномный дискурс). Замечу, что смысловые образования могут выражаться не только вербально, и права В.В. Красных, которая, комментируя известный тезис Лейбница «Язык есть наилучшее отражение человеческой мысли», подчеркивает: «Наилучшее далеко не всегда значит единственное» (Красных, 2003, с.16).

В основу выполненного исследования положена следующая гипотеза: эпиномы представляют собой смысловые ориентиры, назначение которых – эмоциональное самовыражение, определение круга своих и приблизительное обозначение фрагментируемой действительности. Эти смысловые образования являются одной из первичных форм коммуникации, они свойственны младенцам, в речи которых, как известно, преобладают единицы с диффузной семантикой: один и тот же звукокомплекс может обозначать множество явлений, ассоциативно связанных между собой. Со временем происходит усложнение и фиксация смысловых отношений, устойчивые смысловые единицы составляют коллективную и индивидуальную концептосферу. Вместе с тем в этой концептосфере взрослых носителей языка существуют зоны максимально подвижных смыслов, и природа этих зон различна.

Во-первых, выделяются коммуникативные сферы, информативное содержание которых вторично по сравнению с их эмоциогенным содержанием (Шаховский, 2008). Для общения в соответствующих ситуациях в естественных языках выработался особый класс единиц – междометия. Например, вскрикивая «*Ой!*», люди выражают весьма размытый класс содержательных областей – от боли или досады до удивления или радости. Разумеется, среди междометий есть и более узкие содержательные подклассы, например, рус. «*Ау!*» или англ. «*Oops!*». Сюда же можно отнести обширный класс междометных эквивалентов, которые внешне выглядят как обычные высказывания, однако в определенных коммуникативных

ситуациях выражают только эмоцию, причем часто балансируют на грани социально допустимой нормы поведения и включают грубые слова. В качестве пограничного явления между языковыми единицами, выражающими весьма размытый смысл, и животными криками или выдохами, выделяются образования, которые М.Я. Блох остроумно назвал изглашениями.

Во-вторых, для коммуникативной практики важно противопоставить два типа знания – глубокое и ориентировочное. Существующие в эпистемологии (науке о знании и познании) и психологии классификации знания сводятся к шести основным группам: 1) тематическое знание, 2) теоретическое, практическое и духовно-практическое знание (И.Т. Касавин), 3) предметное и процедурное знание («что» и «как»), 4) явное и скрытое для самого субъекта знание (М.Поланьи), 5) экзотерическое и эзотерическое знание (знание для всех либо для избранных), 6) глубокое и ориентировочное знание («что это» либо «к чему это относится»). В последнем случае человек дифференцирует мир по значимым для его практической деятельности сферам. Зона ориентировочного знания гораздо шире зоны глубокого знания, глубокое знание перетекает в веру и становится основой личности, в то время как ориентировочное знание по своей природе должно быть подвижным, подверженным постоянным изменениям. Мы можем объяснить или описать то, что мы хорошо знаем, но мы обычно даем приблизительную тематическую родовую характеристику того, что нам мало известно. Например, долото – это инструмент, пенталгин – лекарство, бихевиоризм – теория. В языке закреплено принципиальное различие между двумя типами знания – глубоким и поверхностным – в значениях диады «знать» – «ведать», «kennen» – «wissen», «to know» – «to be aware of», «savoir» – «connaitre».

В-третьих, точность обозначения мира зависит от типа дискурса, следовательно, от типа коммуникативной ситуации. Мы не должны формулировать определения нашего состояния в беседе по душам или давать точные дефиниции в ситуации ссоры. Здесь на первый план

выступает выдвинутое Цицероном требование уместности речи как основное риторическое правило. Эпиномная коммуникативная практика является генетически исходной для людей, при этом те знаки, в которые она облекается, еще нельзя в полной мере называть второй знаковой системой. Уровень коммуникативной компетенции взрослого человека определяется, по М.М. Бахтину, количеством жанров речи, которыми владеет носитель культуры. Вряд ли можно владеть всеми речевыми жанрами на высоком коммуникативном уровне, если принять во внимание вторичные жанры речи, но есть определенный минимум, владение которым необходимо для того, чтобы быть членом социума. Первичные речевые жанры конситуативны, их предметное содержание в значительной степени выражается указательно, речь идет о наблюдаемом или как бы наблюдаемом. Качественный сдвиг происходит при переходе от эпиномов к органомам, к тем концептам, которые имеют фиксированное содержание. Невозможно с помощью эпиномов выразить повествование, рассказать о чем-либо. Однако возможно обратное движение, инволюция речи, нарастающая потеря точности смыслов:

«*Что же там было?*» – «*Да вот, вообще, короче, понимаешь, на тебе!*»

В-четвертых, речь идет о коммуникативной компетенции личности. Есть область невыразимых смыслов, то, о чем Ф.И. Тютчев сказал: «*Мысль изреченная есть ложь*». Эта же мысль выражена Л. Витгенштейном: «*О чем невозможно говорить, о том следует молчать*». Но наряду с объективной невыразимостью определенных смыслов есть и субъективная невыразимость, обусловленная низким уровнем коммуникативной компетенции языковой личности. Показателен пример из известного произведения В.М. Гаршина «Сказка о жабе и розе»:

Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

- Постой, – прохрипела она, – я тебя слопаю!

Жаба символизирует в этой притче все низкое, грубое, уродливое. Неслучайно она сводит свое восхищение перед розой к первичной витальной потребности. Замечу, впрочем, что грубое и уродливое может выражаться достаточно изощренно. Но в данном контексте речь персонажа сводится к простейшим вербально выраженным рефлексам, поскольку другими коммуникативными средствами жаба не обладает. Героиня «Двенадцати стульев» И.Ильфа и Е.Петрова изъяснялась исключительно эпиномами:

Словарь Вильяма Шекспира по подсчету исследователей составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени «*Мумбо-Юмбо*» *составляет 300 слов.*

Эллочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью.

Вот слова, фразы и междометия, придирчиво выбранные ею из всего великого, многословного и могучего русского языка:

1. Хамите.

2. Хо-хо! (Выражает, в зависимости от обстоятельств: иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность.)

3. Знаменито.

4. Мрачный. (По отношению ко всему. Например: «*мрачный Петя пришел*», «*мрачная погода*», «*мрачный случай*», «*мрачный кот*» *и т. д.)*

5. Мрак.

6. Жуть. (Жуткий. Например, при встрече с доброй знакомой: «*жуткая встреча*».*)*

7. Парниша. (По отношению ко всем знакомым мужчинам, независимо от возраста и общественного положения.)

8. Не учите меня жить.

9. Как ребенка. («*Я бью его, как ребенка*», *– при игре в карты.* «*Я его срезала, как ребенка*»,*-- как видно, в разговоре с ответственным съемщиком.)*

10. Кр-р-расота!

11. Толстый и красивый. (Употребляется как характеристика неодушевленных и одушевленных предметов.)

12. Поедем на извозчике. (Говорится мужу.)

13. Поедем в таксо. (Знакомым мужского пола.)

14. У вас вся спина белая. (Шутка.)

15. Подумаешь.

16. Уля. (Ласкательное окончание имен. Например: Мишуля, Зинуля.)

17. Ого! (Ирония, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность.)

Оставшиеся в крайне незначительном количестве слова служили передаточным звеном между Эллочкой и приказчиками универсальных магазинов (И.Ильф, Е.Петров).

Если не обращать внимание на то, что словарь Шекспира на самом деле насчитывает не менее 15 тысяч слов (а по некоторым данным – не менее 20 тысяч), то приведенный список выражений весьма точно соответствует основным функциям эпиномного общения. Центральное место в данном списке занимают междометия и их эквиваленты (*хо-хо, мрак*). К этим единицам примыкают клишированные фразы, используемые для самопозиционирования с претензией на оригинальность в диалоге (*Хамите! Не учите меня жить! У вас вся спина белая*). Важным является ласкательное окончание имен, такой коммуникативный прием говорит нам о стремлении коммуниканта сократить дистанцию общения и поддерживать игривую тональность диалога (ср. *Мишенька* и *Мишуля*). Это стремление проявляется и в обращении «*Парниша*» к мужчинам любого возраста и статуса. Эллочка весьма агрессивна: она находится в состоянии боевой готовности и сразу же выпаливает одну из своих универсальных фраз, чтобы сбить с ног собеседника. Остап Бендер пытается вывести разговор с ней из эпиномного общения в обычное, но безрезультатно:

- Вы вчера были на аукционе и произвели на меня чрезвычайное впечатление.

- Хамите!

- Помилуйте! Хамить такой очаровательной женщине бесчеловечно.

- Жуть!

В итоге великий комбинатор достигает своей цели и получает заветный стул в обмен на чайное ситечко, но приведенный текст показывает, что попытки вывести эпиномный дискурс в неэпиномное общение стандартными средствами обречены на провал, здесь требуются иные приемы.

Эпиномы в обычном общении выполняют функцию интимизаторов, резко сокращая дистанцию между

коммуникантами, с одной стороны, и противопоставляя своих и чужих, с другой стороны.

Обратим внимание на размывание содержания концептов в разных типах дискурса.

Реальностью нашего времени стали факты терроризма – захваты заложников, нападения на милицию, взрывы в метро. На слово *terrorism* сегодня в сети интернет высвечивается 29 миллионов ссылок. Суть терроризма – насилие с целью устрашения, это борьба с применением насилия вплоть до физического уничтожения. Такие концепты, как «смерть», «война», «терроризм» эмоционально заряжены, поскольку касаются важнейшей витальной ценности – жизни. В эргономном дискурсе можно дать определение терроризму по толковому словарю или описать его проявление. Например:

Терроризм – Тактика, политика террора || Деятельность террористов. Террор – [латинск. terror – ужас]. Физическое насилие по отношению к политическим врагам. *Народники отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и перешли к индивидуальному террору* (Ушаков).

После взрывов в московском метро 29 марта 2010 г. в российской официальной и неофициальной массовой информации было много откликов на эту тему. В «Российской газете» на первый план выдвинуто отношение власти к терроризму:

Сразу после взрывов в Москве Дмитрий Медведев спустился с цветами в метро на место трагедии, что не может не говорить о том, что президент серьезно и тоже очень по-личному отнесся к произошедшему. В целом президент правильно отреагировал на трагические события. Внятные высказывания, четкие поручения. Медведев, если хотите, вообще за два своих года заметно гуманизировал, «*очеловечил*» *российскую власть. Он демонстрирует реакцию нормального существа, а не бронзового памятника самому себе, как многие другие чиновники, стоящие ниже президента на иерархической лестнице. На следующий день после теракта в Кизляре Медведев прилетел в Дагестан, собрал всех руководителей регионов Северного Кавказа и провел там совещание по борьбе с терроризмом. Место для такого совещания также было выбрано максимально верно.*

Автор цитируемой статьи характеризует террористическую атаку как трагедию для государства, показывает решимость власти бороться с терроризмом и подчеркивает личное эмоциональное отношение руководителя страны к жертвам террора. Главный признак терроризма – человеческие жертвы.

Среди этих откликов в блогосфере были попытки психологически объяснить поведение смертниц. Например:

Она знает, что предстоит умереть, она устала от ветров, пустоты и отчаяния, ей не было и не будет места, но к этому не привыкать. Как во сне она спускается в метро, кругом серая масса людей, глаза лучше не поднимать, к этому она привыкла. Все вокруг чужие, нутром она знает, что поймай они ее, – это будет жестокое и холодное унижение, они сделают с ней все самое худшее. В этот последний день у нее есть шанс обрести тот единственный, может быть, смысл, который отпущен ей жизнью, получить уважение и минутную память тех, кто, наконец, поймет, зачем она пришла на этот свет, и даже помянет ее по-своему, и это будет для нее высшей лаской. И всего-то дел: пойти вместе с толпой в метро; в какой-то момент, наконец, сделать нечто своими руками, волей; и этот долгожданный огонь смоет муть бесконечных унижений и бессмысленной жизни, уже почти без надежд. Рядом идут люди, их так много, а где же были все они, когда она плакала, когда ее унижали? Кто-то из них убивал её соотечественников, а большинство безразлично жили рядом. Сейчас это уже не имеет значения. Сейчас из грязного двора очищающей вспышкой взлетит секундный огонек, как воздушный пузырек детства.

Психолог-профессионал дает эмпатическую зарисовку личности современной террористки. В этом понимании терроризм превращается в акт самоубийства, сведения счетов с бессмысленной и унизительной жизнью. Главный признак терроризма в этом изложении – протест против равнодушия.

Большая часть откликов носила иной характер:

…шахидка, смертница, не довольная жизнью вдова или кто там еще?.. ЭТО УБИЙЦА!!! влезть в психологический портрет убийцы можно, конечно! и строить догадки о том, что эту тварь «сподвигнуло» на преступление можно долго... А опишите состояние матери – родившей, вырастившей, жившей своим ребенком – для него, ради и во имя его – и

потерявшей своё чадо от мучительной боли и попробуйте сами пережить такую боль! Если бы у адвокатши таким образом погиб сын или дочь – она бы тоже стала защищать безмозглую убийцу?!

В этом эмоциональном отклике на первый план вынесено горе человека, потерявшего близких в результате террористического акта. Главный признак терроризма в этом текстовом фрагменте – это убийство.

Встречаются, однако, и другие оценки:

Л. К. мыслит как стандартный либерал, которые, как известно, больше всего ценят свою жизнь, свою шкуру. Либералу неведомо желание совершить подвиг во имя своего народа или веры, либерал как свинья не умеет смотреть вверх, в небо. Я думаю, что эти девушки осознанно решили совершить подвиг, как совершали его русские солдаты в Великую Отечественную. … Они выше вас, обыватели. У них в жизни есть Высший смысл. А у обычных людей только дом-работа-семья.

В этом тексте восторженно оценивается романтика терроризма, противопоставляются обычные люди, обыватели, с их земными ценностями, и романтики, идущие на подвиг. Оставим на совести автора этого послания сравнение террористов с солдатами Великой Отечественной войны. Такая позиция получает резкую отрицательную оценку в постах:

Романтизировать образ убийцы-террористки и искать какие-то оправдания и истоки, не замечая очевидного – может только идиот. Эти твари несут смерть, но они лишь инструмент, созданный «веществами» и психологической обработкой. Тут нечего обсуждать, нечего понимать. Инструмент не является стороной в противостоянии и войне, значит изучать его незачем, а то, что суицидальные наклонности и внутренняя потребность упрощают обработку будущей шахидки – так это просто один из множества факторов, ничуть не открывающий закономерности превращения человека в бомбу.

В этом послании терроризм понимается как убийство, организованное с определенной целью. Автор не считает террористов людьми.

Обращает на себя внимание привыкание к смерти. Один из комментариев в день взрыва:

Мои немногочисленные московские все живы и здоровы. Одна из знакомых сообщила следующее: «Я сегодня заболела и пропустила взрыв на своей станции и в свое время». Счастливая случайность, которой могло бы и не быть.

Перед нами – новое восприятие терроризма как объективной реальности нашей жизни, с которой следует смириться. Террорист превращается в таком случае в воплощение безжалостной судьбы.

Для определения образных и оценочных характеристик террористов в сознании наших современников был проведен следующий эксперимент. Информанты получили задание написать несколько строк на тему: «Когда я думаю о террористах, я представляю себе…». Приведу типичные тексты.

Когда я думаю о террористах, я представляю себе … араба с выпученными глазами, орущего «Аллах акбар!» и взрывающего на себе пояс шахида в большом скоплении людей – в магазине, кинотеатре, метро. Кругом лужи крови, убитые, раненые.

… женщину в черном, лица не видно, движется как-то странно, неестественно, избегая взглядов. Потом она находит себе место и садится у стены. И потом раздается взрыв.

… группу молодых людей, захвативших самолет. Один из них что-то кричит с пистолетом в руке. Все пассажиры в ужасе застыли в своих креслах. Видно, что захватчики не в себе. Наверно, они приняли наркотики.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вербальные реакции многих респондентов совпадают.

Терроризм как эпином проявляется в базовой эмоциональной реакции на внезапную угрозу жизни со стороны людей, подчеркивающих свою отчужденность от остальных. По своей эмоциональной значимости эпиномы в чем-то приближаются к архетипам, но количество архетипических концептов весьма ограничено (Савельева, 2008), в то время как эпиномы весьма многочисленны.

Следует отметить, что класс эпиномов неоднороден. Сюда относятся как смысловые образования с гипертрофированной эмоционально-оценочной составляющей и редуцированным предметно-образным содержанием, так и концепты приблизительной ориентации,

языковой формой которых являются агнонимы (по В.В.Морковкину), т.е. слова, значения которых неизвестны или малопонятны многим носителям языка.

Итак, говоря об эпиномных концептах, мы акцентируем следующие моменты: 1) эти концепты обусловлены определенными коммуникативными условиями – эпиномным дискурсом, 2) их содержание сводится к самопозиционированию, эмоциональной оценке и размытому обозначению фрагмента действительности, 3) существуют коммуникативные ситуации, в которых апеллировать к таким концептам уместно, и ситуации, в которых это неуместно, 4) необходимо объяснение феномена эпиномной гипертрофии в современной массовой культуре. Такая эпиномия является одной из характеристик современного массового сознания, и это системно связано с такими его свойствами, как девербализация, увеличение спонтанных реакций в разных типах общения, визуализация информации, возрастание игрового компонента в коммуникации и др.

1.4.3. Рубрикация общения

Общение представляет собой постоянно развивающийся процесс. В данной работе рассматривается одна из относительно новых характеристик общения – появление прагматических рубрик – жанровых обозначений, которые говорящий эксплицитно обозначает для адресата для программирования ожидаемой реакции. Например, после отдачи приказа командир говорит подчиненным: «*Это – приказ*», после шутки говорящий комментирует: «*Шутка*», ворвавшись в банк, грабитель кричит: «*Вооруженное ограбление!*». Такая рубрикация представляет собой своеобразный метатекст, суть которого состоит в контроле поведения адресата: предполагается, что получатель речи знает, как следует себя вести в рамках определенных жанров, или – в более широком смысле – типовых социальных действий. В журналистике рубрика понимается как «разновидность заголовка, наименование тематических разделов и направлений газеты, иногда указатель жанра

материала. В номинациях рубрик содержатся типологическая специфика изданий, код стиля и отбора сообщений, стилистическая доминанта и идейная позиция газеты» (Лысакова, 2005, с.34).

Речь идет о наименовании жанров. Обычно такое наименование присутствует в сложных, вторичных жанрах (по М.М. Бахтину). Такая канонизация жанра задана в религиозном, юридическом, политическом, деловом, дипломатическом, научном и академическом типах дискурса («Евангелие», «Кодекс законов», «Декларация независимости», «Протокол заседания кафедры», «Автореферат диссертации», «Методическая разработка» и т.д.). В художественной литературе Средневековья жанровое обозначение произведения часто входило в его название, а в последующие эпохи такое обозначение стало факультативным либо превратилось в указание на интертекстуальные связи соответствующего произведения («Песнь о вещем Олеге», «Баллада о Робин Гуде», «Сага о Форсайтах») по причине широкой вариативности и размывания литературных жанров.

Наименование жанра как предварительная или сопутствующая информация о тексте коррелирует с заголовком художественного и массово-информационного текстов (Белова, 2009; Манькова, 2000; Шкайдерова, 2007) и авторскими ремарками в драматургии (Габдуллина, 2009) в том плане, что представляет собой метатекст по отношению к основному тексту. В письменном тексте рубрика выступает как необходимый ориентир для читателя. Заслуживает внимания тот факт, что подобные рубрики распространены и в устном повседневном общении. Представляется, что появление таких рублик свидетельствует о некоторых изменениях в установках коммуникантов и в этом плане представляет интерес для антропологической лингвистики. Такие изменения закономерно привлекают к себе внимание исследователей (Черняк, 2005; Бурвикова, Костомаров, 2009; Карасик, 2009).

Прагматическая рубрикация в обиходном дискурсе получила распространение в связи с возрастанием

игрового компонента в массовой коммуникации, хотя, разумеется, элементы прагматической рубрикации имели место в общении и раньше. Прагматические рубрики представляются избыточными в обиходном общении. Для того чтобы понять их специфику, обратимся к рассмотрению их функций в других типах дискурса.

В официальном дискурсе прагматическая рубрика выполняет организующую функцию, настраивая адресата на формат сообщения. Например, секретарь деканата заходит в лекционную аудиторию во время лекции и говорит, обращаясь к аудитории:

«Объявление! Завтра вместо плановых занятий будет проводиться министерская контрольная работа».

Эта рубрика факультативна, ее вербализация может быть проинтерпретирована следующим образом: «То, что я вам сейчас скажу, важно. Это официальная информация». Способом институционального давления в данном случае является озвучивание принципиально письменного стиля общения (Слово «Объявление» обычно пишется в текстах такого жанра).

Назначение рубрик в научном дискурсе – логическое разбиение крупного текстового массива на смысловые блоки, каждый из которых содержит развернутое изложение некоторой целостной идеи. Такие рубрики соотносятся с планом целого текста и способствуют системному осмыслению излагаемой теории. Аналогичным образом используются рубрики в академическом дискурсе: *Тема – «Лексическое значение слова». Разделы: «Значение как информационная связь между двумя фактами. Значение и смысл. Языковой знак и его стороны: семантика, синтактика, прагматика. Обозначаемое и обозначающее (денотат и знаковая форма). Семантический треугольник (звуковая форма – денотат – сигнификат). Коннотация. Типы коннотаций. Лексическое и грамматическое значение слова. Служебные и полнозначные слова. Нарицательные и собственные имена. Идентифицирующие и предикатные слова*». В устном научном и академическом дискурсе функциональными эквивалентами подобных рубрик являются связочные интродуктивные и заключительные высказывания: «*Для того чтобы определить то-то, необходимо рассмотреть то-*

то», «*Переходим к рассмотрению того-то*», «*Таким образом, рассмотрев то-то, мы устанавливаем следующее*».

В массово-информационном дискурсе функции рубрик являются иными. Прежде всего, они используются либо интродуктивно, либо суммативно. Назначение таких рубрик – привлечь внимание аудитории и дать сжатую информацию о сообщаемом. Например: «*Сенсационное открытие археологов*». Известно, что в современном массово-информационном дискурсе воздействие на адресата осуществляется как через информирование, так и через развлечение. Не случайно в английском языке возник термин infotainment (information + entertainment). Развлекательный, игровой компонент информирования стремительно разрастается в разных видах дискурса. В англоязычном обществе этот процесс проходит, по-видимому, более интенсивно, поэтому и в научных заголовках можно встретить такие словосочетания, как *«The (w)hole of Pragmatics» (игра слов – омофоническое совпадение слов whole – hole, «Вся прагматика» – «Дыра прагматики»*).

В эстрадно-развлекательном дискурсе (комедийном) сложились определенные традиции использования рубрик. Прежде всего, это пародирование других видов дискурса. Таковы, например, знаменитые «Законы Мерфи» Артура Блоха и их аналоги, имитирующие научно-технический стиль общения: «*Правило Уоррена. В эксперты надо взять того, кто считает, что работа займет очень много времени и обойдется очень дорого*». На самом деле эксперт должен помочь выявить наиболее экономный способ решения задачи, но поскольку руководитель подразделения прежде всего озабочен тем, чтобы получить для своего учреждения и для себя лично как можно больше денег от финансирующего органа, эксперт сориентирован на выполнение заведомо антисоциальной задачи. У законопослушных американцев такие шутки вызывают улыбку.

Интересен пример пародирования официальной речи времен застоя в Советском Союзе:

Речь

Дорогие товарищи, друзья! Дамы и господа! Леди и джентльмены! Рабочие и колхозники! Синьоры, синьориты и синьорины! Юноши и девушки! Труженики полей! Солдаты, матросы и старшины! Ефрейторы! Форейторы и швейцары! Швейцарцы и швейцарки! Куряне, псковичи и архангелогородцы! Архиепископы и папы! Матери и сестры! Братья во Христе – родные и двоюродные! Безбожники, атеисты и богохульники! Политические деятели! Поэтические деятели! Князья, графья и графоманы! Писатели и киноработники! Спортсмены мира! Пенсионеры и школьники! Граждане мои хорошие!

Мне нечего вам сказать!

(В. Витальев).

Подобные длинные перечисления адресатов имели место в официальных речах и призывах. Юмористический эффект данного текста состоит в резком разрыве между обращением и основным текстом. Кроме того, в самом обращении странным образом сочетаются несопоставимые категории слушателей. Возникает ощущение абсурда, именно таким и было доминирующее чувство граждан нашей страны в то время при восприятии официальной информации.

В «Литературной Газете» в юмористическом разделе «12 стульев» существовала рубрика «Стенгазета клуба». Под этой рубрикой публиковались сообщения, имитирующие информацию, которая обычно сообщалась читателям малотиражных газет. Например:

«*Новинка. Новую продукцию «Спички для детей» освоила Новоскопинская спичечная фабрика. Их не могут зажечь даже взрослые*».

Сообщения о производственных достижениях были наиболее частотными для советских газет 60-70 годов. Иллюзия достоверности поддерживается именем собственным спичечной фабрики. Юмористический эффект возникает в результате столкновения двух содержательных планов: освоена новая продукция, безопасные спички для детей, и эти спички вообще невозможно зажечь. Известно, что детям нельзя давать спички, и поэтому выпуск спичек для детей представляет собой нарушение важной установки в привычном мире. Эта продукция, однако, не причинит никому вреда, поскольку лишена своего главного функционального свойства. Перед нами логический абсурд,

похожий на определение «*Нож без рукоятки, у которого нет лезвия*». Рубрика «Новинка» в приведенном примере представляет собой карнавальное переворачивание информирования о новостях.

Мы видим, что в разных типах дискурса рубрикация используется для поддержания тональности общения в нужном формате, для структурирования сообщаемой информации, для привлечения внимания адресата и для игрового переворачивания действительности.

В обиходном дискурсе также используются рубрики (или их функциональные эквиваленты) в качестве ориентиров для адресата. Например, говорящий заранее предупреждает слушателя: «*Слышал новый анекдот?*» и затем рассказывает анекдот, или говорит: «*Есть такая притча*» и затем излагает содержание притчи, или замечает: «*Знаешь пословицу?*» и произносит соответствующее речение.

Подобные рубрики сигнализируют о включении в текст смысловых образований, отходящих от темы предыдущего общения либо уточняющих ее.

Существуют прагматические индикаторы для ориентации эмоциональной установки в тех ситуациях, когда существует возможность неоднозначной интерпретации общения. Так, например, говорящий может эмфатически заявить: «*Я говорю серьезно*».

Активное внедрение в современное общение новых (развлекательных по своей сути) знаков, ориентирующих внимание адресата – смайликов, привело к некоторой переориентации обиходного общения в целом. Говорящий молчаливо исходит из предположения, что адресат его не поймет или сделает вид, что не понял. Используя смайлики, участники общения показывают свою принадлежность молодежному сообществу, точнее сказать – атмосферы неформального общения. Со временем эта парольная функция неизбежно нейтрализуется, поскольку сейчас используют эти дополнительные индикаторы в СМС и Интернет-общении представители всех поколений.

Назначение прагматических рубрик – упреждение иной реакции адресата. Так, говоря: «*Это приказ*», руководитель

предполагает, что у адресата есть основания для восприятия информации в качестве необязательной для исполнения.

Адресат в подобной ситуации прагматической неопределенности может спросить: «*Это официальное сообщение?*» или «*Это угроза?*». Следует отметить, что у адресата есть больше оснований для выяснения жанровых характеристик того сообщения, которое является неопределенным для получателя речи. Используются не только сложившиеся в коммуникативной практике индикаторы жанров литературной и разговорной речи, но и соответствующие индикаторы сниженно-просторечного общения: «*Это наезд?*» (Наезд – агрессивное силовое принуждение адресата к совершению поступков, выгодных для говорящего).

По своей функции прагматические рубрики могут различаться в инициальных и реактивных репликах диалога. Рубрика в инициальной части общения преследует цель помочь адресату сразу же настроиться на нужную тональность общения:

«Закрытая информация. Алексея Григорьевича срочно вызвали в Москву на ковёр». – «Этого следовало ожидать».

Узнав о том, что шефу приказано явиться в министерство для неприятного разговора, говорящий (его подчиненный) сообщает своему коллеге об этом и уточняет жанр своего сообщения. Такая аранжировка сообщения свидетельствует о серьезности информации и о статусе говорящего, который сумел эту информацию раздобыть. Если бы такой статус не подчеркивался, то можно было бы сказать: *«Между нами» / «Не для передачи» / «Не для протокола»*. Впрочем, подобного рода секреты достаточно часто специально подают в такой упаковке для того, чтобы они как можно быстрее стали достоянием широких масс. В политическом дискурсе есть специальное обозначение – «утечка информации». Адресат в своей ответной реплике показывает, что такая новость для него была предсказуемой и тем самым демонстрирует свой социальный статус эксперта.

Рубрика в реактивной реплике обобщенно характеризует содержание инициального высказывания:

«Вы сделали дубликаты ключей от моего кабинета и сейфа, у меня пропали важные документы, что я должен думать?» – «Это клевета! Я не делала никаких дубликатов!»

В разговоре начальника с секретаршей адресат категорически не согласен с высказанным утверждением и перед тем, как заявить о факте, квалифицирует жанр предшествующего сообщения.

Говорящий может использовать ту или иную рубрику, принятую в институциональном дискурсе: «*Это официальное предложение*».

Прагматические рубрики могут выражать не только утверждение, но и отрицание: «*Это не шутка*», «*Это не комплимент*», «*Это не жалоба*». Отрицание в таких рубриках актуализирует двойное осмысление той информации, которая предшествует соответствующей рубрике. Например, говоря: «*Это не жалоба*», отправитель речи имеет в виду следующую аргументативную линию объяснения своего поведения: «*Я понимаю, что мое высказывание похоже на жалобу и поэтому хочу подчеркнуть, что это – не жалоба, а констатация фактов*».

В тех случаях, когда интенция отправителя речи и возможная реакция адресата не предполагают наличия вариативных моделей восприятия информации, жанровое обозначение высказывания выглядит как избыточное и поэтому абсурдное: «*Я люблю Вас. *Признание в любви*». Подобные высказывания представляют собой разновидность иллокутивного самоубийства, они перечеркивают смысл ранее сказанного текста.

Рубрикацией часто пользуются для ведения общения в ироничном или юмористическом ключе. Например, «*Бестактный вопрос: почему Вы не хотите пригласить меня в гости?*». Определяя таким образом тональность общения, говорящий призывает адресата не воспринимать произносимое чересчур серьезно, но и не считать вопрос этикетным заполнением паузы. Кстати, обратим внимание на дифференциацию вопросов: «наивный вопрос», «серьезный вопрос», «ехидный вопрос», «абстрактный вопрос» и т.д. Подобная рубрикация нацелена на то, чтобы

адресат осмыслил контраст между такой рубрикой и последующим текстом: «*Абстрактный вопрос: у кого-нибудь штопор есть?*».

Интересны случаи самоиронии, которая выражается посредством прагматических рубрик. Например, двое полицейских в современном американском фильме попадают в засаду, старший из них хватается за пистолет, обнаруживает, что оружие не заряжено, и говорит своему напарнику: «*Полезный совет: всегда проверяйте оружие перед выходом на боевое дежурство*». Ирония ситуации состоит в том, что этот полезный совет в реальной жизни вряд ли пригодился бы начинающему полицейскому. В контексте художественного фильма зритель правомерно предполагает, что главные герои не могут пропасть в середине сюжета, и поэтому расценивает приведенную фразу как попытку персонажа поддержать своего товарища.

Прагматические рубрики в общении могут носить интертекстуальный (точнее – интердискурсивный) характер: «*Чистосердечное признание: я забыл дома мобильный телефон*». Чистосердечное признание представляет собой определенный тип официального действия в рамках юридического дискурса, когда лицо, совершившее правонарушение, полностью признает свою вину и добровольно рассказывает о своем поступке сотрудникам правоохранительного учреждения. Предполагается, что чистосердечное признание произносит человек, совершивший преступление или серьезный проступок. Забыть дома мобильный телефон в обычной рутинной жизни может любой человек, поэтому подобная фраза производит юмористический эффект обманутого ожидания.

Резюмирую.

Рубрикация представляет собой один из приемов общения. Такая рубрикация выполняет функции форматирования, структурирования, эмфатизации и карнавализации сообщения. Структурирование является способом семантического преобразования текста, позволяет представить текст в виде сетки иерархически упорядоченных идей или фактов. Форматирование, эмфатизация и карнавализация нацелены на

экспрессивное выделение информации, значимой для отправителя речи, и поэтому могут рассматриваться как способы прагматического преобразования текста. В наше время весьма распространено карнавальное форматирование общения – игровое интердискурсивное переосмысление определенных жанровых рубрик, это объясняется возрастанием удельного веса игровой коммуникации в массово-информационном и обиходном общении.

1.4.4. Абсурд в политической риторике

Политическая риторика представляет собой сознательное использование определенных речевых способов воздействия на массовую аудиторию в борьбе за власть. Массовая аудитория разнородна: в ее составе можно выделить людей, которые принимают политическое решение (в период выборов все население относится к этой категории), людей, которые осознанно получают политически релевантную информацию, и людей, которые случайно оказались в информационном пространстве политического дискурса. Принимая во внимание эти три условные группы адресатов, политик ставит перед собой три задачи – убедить, проинформировать и привлечь к себе аудиторию. Эти три задачи требуют различных способов воздействия на адресатов.

В первом случае используются четыре базовых способа воздействия на сознание телезрителей, слушателей или читателей: 1) воздействие посредством авторитета, 2) воздействие с помощью силы, 3) воздействие путем рациональной аргументации и 4) воздействие посредством манипуляции (Kramarae et al., 1984). Призывая аудиторию поддержать то или иное политическое образование или того или иного кандидата с помощью авторитета, политик апеллирует к ценностям общества, его традициям, успешному опыту решения проблем, к личностям признанных лидеров. Используя силовое воздействие на адресата, политик обращается к скрытым и явным угрозам. Как правило, этот способ применяется при прогнозировании

развития событий в том случае, когда рассматривается приход к власти политических конкурентов субъекта дискурса. Рациональная аргументация нужна для разъяснения основных тезисов политика, здесь требуются простые причинно-следственные схемы, объясняющие те поступки, которые планирует осуществить отправитель речи. Манипуляция, сознательное раздвоение прокламируемых и истинных намерений говорящего, используется как замещение воздействия с помощью авторитета, силы или аргументации под видом этих способов убеждения в тех случаях, когда у политика нет реальных ресурсов для конструирования надежного основания своей позиции.

Во втором случае – при информировании аудитории – политик сообщает либо значимо не сообщает адресатам фактические и концептуальные сведения, имеющие либо не имеющие отношение к политической ситуации. Соответственно, информирование аудитории в политическом дискурсе можно представить как четырехчленное образование: 1) сообщение достоверных сведений, имеющих отношение к предмету речи, 2) сообщение достоверных сведений, не имеющих отношения к предмету речи, 3) сообщение недостоверных сведений, имеющих отношение к предмету речи, 4) сообщение недостоверных сведений, не имеющих отношения к предмету речи. Первый тип информирования является системообразующим для информирования в целом, при этом можно выделить новую и тривиальную информацию в речи политика. Второй тип информирования представляет собой особый способ самопрезентации политика и используется в тех случаях, когда говорящему приходится осуществлять красноречивое умалчивание при ответах на вопросы, в интервью и т. д. (Кузнецова, 2006). Строго говоря, сообщение информации, не имеющей отношения к предмету речи, есть частный случай красноречивого умалчивания, которое включает также тавтологические и алогичные высказывания. Третий тип информирования – дезинформация – является широко распространенным способом конструирования действительности в интересах

говорящего и распадается на дезинформацию, содержащую позитивные сведения о себе или своей партии и негативные сведения о конкурентах. Четвертый тип информирования представляет собой особое дезинформирование, включающее заведомо неверные сведения, совокупность которых ставит под сомнение все информационное пространство политического дискурса. К такому типу информирования прибегают те участники политического дискурса либо его аналитики, которые трезво отдают себе отчет в том, что не имеют реальных шансов одержать победу в политическом состязании.

В третьем случае – при привлечении к себе внимания в политическом дискурсе со стороны тех, кто стал его случайным адресатом, – используются способы фасцинативного воздействия на аудиторию. Говорящий отдает себе отчет в том, что в виртуальном пространстве современного политического дискурса выделяются его явные сторонники и противники, а также значительное количество людей, не придерживающихся той или иной политической позиции. Именно эта часть населения и является объектом фасцинативного воздействия. Традиционно фасцинация понимается как свойство текста (в широком смысле слова) очаровывать адресата. Фасцинация в этом плане противопоставляется информации по ряду параметров: приоритет эмоционального либо рационального восприятия, возрастание либо уменьшение значимости при повторном предъявлении, возможность либо невозможность сжатия и расширения текста и др.

Можно выделить следующие типы фасцинативного воздействия на адресатов политического дискурса: 1) способность удивить адресата, 2) умение соединить свой имидж с имиджем аудитории, 3) демонстрация своей конструктивности, настроенности на позитив, 4) демонстрация своей ответственности, стремления взять на себя решение трудных вопросов. Способность удивить аудиторию в наше время выдвигается в число ключевых признаков у организаторов политического дискурса. Этот дискурс неразрывно связан с массово-информационным

дискурсом, а основной функцией последнего является воздействие, осуществляемое через информирование в виде развлечения. В англоязычной литературе, посвященной массовой информации, появился точный гибридный термин infotainment (information + entertainment). Следует отметить, что возрастание значимости развлекательного компонента информации связано с резким увеличением общего информационного потока, нацеленностью социума на игру как ведущий способ бытия в условиях постмодерна, ювенилизацией (ориентацией на молодежное мировосприятие) как престижным образом жизни в современной западной цивилизации. Умение позиционировать себя в единстве с аудиторией (демонстрация знаков интеграции – Шейгал, 2004, с.117-120) является важнейшим условием завоевания симпатий аудитории. Не случайно поэтому многие политики стараются одеться так, чтобы выглядеть простым человеком с улицы, старательно избегают (с помощью своих имидж-мейкеров) выражений высокого стиля, ведут себя подчеркнуто искренне. Массовая аудитория статистически отражает психологию толпы, для которой характерны эмоциональные реакции, спонтанные поступки, высокая степень агрессивности и внушаемости. Демонстрация конструктивности необходима для того, чтобы получить заведомо положительную оценку: человек должен улыбаться (в соответствии с нормами своей лингвокультуры), постоянно говорить, что все будет хорошо, если ему доверят руководство, излучать оптимизм, подтверждать свое крепкое здоровье, хорошие отношения в семье, показывать привязанность к детям, домашним животным и чувство юмора. Демонстрация ответственности и всех связанных с этим достоинством качеств личности является важнейшей характеристикой претендента на любую руководящую должность. Все эти способы воздействия на аудиторию многократно повторяются и воспринимаются как сигналы стабильности в обществе.

Абсурд, понимаемый как значимое отсутствие смысла там, где смысл должен быть, пронизывает все стороны человеческой жизни в связи с тем, что в человеческой

природе рациональное неразрывно связано с иррациональным. Соответственно, абсурд проявляется и в политической риторике. Его проявление можно охарактеризовать с двух позиций: использование абсурдных высказываний и противодействие абсурдным высказываниям.

Использование абсурдных высказываний может быть серьезным и комическим. Серьезное использование абсурдных фраз свидетельствует о том, что перед нами – особый тип паралогического мышления, со своей сеткой координат, со своей внутренней логикой, которая резко противостоит логике других людей. Примером такого паралогического утверждения является девиз «*Pereat mundus, fiat justitia» (лат) – «Пусть погибнет мир, но торжествует правосудие!»,* или «*Правосудие должно торжествовать, даже если при этом погибнет мир*». Это высказывание устанавливает систему норм, противоречащую сохранению жизни как высшей ценности: правосудие выше, чем жизнь. Как и всякая фраза, эта сентенция может получить множественное толкование. Первое толкование – в буквальном смысле – говорит нам о том, что есть вещи более значимые, чем жизнь. Возникает вопрос, идет ли речь о жизни конкретного человека, который нарушил закон, либо о жизни целого мира. В латинском тексте мы явно имеем дело со второй формулировкой. Остается неясным, кому придется исполнять законы правосудия, когда мир исчезнет. Римляне последовательно воспитывали в своих гражданах стоическое пренебрежение жизнью: «*Navigare necesse est, vivere non est necesse». – «Плавать по морям необходимо, жить – не так уж необходимо*». Второй, более глубокий смысл подобных сентенций неизбежно приводит нас к выводу о том, что необходимо противопоставлять достойную и недостойную жизнь. Если нет правосудия, если человек не выполняет своих обязанностей, то такая жизнь не имеет ценности. Последовательно размышляя на эту тему, мы приходим к третьему смыслу соответствующих формул: кто же принимает решение о жизни других людей? И ответ здесь носит совершенно ясный характер: такое решение

принимают те, у кого в руках власть. Иначе говоря, подобные абсурдные формулы имеют четко очерченный политический смысл. Именно римляне ввели в практику один из самых бессмысленных видов наказания для солдат в тех легионах, которые проявили трусость во время боя и бежали с поля битвы, а именно – децимацию, уничтожение каждого десятого солдата, который выходил из строя и должен был быть заколот товарищами по оружию. Бежали все, уничтожался каждый десятый. Возможно, уничтожался и тот, кто пытался сопротивляться врагам. Абсурдные антигуманные сентенции, в которых говорится о том, что жизнь не имеет ценности, выполняют явное политическое назначение: они показывают, что власть имеет право распоряжаться жизнью людей, что солдаты и все нижестоящие представляют собой некую безликую массу, которая легко может быть принесена в жертву и которая не должна при этом выражать протест. Речь идет, замечу, не о рабах. В этой связи приведу сентенцию, более полно раскрывающую истинный смысл подобных абсурдных высказываний: «*Все, клянущиеся кровью, на самом деле имеют в виду не свою кровь*». Итак, серьезное абсурдное высказывание может иметь несколько толкований, из которых собственно абсурдным является лишь одно, обычно – лежащее на поверхности. При этом важно отметить, что сознательная формулировка подобных высказываний может иметь очевидный политический смысл, состоящий в том, чтобы подчеркнуть право власти на любой поступок.

Говоря о политическом абсурде, нельзя не коснуться хрестоматийно известных лозунгов, определяющих жизнь обитателей возможного мира в романе Джорджа Оруэлла «1984»: «*War is Peace; Freedom is Slavery; Ignorance is Strength» – «Война есть мир; Свобода есть рабство; Незнание есть сила»*. Перед нами фразы, в которых карнавально переворачивается нормальный мир. Это установление тождества между полярными концептами в первых двух случаях (мы знаем, что мир есть отсутствие войны, а свобода есть отсутствие рабства) и парадоксальное переосмысление известной сентенции «*Знание – сила*» в

третьем случае. Эти лозунги являются сжатой политической программой утопического государства Океания. Их толкование также может быть представлено как последовательное раскрытие более глубоких смыслов. Каждый читатель, знакомый с парадоксами диалектики, знает, что в философской системе Гегеля явление диалектически соединяет в себе внешне несовместимые признаки, которые могут принимать даже полярно противопоставленные формы. Действительно, мир неразрывно связан с войной, сохранение мира требует бдительного внимания за действиями соседей и готовности ответить на вторжение, отсюда и вполне справедливая латинская сентенция: «*Si vis pacem, para bellum». – «Если хочешь мира, готовься к войне».* Аналогичным образом можно сказать, что невозможно оценить свободу, если ее не с чем сравнивать, и существуют ситуации, когда знание не только не придает сил, но и лишает надежды (это известные строки из Экклезиаста «*Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь*» (Еккл. 1: 18). Итак, второй смысл подобных абсурдных фраз не сводится к логически несостоятельным противоречивым суждениям. Следует заметить, что антиутопия Дж.Оруэлла была нацелена против тоталитарной политической системы как таковой, писатель выстрадал свои выводы на личном опыте, когда принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев против фашистов и видел, как сторонники республиканского режима вели жестокую внутреннюю борьбу, уничтожая своих перед лицом врага. Гегелевская диалектика была краеугольным камнем марксистов. Грань между диалектическим объяснением противоречий в мире и софистической практикой интерпретации любого абсурда как логической закономерности бывает очень зыбкой. И здесь нельзя не прийти к выводу о третьем смысле приведенных трех лозунгов: право на построение координат бытия, на определение того, что есть белое и что есть черное, что есть хорошо и что есть плохо, принадлежит тем, у кого есть власть. Иначе говоря, и в этом случае третий вывод носит политический характер.

Разница между серьезными абсурдными суждениями первого и второго типов состоит, на мой взгляд, в качестве выводимого политического смысла: антигуманный абсурд направлен на нейтрализацию самосохранения подчиненных людей, в то время как диалектический абсурд нацелен на нейтрализацию всей системы координат в мире.

Рассматривая политическую коммуникативную практику, мы постоянно сталкиваемся с поступками людей, которые противоречат здравому смыслу. Одним из подобных типовых поступков является наделение неживых предметов признаками одушевленных существ, в стилистике подобный прием называется олицетворением. Олицетворение, используемое как сравнение, украшает повествование или описание, но перенесенное в жизнь, имеет все черты абсурда. Приведу исторический факт.

Царь персов Ксеркс пошел в V веке до н. э. войной на Грецию. Персы перебросили мосты через Геллеспонт – пролив, отделяющий Азию от Европы (теперь – Дарданеллы). Буря разметала эти мосты. Разъяренный деспот приказал строителей казнить, а дерзкое море высечь цепями, наложить на него клеймо преступника и опустить в воду оковы, приговаривая: «Тебя, горькая вода, казнит владыка за то, что ты причинила ему обиду, не будучи обижена им. Царь Ксеркс переступит через тебя, желаешь ты этого или нет...» (www.fun.ukoz.ru).

Здесь мы рассматриваем абсурд иного порядка: человек произвольно устанавливает признаки объектов. С точки зрения персидского царя и его современников, его поступок был вполне закономерным и рациональным: царь наказывает того, кто ослушался, будь то вельможа, раб, животное или неодушевленный предмет. С точки зрения наших современников, в этом случае имеет место неадекватное поведение. Другими словами, можно противопоставить абсурд для участников какого-либо события и абсурд для наблюдателя. Отличительным признаком такого абсурда является его магический характер: совершая некое действие, в том числе и коммуникативное, его протагонист приписывает себе и объектам, с которыми он взаимодействует, свойства, не

соответствующие действительности. Подобное поведение свойственно детям (и не только детям): ребенок может ударить стенку, на которую он натолкнулся, а взрослый, споткнувшись на скользких ступеньках, проклинает эти ступеньки. Магический абсурд проявляется в разных сферах деятельности, в том числе и в политической практике. Древний властитель приказывает высечь море, а в недавнем прошлом решением политических лидеров символические знаки поощрения вручались большим территориальным образованиям параллельно с награждением конкретных персон за те или иные заслуги. Орден могла получить целая республика. Вспомним, что в печально известном 1937 году те или иные политические деятели могли быть обвинены в шпионаже в пользу государств, которые никак не могли бы извлечь выгоды от такого шпионажа. Магический абсурд весьма распространен и, на мой взгляд, является доминирующим типом серьезного абсурда в политической риторике.

Серьезный абсурд находит широкое применение в политической риторике с целью убедить аудиторию принять то или иное решение. Например, в текстах патетических песен или стихотворений мы часто находим призывы к антигуманному абсурду:

Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя (П.Коган).

Известный комсомольский поэт выразил восторженно-романтическое отношение к миссии распространения всемирной революции и своей смертью доказал искреннюю веру в свои идеалы. С точки зрения трезвого наблюдателя, смерть во имя завоевания мира является абсурдной, такое завоевание не сделает счастливыми ни побежденных, ни победителей, связано с массовым кровопролитием, и все мировые империи живут короткий исторический срок. Вместе с тем следует признать, что с рационально-приземленной точки зрения любой вид самопожертвования не имеет смысла, и предатели и трусы всегда могут найти объяснение своим поступкам мотивами целесообразности. Религиозно-политические призывы абсурдны с точки зрения человека, не разделяющего верований сторонников

той или иной религии и считающего религиозный фанатизм патологическим отклонением от нормального мировосприятия. Политические призывы, смыкающиеся с религиозными, занимают ведущее место в ряду способов убеждения посредством авторитета. Таковы, например, политические призывы националистов. Эти призывы, к сожалению, быстро распространяются. Когда-то К.Маркс сказал, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. В этой связи В. Войнович иронически заметил: «*Как показывает исторический опыт, именно абсурдные или даже, сказать точнее, идиотские идеи как раз легче всего овладевают умами масс*». Разумеется, многие политические лидеры активно эксплуатируют эту черту массового сознания.

Угрозы – типичный способ убеждения посредством психической силы – часто включают абсурдные суждения. Так, если в сознание населения постоянно внедряется концепт «тайный внутренний враг», то в политическом дискурсе постоянно фигурируют прямые обвинения, милитарные метафоры и сюжеты разоблачения скрытых врагов. Выступая 7 января 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, в докладе «Итоги первой пятилетки» Сталин сказал: «*Пойти в прямую атаку против Советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать, – это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, в совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т.д.*» (Павлова, 2003). В приведенном текстовом фрагменте мы видим обвинения «поджигают склады», «ломают машины», «организуют саботаж», «прививают скотине чуму, сибирскую язву, менингит», милитарные метафоры «атака», «разбиты», «рассеяны». Ключевыми словами являются повторяемые

предикаты «пакостят» и «вредят» – подчеркивается злонамеренность врагов и мерзкий характер соответствующих действий, так говорят о животных, оставляющих испражнения в доме. Этот пассаж интересен и тем, что в нем делается акцент на скрытых действиях врагов («тихой сапой» – исподтишка, тихо, незаметно, действуя путем подкопа). В приведенном тексте обозначены и субъекты вредительства – это те, кто не относится к рабочим, колхозникам, советским и партийным работникам.

Воздействие власти на граждан своей страны может принимать специфический абсурдный характер, когда тот или иной представитель власти непроизвольно допускает оговорку, выражая то, о чем на самом деле думает (оговорка по Фрейду). Так, в журнале «Огонек» журналист делится своими впечатлениями о поездке за рубеж. Заключительный пассаж статьи заслуживает внимания: *«В Домодедово безвизовую расслабленность жестко вправили. В ответ на «здрасьте» и протянутый паспорт родина откликнулась строгим вопросом: «Цель возвращения?» (С.Агафонов).*

Обычно пограничники задают вопрос: «*Цель прибытия?*». Ответы стандартны: туризм, командировка, посещение родственников и др. Вопрос «*Цель возвращения?*», несомненно, будучи оговоркой, абсурден по своей сути: предполагается, что возвращение домой – естественное право человека. Постановка такого вопроса свидетельствует о том, что представитель власти имеет полномочия ограничивать и регулировать естественные права человека и тем самым показывать рядовым гражданам страны, что никаких прав у них нет.

Абсурдная аргументация представляет собой нарушение логической линии в рассуждении либо последовательное развитие абсурдной идеи.

Такие примеры можно найти в политической публицистике. Например, выступая на форуме «Агентство политических новостей», один из авторов пишет: «*Монополярный мир доживает последние дни, поэтому из начавшегося тотального кризиса есть лишь два выхода: либо мир станет «биполярным», а там и многополярным; либо –*

произойдёт создание качественно нового всепланетного мондиалистского государства. Естественно, мировая финансовая элита ставит на второй вариант. Для этого сначала создадут экономический коллапс и множество военных конфликтов – войну «всех против всех». Потом – какой-нибудь «мессия» (возможно – Обама) объявит, что «ради спасения человечества» и прекращения хаоса необходима полная монополизация в руках «международных структур» всей власти и всех ресурсов планеты. Национальные государства, а вместе с ними и национальные элиты при этом будут полностью уничтожены. А чуть позже под чутким руководством «новых хозяев» зачистят 9/10 населения Земли. Кстати, нас с вами – в любом случае» (Хомяков, www).

В приведенном тексте последовательно развивается тезис о том, что современный мировой финансовый кризис был специально организован мировой финансовой элитой для экономического и впоследствии физического уничтожения 90% населения Земли. Исходное предположение вводится аксиоматически. Его развитие подчиняется формальной логике: сложилась чрезвычайная ситуация, ее нужно срочно решать силовыми мерами, эти меры приведут к объединению человечества, ликвидации национальных государств, а затем – к уничтожению большей части человечества, и в эту часть попадает Россия. Отмечу, что идея объединения человечества не раз высказывалась ранее, например, в трудах классиков марксизма, но из этой идеи не вытекает вывод о том, что объединение сопряжено с уничтожением населения. Уничтожение людей есть возможное следствие завоевания новой территории, а не создания добровольного союза. В аргументации автора наблюдается сбой. В данном случае создается намеренный смысловой пропуск, в основе которого лежит неявный тезис: «Объединение человечества есть поражение большинства».

Следует подчеркнуть, что убеждение с помощью опоры на авторитет или путем угроз обычно осуществляется в устном дискурсе, а путем аргументации – в письменном. С учетом количества адресатов этих типов дискурса можно констатировать, что политическая публицистика в наше время сориентирована на узкий круг читателей, которых

интересует не столько содержание текста, сколько стиль автора.

Возникает вопрос, как соотносятся манипуляция и абсурд? Исходя из того, что манипуляция сориентирована на демонстрацию добрых намерений и заботы об адресате, внешнее соблюдение здравого смысла и правил логики, мы можем констатировать несовместимость прямого абсурда и манипулятивных способов убеждения.

Весьма распространен абсурд и в политическом информировании адресатов. Здесь на первый план выступает сообщение нерелевантной информации, как достоверной, так и недостоверной. Ложь должна выглядеть правдоподобно, поэтому заведомый абсурд в информировании адресата является иллокутивным самоубийством. Нерелевантная информация способствует переключению темы в сообщении. Например:

Недалеко от Кении пираты захватили украинское судно «Фаина», перевозившее около 30 танков Т-72. Пока неизвестно количество членов экипажа и их гражданство. Сообщается, что судно следовало под флагом Белиза и направлялось в Кению. Службе безопасности Украины стало известно, что заместитель министра транспорта Украины Игорь Урбанский может быть настоящим владельцем компании, которой принадлежит судно «Фаина».

В этом сообщении говорится о захвате судна пиратами, о том, что судно перевозило военную технику (вопреки международным договоренностям), и о том, что владельцем этого судна является высокопоставленный чиновник в правительстве Украины. С точки зрения развития темы сообщения переключение информации с факта захвата судна на версию о его владельце является нарушением логики. Но такое нарушение является оправданным в контексте некоторой напряженности отношений между Россией и Украиной. Читатель должен сделать заключение о том, что среди высших руководителей Украины находятся люди, занимающиеся нелегальным бизнесом – несанкционированной продажей оружия. Таким образом, внешняя нелогичность сообщения способствует формированию у адресатов оценочного мнения о руководстве соседнего государства.

Комический абсурд в политической риторике активно используется для привлечения внимания широкой аудитории к политическим событиям и персонам. Установлено, что политическая ориентация коммуникантов влияет на то, какой тип комического дискурса предпочтителен в их публичных выступлениях: у левых политиков преобладают сатира и сарказм, у правых – ирония и юмор (Желтухина, 2000). Острые формы комической критики, как можно видеть, свойственны в наше время представителям оппозиции, в то время как власть прибегает к более тонким формам оценки действительности в комической тональности.

Обратим внимание на заголовок статьи в политической публицистике:

Еще один последний шанс.

Адвокаты лидера «Аум Синрикё» пытаются спасти своего подзащитного от виселицы.

Последний шанс не должен иметь продолжения, однако, судя по содержанию подзаголовка, у лидера запрещенной японской секты, устроившей газовую атаку в метро, есть достаточно квалифицированные адвокаты, которые пытаются отодвинуть исполнение смертной казни для этого преступника. Ироничный смысл, вытекающий из этого абсурдного заголовка, на мой взгляд, может быть выражен так: в этом мире всё возможно. Читатель должен сделать вывод об очень солидной поддержке преступника некими влиятельными людьми.

Политические лидеры достаточно часто прибегают к абсурдному юмору. Известна фраза Сталина: «*Врёт, как очевидец*». На первый взгляд, очевидец должен говорить о том, что было на самом деле. Вместе с тем опыт подсказывает, что многим очевидцам свойственно злоупотреблять своим правом на владение истиной и украшать изложение выдумками. Отсюда следует вывод, который был жизненным ориентиром советского лидера: никому нельзя верить.

Известно, что Джон Кеннеди, трагически погибший президент США, был женат на исключительно красивой женщине. Во время официального визита во Францию, куда

он прибыл вместе с первой леди своей страны, американский президент представился журналистам: «*Я – муж Жаклин Кеннеди*». Эта шутка была встречена дружным смехом: значимость статуса президента США значительно выше, чем значимость внешности его супруги. В результате этого фасцинативного коммуникативного хода американский президент завоевал симпатию многих французов, которым импонирует такой стиль поведения.

Политики могут намеренно делать абсурдные высказывания, цель которых – привлечь к себе внимание. Так, например, лидер либерально-демократической партии России В.Жириновский как-то предложил ввести в нашей стране многоженство. Эта идея была по праву воспринята как абсурд, поскольку полигамия никогда не практиковалась в России. Но подобное предложение не выглядит столь абсурдным на фоне общего экстравагантного поведения данного политика, который может полезть в драку со своим оппонентом, танцевать канкан с кордебалетом в новогодней телепередаче и при этом порой высказывать весьма глубокие суждения о положении дел в стране и мире. Подобный коммуникативный стиль лидера политической партии и заместителя Государственной Думы заставляет воспринимать политические события в целом как театр абсурда.

Подведем основные итоги.

Абсурд в политической риторике является одним из способов подчинить адресата давлению власти и проявляется при убеждении, информировании и привлечении аудитории. Такой абсурд может быть серьезным и комическим. При анализе серьезных абсурдных высказываний выделяются антигуманные, диалектические и магические смыслы таких высказываний. Интерпретация антигуманного и диалектического абсурда позволяет увидеть выводимый смысл подчинения адресата власти, интерпретация магического абсурда дает возможность противопоставить позиции участников и наблюдателей события, которое представляется целесообразным для одних и абсурдным для других. Комический абсурд представляет собой эффективный

способ привлечения внимания аудитории. При интерпретации этого абсурда можно установить смысложизненные ориентиры того политика, который использует соответствующие абсурдные высказывания, или того наблюдателя, который комментирует действительность путем абсурдных замечаний. Противодействие давлению власти в политической риторике, использующей абсурд, состоит в рационализации и критической интерпретации абсурдных суждений.

Выводы

Дискурс представляет собой многомерное образование. Одним из возможных путей его моделирования является установление его модусов. Подобно тому, как вода может быть представлена в разных агрегатных состояниях – твердом, жидком и газообразном, общение, в зависимости от коммуникативных обстоятельств, может быть сориентировано на разную степень коммуникативной точности и, соответственно, может носить принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный характер.

По признаку коммуникативной точности можно выделить три типа дискурса – фатический, рутинный и креативный. Фатический дискурс, обеспечивая контакт между коммуникантами, имеет нулевую коммуникативную точность; рутинный дискурс в его личностном бытовом или институциональном вариантах подчинен императиву уместности и поэтому относительно точен; креативный дискурс, по определению являясь личностным бытийным, сориентирован на достижение максимальной точности смыслов - художественных, философских, документальных. Рутинный дискурс тематически ограничен, реализуется посредством сокращенного кода, обладает высокой предсказуемостью содержания высказываний, тяготеет к указательности и использованию заместительных выражений, проявляется в виде плавной спонтанной устной речи и может быть закрыт для посторонних. Креативный дискурс тематически неограничен, требует развернутого

кода, характеризуется низкой предсказуемостью содержания высказываний, нацелен на поиск точных обозначений, проявляется в виде осложненной речи и открыт для посторонних. В обиходных ситуациях креативный дискурс не востребован, и его доля в совокупной коммуникативной практике человечества относительно мала, но его значимость огромна.

Если представить язык как неоднородное семиотическое образование, прототипными единицами которого являются знаки с фиксированным соотношением содержания и выражения, то можно допустить, что в составе языка выделяются единицы трех типов: 1) ещё не вполне языковые знаки, 2) языковые знаки, 3) сущности, выходящие за рамки прототипных знаков, т.е. знаки знаков. Единицы первого типа предлагается называть эпиномами, единицы второго типа – эргономами, единицы третьего типа – акрономами. **Эпиномы** представляют собой предельно лабильные смысловые образования с ситуативно обусловленным семантически размытым содержанием и яркой эмоциональной составляющей. **Эргономы** – это обычные значения слов, необходимые для понимания на обиходном уровне и зафиксированные в словарных дефинициях. **Акрономы** – это личностные смыслы, порождаемые только в креативном бытийном дискурсе, выходящие за рамки ближайшего значения, характеризуемые усложненной ассоциативной динамикой и поэтому требующие усилий для их понимания. Общение на уровне акрономов – это переход к третьей сигнальной системе.

По признаку интерпретативной сложности можно выделить эмблематический, аллегорический и символический модусы общения. Эмблематический дискурс указателен, сориентирован на мгновенную реакцию на определенный стимул, не требует развернутой интерпретации, в максимальной степени соответствует нормам массового сознания, активно используется в рекламном, политическом и религиозном воздействии на адресатов. Аллегорический дискурс предназначен для мобилизации внимания адресата с целью глубокого

осмысления некоторой идеи, этот дискурс директивен и обладает высокой степенью дидактичности. В наше время пространство аллегорического дискурса сокращается в связи с ускорением социальных ритмов жизни и демократизацией общения. Символический дискурс апеллирует к образам с маркированной ценностной насыщенностью, направлен на сверхчувственный опыт, характеризуется интерпретативной глубиной, многомерностью и привлекательностью для носителей культуры. Одни и те же коммуникативные ситуации и образы могут получить как эмблематическое, так и аллегорическое или символическое осмысление в зависимости от установок коммуникантов.

В развитии современной массовой культуры отчетливо проявляются тенденции редукции разнообразных языковых средств и речевых жанров к обиходному эмблематическому эпиномному способу общения. Эти тенденции можно суммарно определить как девербализацию – обеднение языковой культуры (сокращение вокабуляра, размывание семантики слов, возрастание прагматической широкозначности и контекстуальной обусловленности языковых единиц, гипертрофию эмоционального и резкое обеднение рационального содержания высказываний, упрощение синтаксиса, снижение стилевого регистра). Девербализация не является фатальной перспективой развития человечества и требует принятия активных мер противодействия ей со стороны гуманитарной общественности. Специфическим следствием девербализации являются рубрикация общения и абсурд в политической риторике.

Глава 2. Лингвокультурные концепты и типажи

2.1. Концепт как единица лингвокультурного кода («чистота» и «грязь»)

Изучение лингвокультурных концептов направлено на выявление характеристик языкового освоения действительности. Концепт представляет собой квант

переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы (Степанов, 1997) и включающий понятийное, образное и ценностное измерения (Карасик, 2002). Лингвистическая теория концептов активно разрабатывается в современной науке о языке, представляя собой качественное развитие семантической теории, и развивается в двух важнейших направлениях – лингвокогнитивном (Алефиренко, 2003; Болдырев, 2001; Демьянков, 2001; Кубрякова, 2004; Пименова, 2004; Стернин, 2008) и лингвокультурологическом (Воркачев, 2007; Карасик, 2002; Красавский, 2001; Красных, 2003; Слышкин, 2004; Шмелев, 2002). В рамках первого направления выявляются способы языковой объективации переживаемого опыта, в рамках второго направления в поле зрения исследователей оказывается этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления такого опыта.

В какой мере обосновано выделение классов концептов? Фасеточное моделирование языка допускает характеристику ментальных образований на основании любого релевантного признака. Единственный критерий целесообразности такого описания – нахождение новых содержательных отличий в концептах, не раскрытых при использовании других подходов к их объяснению. Заинтересованный читатель сможет убедиться в многообразии подходов к изучению концептов в современной науке о языке – в библиографии к этой книге приводятся различные исследования в рамках лингвоконцептологии. Основные тенденции в развитии концептологии я бы определил как освещение дискурсивной и индивидуально-авторской специфики концептов, но вместе с тем в научной литературе предложено и выделение новых типов переживаемового знания, например, это лингвокультурная идея, по С.Г.Воркачеву (2009).

Опыт в коллективном и индивидуальном сознании концептуализируется не произвольно, а в соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на

освоение внешнего и внутреннего мира. Одним из таких ориентиров является язык как концентрат информации. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание. Единицами лингвокультурного кода являются концепты. Данная работа представляет собой проверку гипотезы о том, что **исходный перцептивный образ**, лежащий в основе того или иного концепта, является **вектором конфигурации смыслов**, присущих всей тематической области, организуемой этим концептом. Это предположение поверяется на примере концептов «чистота» и «грязь» в русской и английской лингвокультурах. Квалификация объектов по признаку их чистоты является одним из важных признаков их качественной характеристики и имеет определенную этнокультурную специфику.

Изучение словарных дефиниций показывает, что прилагательное «чистый» обозначает широкий спектр взаимосвязанных качеств объектов: 1) незагрязненный, незапачканный, 2) следящий за своим внешним видом, 3) лишенный прыщей, веснушек, сыпи, 4) убранный с особой тщательностью, 5) ничем не заполненный, 6) сделанный аккуратно, тщательно, искусно, 7) представленный в окончательном виде (без помарок и исправлений), 8) не содержащий примесей, 9) не загрязненный химическими и радиоактивными веществами, 10) не смешанный, одного происхождения, вида, типа, 11) отвлеченный от практического применения, 12) абсолютно правильный, гладкий (о языке), 13) угодный Богу, свободный от скверны, негреховный, 14) нравственно безупречный, 15) получающий наиболее полное, яркое проявление (БТС). Эти признаки сводятся к отсутствию грязи в ее разновидностях (исходное качество) и к прилагаемым усилиям по устранению несоответствий с некоторым идеалом (каузируемое качество). Обратим внимание на переосмысление грязи: грязь как внешнее загрязнение, как заболевание кожи, как примеси, как помарки, как

химическое или радиоактивное воздействие, как любое заполнение пустого пространства, как признак несовершенства, как грех или моральный дефект, как нечто приземленно-практическое, как нечто, искажающее исходное совершенство или препятствующее полноте проявления. Не удивительно, что при столь широком переосмыслении (*грязь как помеха*) возникает структурное значение у наречия «чисто»: *словно, будто, как*.

Синонимическое уточнение слова «чистый» носит абстрактно-оценочный характер (незапятнанный, безупречный, безукоризненный), выражает идею идеального первоначального состояния (девственный, нетронутый, первобытный, первозданный) или полного соответствия чему-либо (настоящий, истинный, сущий, форменный, прямой) (ССРЯ). Словообразовательное поле с корнем «*чист*-» включает глагол «чистить» – удалять грязь (с его префиксальными разновидностями «начищать», «отчищать», «расчищать», «подчищать», «зачищать» и синонимическим интенсификатором «драить»), абстрактное существительное «чистота» и композитные имена прилагательные и существительные «чистокровный», «чистопородный», «чистошерстяной», «чистосердечный», «чистотел», «чистополье», «чистописание» и «чистоплюй», обозначающие конкретные уточнения тех качеств, которые заложены в исходном значении данного слова. Выделяются религиозно маркированные лексические единицы с корнем «чист-»: *пречистая Дева Мария* и полярно противоположная ей *нечистая сила*. В народных поверьях словом «нечисть» обозначаются фантастические человекоподобные существа, враждебные людям. Этимология слова «чистый» такова: «отсекать – отделять ненужное – очищать» (Черных), «вырубленный, очищенный от леса – освобожденный от чего-то мешающего – процеженный (без примесей)» (Цыганенко).

Прилагательное «грязный» имеет следующие значения: 1) покрытый грязью, содержащий грязь, запачканный, нечистый, 2) экологически нечистый, загрязненный, 3) испачканный, измазанный, 4) морально нечистоплотный, безнравственный, 5) основанный на использовании предосудительных приемов и средств, 6) затрагивающий достоинство кого-л., интимные

стороны его жизни, непристойный, 7) серовато-мутный, нечистый, с примесью других цветов, 8) (мн. ч.) *Разг*. о заработке без налогов и вычетов (БТС). В слове «грязь» разграничиваются следующие значения: 1) размякшая от воды земля, почва, слякоть, 2) пыль, мусор, нечистоты, отсутствие чистоты, гигиены, 3) о химических, радиоактивных веществах, болезнетворных организмах, 4) (только мн.ч.) естественные отложения, используемые как лечебные средства, 5) (ед.ч.) *Разг*. О многочисленных ошибках, помарках и исправлениях в тексте, 6) о чем-то низменном, безнравственном, бесчестном (БТС). Эти признаки сводятся к разновидностям грязи в физическом, моральном и ассоциативно-характеризующем аспектах.

Тематическое уточнение слова «грязный» таково: 1) слякоть, 2) нечистоты, органические выделения, 3) мусор, 4) действия, ведущие к загрязнению – «грязнить», «пачкать», «марать», «гадить», «загадить», «загваздать», «замурзать», 5) характеристика человека («нечистый», «чумазый», «черномазый», «черный»), предмета («сальный», «засаленный», «промасленный», «зачуханный», «заношенный», «замызганный», «задрипанный», «зашарпанный»), речи («сальный», «скабрезный», «похабный», «бесстыдный», «неприличный») (ССРЯ). Основные направления различий между прилагательными со значением «грязный» – степень качества для человека (грязный – чумазый), а также дополнительные сопряженные признаки для предмета (зачуханный, замызганный, задрипанный = грязный и истрепанный, зашарпанный = грязный и поцарапанный). Обратим внимание на частично совпадающие по смыслу омонимы: «сальный» – жирный (о пятнах) и «сальный» (из франц.) – непристойный. Этимология слова «грязь» сводится к идее «груз» – «погружение» – «топкое место» (Цыганенко), слова «марать» – к идее «темный, мрачный» (Черных), слова «пачкать» – делать пятна (Фасмер).

В английском языке прилагательное «clean» выражает следующие значения: 1) not dirty (не грязный), 2) honest or fair, not breaking rules or laws (честный, не нарушающий правил), 3) morally acceptable (приемлемый в моральном отношении), 4) having no rough edges; smooth, straight; even (ровный, гладкий, прямой), 5) complete (абсолютный, полный); 6) with nothing on; not yet used (чистый, незаполненный) (Cambridge International Dictionary of English). Мы видим, что основное значение «лишенный

грязи» уточняется в производных значениях данного слова через переосмысление грязи – грязь как нарушение правил, моральных норм, как любое искажение, заполнение пустого пространства. Этимология этого слова восходит к германскому корню со значением «блестеть».

Германское по происхождению прилагательное *clean* дублируется романским заимствованием *pure*, при этом в романском слове акцентируется признак «not mixed with anything else – ни с чем не смешанный», аналогично характеризуется моральная чистота и абсолютная степень качества. В этом же слове выделяется значение «относящийся к теории, а не к практике» (ср. рус. «отвлеченный от практического применения»). С прилагательным *clean* соотносятся глаголы *to clean* – чистить, *to cleanse* – очищать (*to make completely clean or (morally) pure*), с прилагательным *pure* – глагол *to purify* – очищать (в прямом и переносном смысле); (церк.) совершать обряд очищения.

Прилагательное «dirty» – «грязный» имеет следующие значения: 1) having dirt (= earth or a substance like it that has gotten on the surface of something) – имеющий грязь (землю или подобное вещество) на своей поверхности, 2) unfair or dishonest (dirt – information about a person's private life that shows them to have done something wrong or to have a bad character, esp. when made public by someone who wants to hurt them) – сообщающий информацию о неприличных поступках кого-л. (в личной жизни) с целью причинить вред этому человеку (Cambridge International Dictionary of English).

Тематическое уточнение слова «dirty» (по данным синонимических словарей) таково: тип грязи (mud – грязь под ногами, слякоть; filth – грязь, отбросы), интенсификация (nasty – грязный, отталкивающий; filthy – запачканный, немытый – в течение долгого времени, замаранный, нечистый; foul – загрязненный, разложившийся, гнойный, вонючий, омерзительный, отталкивающий), причина (squalid – грязный, запущенный; sordid – запачканный, гноящийся). Все слова-интенсификаторы применимы к поступкам человека, обозначают низкое, подлое, непристойное, вызывающее отвращение поведение и используются в общеоценочном отрицательном значении.

Детально дифференцируются действия, ведущие к загрязнению: пачкать (землей) – soil, sully, наносить пятна, марать – spot, smear, stain, smudge, grime, smut, tarnish (различаются виды пятен: просто пятно, липкое пятно, выделяющееся своим цветом пятно, клякса, въевшееся пятно, пятно копоти и сажи, пятно как обесцвеченное место), загрязнять вредными отходами или болезнетворными организмами (to pollute, to contaminate), загрязняя, марать, нарушать исходную чистоту (to taint, to defile). Все действия, связанные с загрязнением, переосмысливаются как нанесение вреда чьей-либо репутации. Этимологически слово *dirt* обозначает навоз.

Сравнение понятийных характеристик чистоты и грязи в русском и английском языковом сознании показывает, что идея чистоты сводится к отсутствию грязи в прямом и переносном смыслах, грязь концептуализируется как физическое или моральное нарушение исходной чистоты. В русском языковом сознании и чистота, и грязь концептуализируются как сложные единства, в основе которых лежат базовые ассоциации, генетически заложенные в соответствующих корнях основных имен этих концептов. В английской лингвокультуре и чистота, и грязь представлены бинарно: дифференцируется чистота как отсутствие грязи на поверхности предмета и как отсутствие смешения вещества или качества с иным веществом или качеством, различается грязь как нечистоты и как вязкая земля под ногами. Вследствие этого англоязычное осмысление чистоты и грязи носит более конкретный характер по сравнению с русским и поэтому грязь подсознательно вызывает сенсорные ассоциации отвращения.

Для изучения образной характеристики рассматриваемых концептов используются данные анализа диагностической сочетаемости имен основных концептов (рассматриваются примеры из национальных корпусов русского и английского языков, размещенных на сайтах www.ruscorpora.ru и www.natcorp.ox.ac.uk) и результаты экспериментального опроса информантов, которым было

предложено написать короткие сочинения на тему: «Когда я думаю о чистоте (грязи), я представляю себе…».

Приведем типичные примеры сочетаемости проанализированных слов.

Примером чистоты является снег:

На улицах среди невысоких весёлых домов лежал чистый снег.

Типичны высказывания, в которых отсутствие грязи уточняется идеей аккуратности:

Вокзал, надо сказать, потрясающе аккуратный и чистый – я в России таких не видел.

Обратим внимание на интенсификацию признака чистоты.

О чистоте говорят, когда хотят подчеркнуть отсутствие дефектов:

У неё было тонкое лицо, обрамлённое вьющимися тёмными волосами, нос с небольшой горбинкой, высокий чистый лоб.

Отсутствие смешения с загрязнением характеризует чистый воздух:

И природа здесь соответственная: чистый воздух, леса, полные грибов и ягод.

В переносном смысле чистота ассоциируется с отсутствием моральных пороков:

Вот такой у меня оказался поклонник— чистый, непосредственный, стеснительный...

Моральная чистота присуща романтикам, бескомпромиссным людям:

Ведь кому, как не 18- 20-летним присущ сегодня зачастую чистый, максималистский, немного романтический взгляд на жизнь!

Концепт чистоты расширяется до указательного смысла «только»:

Дай Бог, чтобы сохранились, особенно в наши дни, такие люди, что ставят во главу угла не чистый заработок, а интересы дела, которому служили и служат не один десяток лет.

В таком смысле слово «чистый» представляет собой интенсификатор, который может сочетаться со словами отрицательной семантики:

Но это уже был чистый вздор, и мы, пораскинув, решили отправиться на вокзал и пересидеть там до утра.

В английском языке примером чистоты и свежести также выступает образ снега:

This is the most beautiful place I have ever been, a land of snow that is so fresh and clean that to ride over it seems criminal. – Это – самое красивое место, где я когда-либо бывал, страна снега такого свежего и чистого, что даже мысль о том, чтобы проехаться по нему, кажется преступной.

В конкретном смысле чистота уточняется как отсутствие грязи и подобных веществ на поверхности:

Make sure your hands are clean and grease-free. – Ваши руки должны быть чистыми и на них не должно быть никакого жира.

У чистоты есть запах:

He smelt clean and I shut my eyes. – От него пахло чистотой, и я закрыла глаза.

Чистота ассоциируется с уютом:

The rooms are clean and comfortable and all have basic cooking facilities. – Комнаты чистые и уютные, и все они оборудованы для приготовления пищи.

Прототипным цветом для чистого помещения является белый:

It was a clean, white, rather clinical-looking room, with its white wooden towel rail, its bowl and pitcher of water for those who didn't have the time or inclination to take a bath. – Это была чистая белая комната, как в больнице, с белой деревянной вешалкой для полотенца, с миской и кувшином с водой для тех, у кого не было времени или желания принять ванну.

Поддержание внешней чистоты ассоциируется со статусным признаком:

A middle-class mouth, the voice and teeth hard and clean. – Рот – как у представителя среднего класса, голос и зубы ровные и чистые.

Англичане полагают, что люди, находящиеся ниже приемлемой социальной черты, не следят за своей внешностью, ходят с грязными зубами, полуоткрытым ртом и нечетко говорят.

Чистота имеет сенсорные характеристики:

According to the brewers, it's a light and golden ale, fragrant and flowery and refreshingly clean on the palate… ideal for the summer months. – По свидетельству пивоваров, этот легкий золотистый эль ароматен, как цветы, обладает свежим и чистым вкусом и идеально подходит для летнего времени.

В другом смысле чистота выражается словом *pure*:

He had a heart of pure gold. – У него было сердце из чистого золота.

Речь идет о характеристике человека.

Подчеркивается чистота цвета:

Both spearmen and archers are garbed in robes of pure white. – И копьеносцы, и лучники облачены в одежды чисто белого цвета.

Чистота в переносном смысле связана с подчеркиванием отсутствия примесей:

I can now contemplate my experience, my discovery, of how total pure love can be, in all its atoms, converted into total pure hate. – Теперь я могу проанализировать мой опыт, мое открытие того, как может абсолютно чистая любовь, во всех ее атомах, превратиться в абсолютно чистую ненависть.

Идея чистоты используется для интенсификации признака:

…perhaps it was pure cowardice – возможно, это было чистой трусостью.

Грязь в проанализированных примерах конкретизируется в виде испачканной поверхности предметов:

Дорожка миновала гаражи и упёрлась, как я и предполагал, в грязный бетонный забор.

Идея грязи усиливается описанием аналогичных характеристик:

Он отшатнулся от старичка агронома и быстро зашагал по улице, он словно со стороны увидел себя: плащ грязный, волосы всклокочены, взор блуждающий.

Грязь в данном случае – один из признаков отсутствия порядка.

Грязь на человеческом теле отвратительна:

Кровь стучит в висках, грязный пот заливает глаза.

Грязь обусловлена нежеланием человека следить за своей чистотой:

Я вскочила на ноги и уцепила мерзкого старикашку за грязный воротничок давно не стиранной рубашки.

Сопутствующими признаками грязи часто выступают голод и болезнь:

Когда, по моему настоянию, ребенка привели, мы ужаснулись, такой он был истощенный, грязный, больной.

Слово «грязный» в переносном смысле обозначает низость:

Итак, Марк Крысобой, холодный и убеждённый палач, люди, которые, как я вижу, — прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, — тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда— все они добрые люди?

Говоря о грязном предателе, прокуратор имеет в виду его моральные качества.

Слово «грязный» может характеризовать любое отрицательно оцениваемое явление:

Процветал грязный бизнес, связанный с похищением людей, с укрывательством преступников, с торговлей оружием, с финансовыми махинациями и.т.п.

В корпусе примеров на английском языке частотны высказывания, обозначающие конкретно воспринимаемую грязь:

Apart from the mess of dirty clothes in the bathroom, their house hardly looked lived in any longer. – Если не принимать во внимание кучу грязной одежды в ванной, казалось, что в этом доме никто никогда не жил.

Типичным примером грязи является невымытая посуда:

At least she never had to worry about washing piles of dirty dishes and cups. – По крайней мере, ей никогда не приходилось заботиться о том, чтобы мыть кучи грязных тарелок и чашек.

Типичны упоминания о грязных руках и пальцах:

He brought a dirty finger up to his lips. – Он поднес грязный палец к своим губам.

Грязь ассоциируется с неухоженностью:

A multiplicity of railway companies in Venezuela ensured that Caracas had four stations by 1905, but Percy Martin found them dirty, shabby, and comfortless. – Многие железнодорожные компании в Венесуэле уверяли в том, что в Каракасе уже в 1905 году было четыре станции, но Перси Мартину они показались грязными, убогими и неуютными.

Грязь приписывается представителям иных этнических групп:

She was always slightly scruffy, while not actually dirty – I think «off-white» describes her perfectly. – Она всегда выглядела немного неряшливой, хотя и не совсем грязной – я думаю, ее можно описать так: белые люди так не ходят.

Предполагается, что белые люди следят за собой лучше, чем другие.

В примерах мы сталкиваемся с синонимическим варьированием разных характеристик грязи:

She said she wouldn't go in the park any more, she would be too ashamed if she met Carolyn, covered in muck and wearing dirty overalls, doing some filthy job. – Она сказала, что не пойдет больше в парк, ей будет стыдно повстречаться там с Кэролин, одетой в грязный комбинезон, измазанной навозом и выполняющей какую-то мерзкую работу.

Интересны примеры синонимического усиления значения слова «грязный»:

They're absolutely filthy dirty! – Они абсолютно противные и грязные!

Этот перевод не вполне точно передает удвоение смысла в словах *filthy dirty.*

Грязь имеет запах:

Mary's clothes were wet and dirty, and the smell was appalling. – Одежда Мэри была мокрой и грязной, и запах был отвратительным.

Слово dirty используется в отрицательно-оценочном смысле:

We must remember that he is waging a dirty war. – Мы должны помнить, что он ведет грязную войну.

Сочетаемостные характеристики важнейших обозначений чистоты и грязи в русском и английском языках свидетельствуют о значительном совпадении этих признаков. Различие состоит в более частотной характеристике чистоты как морального совершенства в русских текстовых примерах и более детальной сенсорной конкретизации грязи и в индикации социальных признаков человека в английских высказываниях – отсутствие чистоты для носителей англоязычной культуры является классовым и этнически маркированным признаком.

Приведу типичные ответы информантов, в сочинениях которых приводятся следующие ситуативные уточнения:

«Когда я думаю о чистоте, я представляю себе чисто вымытый пол или чистое белье».

«Когда я думаю о чистоте, я представляю себе городской сквер после дождя, свежий запах, или чистый-чистый водоем, дно видно насквозь».

«Когда я думаю о грязи, я представляю себе мутные лужи на асфальте».

«Когда я думаю о грязи, я представляю себе грязную свинью, лежащую в луже, или опустившегося человека, обычно пьяного, в заношенной одежде».

«When I think of something clean I can see clean clothing and bed linen in a hotel apartment». – Когда я думаю о чем-то чистом, я представляю себе чистую одежду и чистое белье в гостиничном номере.

«When I think of something clean I can see a man cleaning his teeth and shaving clean in the morning». – Когда я думаю о чем-то чистом, я представляю себе человека, который чистит зубы или бреется утром.

«When I think of something dirty I can see an ugly old boss gripping his young secretary by the hand and telling her a dirty joke». – Когда я думаю о чем-то грязном, я представляю себе старого уродливого босса, который схватил свою молоденькую секретаршу за руку и рассказывает ей грязный анекдот.

«When I think of something dirty I can see dirty streets of a big city with people who are up to no good». – Когда я думаю о чем-то грязном, я представляю себе грязные улицы большого города, и людей, от которых нельзя ждать ничего хорошего.

Реакции русских респондентов сводились к чисто вымытым комнатам, блестящему кафелю либо чистому водоему, иногда – к чистым одеждам (белоснежное платье невесты), англоязычные информанты говорили не только о состоянии чистоты, но и о действиях по поддержанию чистоты. Грязь в ответах русских информантов ассоциируется с грязными лужами либо с традиционным образом свиньи, англоязычные информанты акцентируют моральную нечистоплотность людей и опасность городских окраин, где можно столкнуться с нападением хулиганов, обычно вызывающе грязных. Заметим, что в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю.Н. Караулова типичными реакциями на стимул «чистый» выступают слова «воздух», «пруд», «снег», «родник», «небо», а на стимул «грязный» – слова «пол», «дом», «башмак», «ботинок», «бомж». Отмечается жидкая, черная грязь на дороге, следовательно, актуальным является осознание грязи в первую очередь как слякоти.

Для изучения ценностных характеристик концептов «чистота» и «грязь» в сравниваемых лингвокультурах обратимся к пословицам, поскольку их назначение – в

прямом виде передавать нормы поведения, принятые в обществе. Разумеется, в настоящее время этот речевой жанр не востребован в такой мере, как столетия тому назад, поскольку его открытая дидактичность не согласуется с демократическими тенденциями современного коммуникативного поведения. Кроме того, пословицы выражают в основном нормы поведения крестьянства. Но, тем не менее, такие высказывания показательны для выявления оценочного кодекса лингвокультуры. Смысл таких высказываний может быть выражен в суждении «Следует / не следует делать Х». В словаре пословиц В.И. Даля приводится ряд речений о чистоте и грязи. Эти речения сводятся к следующим нормам поведения:

Следует ценить чистоплотность: *Платье чисто, так и речь честна.*

Следует сохранять внутреннюю чистоту души: *Чистота духовная паче телесной. Хоть мошна пуста, да душа чиста. Простота да чистота – половина спасенья.*

Следует знать, что с чистой душой жить легче: *Чистую посуду легко и полоскать. От чиста сердца чисто зрят очи.*

Следует знать, что чистота не соединяется с грязью*: К чистому поганое не пристанет. Правда сама себя очистит*. *Чистому все чисто*.

Следует знать, что чистота уязвима: *Одолели черти чистое (святое) место.*

Следует знать, что невозможно остаться чистым, работая: *У кого больно чист струмент, тот плохой мастер (плохой работник). На семью чисто не настряпаешься.*

Следует знать, что грязь затягивает: *Грязью играть – руки марать.*

Следует знать, что грязь притягательна для определенных людей: *Свинья найдет грязь. Свиные глазы не боятся грязи. Поросенка хоть мой, не мой, а он все в грязь лезет.*

Следует знать, что от грязи можно очиститься: *Грязь не сало, помял (потер), она и отстала.*

Следует знать, что не всем можно очиститься от грязи: *Как смерд ни умывается, а все грязью заваляется.*

Не следует, находясь в грязи, требовать, чтобы тебя считали чистым: *Сам в грязи лежит, а кричит: не брызгай!*

Чистота и грязь аллегорически осмысливаются в английских пословицах следующим образом:

Следует ценить чистоплотность: *Cleanliness is next to godliness. – Чистоплотность сродни праведности.*

Следует знать, что чистота не соединяется с грязью*: To the pure all things are pure. – Чистому всё кажется чистым. Clean hands need no washball. – Чистым рукам мыла не нужно.*

Следует знать, что нужно вовремя устранять грязь: *Dirty grate makes dinner late. – Из-за грязной печной решетки обедать приходится поздно.*

Следует знать, что грязь порождает грязь: *Muddy springs will have muddy streams. – Из грязных источников рождаются грязные потоки. A hog that's bemired endeavoures to bemire others. – Измазанный тиной кабан пытается и других запачкать.*

Следует знать, что грязь прилипчива: *Fling dirt enough, and some will stick. – Брось достаточно грязи, и что-то прилипнет. He that deals in dirt has aye foul fingers. – У того, кто возится с грязью, пальцы мерзко пахнут. He that falls into the dirt, the longer he stays there the fouler he is. – Тот, кто падает в грязь, должен знать: чем дольше он там будет оставаться, тем грязнее он станет.*

Следует знать, что грязь соответствует определенным людям: *Dirty troughs will serve dirty sows. – Грязные корыта – для грязных свиней. Mud chokes no eels. – Угри не задыхаются в грязи.*

Следует знать, что грязные средства могут быть успешными: *Dirty hands make clean money. – Грязные руки рождают чистые деньги.*

Не следует бросать грязь на репутацию близких: *Don't wash your dirty linen in public. – Не следует стирать грязное белье на людях. It's an ill bird that fouls its own nest. – Только плохая птица гадит в своем гнезде.*

Не следует бросать грязь на репутацию других людей: *He that flings dirt at another, dirtieth himself most. – Тот, кто бросает грязь на других людей, марает себя больше всех.*

Не следует бросать грязь на репутацию тех, кто тебе помог: *Cast no dirt into the well that hath given you water. – Не бросай грязь в колодец, который дал тебе воды.*

Аллегорические высказывания о чистоте показывают, что для носителей русской лингвокультуры актуальными являются идеи о важности внутренней чистоты и о невозможности в ряде случаев очиститься от грязи, в то время как для англичан на первый план выступают прагматические правила нецелесообразности или целесообразности прикосновения к грязи. Особенно актуально для англичан предостережение о прилипчивости грязи.

Тема чистоты и грязи не является важнейшей для афористов, вероятно, в силу самоочевидности тех выводных смыслов, которые порождаются данными концептами. Вместе с тем, некоторые изречения заслуживают внимания. Так, для русской лингвокультуры актуальными являются следующие оценочные суждения:

Следует знать, что даже незначительная грязь может принести вред: *Грязная муха может опачкать всю стену, а маленький грязненький поступочек может испортить все дело (А.П. Чехов).*

Следует знать, что грязь на поверхности неизбежна: *Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит (М.С. Щепкин).*

Следует знать, что людям свойственно привыкать к грязи: *«Не нам унывать!» — хрюкнула свинья, укладываясь в лужу* (*В. Шукшин*).

Следует знать, что чистота может быть обманчивой: *То, что все принимали за грязь, оказалось единственным чистым местом* (*В. Афонченко*).

Следует прилагать действенные усилия по поддержанию чистоты: *Не надо бороться за чистоту, надо подметать!* (*И. Ильф*).

Следует знать, что в определенных ситуациях опасно сохранять чистоту: *И обычная грязь может стать лечебной, если в нее вовремя упасть лицом (Л. Сухоруков).*

В английской афористике подчеркивается мысль о необходимости критически относиться к суждениям о чистоте.

Следует знать, что чистое качество есть условность: *The pure and simple truth is rarely pure and never simple (O. Wilde). –*

Чистая и простая правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой.

Следует знать, что невозможно остаться чистым в борьбе: *I learned long ago, never to wrestle with a pig. You get dirty, and besides, the pig likes it (G.B. Shaw). – Я давным-давно понял, что не нужно заниматься борьбой со свиньей. Весь испачкаешься, и, кроме того, свинье это нравится.*

Можно увидеть, что в русских афоризмах выражено критическое отношение к недооценке грязи, к ее упрощенному пониманию, к имитации борьбы с ней, великие мастера английской афористики в своих парадоксах обращают внимание на обманчивость чистоты и трудность ее поддержания в реальной жизни.

Подведем основные итоги.

Квалификация предметов, явлений и качеств по признаку чистоты построена на противопоставлении наличия и отсутствия внешнего (материального) и внутреннего (морального) загрязнения, при этом внешнее загрязнение осмысливается как наличие иной субстанции на поверхности объекта либо смешение вещества объекта с этой субстанцией. Внешнее загрязнение имеет неорганическую и органическую природу (слякоть – выделения организмов). Осмысление чистоты и грязи в русской и английской лингвокультурах обнаруживает значительное сходство в понятийном, образном и ценностном отношениях. Различия касаются исходного образа грязи, положенного в основу номинации и сохраненного в качестве культурно-генетического варианта концептуализации этого образа (грязь как слякоть в русском сознании и как нечистоты – в английском). Такое осмысление определяет особую чувствительность англоязычного социума к чистоте и грязи и императивность деятельности по устранению грязи как в прямом смысле, так и в переносном, когда чистота и грязь осознаются в виде законности либо незаконности поступков и средств. В русском языковом сознании акцентируется моральная чистота и недопустимость моральной грязи. Для англичан чистота и грязь являются индикатором социального статуса человека. В англоязычном сознании чистая поверхность и

очищенность вещества или качества лексически дифференцируются.

2.2. Концепт как лингвокультурная матрица («слава»)

Желание прославиться всегда было одним из наиболее сильных стимулов для общественной деятельности. Вместе с тем отношение к славе неоднозначно: *«Влекущийся за именем имя свое погубит» (Гиллель).* В этой связи представляет интерес специфика понятийных, образных и ценностных характеристик данного концепта в разных лингвокультурах и разных типах языкового сознания.

Определим понятийные характеристики рассматриваемого ментального образования.

Толковый словарь определяет этот концепт в русском языковом сознании следующим образом:

Слава – 1. Почетная известность как свидетельство всеобщего признания чьих-л. заслуг, таланта, доблести и т.п. *Завоевать, приобрести славу. Добиться славы. Стремиться к славе. Заслуженная слава. Вечная слава. Посмертная слава. Литературная слава. Свидетельство чьей-л. славы. Символ славы. Бремя славы*. || О том, кто своими заслугами, своим трудом доставил кому-, чему-л. широкую известность. *Лейтенант был славой и гордостью нашего полка.* 2. Возглас, обозначающий: хвала! честь! *Слава мужественным защитникам города на Неве!* 3. Название русской хвалебной величальной песни. *Петь славу.* 4. Сложившееся мнение о ком-, чем-л.; известность в каком-л. отношении, репутация. *Хорошая слава. Дурная слава. Слава лучшего тренера. Район имел скандальную славу. Слава Герострата*. 5. Разг. Слухи, толки, молва. *О председателе идет худая слава* (БТС).

Слава – как кто слывет, прослыл в людях; молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству. *Об нем добрая, плохая слава ходит. Кто как поживет, такая слава и пойдет.* || Слух, молва вообще, вести, говор. *Хоть денег ни гроша, зато слава хороша. Ни в честь, ни в славу, ни в доброе слово.* || Похвальная молва, общее одобренье, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним. *Этот мастер в славе, все к нему! Про Волгу и в песнях слава идет. Слава кружит голову. Слава дым, а золото тлен. Одна на свете слава: слава в вышних Богу!* || Слава, старинная народная песня, из святочных,

со старинным же напевом, которая славит, величает или честит хозяина; она же воздает хвалу царю. *Споем славицу* (Даль).

На основании приведенных дефиниций можно представить содержательный минимум данного концепта в виде следующего набора признаков: 1) распространенное мнение о ком-, чем-либо, 2) включающее одобрение, 3) включающее порицание, 4) выражение этого мнения в разговорах. Метонимически имя данного концепта конкретизируется как обозначение человека, пользующегося славой, как возглас и как название старинной хвалебной песни.

Этимологически имя «слава» связано с идеей слушания, и соответственно, получения и распространения сведений.

В английском языке этот концепт обозначается посредством нескольких имен:

Fame – the condition of being well known and talked about; renown. *She won overnight (=sudden) fame with her first novel* (LDELC).

Glory – great fame, honour and admiration. *Those who died bravely in battle earned everlasting glory* (LDCLC).

Notoriety – the state of being notorious: *derog* famous or widely known for something bad. *A notorious murderer* (LDCLC).

Толкования словарных дефиниций показывают более дробную номинацию данного концепта в английском языковом сознании: недифференцированная, хорошая и плохая слава, при этом концептуальный набор в целом совпадает с приведенным выше набором признаков, характеризующим рассматриваемое ментальное образование в русском языке.

Этимология английских имен данного концепта восходит к латинским словам, обозначающим молву, славу, известность, при этом латинское «gloria» – «слава» восходит к корню «laus» – «хвала, восхваление», а «fama» – к корню со значением «молва, слухи».

Сочетание признаков известности и оценки дает возможность построить фрейм рассматриваемого концепта в виде матрицы включающей позиции «известность» – «отсутствие известности» и «положительно оцениваемая известность» – «отрицательно оцениваемая известность».

Для понимания смыслового системного контекста концепта «слава» необходимо рассмотреть синонимику его имен и тематическое поле данного ментального образования.

В Словаре синонимов русского языка слова «репутация», «имя», «слава», «честь», «реноме» объединяются под общим значением «какое-л. мнение о ком-, чем-л., разделяемое многими, всеми. «Репутация» – основное слово для выражения значения, слова «имя» и «честь» обозначают только положительное, благоприятное мнение о ком-, чем-л., «слава» употребляется с прилагательными «добрая», «дурная», «реноме» совпадает по значению со словом «репутация», но свойственно преимущественно литературно-книжной речи» (ССРЯ). Имена прилагательные «известный», «популярный», «знаменитый», «прославленный», «славный», «знатный», «именитый» (разг.), «мировой» имеют общее значение «пользующийся известностью, всеобщим признанием». «Эти слова широко употребляются для характеристики названий лиц по профессии, роду занятий и т.п.; «знаменитый», «прославленный», «славный» характеризуют также названия городов, мест, произведений, событий и т.д.; слово «популярный» подчеркивает широкую известность кого-л. в широких кругах; «знаменитый» имеет усилительное значение: пользующийся очень широкой, большой известностью; «прославленный» и «славный» указывают на высшую степень известности и признания; слово «славный» имеет книжный характер; слово «знатный» в современном языке широко употребляется для характеристики названий лиц по профессиям, занятиям, которые в прежние времена никакой известностью не могли пользоваться (например, знатная ткачиха, знатный полевод, сталевар, токарь и т.п.); «именитый» имеющий широко известное, прославленное имя, иногда слово употребляется, чтобы подчеркнуть иронически-преувеличенное почтение перед известностью кого-л.; «мировой» – известный всему миру, для слова характерно сочетание с существительным «имя» (ССРЯ).

Е.Э. Бабаева толкует в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка синонимический ряд «известный$_2$», «знаменитый$_1$», «легендарный», «прославленный» следующим образом: «такой, о котором в определенное время знают очень много людей, потому что он сделал или имеет что-то, что выделяет его среди большинства

или всех объектов того же класса». В преамбуле к словарной статье сказано, что «данный ряд соприкасается с рядом «популярный», «модный», «престижный», также содержащим указание на то, что о данном человеке, предмете или явлении знает относительно большая группа людей», при этом «ряд «известный$_2$» отличается от ряда «популярный» по следующим признакам: 1) предмет оценки, 2) роль социума и самого предмета оценки в ее формировании, 3) время существования знания о нем и интереса к нему». Приводятся следующие отличительные смысловые признаки, позволяющие противопоставить толкуемые слова: объективность – субъективность оценки («известный» – «популярный»), длительность – кратковременность оценки («известный» – «популярный»), количественная характеристика субъекта знания: незамкнутая – ограниченная группа («прославленный» – «известный», «знаменитый», «легендарный»), тип оценки: положительная либо возможная отрицательная («прославленный» – «известный», «знаменитый», «легендарный»), незначительная степень свойства («известный»), акцент на роли общества в формировании оценки («прославленный», «легендарный»), содержание знания: общие либо конкретные свойства («известный», «знаменитый» – «легендарный»), способ хранения и распространения знания – в виде легенды («легендарный»), скорость формирования оценки: быстрота («известный», «знаменитый») (НОСС2).

Организующими смысловыми направлениями в рассматриваемом тематическом поле славы как широкой известности, сопряженной с положительной оценкой, являются следующие: 1) степень известности (известность – широкая известность), 2) степень эмоционально маркированной положительной оценки (от признания до восхищения и благоговения), 3) идеологическое основание оценки (изначально – благородство происхождения, затем – высокий уровень профессионального мастерства), 4) оценочная мотивация (совершение выдающегося поступка либо публичность как род деятельности), 5) частотность иронического переосмысления (любая положительная оценка может получить ироническое осмысление, но частотность подобных осмыслений свидетельствует о критическом отношении к типичному объекту таких оценок). Обратим внимание на то, что в тематическом поле

концепта «слава» не представлены идеи дурной славы и разговоров об известном человеке.

К рассматриваемому тематическому полю примыкают смежные концепты, соотносимые со славой, но фиксирующие иные фрагменты переживаемого опыта: «честь», «почет», «хвала», «тщеславие», «честолюбие».

Честь – 1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого. *Долг чести. Сражаться за честь кого-л.* 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. *Честь фабричной марки*. | Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах). 3. Почет, уважение. *Честь и слава героям!* 4. О том, кем или чем гордятся. *Писатели – честь и слава нашей родины* (БТС).

Почет – уважение, оказываемое кому-л. обществом, людьми. *Высокого гостя встретили с особым почетом* (БТС).

Хвала – слова одобрения, восхваления, похвалы: хвалить – 1) высказывать одобрение, похвалу кому-, чему л., 2) прославлять, возносить хвалу богам, божествам (обычно в псалмах, молитвах и т.п.) (БТС).

Честолюбие – стремление добиться высокого, почетного положения, жажда известности, славы. *Страдать честолюбием* (БТС).

Тщеславие – стремление к славе, почету, почитанию. *Делать что-л. из тщеславия* (БТС).

В русском языке идея хвалы выражена в глаголах «прославлять», «превозносить», «восхвалять», «славословить» – восторженно, похвально отзываться о высоких качествах, достоинствах кого-, чего-л. Эти слова отличаются по степени восторженности и подразумевают порой преувеличенное и незаслуженное восхваление (ССРЯ). В этом системном контексте рассматриваемые смежные концепты «слава», «честь», «почет», «хвала» имеют общий признак «коллективная положительная оценка» и различаются по признакам «высокое качество личности» – «мнение других людей о таком качестве» («честь» – «слава»), «признание значимости человека» – «известность, вытекающая из такого признания» («почет» – «слава»), «слова одобрения в чей-либо адрес» – «известность, вытекающая из таких слов» («хвала» – «слава»). Для русского языкового сознания значимыми являются признаки интенсивности прославления и критической оценки чрезмерного

прославления человека. В «Словаре синонимов русского языка» говорится, что «честолюбие» и «тщеславие» характеризуют человека, стремящегося к славе, почету, при этом тщеславный человек не только стремится приобрести известность и высокое положение, но в отличие от честолюбивого человека любит славу и почести ради них самих (ССРЯ). Стремление к почету и славе не осуждается, если оно не является чрезмерным.

В Словаре синонимов английского языка Вебстера сравниваются единицы «fame», «renown», «honor», «glory», «celebrity», «reputation», «repute», «notoriety», «éclat», объединенные значением «the character or state of being widely known by name for one's deeds, and, often, one's achievements» – «широкая известность в связи с поступками или достижениями кого-либо». Лексикограф выделяет такие дистинктивные признаки, как «широкое признание за большие достижения» (renown), «уважение и почет» (honor), «восторженное признание за блистательные достижения» (glory), «широкая известность, популярность» (celebrity), «известность, заслуженная добрым именем» (reputation), «известность, сопровождаемая уважением» (repute), «известность как сенсационность» (notoriety), «известность, полученная в результате выставления своих достоинств напоказ» (éclat) (WNDS). В комментарии к слову «famous» в Словаре английского языка и культуры издательства Лонгмэн отмечается, что в ряду слов «famous» («видный, выдающийся, знаменитый, известный, прославленный, славный»), «well-known» («выдающийся, знаменитый, известный, популярный»), «distinguished» («выдающийся, знаменитый, известный, прославленный»), «eminent» («видный, выдающийся, замечательный, знаменитый, известный»), «notorious» («пользующийся дурной славой; печально известный»), «infamous» («имеющий дурную репутацию (*о человеке*), печально известный») устанавливаются следующие отличительные признаки: «степень известности», «сфера деятельности (обычно наука или искусство)», «дурная слава» (LDELC).

В англоязычном языковом сознании актуальными для тонкого уточнения содержания концепта «слава» оказываются следующие признаки: 1) степень известности (известность – широкая известность), 2) степень эмоционально маркированной оценки (признание – восторженное признание), 3) добрая либо дурная слава, 4) сфера проявления славы (наука и искусство – другие виды

деятельности), 5) отрицательно оцениваемая самопрезентация как способ добиться известности.

Смежными концептами для славы в английском языковом сознании выступают «honour – честь», «respect – уважение», «vanity – тщеславие».

Honour – 1) something that makes you feel very proud; 2) the respect that you, your family, your country etc receive from other people, which makes you feel proud, 3) something such as a special title or medal given to someone to show how much people respect them for what they have achieved, 4) strong moral beliefs and standards of behaviour that make people respect and trust you (LDELC).

Respect – 1) when you admire someone, especially because of their personal qualities, knowledge, or skills, 2) when you regard something or someone as important and are careful not to harm them, treat them rudely etc (LDELC).

Vanity – too much pride in yourself, so that you are always thinking about yourself and your appearance (LDELC).

Лексикограф раскрывает семантику этих слов через понятия гордости и значимости: честь является основанием для гордости, уважение – признанием значимости, тщеславие трактуется как чрезмерная эгоистичная гордость. Суть гордости – положительная самооценка, которая может оцениваться со стороны как плюс и как минус. Соответственно, честь и слава в английском языковом сознании соотносятся как условие и следствие, уважение и слава – как признание значимости и вытекающая отсюда известность. Тщеславие осуждается за демонстративное эгоистичное неуважительное отношение к другим людям.

Образно-перцептивные характеристики концепта представляют собой ассоциативное уточнение его понятийных признаков. Обычно для выявления образных признаков концепта рассматриваются сочетаемостные характеристики имени этого ментального образования. Обратившись к данным национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), мы замечаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих славу, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки данного концепта.

Идея славы сочетается с идеей героизма, боевого подвига и самопожертвования:

Порой мы неоправданно и даже преступно равнодушны к **славе** *Отечества, а если и признаем право на патриотизм, то лишь вспоминая воинские победы (Е.Раменский).*

Женя тихонько ахнула, а потом уж, когда сильный, мерный голос диктора проговорил: "Вечная **слава** *героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины", – она заплакала (В.Гроссман).*

Самолюбия у Мамочкина было хоть отбавляй, за ним утвердилась **слава** *хорошего разведчика, и он действительно участвовал во многих славных делах, где первую роль играл всё-таки Аниканов (Э.Казакевич).*

В приведенных примерах концепт «слава» сочетается с концептами «Родина», «патриотизм», с выполнением опасных обязанностей военного разведчика.

Типичным является упоминание и о трудовой славе:

Очень хочется верить, что былая **слава** *нашего завода возродится, а на его знамени появятся новые российские награды (К. Зайковский).*

Обратим внимание на знаки славы: награды на знамени завода. Этот пример характеризует славу как идеологический феномен, поскольку знаки государственных наград значимы только в условиях стабильного соотношения ценностей в государстве. В лингвокультурном плане приведенный пример интересен тем, что в Советском Союзе награды вручались не только индивидуумам, но и большим коллективам – предприятиям, учреждениям, воинским подразделениям, кораблям и даже городам и областям.

Идея славы тесно связана с идеями власти и почета:

Честолюбивые люди, устремленные к **славе** *и самоутверждению, испокон веков были пружиной и движителем той политики, которую власть проводила в жизнь (А.Яковлев).*

Своеобразным является смысл рассматриваемого концепта в религиозных текстах, раскрывающих славу как атрибут Бога:

Выражение «Слава Божия» означает Самого Бога в проявлении Его величия, могущества, сияния Его святости, действенной силы Его существа. В Ветхом Завете

наблюдаются два вида явлений Славы Божией: великие деяния Бога и Его явления людям (Я.Кротов).

Слава в этом контексте имеет чувственное восприятие – это особое сияние, вызывающее благоговейный трепет. Встреча с Богом является, по мнению богословов, высшей радостью, которую может испытать человек. Такая встреча может произойти во сне:

Небесный свод, горящий **славой** *звездной, Таинственно глядит из глубины, – И мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены (Ф.И.Тютчев).*

Этот удивительный космический образ, на мой взгляд, самый яркий в русской лирике, созданный в 1830 г. поэтом, которому в то время было 26 лет, характеризует славу как божественное звездное сияние.

В русском языковом сознании слава сопряжена со смертью:

Там мертвой славе отдадут – Меня – твои живые руки (А.А. Ахматова).

Иннокентий Анненский был щедро вознагражден посмертной **славой** *за прижизненную безвестность (М.Л. Гаспаров).*

Приходилось ли вам замечать, что никто не заботится о посмертном бытии и посмертной **славе** *более, чем завзятые атеисты? (К. Глинка).*

Слава воспринимается как вечная жизнь, или, наоборот, быть живым значит – быть в сознании, в сердце, в памяти. Такая слава – величественная, героическая, связанная с поклонением – не сочетается с обиходной жизнью и жизнью вообще. Ср.: *Слава – солнце мертвых* (О. де Бальзак).

Земная слава имеет другую природу.

Во-первых, она преходяща (римляне говорили «Sic transit gloria mundi» – «Так проходит мирская слава»):

Почти все актерские судьбы с громкой ***славой*** *проходят через испытание горькое и неизбежное – охлаждение зрителя (Л. Гурченко).*

Во-вторых, она сливается с успехом, богатством, комфортом, удовольствиями от жизни:

У Черкасова была дача, машина, квартира и **слава** **(***С. Довлатов).*

На самом деле тебе дороги всеобщее обожание, твоя всемирная **слава***, успех у женщин и вращение в светском обществе! (А. Слаповский).*

Вы, как барышня московская, стремитесь к карьере, деньгам и людской **славе** *(Интернет-форум).*

В-третьих, она превращается в популярность, в широкую известность, представляющую собой своеобразную оболочку, знак славы:

Произведенный недавно в "академики" Российского телевидения мэтр сентиментально признался, что с детства мечтал о **славе** *и популярности, чтобы узнавали на улицах и просили автограф (И. Сергеева).*

Автограф известного человека – это особый знак нового времени. Никому не придет в голову просить автограф у героя, совершившего подвиг. Суть феномена «автограф» – свидетельство причастности обычного массового человека к человеку публичному, известному и знаменитому. Популярность в наши дни воспринимается как синоним успеха:

Солидный успех – а это понятие в рыночной ситуации синонимично **славе***, – сопутствовал исключительно проектантам (С.Чупринин).*

Слава, переходя в популярность, становится символическим капиталом, по П.Бурдье, и, значит, товаром. Желание получить автограф известного человека в чем-то сродни желанию прикоснуться к удачливому игроку, выигравшему по-крупному, и имеет, по-видимому, архетипическую природу.

Весьма частотны примеры, иллюстрирующие в русском языковом сознании дурную славу:

Для многих притягательна скандальная **слава***, которую приобретает учение А.Т.Фоменко, раздуваемая теперь уже и телевидением (А.А. Зализняк).*

Это наверняка отпугнет клиента и лишит вас новых заказов в окрестностях – дурная **слава** *о "плохих строителях" распространяется быстро (Д. Тихо).*

"Яма" пользовалась дурной **славой***, ее считали притоном хулиганов и ворья (Л. Кислинская).*

Дурная слава может быть сенсационной, скандальной, сигнализирует об опасности или низком качестве чего-либо. Критически оценивая незаслуженную славу, говорят о том, что она «дутая»:

После концерта Д. Хворостовского померкла ***слава*** *дутых "звезд" эстрады, не говоря уже о тех "певцах", которых пачками штампует "Фабрика звезд" («Наш современник»).*

В русской культуре широко известны чеканные слова из «Витязя в тигровой шкуре» Ш.Руставели: «*Лучше гибель, но со славой, / Чем бесславных дней позор*». Что означает здесь бесславие – отсутствие славы либо дурную славу? В русском языке «бесславный» – достойный осуждения, позорный (БТС). Вероятно, отсутствие славы отождествляется с позором в определенной ситуации, когда подвиг является единственным вариантом поведения для героя. В таком контексте бесславие не является эквивалентом неизвестности.

Образно метафорическое содержание рассматриваемого концепта проявляется через следующие типовые сравнения.

Слава – одежда, оболочка:

Что ***слава?****- Яркая заплата / На ветхом рубище певца (А.С. Пушкин).*

Слава растет, подобно живому организму:

Слава *Юрия Никулина с каждым очередным фильмом возрастала в геометрической прогрессии (И.Кио).*

Слава сравнивается с громкими звуками:

Сорок лет тому назад, когда подмосковный Железнодорожный больше походил на поселок городского типа, нежели на город, **слава** *о нем гремела далеко за его пределами не только в нашей стране, но и за рубежом (Интернет-форум).*

В этом случае мы имеем дело с метонимическим переносом: трубный звук фанфар или аналогичных музыкальных инструментов, сопровождающий триумфальное шествие героев по городу, выступает как один из признаков славы и далее как слава в целом.

Слава уподобляется приятной жидкости, в которой можно нежиться:

Между тем и подопытные кролики и те, кто это все придумал и воплотил в жизнь, уже предвкушают, как они будут купаться в **славе** *и популярности (Ю.Богомолов).*

Слава ассоциируется с опасным предметом или ядом:

…киноартисты в большинстве своем – покалеченные **славой***, легкостью забот и больные честолюбием люди (В. Смехов).*

Несмотря на то, что он был прекрасным актером, к концу своей жизни он был отравлен ***славой*** *(«Известия»).*

Обратимся к данным Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Слава в английском языковом сознании часто соответствует формуле словарной дефиниции «широкая известность»:

By 1902 her fame as a hard-headed, cigar-smoking, business-woman, capable of holding her own with the shrewdest of her male rivals in the intensely competitive world of industry, had already won her recognition (from the Pall Mall Gazette) as 'one of the most remarkable women in Great Britain', famous enough to be caricatured by the Punch cartoonist, Bert Thomas, in the comic journal Ally Sloper in 1904. – К 1902 году ее слава практичной деловой женщины с сигарой в зубах, способной добиваться своего в жестком состязании с соперниками-мужчинами из мира промышленности, была признанной, ее называли (по свидетельству газеты «Пол-Мол») «одной из самых замечательных женщин Великобритании», она была настолько знаменита, что Берт Томас, известный художник-карикатурист из популярного журнала «Панч», изобразил ее в 1904 году в юмористическом издании «Эли Слоупер» (Здесь и далее перевод мой. – В.К.).

Практицизм, деловая хватка, воля к победе – важнейшие характеристики успешного бизнесмена. Когда среди капитанов бизнеса появляется женщина, а в Англии начала XX века это было редким событием, такая женщина привлекает к себе внимание многих и приобретает широкую известность, тем более, что она намеренно ведет себя сугубо по-мужски (сигара – атрибут мужского образа жизни). Эта дама была знаковой фигурой своего времени и поэтому стала объектом добродушной карикатуры в популярном юмористическом журнале. Приведенный пример иллюстрирует обыденное понимание славы как широкой популярности.

Героическое понимание славы связано в английском языке с кодексом рыцарского поведения:

Essential to the ethos of chivalry was the earning of fame, which enabled the knight to hold his head high in the world, and was complementary to lordship, inheritance, or manor house as signs of his position in society. – Существенной чертой рыцарского статуса

было завоевание славы, которое давало рыцарю право высоко держать голову в мире и сопутствовало его титулу, происхождению или родовому поместью как знаками его положения в обществе.

Завоевать славу можно было боевыми подвигами либо победами в турнирах. Мы видим, что в таком контексте концепт «слава» является статусным индикатором личности: простолюдин не мог рассчитывать на подобную славу.

Идея посмертной славы может быть осмыслена скептически:

Even if one has good scientific ideas, it is never enough just to publish them: the world will never beat a pathway to the door of the scientific recluse; and all that the Avogadro or the Mendel can hope for is posthumous fame. – Даже если у кого-то есть хорошие научные идеи, недостаточно их просто опубликовать: к двери ученого затворника мир никогда проложит тропу, и посмертная слава – это все, на что могут рассчитывать Авогадро или Мендель.

Автор этого высказывания полагает, что посмертная слава, которой удостоились классики науки (приводятся имена великих ученых, открывших фундаментальные законы физики и генетики), не является пределом мечтаний для человека. Речь идет о человека нашего времени. В корпусе примеров весьма частотны парные корреляты славы в английском языковом сознании:

Nevertheless, these kids still approach the major record companies in search of greater fame and fortune than they could ever hope to achieve by themselves. – Тем не менее, эти ребята все еще пытаются выйти на крупнейшие кампании звукозаписи в поисках такой славы и такого богатства, которые им никогда самостоятельно не обрести.

There was a time when the rich and famous would announce the arrival of a new family member with a discreet notice in The Times. – Было такое время, когда богатые и знаменитые извещали всех о появлении нового члена семьи в скромном объявлении, опубликованном в газете «Таймс».

The writer is saying that he understood that the church was not really interested in helping the poor, just in attracting new members to the church for its own glory and ultimate gain. – Автор говорит, что он понял: у церкви на самом деле нет интереса помогать

бедным, ей лишь нужно привлекать новых прихожан для своей славы и максимальной выгоды.

Слава, как показано в этих и многих других примерах, значима тогда, когда она сочетается с деньгами, богатством, выгодой. Обратим внимание на аллитерацию, характерную для английских устойчивых сочетаний: *fame and fortune*.

Обращают на себя внимание ностальгические ассоциации, присущие английскому концепту «слава»:

Father Hugh Mcaleese said: «We are devastated, but we intend to restore the church to its former glory». – Отец Хью Макэлиз сказал: «Сейчас здесь разорение, но мы намерены восстановить эту церковь и вернуть ей прежнюю славу».

В английском сознании прошлое воспринимается как эра блистательной славы, когда над Британией с ее бесчисленными колониями никогда не заходило солнце, и поэтому частотно сочетание «прежняя слава».

Концепт «слава» в проанализированных примерах конкретизируется в виде типичных сфер деятельности, связанных с известностью:

Much of Muskie's political fame was earned from his leadership in environmental affairs. – В значительной мере Маски заслужил славу в политике благодаря тому, что был лидером в борьбе за охрану окружающей среды.

He was a renowned preacher, a pioneer critic of the New Testament, one of the founding fathers of the discipline of hermeneutics. – Он был выдающимся проповедником, одним из первых критиков Нового Завета и принадлежал к числу отцов-основателей герменевтики.

Oyama is famous for fighting bulls with his bare hands. – Ояма знаменит тем, что идет против быков с голыми руками.

You would have read of the exploits of some famous rock climber and you would be familiar with the meanings of such terms as abseiling, piton and so on. – Вы бы читали о достижениях какого-то знаменитого альпиниста, и вам были бы понятны значения таких слов, как спуск на веревках, штычок и т.д.

Both were marauding, tribal war-leaders whose main aim was to bring military glory to themselves and their followers. – Оба они были боевыми вождями племен, живших грабежами, и их главной целью было завоевание военной славы для себя и своих последователей.

In the course of time he becomes one of the world's most famous cooks. – С течением времени он станет одним из наиболее знаменитых мировых поваров.

He was America's most prominent conductor and known for compositions from symphonies to musicals; his most famous was West Side Story. – Он был одним из наиболее выдающихся дирижеров Америки, получившим признание благодаря своим сочинениям – от симфоний до мьюзиклов, самым известным из которых была «Вест-Сайдская история».

Широкой известности можно добиться в политике, спорте, искусстве, науке, войне и даже в приготовлении пищи.

Известность может иметь отрицательную оценку:

Adolescents are notorious for their frequent shifts in mood, frequent periods of rumination over relationships and identity, and time spent alone. – Подростки известны своими частыми сменами настроения, частыми периодами размышления о взаимоотношениях людей и собственной идентичности и стремлением побыть в одиночестве.

Эта распространенное мнение о подростках содержит отрицательную оценку: с подростками трудно общаться, не случайно говорят о подростковом кризисе.

But Aunt Alicia had always been famous for her absurdities. – Но тетушка Алисия всегда славилась своими нелепыми поступками.

Left and right. Two famous figures reputed to have indulged in cannibalism, Annia Gakria Faustina and (pointing) Idi Amin, onetime dictator of Uganda. – Справа и слева – две знаменитые фигуры, известные тем, что позволяли себе каннибализм, Аннния Гакрия Фаустина и (показывая) Иди Амин, бывший в свое время диктатором Уганды.

Люди могут получить широкую известность благодаря своей глупости или порокам.

Метафорика славы в рассмотренных примерах такова.

Слава ассоциируется с лестницей:

Was party politics the best way up the ladder of fame? – Была ли партийная политика лучшим способом подняться вверх по лестнице славы?

Слава подобна внешней оболочке:

He used to disappear periodically and come back covered in glory and bruises, often taking us ashore to celebrate England's victory on the field. – Время от времени он исчезал и возвращался,

покрытый славой и синяками, часто приглашая нас на берег, чтобы отпраздновать победу Англии на суше.

Слава сравнивается с приятными теплыми лучами солнца, в которых можно понежиться:

Nigel went on for years basking in the glory of his first book. – Найджел продолжал годами лежать в лучах славы от своей первой книги.

Особое место занимает сакральная метафорика славы – слава Бога как сияние:

And lo, the angel of the Lord came upon them, and the glory of the Lord shone round about them and they were sore afraid. – И вот, ангел Господень снизошел к ним, и Слава Божия воссияла вокруг них, и они застыли в ужасе.

Обратим внимание на метонимическое переосмысление славы в сочетании Hall of Fame (Зал Славы):

The Hall of Fame is not the first international honour awarded to Professor Solomons. – Зал славы – это не первая международная награда профессора Солеменса.

Зал Славы – это мемориальное место, в котором находятся изображения известных, прославленных представителей какой-либо организации, например, галерея портретов великих ученых, работавших в данном университете. В переносном смысле это – список выдающихся представителей того или иного сообщества, например, *Tennis Hall of Fame, Hockey Hall of Fame, Rock and Roll Hall of Fame.* В виртуальном пространстве так часто называются сайты фанатов определенного игрового портала, стиля музыки или вида спорта.

Анализ образных характеристик концепта «слава» показал, что это ментальное образование имеет три разных ипостаси: слава героическая, божественная и обиходная. В русском языковом сознании героическая слава сопряжена с подвигами и смертью, в английском – с рыцарским кодексом поведения. Божественная слава воспринимается метафорически как особое сияние и совпадает в сравниваемых лингвокультурах, такое понимание славы заимствовано из Библии. Обиходное понимание славы приравнивает этот концепт к популярности, широкой известности и, в отличие от двух первых интерпретаций славы допускает ее амбивалентную оценку.

Рассмотрим ценностные характеристики данного концепта в русской лингвокультуре. Эти характеристики выражены в оценочных суждениях, которые в трансформированном виде можно сформулировать как нормы поведения. Подобные суждения встречаются как в пословицах, афоризмах, так и в описательных высказываниях:

Следует жертвовать собой во славу отечества:

А слава тех не умирает, Кто за отечество умрет (Г.Р. Державин).

Следует беречь свою репутацию:

Добрая слава дороже богатства.

Добрая слава лежит, а худая бежит.

Следует принимать во внимание мнение людей о ком-либо, поскольку есть доля истины в таком мнении (римляне проницательно замечали: «*Non simper erat fama» – Не всегда ошибочна молва»*):

Какова пава, такова ей и слава. Нет дыма без огня.

Следует трезво смотреть на свои усилия по достижению славы:

…стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни ***слава****, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди – невежды, а* ***слава –*** *удача, и чтоб добиться её, надо только быть ловким* (*М.Ю. Лермонтов).* Приведенное суждение созвучно известному афоризму Экклезиаста: *«И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым победа, не мудрым хлеб, и не у разумных богатство, и не искусным благорасположение, но время и случай для всех их*».

Следует быть готовым идти на испытания и лишения, если хочешь добиться славы:

Слава, знаменитость сладки лишь издали, когда о них только мечтаешь. Но когда их достиг, чувствуешь одни их шипы. И зато как мучительно ощущаешь каждый золотник их убыли (А.И. Куприн).

Дорога к славе усыпана терниями (Ю. Феофанов).

Следует помнить о суетности славы:

Нужно ли становиться известным, чтобы стать известным Господу? (В.Грудев).

В основе стремления к славе – ощущение своей пустоты (Д. Квиллар).

Следует помнить, что людям свойственно завидовать чужой славе:

*Его **славе** в войсках завидовал и ревновал главнокомандующий русской армией фельдмаршал Бутурлин (С.Баймухаметов).*

Следует помнить о трудности устоять перед искушением славой:

*Однако в последние годы появился и сравнительно новый механизм искушения писателя **славой**, а именно – премиальный процесс (О.Славникова).*

Следует критически относиться к собственному желанию прославиться:

Быть знаменитым некрасиво. Не это подымает ввысь (Б.Л. Пастернак).

Нужнее всего освободиться от соблазна славы людской, не думать о том, что скажут о тебе люди (Л.Н. Толстой).

Стремление человека быть центром общего внимания людей – пагубно для него, ибо ничто не умертвляет душу так быстро, как жажда нравиться людям (М. Горький).

Слава – самое эффективное самосовершенствование, она мгновенно превращает мелкие недостатки в великие достоинства (Е. Ермолова).

Мало проснуться знаменитым, надо еще убедиться в отсутствии смирительной рубашки (Анон.).

Следует знать о пагубном влиянии славы на творчество и живой контакт с людьми:

Астрофизик, писатель, администратор, драматург, в молодости – вундеркинд, в старости – затворник; невероятно плодовит на идеи, статьи и книги, но безразличен к публичной **славе** *(В.Сурдин).* Приведенный пример показывает, что людям творческим свойственно получать удовольствие от процесса рождения новых идей, а не от общественного признания.

*Я часто думаю о том, что люди, ищущие и стремящиеся к **славе**, не понимают, что в так называемой "**славе**" гнездится то самое одиночество, которого не знает любая уборщица в театре (А.Щеглов).*

Следует демонстрировать безразличие к славе:

Дома проповедовались скромность и равнодушие к **славе** *(Ю. Кантор).*

Следует знать об издержках популярности:

Популярность – это когда другие о вас знают больше, чем вы сами о себе (В. Афонченко).

Популярность – это постоянная сутолока у замочной скважины (Р. Алеев).

Прославьтесь, и Ваши кости будут грызть любые собаки!!! (В. Борисов).

Итак, в приведенных оценочных суждениях акцент делается на негативных сторонах славы. В развернутом виде эти суждения представляют собой сочетание двух оценок: «Слава приятна человеку» и «Слава приносит вред человеку», при этом первое суждение составляет пресуппозицию для второго. Обратим внимание на то, что оценочные суждения имеют дело с обиходной славой и популярностью, вероятно, героическая слава не нуждается в обосновании, она самоочевидна. Суждения, в которых идет речь о репутации, подчеркивают ценность доброго имени и необходимость усилий по его сохранению, из чего вытекает печальная констатация о склонности людей легко терять свою репутацию.

В англоязычном мире славе уделяется большое внимание как ценности, определяющей поведение людей:

Следует оставлять о себе добрую славу:

He that sows virtue, reaps fame. – Тот, кто сеет добродетель, собирает славу.

Fame is the perfume of heroic deeds. – Слава есть благоухание героических подвигов.

He that leaves the fame of good works after him, does not die. – Тот, кто оставил после себя славу хороших дел, не умрет.

Следует поддерживать в людях стремление к славе:

Passion for fame; a passion which is the instinct of all great souls (E.Burke). – Страсть к славе, страсть, изначально присущая всем великим душам.

There are many ways to fame. – Есть много путей к славе.

Следует беречь свою репутацию:

Good fame is better than a good face. – Добрая слава лучше, чем красивое лицо.

A good name is better than riches. – Доброе имя лучше, чем богатство.

A good name is a rich heritage. – Доброе имя – богатое наследство.

A good name keeps its luster in the dark. – Доброе имя светит и в темноте.

Win a good reputation, and sleep at your ease. – Заслужи себе хорошую репутацию и спи без тревог.

A wounded reputation is seldom cured. – Испорченную репутацию редко удается исправить.

A good name is sooner lost than won. – Доброе имя легче потерять, чем обрести.

Fame to infamy is a beaten road. – От славы к бесславью проторенный путь.

Следует знать о притягательности славы:

Fame is a powerful aphrodisiac (G.Greene). – Слава – это сильный афродизьяк.

Следует трезво смотреть на свои усилия по достижению славы:

Reputation is often got without merit, and lost without crime. – Репутацию часто получают без заслуги и теряют без преступления.

Fame, like a river, is narrowed at its source and broadest afar off. – Слава, подобно реке, бывает узкой в истоке и широкой в отдалении от него.

Следует помнить о суетности славы:

All fame is dangerous: good, bringeth envy; bad, shame. – Любая слава опасна: добрая приносит зависть, дурная – стыд.

Fame is but the breath of the people; and that often unwholesome. – Слава – это только дыхание народа, и оно часто бывает нездоровым.

What is fame? an empty bubble; Gold? a transient, shining trouble (J.Grainger). – Что слава? Пустой пузырь. Золото? Мимолетный блестящий пустяк.

Fame is a fickle food Upon a shifting plate (E.Dickinson). – Слава – это скользящая пища на неустойчивой тарелке.

Следует знать, что слава может принести как пользу, так и вред:

Fame is a magnifying glass. – Слава – это увеличительное стекло.

Следует знать о том, героическая слава обычно бывает посмертной:

Let fame, that all hunt after in their lives, Live register'd upon our brazen tombs (W.Shakespeare). – Пусть слава, за которой мы всю жизнь в погоне, останется на бронзе памятников наших.

Fame is no plant that grows on mortal soil (J.Milton). – Слава – это древо, которое не растет на почве смертных.

Fame is a food that dead men eat, – I have no stomach for such meat (A.Dobson). – Слава – это пища мертвых, мой желудок ее не переваривает.

Fame itself is but an epitaph; as late, as false, as true (H.Thoreau). – Слава сама по себе – это эпитафия, поздняя, ложная, верная.

Следует быть готовым идти на испытания и лишения, если хочешь добиться славы:

Happy is the man who hath never known what it is to taste of fame — to have it is a purgatory, to want it is a Hell! (E. Bulwer-Lytton). – Счастлив тот, кто никогда не испытал вкуса славы: пользоваться ей – быть в чистилище, стремиться к ней – быть в аду!

Следует ценить популярность:

There is only one thing in life worse than being talked about, and that is not being talked about (O.Wilde). – Есть только одна вещь в жизни хуже, чем когда о тебе говорят, это когда о тебе не говорят. Any publicity is good publicity. – Любая известность есть хорошая известность.

Fame is fickle, but Obscurity is usually faithful to the end (M.Cooley). – Слава неустойчива, безвестность обычно верна до конца.

Следует критически относиться к популярности:

Fame belongs to the great, the outstanding, the exceptional, without regard to virtue or vice. Infamy is fame no less than good repute. The great scoundrel can be as famous as the great hero; there can be famous villains as well as famous saints (M.J. Adler). – Слава принадлежит великим, выдающимся, исключительным безотносительно к добродетели или пороку. Бесславье – такая же слава, как и хорошая репутация. Великий негодяй может быть известен так же, как и великий герой, есть знаменитые подлецы и знаменитые святые.

Celebrity-worship and hero-worship should not be confused. Yet we confuse them every day, and by doing so we come dangerously close to depriving ourselves of all real models. We lose sight of the men and women who do not simply seem great because they are famous but are famous because they are great. We come closer and closer to degrading all fame into notoriety (D.J. Boorstin). – Не нужно смешивать поклонение знаменитостям и поклонение героям. Но мы их смешиваем и, поступая так, подходим к опасной черте и лишаем себя реальных образцов для подражания. Мы теряем из виду тех мужчин и женщин, которые не просто

кажутся великими из-за того, что они знамениты, но знамениты потому, что являются великими. Мы все ближе подходим к тому, чтобы свести всю славу к дурной известности.

The further our civilization advances upon its present lines so much the cheaper sort of thing does "fame" become, especially of the literary sort. This species of "fame" a waggish acquaintance says can be manufactured to order, and sometimes is so manufactured (H. Melville). – Чем дальше развивается наша цивилизация в этом направлении, тем дешевле становится такая вещь, как слава, особенно литературная слава. Образцы такой славы, как нам известно по нашему забавному опыту, можно производить на заказ, и так часто делается.

Следует знать, что стремление к славе присуще представителям творческого труда:

Poet's food is love and fame (P.Shelley). – Любовь и слава – пища для поэтов.

To be occasionally quoted is the only fame I care for (A.Smith). – Единственная слава, к которой я стремлюсь, это чтобы меня иногда цитировали.

Следует знать, что стремление к славе более свойственно мужчинам, чем женщинам:

Man dreams of fame while woman wakes to love (A.Tennison). – Мужчина грезит о славе, женщина – о любви.

Publicity in women is detestable. Anonymity runs in their blood. The desire to be veiled still possesses them. They are not even now as concerned about the health of their fame as men are, and, speaking generally, will pass a tombstone or a signpost without feeling an irresistible desire to cut their names on it. (V.Woolf). – Публичность в женщинах отвратительна. В их крови есть стремление к анонимности. Ими владеет желание быть под вуалью. Даже сейчас состояние своей славы волнует их не в такой мере, как мужчин, и, вообще говоря, женщинам свойственно проходить мимо надгробного камня или указательного столба без того, чтобы ощущать жгучее желание вырезать там свое имя.

Women are the fulfilled sex. Through our children we are able to produce our own immortality, so we lack that divine restlessness which sends men charging off in pursuit of fortune or fame or an imagined Utopia. That is why we number so few geniuses among us (Ph. McGinley). – Женщинам свойственна самодостаточность. Через наших детей мы способны создавать наше собственное бессмертие, и поэтому у нас нет этого божественного беспокойства, которое срывает с места мужчин в поисках

богатства, славы или воображаемой Утопии. Обратим внимание на критическое отношение к славе со стороны женщин: стремление к славе у мужчин, по мнению феминисток, обусловлено несамодостаточностью, ущербностью сильного пола.

В приведенных нормах поведения, вытекающих из английских пословиц и сентенций англоязычных писателей и общественных деятелей, отражена амбивалентная сущность славы. Четко выражена идея о том, стремление к славе присуще людям, в особенности великим и творческим личностям, оно свойственно в большей мере мужчинам, чем женщинам, вместе с тем акцентируется неподконтрольность славы человеку, ее мимолетность, ее несовместимость с жизнью. Критически оценивается моральный релятивизм, связанный с популярностью. Подчеркивается необходимость создания и сохранения доброго имени.

Подведем основные итоги.

Понятийное содержание концепта «слава» в русской и английской лингвокультурах сводится к следующему набору признаков: 1) распространенное мнение о ком-, чем-либо, 2) включающее одобрение, 3) включающее порицание, 4) выражение этого мнения в разговорах. Эти признаки ассоциативно уточняются в тематическом поле, в центре которого находится концепт «слава», по следующим направлениям: 1) степень известности, 2) степень эмоционально маркированной положительной оценки, 3) идеологическое основание оценки, 4) оценочная мотивация, 5) возможность иронического переосмысления.

Анализ образных характеристик концепта «слава» показал, что это ментальное образование имеет три разных ипостаси: слава героическая, божественная и обиходная. В русском языковом сознании героическая слава сопряжена с подвигами и смертью, в английском – с рыцарским кодексом поведения. Божественная слава воспринимается метафорически как особое сияние и совпадает в сравниваемых лингвокультурах, такое понимание славы заимствовано из Библии. Обиходное понимание славы приравнивает этот концепт к популярности, широкой

известности и, в отличие от двух первых интерпретаций славы допускает ее амбивалентную оценку.

В целом, нормы поведения, связанные с ценностными характеристиками концепта «слава» в значительной мере совпадают в англоязычном и русском языковом сознании. Основные различия состоят в том, что для русской лингвокультуры актуальны идея о возможном вреде, который популярность наносит душе человека, и вытекающее отсюда требование держать под контролем стремление к славе, а для англоязычной лингвокультуры – идея о трезвой оценке подлинной славы и популярности и вытекающее отсюда требование рационально строить свое поведение в соответствии со своими интересами и установками общества.

2.3. Концепт как амбивалентный регулятив поведения («интрига»)

В ряду лингвокультурных концептов – сложных ментальных образований, являющихся квантами переживаемого опыта и воплощенными в языковых обозначениях – выделяются регулятивы поведения, т.е. установки и предписания, связанные с типизируемой ситуацией. Эти регулятивы, составляя оценочную картину мира и отражая нормы и ценности, присущие той или иной лингвокультуре, весьма разнообразны, поскольку разнообразны обстоятельства жизни человека (Арутюнова, 1998; Бабаева, 2003; Вольф, 1985). Классификация регулятивов может строиться на различных основаниях: 1) по соотношению индивидуальных и коллективных норм можно противопоставить общечеловеческие, этнокультурные, социально-групповые и индивидуальные регулятивы поведения, 2) по соотношению общественного и личного приоритета ценностей различаются моральные и утилитарные регулятивы, 3) по рациональному осмыслению и контролируемости поведения можно выделить осознаваемые и подсознательные предписания вести себя определенным образом в типичных обстоятельствах, 4) по фиксации социальных регулятивов

противопоставляются юридические и этические нормы, 5) по жесткости либо мягкости социальных требований разграничиваются облигаторные и факультативные регулятивы поведения, 6) по сфере реализации можно выделить дискурсивно-закрепленные и дискурсивно-нейтральные предписания поведения.

В данной работе рассматриваются дискурсивно-закрепленные регулятивы поведения, т.е. те нормы и установки, которые специфичны в различных коммуникативных ситуациях, будучи по своей сути одним и тем же. Например, концепт «злость» в обиходном общении имеет негативный оценочный знак и в качестве регулятива поведения прочитывается как запрет на неконтролируемый гнев, агрессию, желание причинить вред другому человеку, радость от того, что кому-то плохо, однако в рамках спортивного дискурса в условиях состязания словосочетание «спортивная злость» меняет свой оценочный знак и интерпретируется как компонент воли к победе, несгибаемость, стремление бороться до конца несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Аналогичным образом осуждается нахальство как демонстративное дерзкое неуважение к людям, но выражение «эстрадное нахальство» подразумевает положительную оценку дерзости, позволяющей исполнителю (обычно начинающему) выйти на сцену, не смущаясь перед публикой. Сюда же относятся такие концепты, как «дотошность» – «бухгалтерская дотошность», «педантичность» – «учительская педантичность». Сущность таких регулятивов может быть выражена уступительной формулой: «Хотя определенное качество в человеческом поведении обычно осуждается, в некоторых типичных ситуациях такое качество не осуждается и даже получает положительную оценку». Ситуативное уточнение соотносится с уточнением статусно-персональным: рассеянность осуждается, но к профессорской рассеянности общество относится снисходительно, беспечность вызывает критику, но детская беспечность прощается, нас раздражает подозрительность, но к профессионально выработанной подозрительности

инспекторов, контролеров и прокуроров мы относимся с пониманием. К регулятивам данного типа, которые можно назвать амбивалентными, относится и концепт «интрига».

Лингвокультурные концепты представляют собой ментальные образования, в составе которых выделяются понятийные, образные и ценностные составляющие (Карасик, 2002). Анализ понятийной составляющей концепта состоит в рассмотрении дефиниционных, этимологических и тезаурусных характеристик данного ментального образования.

В толковом словаре русского языка слово «интрига» объясняется следующим образом:

1. *Обычно мн.* Скрытые действия неблаговидного характера для достижения какой-л. цели; происки, козни. *Затеять интригу против кого-л.. Плести интриги. Политические интриги.* 2. *Лит.* Последовательный ряд событий, действий в драме или повествовании, составляющий занимательную основу произведения. *Запутанная интрига. Романист – мастер интриги.* 3. *Устар.* Мимолетная любовная связь. *У него было несколько интриг, но ничего серьезного* (БТС);

пронырство, козни, каверзы, крючок, происки, дело пролаза, проделка; | любовная связь; | завязка, опорная точка комедии или драмы, обычно любовь, рождающая происки. *У них завелась интрижка*. Интриговать, пройдошить, пролазничать, заниматься происками, пронырничать, строить козни, заводить шашни; | -кого чем, дразнить таимничая, подзадоривать, задорить любопытством, возбуждать любопытство, догадки; беспокоить скрытностью, говор. о неважном, о пустом, светском случае. *Эта маска меня интригует*. Интригант м. -тка ж. пролаз, проныра, пройдоха, происковый человек, шашник, кознодей (Даль).

Этимологическая справка показывает, что слово «интрига» вошло в русский языка как заимствование из французского intrigue, которое восходит к латинскому intri-care – «запутывать».

Тезаурусная характеристика рассматриваемого концепта предполагает установление его синонимических и антонимических связей. В словаре синонимов русского языка находим следующее объяснение:

Козни, происки, интриги – скрытые действия неблаговидного характера для достижения какой-л. цели. Слово «козни» подчеркивает злонамеренность, коварство и особую скрытность

действий; слово «происки» подчеркивает предосудительность, неблаговидность намеченной цели; слово «интриги» указывает на сложный, запутанный, хитроумный характер действий, причем обычно внутри какой-л. замкнутой группы (ССРЯ).

Интриги противопоставляются их отсутствию, которое может свидетельствовать как о дружелюбии кого-либо, так и о нейтральном отношении, с одной стороны, и открытому проявлению своих целей либо враждебного отношения, с другой стороны. Интрига соотносима с обманом и провокацией, будучи разновидностью манипуляции как заранее разработанного двупланового действия. Такова обиходная ипостась концепта «интрига» в его системном уточнении.

Что же касается интриги как сюжетной характеристики повествования, то она трактуется как недосказанность, тайна, вызывающая интерес, занимательная головоломка, как система действий активного персонажа, включающая хитрости и уловки, разгадывание этой тайны лежит в основе драматургического действия. В «Литературной энциклопедии» интрига трактуется, по определению П.Михайлова и Б.Михайловского, как компонент ситуации, т.е. «взятого в определенный момент соотношения действующих сил, взаимоотношения персонажей. В понятие ситуации включаются как конфликты между действующими лицами, так и внутренние конфликты в сознании героев. Ситуация, обнаруживающая резко выраженные противоречия, противоположность действующих в произведении сил, называется ***коллизией***. Коллизия, как указывает Гегель, приводит к узлу, который может быть развязан лишь действием, отвечающим сущности характеров. Такое развертывание действия, при котором обнаруживается и осознается противоречие частных интересов отдельных лиц или групп персонажей и при котором эти лица, имея противоположные цели, сознательно ведут борьбу друг против друга, называется ***интригой****;* особенное значение интрига получает в драме» (http://slovari.yandex.ru/dict/litenc). В этом состоит театрально-литературная ипостась концепта «интрига».

Принципиальная понятийная разница между обиходным и театральным пониманием интриги заключается, на мой

взгляд, в позиции человека, вовлеченного в интригу. Если это участник действия, то в ходе развертывания интриги он может либо выиграть (роль интригана), либо проиграть (роль его жертвы), посторонние участники интриги оценивают это двуплановое действие с позиций этики, т.е. раскрывают эгоистичные злонамеренные мотивы активного участника этой игры. Если же интригу оценивает внешний наблюдатель, то его интересует занимательность сюжета, желание получить удовольствие от разгадывания скрытых мотивов, линий поведения персонажей. Обиходное и театральное понимание интриги усложняется при специфическом расширении этих сфер жизни: обиходная интрига становится интригой политической, поскольку в борьбе за власть сплошь и рядом используются манипулятивные приемы, а театральная интрига приобретает характер любого возбуждения любопытства, например, при знакомстве и обольщении.

Обратимся к образным характеристикам концепта «интрига». Для изучения таких характеристик анализируется сочетаемость основных имен данного концепта («интрига», «интриговать», «интригующий») по данным Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru) и ситуативное представление этого концепта в коротких сочинениях информантов на тему «Когда я думаю об интриге, я представляю себе…».

В результате анализа сочетаемости имен концепта «интрига» удалось установить развернутые характеристики этого ментального образования.

Интрига с позиций участника действия или вовлеченного наблюдателя характеризуется как резко отрицательное явление.

Интриги противоречат нормам честной жизни:

Здесь и закупка сильных ("раскрученных") игроков, их переходы из команды в команду, и график соревнований, и командная тактика, и дисциплина на поле, и всякого рода подковерные интриги: от "договорных" встреч до предвзятого судейства (И. Макушок).

Целью интриги является получение блага в ущерб другим:

Но есть методы и похуже: организационные интриги, позволяющие вытеснить научных противников с ключевых позиций в учёных советах, комиссиях, оргкомитетах, журналах, получить помещения, оборудование, руководящие должности и т.д. (А. Ослон).

Колоссальная **интрига***, целью которой было не допустить появления главы государства на открытии первого по-настоящему масштабного российского проекта XXI века, провалилась (А.Колесников).*

Интрига находится в одном ряду с другими отрицательными явлениями:

Витте мгновенно освоил все "правила игры", царившие в бюрократической и придворной среде: интриги, лесть, сплетни, очернение противников, подкуп нужных людей (Г. Елин).

В этих условиях **интрига**, *провокация, возбуждение уголовных дел по весьма шатким основаниям, "подставы" становятся универсальным средством реализации интересов тех или иных политических игроков (А. Рябов).*

Не так давно коварная Настя Селина заявила, что Кирилл назвал ее, Полю, выдрой с хвостом, но это, наверное, интриги и вранье, а на самом деле все не так (Т. Тронина).

Результаты интриги могут быть негативными для ее организатора:

Причиной опалы была интрига князей Долгоруковых, а также человека, которому светлейший полностью доверял, – воспитателя молодого царя, хитрого и осторожного барона А.И. Остермана (Ф. Анцыферов).

Интрига с позиций нейтрального наблюдателя получает разнообразные характеристики.

Интрига рассматривается как объяснение сюжетной линии:

Главная интрига – путешествие юного хоббита Фродо (Элайджа Вуд) и его друзей в чёрное царство Мордор, чтобы обезвредить его главную реликвию – кольцо Всевластия, с помощью которого можно поработить жителей Средиземья (М. Васильева).

В остальном же роман соответствует "духу А. Моруа": интригующее начало (непрерывная семейная трагедия, обнаруженная уже в гнезде Арсеньевых), клубок ярких событий (любовь, гусарство, дуэли, ссылка) и роковая развязка (Р.Красильников).

Интрига содержит загадочную недосказанность:

Как это часто бывает, в выступлении губернатора была интрига: «То, что мы провели выездное заседание правительства в колонии, говорит о многом» (С.Любимов).

Знающие люди догадываются о сути интриги:

Между тем скрытая интрига встречи была понятна всем приглашенным: после прошедших в ряде газет публикаций, в которых глава района обвинялся в причастности к уголовным и экономическим преступлениям, виновнику пересудов необходимо было восстановить свою репутацию (Е. Налимова).

Автор раскрывает читателю суть интриги:

Двойственность стоящей перед губернатором политической задачи – и невинность перед Москвой соблюсти, и капитал приобрести (утопив попутно будущих конкурентов), – и предопределяет основную интригу предстоящих выборов (А. Крутов).

На самом деле интрига подогревалась вполне меркантильными интересами отечественных финансистов и рекрутированных ими специалистов (И. Гальперин).

Интрига придает жизни дополнительный вкус:

Если соперник равен тебе по силе, значит, уже возникает **интрига**, *интерес, борьба (Ш. Тарпищев).*

Утешая себя, мама говорила, что в моих недугах, бесспорно, есть некоторая пикантность, интригующая непохожесть (А. Алексин).

Интрига особенно ценится, если жизнь однообразна:

Сам конфликт был им до лампочки, просто женщинам нравилась маленькая **интрига***, скрасившая однообразные будни (Е. Прошкин).*

Противопоставление героя и зрителя раскрывает суть интриги: герой не должен догадываться о развитии событий, зритель получает удовольствие от наблюдения за движением сюжета:

Интрига *движется вперед на особом топливе – энергии заблуждения героя (В.Березин).*

Зритель оценивает интригу по канонам эстетики:

Впрочем, нельзя было не признать, что в романах Платона Обухова **интрига** *довольно ловко закручена, а иные шпионские коллизии описаны с известной долей правдоподобия (А. Кучерена).*

Вместе с тем, с точки зрения некоторых деятелей искусства, интрига представляет собой нечто примитивное по сравнению идейным содержанием произведения:

Он идет в своей работе не от "литературы" как искусства слова и уж совсем не от музыки, к которой он глух, как стена, а от сюжета, от фабулы, от примитива, от интриги, действия, от занимательности, а не от содержания, выраженного в слове от автора, в диалоге (Г. Свиридов).

Интрига сравнивается с цирковой клоунадой:

В последние годы мы привыкли к тому, что политика стала "ярмаркой тщеславия", а многие партии превратились в театральную площадку, на которой разыгрывается политический спектакль с крутой интригой и клоунадой (С. Миронов).

Интрига разворачивается в разных сферах жизни и, соответственно, в разных типах дискурса.

Типичной сферой действия интриги является политика:

Борьба вокруг законопроекта об обязательном страховании жилья может стать заметной интригой предвыборного сезона (А. Белов).

Главная на сегодня предвыборная интрига – сколько партий власти пойдет в декабре на думские выборы? (Е. Жеребенков).

Интриги имеют место при дворе, в чиновничьем кругу:

Интрига *– своеобразный знак придворного признания, подтверждение серьезности притязаний на престол (А. Архангельский).*

Большой мастер чиновничьей интриги и большой знаток министерских законов, дока в министерских порядках, он, тем не менее, всегда старался, чтобы и артисты не были в убытке (И. Кио).

Весьма часто об интриге говорят в связи со спортом:

Интрига в эстафете продолжилась и на третьем этапе, когда в лидерстве прочно утвердилась команда филиала "Кама-нефть" (В.Петунин).

Главная **интрига** *заключалась в том, сумеет ли самый быстрый человек планеты – американец Морис Грин – прервать полосу неудач (А. Митьков).*

Интригующими могут быть научные открытия:

Все эти объясняющие факторы пришли в действие только потому, конечно, что теория гравитации и космология содержали тогда интригующие вопросы – настоящие тайны природы в чистом виде (Г. Горелик).

Интрига должна быть ключевым моментом в вымысле:

Интрига *начинается тогда, когда, например, чужая жена нравится какому-нибудь мужчине, он подстраивает так, чтобы ее муж попал в тюрьму, она с ним развелась, а сам он в конце концов женится на другой (С.Атасов).*

Интрига должна присутствовать в повествовании:

В наше время даже самый невзыскательный и расположенный к вам собутыльник не станет слушать ваших рассказов о дальних странах, если в рассказе этом отсутствует какая-нибудь интрига, "изюминка" (Б. Грищенко).

Таким образом, сочетаемость имен концепта «интрига» конкретизирует его основные понятийные признаки: двуплановое поведение, отталкивающее вовлеченного участника, привлекающее зрителя и проявляющееся в обиходном, политическом, спортивном, научном и художественном типах дискурса.

В сознании современных российских респондентов ситуация интриги ассоциируется с личной, деловой, политической конкуренцией. Например:

«Когда я думаю об интриге, я представляю себе одного моего знакомого, это человек, который с удовольствием рассказывает своему коллеге по кафедре, что кто-то плохо о том отозвался, а потом говорит такие же вещи другому человеку, и в результате с удовольствием смотрит, как у людей портятся отношения».

«Когда я думаю об интриге, я представляю себе девушку, которая с ехидной улыбкой говорит своей подруге, что ее парень говорил о ней всякие гадости, смеялся над ней среди своих приятелей, и она говорит это с целью отбить этого молодого человека».

«Когда я думаю об интриге, я представляю себе официальный прием при дворе, дамы в бриллиантах с сияющими улыбками и придворные в орденах смеются и рассказывают друг другу вполголоса сплетни, наблюдая за реакцией окружающих».

Эти ответы коррелируют с реакциями информантов в Русском ассоциативном словаре: *интриги – плести (8); любовные (5); дворцовые, сплетни (4); зло, крутить (3); двора, заводить, коварные, королевские, королевский двор, король, любовь, при дворе, ссоры (2).*

Обращает на себя внимание то, что информанты характеризуют интригу с позиций вовлеченного участника, а

не зрителя. По-видимому, зрительская квалификация интриги свойственна представителям профессионального знания – журналистам, литературоведам, писателям, критикам, актерам и режиссерам. Парадоксальность этого положения дел состоит в том, что эти профессионалы зрителями не являются, они моделируют зрительское восприятие, а настоящие зрители ощущают себя как бы участниками некоторого действия.

Ценностные характеристики концепта «интрига» выражают отношение людей к двуплановому неискреннему поведению. Этот концепт не обладает лингвокультурной спецификой: его обозначение представляет собой заимствование в русском языке. Для того, чтобы плести интриги, требуется свободное время, необходима праздность, и тогда люди находят себе развлечение, разрабатывая стратегии достижения скрытых неблаговидных целей. Это обстоятельство объясняет отсутствие пословиц об интригах, происках и кознях. Паремиологический фонд является в первую очередь достоянием крестьянского образа жизни и соответствующего менталитета. Отношение к интриге выражено в афористике, т.е. в высказываниях образованных представителей умственного труда. Это отношение можно представить в виде следующих норм.

Следует с презрением относиться к интригам:

Интрига составляет силу слабых. Даже у дурака всегда хватает ума, чтобы вредить (У.Шекспир).

Следует давать отпор интриганам:

На козни недоброжелателей стоит смотреть сквозь пальцы, готовые в любой момент сжаться в кулак (Э.Севрус).

Следует помнить, что интриганы неизбежно проигрывают из-за своих интриг:

Кто измышляет козни против другого, тот становится виновником собственных бед (Бабрий).

Интрига рано или поздно губит того, кто ее начал (П.Бомарше).

Если ты очутился в яме, немедленно прекращай копать (Д.Хили).

Следует помнить, что интриганы попадают в зависимость от своих интриг:

Человек, некоторое время занимавшийся интригами, уже не может без них обойтись: все остальное ему кажется скучным (Ж.Лабрюйер).

Следует знать, что для некоторых людей интрига приятнее, чем любовь:

Есть женщины, созданные для любви, и есть женщины, созданные для интриг (У.Теккерей).

Эти афоризмы показывают, что интрига заслуживает осуждения, поскольку направлена на причинение вреда другому человеку, при этом интриганы попадают в зависимость от своей игры и рано или поздно бывают наказаны. Антиподом интриги с позиций участника является открытое и честное поведение, а с позиций зрителя – скучное и предсказуемое развитие событий.

В этой связи заслуживает внимания феномен зрительского пресыщения, свойственный массовой культуре. Требование римской черни «Panem et circenes!» – «Хлеба и зрелищ!» (уточним: бесплатного хлеба и кровавых цирковых зрелищ) в полной мере отражает кризисное состояние общества. Пресыщенность является логическим следствием праздности, внутренней пустоты. В прежние времена скука была в известной мере прерогативой высших классов общества. Вспомним фразу, которую в известном романе А.Дюма любил повторять король Людовик XIII: «Скучно, сударь! Давайте поскучаем вместе». Не менее значимо ключевое выражение британской королевы Виктории: «We are not amused» – «Нас это не развлекло». Скучающий молодой аристократ является типичным героем художественных произведений. Скучающий крестьянин или ремесленник есть нонсенс: такой человек был бы обречен остаться без куска хлеба. В наше время феномен скуки приобрел новое выражение, распространившись на большие массы населения: теперь это не томление от отсутствия новизны, а болезненная потребность в постоянном обновлении ощущений. Важнейшей характеристикой событий становится их презентационность, соответственно существенно возрастает презентационный компонент в дискурсе (Олянич, 2004). Массово-информационный дискурс превращается в доминирующий тип институционального

общения и конструирует для людей мир, в котором существенную роль играют интрига и сенсация, т.е. возбуждение интереса к новой информации и сообщение ошеломляющих новостей. Соответственно расширяется сфера социальной жизни, воспринимаемая широкой публикой как театр. Это в полной мере относится к политике, административной деятельности, соблюдению правопорядка, образованию, научным исследованиям, спорту. Интрига как важнейшее звено в презентационной социальной практике получает множественное и вариативное проявление в различных типах дискурса. Изучение этого феномена представляется перспективным для широкого круга наук о человеке, в том числе и для лингвистики.

Резюмирую.

Концепт «интрига» представляет собой амбивалентное оценочное образование, сущность которого обусловлена позициями участника либо зрителя. Участник интриги может быть ее организатором либо объектом, при этом данное стратегическое двуплановое сложное действие, направленное на получение выгоды организатору и причинение вреда объекту, получает отрицательную моральную оценку со стороны объекта интриги. Зритель дает интриге гедонистическую оценку, получая либо не получая удовольствие от занимательности сюжета. С увеличением доли презентационности в социальной практике значимость зрительского осмысления интриги возрастает.

2.4. Концепт как индикатор эпохи («сознательность» и «очковтирательство»)

Важнейшей характеристикой современного языкознания является его антропологическая направленность – ученые изучают язык, общение, коммуникативные ситуации для того, чтобы лучше понять суть человека. В этом состоит основное отличие антропологической лингвистики от лингвистики имманентной, ориентированной на освещение внутренней структуры языка, инвентаризацию его единиц и

установление системных отношений между ними. В рамках антропологической лингвистики выделяется лингвоконцептология, предметом изучения которой являются концепты – кванты переживаемого знания. Лингвистическая концептология – это закономерный этап в развитии содержательной лингвистики, обогащенной достижениями философии, культурологии, психологии.

Одним из направлений лингвоконцептологии является анализ концептов как индикаторов эпохи. Имеются в виду ментальные образования, интерпретация которых требует объяснения специфических культурных ценностей, которые были актуальны в определенный исторический период и требуют разъяснения в наши дни, поскольку неадекватно понимаются молодыми современниками. Это в полной мере относится к эпохе Советского Союза. Лингвоконцептология в этом плане тесно смыкается с политической лингвистикой (Будаев, Чудинов, 2009; Карасик, 2004; Чудинов, 2001; Шейгал, 2004). Проиллюстрируем сказанное на примере концепта «сознательность».

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова (1940) дано следующее определение: сознательность 1. сущ. к сознательный в 3 знач. *Сознательность поступка* (сознательный – намеренный, обдуманный, совершенный в состоянии сознания. *Сознательный обман*). 2. Способность, уменье отдавать себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать. *Наши съезды всегда освещали далеко вперед назревшие задачи партии и всегда были крупным этапом в подъеме коммунистической сознательности масс, в коммунистическом воспитании трудящихся. Молотов.* (ТСРЯ 1940). В словаре под ред. С.Н. Кузнецова (1998) читаем: 1. Сознательность – к Сознательный. 2. Умение, способность правильно понимать, разбираться в окружающей действительности; чувство долга, ответственности, причастности к окружающей действительности. *Высокая сознательность. Политическая сознательность. Сознательность населения, молодежи, рабочих. Проявить сознательность*. (БТС). В словаре под ред. Д.В.Дмитриева (2003) находим следующую дефиницию: 1. Сознательным называют то, что имеет место при участии сознания. *Сознательный возраст*. 2. Сознательным называют человека, поведение которого

основывается на понимании и строгом выполнении правил, требований. *Сознательный член общества. Сознательное отношение к труду, к своим обязанностям. Сознательная дисциплина*. 3. Сознательными называют действия, если они совершаются кем-либо с очевидно понятной целью и человек, который их совершает, знает, что хочет. *Сознательный поступок, выбор. Сознательная ложь.* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И.Даля (1882) приводятся определения глагола «сознавать», при этом значение долженствования, которое прослеживается в приведенных выше толкованиях, не формулируется.

Таким образом, в содержании концепта «сознательность» лексикографы выделяют два смысла: 1) осознанность своих действий и вытекающая отсюда ответственность за них, 2) чувство долга, лежащее в основе такой осознанности. Эти смыслы тесно связаны между собой. В Философском энциклопедическом словаре (1983) сознательность объясняется как антипод стихийности: «Сознательным называется то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью. Высшая форма сознательной деятельности основывается на познании и использовании законов природы и общества. Стихийным называется то, что осуществляется непреднамеренно, не контролируется людьми» (ФЭС). В соответствии с марксистской теорией люди планомерно строят светлое будущее на основе гармоничного сочетания интересов индивидов и общества, но общественное благо приоритетно по отношению благу личному. Именно поэтому идеологически маркированным требованием является понимание сознательности как долга человека перед обществом.

В русском языке идея осознанности своих действий уточняется через противопоставление сознательности, бессознательности и несознательности. Бессознательность – это отсутствие рефлексии в силу возраста либо состояния субъекта, это биологическая характеристика человека. В психологии различаются сознание и подсознание. Несознательность – это значимое отсутствие либо недостаточное наличие чувства долга, это нравственная характеристика человека. В этом плане

сознательность сопоставима с совестью. В словаре под ред. Д.В. Дмитриева читаем: Совестью называют чье-либо чувство моральной ответственности за свое дурное поведение, безнравственное отношение к кому-либо. *Упреки, муки, угрызения совести. Иметь совесть* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И. Даля совесть определяется так: нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томит или убивает* (Даль). Обратим внимание на то, что в словаре В.И.Даля подчеркивается врожденное нравственное чувство, не случайно совесть отождествляется с Богом, в современных лексикографических источниках эта идея не выражена. Бессовестный человек совершает дурные поступки намеренно, т.е. знает, что поступок является плохим и сознательно нарушает нормы нравственности. Несознательный человек в этом сопоставлении не понимает, что его поступок противоречит таким нормам, его сознание включено, но направлено на удовлетворение утилитарных потребностей. Несознательность подразумевает недоразвитость, незрелость. Человека можно упрекнуть: «Какой ты еще несознательный!», но нельзя сказать: «Какой ты еще бессовестный!». Соответственно, сознательность воспитывается, формируется, вкладывается в человека, в то время как совесть пробуждается, оживает. Идея целенаправленного формирования сознательности является одной из центральных в марксистской идеологии.

Концепт «сознательность» является регулятивным ментальным образованием, и поэтому его образно-перцептивные признаки неразрывно слиты с оценочными. Для выявления образных и оценочных характеристик сознательного поведения были проанализированы особенности сочетаемости слов, обозначающих этот

концепт в русском языке. Используются данные Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru).

Анализируя сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность», мы обращаем внимание на следующие признаки: кто является носителем этого качества, как это качество проявляется, каковы последствия его отсутствия либо недостаточного наличия, с какими другими признаками ассоциируется сознательность или ее отсутствие.

Выделяется классовая сознательность, образцовым носителем которой выступает пролетариат:

Надо иметь сознательность, товарищи, вы же всё-таки рабочий класс (О.Павлов).

Рабочие должны иметь сознательность, поэтому в обращении к ним акцентируется их особая роль в обществе.

Особым типом сознательности является революционная сознательность:

Навсегда запомнил я эту бодрость духа, стойкость и революционную сознательность нижегородских рабочих (А. Микоян).

Сознательность революционеров предполагает их готовность пойти на самопожертвование во имя высоких идеалов. Известный советский политик подчеркивает стойкость рабочих, которые вышли бороться за свои права.

Партийная сознательность ассоциируется с активной жизненной позицией:

В партию должны приниматься те, кто не только примерно трудится на производстве, но и глубоко предан идеалам партии, является политически сознательный, активным общественником (Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве).

В ряду непременных качеств коммуниста перечисляются трудовой энтузиазм, вера в идеалы партии, политическая сознательность и общественная активность.

Политическая сознательность при социализме несовместима с нарушением закона:

Политически сознательный гражданин социалистического общества не совершает преступлений (А. Пионтковский).

В этом силлогизме политическая сознательность выступает условием высоконравственного поведения, а нравственность является основой социалистического правопорядка.

Сознательность ассоциируется со скромностью, т.е. с нежеланием привлекать внимание к своей персоне:

Затем батальонный комиссар заговорил о том, что через госпиталь проходят сотни больных, но редко кого так любил персонал, как лейтенанта Шапошникова, — сознательный, культурный и застенчивый больной, всегда совестился попросить о чем-нибудь, утруждать персонал (В. Гроссман).

Персонажа называют сознательным, поскольку он стремился не привлекать к себе внимание фронтовых медиков, находясь в госпитале.

Расчет на сознательность возникает обычно в неблагоприятной ситуации:

Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс (Л. Каганович).

Классовая сознательность является индикатором высокого уровня развития соответствующих представителей этого класса – речь идет о передовых рабочих.

Сознательность может проявляться не только у взрослых:

Я тебе могу напомнить: ты сам, будучи еще мальчиком, доказал свою сознательность и активно помогал взрослым (А. Львов).

Сознательность детей выражается в их активном участии в общественно полезной деятельности взрослых.

Сознательность может проявляться в отказе от традиций:

Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков (В. Шукшин).

Церковные браки были освящены традицией и выступить против них было смелым поступком для молодых сельчан.

Примером обстоятельств, требующих проявления сознательности, является выполнение своего профессионального долга без материального поощрения:

Было бы хорошо, если бы оплата актеров стала такой, чтобы не только «высокая сознательность» заставляла актера участвовать в спектакле (А. Эфрос).

Во многих театрах зарплата актеров является невысокой, и режиссерам приходится взывать к сознательности участников спектаклей, причем сами режиссеры понимают несостоятельность этого аргумента, неслучайно автор использует кавычки.

Сознательность проявляется как внутренняя готовность человека совершить то или иное действие, в обиходе, например, оплатить свой проезд в общественном транспорте:

Контролерша, видимо, хотела сказать мне о роли доверия на современном этапе к человеку, о принципе «доверяй и проверяй» и о том, что именно они, контролеры, призваны повышать сознательность граждан (В.Токарева).

В приведенном примере иронически комментируется стремление контролера выступить в роли воспитателя сознательности у граждан.

К числу способов формирования сознательности относится прежде всего устная агитация:

Надеюсь, что этот недостаток устраним хорошими регулярными беседами и поднимем политическую сознательность студенчества (М. Старков).

Регулярные беседы способствуют формированию должной установки граждан.

Политическая сознательность выражается в активном участии в общественной жизни, при этом некоторые субъекты используют неблаговидные способы демонстрации своей преданности режиму:

В колхозе, да еще и до колхоза проявлял он высокую сознательность, чего-то на кого-то писал, клепал и хвост этот унес за собой в армию, дотащил до фронта (В. Астафьев).

В саркастической характеристике персонажа его высокая сознательность выражается в виде доносов в вышестоящие органы, показательно слово «клепал», т.е. занимался клеветой.

В политической практике сознательность часто выступает эрзацем подлинных моральных чувств:

И куда же делась эта русская доброта? Её заменила сознательность! До чего ж круто и бесповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает (А. Солженицын).

По мнению известного писателя, такая замена свидетельствует о страхе, лежащем в основе сервильного поведения.

Сознательность проявляется при выполнении гражданского долга, например, при участии в голосовании:

Потом от имени всего коллектива агитаторов обратилась ко мне с просьбой не опаздывать, проголосовать пораньше, проявить с первого же шага своей новой жизни высокую сознательность (Е. Гинзбург).

Стремление выполнить свой гражданский долг как можно раньше является доказательством социальной зрелости.

Соответственно, гражданская несознательность наглядно проявляется во время выборов:

Не заразились еще предвыборной лихорадкой обе столицы, а также Саратов, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань и Калининград, в котором оказался самый несознательный избиратель (Н. Ратиани).

Отсутствие энтузиазма со стороны электората иронически объясняется как несознательность.

Сознательность проявляется только при условии наказания за несознательность:

Надеяться на сознательность граждан нелепо — кнута нет, а судебные приставы, если и доберутся до злостного неплательщика штрафов, максимум, что могут сделать, это пожурить: «Нехорошо, товарищ Пупкин, надо бы штрафики-то заплатить»... (А. Федоров).

В данном примере иронически раскрывается несостоятельность надежд на сознательность, если при этом отсутствуют юридические механизмы регулировки социально-экономических отношений.

В ряде случаев имитируемая сознательность выражает страх перед властями:

Он много раз за свою жизнь видел такие вытаращенные от страха глаза, изображающие неискреннюю сознательность (В. Дудинцев).

Людям свойственно маскировать малодушие под личиной высоких этических соображений.

Политическая сознательность может вступать в конфликт с общечеловеческой моралью:

Вы должны выдать его, если вы сознательный человек, — вдруг заметил завкадрами (В. Дудинцев).

Предательство всегда расценивалось как безнравственный поступок, но партийная сознательность для функционеров была выше моральных норм.

Сознательность субъекта в определенных ситуациях подтверждается документально:

Словом, потребовались то ли рекомендации, то ли поручительства, аттестующие претендентов на ребенка с наилучшей стороны, а также подтверждающие их сознательность (А. Эппель).

При усыновлении ребенка понадобились официальные документы, подтверждающие нравственную зрелость тех, кто решился на подобный шаг.

Усилия по воспитанию сознательности часто бывают бесплодными, поскольку воспитатели не принимают во внимание личность адресата:

В эпизоде, о котором идет речь, наш доблестный сыщик, которого играл Миронов, слезает со сфинкса, куда лев загнал всю компанию кладоискателей, и проводит со зверем душеспасительную беседу в духе коммунистической пропаганды, пытаясь пробудить в хищнике сознательность (Э. Рязанов).

В этом ироническом комментарии выражена отрицательная оценка коммунистической пропаганды, которая зачастую велась формально и поэтому закономерно вызывала отторжение у слушателей. Обратим внимание на фактическое отождествление сознательности и совести в данном примере.

Сознательность является важнейшим идеологическим показателем развития нового общества:

Нужно признать как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы и, наоборот, чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее

измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение (И. Сталин).

В отчетном докладе И.Сталина показаны последствия недостаточной сознательности ответственных работников – провалы в работе и забота о личных интересах.

Сознательность солдата проявляется в его дисциплинированности:

В дисциплинированности воина как в зеркале отражаются его высокая сознательность, внутренняя собранность, готовность самоотверженно выполнить свой священный долг защитника Отечества (Ю. Алехин).

Под дисциплинированностью понимается осознанная готовность к выполнению приказов, доведенная до автоматизма и переживаемая как выполнение высшего долга.

Обозначение сознательности в официальной пропаганде часто принимает формы штампов:

Политическая сознательность и моральная устойчивость бойцов является, наряду с боевой подготовкой и состоянием военной техники, важнейшим элементом боеспособности Красной армии (К. Ворошилов).

Впоследствии этот штамп превратился в короткую фразу характеристики: «Политически грамотен, морально устойчив». Интересно отметить, что в данном случае произошло принижение объекта оценки: сознательность является образованием более высокого уровня, чем грамотность.

Сознательность противопоставляется эгоизму:

Вы что, считали, только у вас есть сознательность, а здесь сидят бездушные эгоисты? (А. Берсенева).

Забота об интересах общества свидетельствует о наличии у человека души, в данном случае сознательность сближается с совестью.

Несознательность часто комбинируется с ленью:

Обмен паспортов идет уже несколько лет, а народ (несознательный и ленивый) все еще, извините, чешет в затылке (Б. Абкин).

В данном примере идет речь о непонимании социальной важности обмена паспортов и о лени как основе такого непонимания.

В экзальтированной риторике революционного времени несознательность рассматривается как один из пороков:

В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага, вы дали одурманить себя шайке безвестных проходимцев и превратились в несознательный сброд, в скопище разнузданных негодяев, обожравшихся свободой, которым, что ни дай, им все мало (Б. Пастернак).

Дифференциальные признаки такого общеоценочного употребления слов нейтрализуются. Аналогичным образом общеоценочным штампом становится определение «несознательный» в полуграмотной речи или ее имитации:

И спать тебе не дает, фулиган несознательный! (В.Рыбаков).

Слово «хулиган» используется в расширительном значении («плохой человек»), при этом определение «несознательный», не добавляя никакой информации в словосочетание, усиливает его эмоционально.

В обиходной речи слово «сознательный» часто используется иронично:

Он у меня, когда выпьет, такой послушный, такой сознательный, ну прямо прелесть (И. Грекова).

Сознательность пьяного человека есть оксюморон.

Таким образом, сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность» в советской лингвокультуре, показывают, что его важнейшим ценностным признаком является индикация принадлежности к носителям передовой идеологии – революционерам, передовым рабочим, членам коммунистической партии. Сознательность предполагала готовность идти на трудности, лишения и жертвы ради великой цели. В быту сознательность проявлялась как скромность. Апелляция к сознательности часто выступала как способ воспитания человека и поэтому представляла собой диалог статусно-неравноправных собеседников. В качестве примеров сознательности фигурируют соблюдение трудовой и воинской дисциплины, участие в выборах, общественно-полезный труд. Весьма часто о сознательности говорили в иронической тональности, поскольку те, кто призывал проявлять это качество,

относились к делу формально и сами не являлись образцами поведения. В случае конфликта между нормами морали и политической сознательностью предписывалось сделать выбор в пользу интересов партии. В основе многих проявлений политической сознательности лежал страх перед карательными санкциями государства. В революционной риторике и обиходной речи обозначения сознательности и несознательности могут десемантизироваться и стать знаками положительной и отрицательной оценок.

Для определения понимания советского концепта «сознательность» носителями современного русского языка первого десятилетия XXI в. был проведен опрос информантов, которым предлагалось завершить высказывание «Когда я думаю о сознательности / несознательности, я представляю себе…».

Приведу типичные предложения.

«Когда я думаю о сознательности, я представляю себе…»

- молодого человека, который пишет множество резюме в разные фирмы, чтобы найти престижную работу»;
- студента, который ищет дополнительную литературу для своего реферата по собственной инициативе»;
- инженера, который многократно перепроверяет расчеты»;
- человека на плакате, который «нечеловеческими глазами смотрит куда-то вдаль»;

сотрудника, который после работы сидит на занудном собрании»;

- секретаршу, которая без дополнительных инструкций решает вопросы в пределах своей компетенции и готовит документы для шефа»;
- водителя, который соблюдает все правила движения, даже когда он едет глубокой ночью, и на улицах никого нет»;
- дачника, который по справочникам выписывает себе семена»;
- пенсионера, который с вечера аккуратно раскладывает для себя лекарства на следующий день»;
- спортсмена, который в любую погоду рано утром совершает регулярную пробежку»;
- грибника, который аккуратно срезает грибы, чтобы не нарушить грибницу»;

- бармена, который не допускает недолива пива».

«Когда я думаю о несознательности, я представляю себе…

- больного, который тайком курит, выскочив на порог больницы, а ему это строго запрещено»;

- студента, который пользуется шпаргалкой на экзамене»;

- часового, который нашел укромный уголок и заснул во время боевого дежурства»;

- рабочего, который забивает шуруп молотком вместо того, чтобы завинтить его»;

- человека, который не верит в коммунизм»;

- сотрудника, который увиливает от выполнения общественного поручения»;

- молодых людей, которые легко вступают в интимные отношения, рискуя заразиться опасными заболеваниями»;

- студента, скачивающего реферат из Интернета»;

- сотрудника, откладывающего написание отчета на последний день, а потом судорожно составляющего его ночь напролет»;

- пассажира, который сорвал стоп-кран, чтобы выскочить, когда поезд тронулся»;

- молодых людей, отметивших праздник и громко поющих и смеющихся на улице в глухую ночь»;

- спортсмена, который принимает допинг перед выступлением».

Приведенные высказывания свидетельствуют о трансформации содержания концепта «сознательность» в сознании наших современников. Сознательным называют человека, который проявляет ответственность перед собой и близкими (не было предложений, в которых бы шла речь о чувстве долга перед обществом или государством). Несознательный человек ведет себя, по мнению молодых информантов, безответственно и беспечно. В тех случаях, когда информантами были люди, которым 50 лет и более и сознательная жизнь которых прошла в Советском Союзе, отмечены идеологически маркированные высказывания, причем часто в иронической тональности. В ряду ответов наличествуют несерьезные высказывания (например, о честном бармене) и семантически неадекватные фразы (допинг квалифицируется как обман). Несознательность объясняется как нарушение разного рода запретов (относительно здоровья, академической этики, служебной

дисциплины и др.). Сознательность трактуется как осознанное соблюдение правил или принятых решений. Обращает на себя внимание размывание границы между сознательностью и совестью, т.е. между институциональным и персональным чувством долга. Не отмечены высказывания, в которых сознательность была бы связана со страхом, на первый план выходит понимание стоящих перед человеком задач, т.е. сознательность смыкается с осознанностью.

Обратим внимание на типичных субъектов, которые квалифицируется с точки зрения сознательности: студенты, пассажиры, пешеходы, солдаты, рабочие. Обычно это – нижестоящие, подчиненные, подконтрольные люди, для которых существуют определенные правила. Это значит, что субъект оценки, который определяет уровень сознательности, всегда является вышестоящим по отношению к объекту оценки: сознательные студенты – с точки зрения преподавателей, сознательные водители и пешеходы – с точки зрения милиции, сознательные сотрудники – с точки зрения руководства, сознательные больные – с точки зрения врачей. Несмотря на то, что словосочетание «сознательный учитель» или «сознательный директор» выглядят, на первый взгляд странно, можно легко сконструировать контекст, в котором такие образования будут вполне уместны, например, если речь идет о тех, кто инспектирует деятельность тех или иных учреждений и оценивает выполнение работниками тех или иных обязанностей. Сознательность – это качество, требуемое только от своих, врагов не обвиняют в несознательности.

Рассмотрим концепт «очковтирательство». Для анализа понятийных характеристик этого концепта обратимся к словарным дефинициям.

Очковтирательство – *Разг.* Намеренное введение в заблуждение, обман. *Заниматься очковтирательством* [БТС]; втирание очков (*разг.* втереть очки – посредством обмана представить кому-н. что-н. в выгодном, желательном для себя освещении), обман с целью представить что-н. в более выгодном положении, чем на самом деле. *Объявить решительную борьбу*

очковтирательству [Ушаков]; *разг.* введение в заблуждение, представление чего-л. в лучшем виде, чем есть на самом деле. *Мы обвиняли его в погоне за количеством, в показухе, в очковтирательстве* [МАС]; Намеренное скрывание недостатков, изображение чего-либо в более выгодном свете, чем есть на самом деле; обман. *[Полозов] заявил, что новый срок выпуска первой турбины — нереальный срок, очковтирательство и откладывать ради него важнейшие дела безответственно и гибельно для цеха. Руководители-то здесь — народ бывалый, умеют товар лицом показать. В одной МТС у них [в районе] колхозы богатые, всех гостей туда возят. Старая болезнь — очковтирательство* [БАС].

Анализ приведенных определений дает возможность выделить следующие признаки в содержании данного концепта: 1) обман (намеренное введение в заблуждение), 2) с целью представить что-либо в более выгодном положении, чем на самом деле, 3) с целью скрыть недостатки.

Обратившись к этимологии выражения «втирать очки», мы находим несколько объяснительных версий этого устойчивого словосочетания. Это выражение «восходит к жаргону шулеров-картежников начала XIX в., имевших фальшивые порошковые карты. При помощи особого клейкого состава они наносили на карты дополнительные очки из порошка красного и черного цвета. При необходимости эти очки незаметно стирались и шулер-игрок мог незаметно для партнера превратить цифру 5 в 6 или в 4 и т.п., изменяя тем самым количество очков. Втирая очки, он добивался выигрыша». Другое истолкование связывает данное выражение с речью шулеров, но объясняет его иначе: «На зеленом сукне карточного стола мелом записывались выигранные очки, и нечестный игрок мог приписать себе очки дополнительные, чтобы потом незаметно стереть маленькую цифру». Иная версия – «смотреть через неверно показывающие очки». Другой вариант – «заставить кого-л. смотреть в чужие очки (не своими, чужими глазами)». Еще одно истолкование – «ассоциация обмана с закрытыми, запорошенными, замазанными грязью и т.д. глазами» [Бирих, Мокиенко, Степанова]. Этимологические версии, как можно видеть,

связывают выражение «втирать очки» с нечестной игрой в карты, с искажающим действительность оптическим прибором и с обманом как следствием неверного зрительного восприятия.

Интересны иллюстрации употребления этого словосочетания во фразеологическом словаре А.И.Федорова: «*Неужели весь этот пафос – одна только фикция, видимость, втирание очков нашему брату» (Д.Фурманов); «Ездовые пытались как-нибудь объегорить комвзвода и старшину. Те сообща втирали очки командиру роты, эти соответственно обрабатывали комбатов» (П.Вершигора)* [Федоров]. Суть втирания очков – в противопоставлении видимого и реального. Заслуживает внимания контекст, в котором четко прослеживается специфическая характеристика этой разновидности обмана – намеренное введение в заблуждение вышестоящих со стороны подчиненных.

Для определения системного места концепта «очковтирательство» в ряду единиц, обозначающих различные варианты обмана, необходимо рассмотреть соответствующие слова в синонимических словарях и тезаурусах. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой приводится 31 единица, уточняющая глагол «обмануть» – *провести, обвести, обойти, объехать, оплести, надуть, обдуть, одурачить, оболванить, околпачить, обморочить* и др. Большинство единиц стилистически маркированы как просторечные. Лексикографы устанавливают следующие смысловые различия между этими глаголами: 1) совершить обман, поступить недобросовестно, по отношению к кому-, чему-л., 2) хитро, ловко обмануть, 3) поставить обманутого в глупое положение, пользуясь его доверчивостью и простодушием; 4) обмануть при денежной, торговой или иной сделке [ССРЯ]. В этом же словаре дается ряд глаголов со значением «говорить неправду» – *лгать, врать, обманывать, сочинять, брехать, заливать, травить*. Эти единицы в большинстве своем так же относятся к просторечным и разговорным словам. Смысловые дистинкции между ними носят стилистический характер, хотя в семантике глаголов «сочинять» и «заливать» наличествует и идеографический

признак «явная неправда». В словаре синонимов З.Е. Александровой выделяется подгруппа единиц со значением «обманывать без корыстной цели или в шутку» (*разыгрывать, мистифицировать*) и подгруппа слов со значением «обманывать для получения выгоды, с целью наживы» (*мошенничать, плутовать, жульничать, жилить*), в последнем случае противопоставляется обычное и мелкое мошенничество. Приводится и группа слов, обозначающих рискованный и крупный обман: *афёра, шахер-махер, панама*. Обратим внимание на то, что эти слова являются заимствованными.

В «Идеографическом словаре русского языка» О.С.Баранова интересующие нас концепты рассматриваются под разными рубриками. Под рубрикой «Порок» приводится список слов, характеризующих обман, мистификацию (включая шарлатанство), ложь (включая вымысел), подделку, создание видимости (показуху), лесть. Под рубрикой «Недостоверность» рассматриваются вымысел, миф, пересуды и т.д. [Баранов].

Тематическое поле «обман» в русской лингвокультуре уточняется, как следует из приведенных данных, в следующих направлениях: 1) с целью получения выгоды, наживы, 2) без корыстной цели или в шутку, 3) хитро и ловко, 4) пользуясь доверчивостью и простодушием обманутого, 5) в мелких размерах, 6) в крупных размерах, 7) выдавая себя за авторитетного человека, 8) имитируя подлинность вещей, 9) говоря неправду, 10) приукрашивая действительность. Суть очковтирательства состоит в приукрашивании действительности, т.е. в представлении ее другому человеку в более выгодном положении, чем на самом деле, и в затушевывании недостатков. Заметим, что хотя существует самообман, вряд ли возможно втирание очков самому себе, поскольку субъект знает о действительном положении дел и преследует корыстную цель повысить свой статус в глазах другого человека, выступающего адресатом для очковтирателя. Очковтирательство проявляется в виде показухи, т.е. действий, рассчитанных на внешний эффект. Ярким примером показухи являются известные потёмкинские

деревни, построенные князем Г.А. Потёмкиным в Крыму в 1787 г. перед посещением полуострова Екатериной II, эти деревни представляли собой декорации процветающих селений и были сделаны с целью убедить царицу в созидательной деятельности князя.

Очковтирательство представляет собой институциональный обман. Если обиходный, бытовой обман нацелен на получение выгоды и преимуществ, на сокрытие неприятного положения дел или на осмеяние и унижение адресата, то институциональный обман в дополнение к этому направлен на поддержание внешнего благополучия того или иного института в ущерб реальной ситуации и на статусное повышение того агента института, который рапортует о фиктивных достижениях. Поддержание положительного имиджа организации является одной из важных институциональных задач этой организации. Когда поддержание позитивного имиджа страны превращается в важнейшую политическую цель, неизбежно происходит смещение приоритетов у людей, занимающих ту или иную ответственную должность, поскольку объективная информация может быть воспринята их руководителями как нанесение ущерба имиджу организации или страны в целом.

Можно выделить два типа институционального обмана, которые можно условно обозначить как рапорт и плакат. Примерами первого типа очковтирательства являются рапорты о выполнении предприятием плана на 100%, когда это не соответствует действительности, о завышенной успеваемости в школах и вузах, о раскрытии всех преступлений правоохранительными органами на определенной территории, о голосовании, в котором приняло участие 100% населения. Во всех таких случаях статусный вектор отправителя речи – от нижестоящего к вышестоящему. Очковтирательство другого типа – создание позитивного образа организации посредством средств массовой информации. Это сообщения о производственных успехах, о поступивших в редакцию письмах трудящихся с поддержкой курса партии и правительства или с осуждением тех, кто выступает против

этого курса. Здесь статусный вектор не актуализируется. Оба типа очковтирательства взаимосвязаны.

Официальное отношение власти к очковтирательству-рапорту всегда бывает отрицательным. Директоров заводов снимали с должности за показуху, в фельетонах клеймилась полировка действительности, тема борьбы с очковтирательством постоянно находилась в центре внимания, что свидетельствовало о том, что это явление было распространенным (обратим внимание на иллюстрацию в словаре под ред. проф. Д.Н.Ушакова, вышедшем в свет в 1935-1940 гг.). Очковтирательство-плакат есть официальная позиция власти, поэтому критика этого типа институционального обмана была возможна в виде анекдотов либо внешних оценок из-за рубежа.

Обратившись к примерам употребления слова «очковтирательство» в Российском национальном корпусе на сайте www.ruscorpora.ru, можно установить следующие диагностирующие контексты для рассматриваемого концепта.

Суть бюрократического очковтирательства состоит в демонстрации количественных показателей успехов:

Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классных групп (А. Макаренко).

Обратим внимание на слово «перегибы», часто используемое в Советскую эпоху и обозначавшее недостатки вследствие крайности, неумеренности в какой-либо деятельности. В самом слове уже содержалось смягчение оценки этим недостаткам: хотя результат был отрицательным, исходный энтузиазм заслуживал поощрения. Цифры в отчетах нужны, но увлечение цифрами могло повредить делу.

Внимание только к количественным показателям приводит к замещению сути дела его формальной презентацией:

Мы обвиняли его в погоне за количеством, в показухе, в очковтирательстве (Д. Гранин).

Перевод результатов работы в денежный эквивалент может привести к очковтирательству:

Выполнение плана учитывается не в физическом объеме, а в рублях. На этой почве процветает очковтирательство... (Л.Брежнев).

В своих мемуарах Генеральный секретарь ЦК КПСС раскрывает экономическую причину обмана государства.

В основе очковтирательства лежит формальное отношение к делу:

Было немало и других примеров очковтирательства и формализма (В. Баранец).

Бесконтрольность порождает возможность для совершения обмана:

…отсутствие должного контроля за работой разведывательных органов снижает их активность, а иногда создает условия, располагающие к переоценке трудностей ведения разведки и очковтирательству (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8).

Снижение активности работы объясняется трудностями ведения этой работы. В данном случае очковтирательство служит прикрытием бездеятельности.

В некоторых случаях в качестве очковтирательства рассматривались любые действия, которые не совпадали с интересами определенной группы:

Они всерьез считали, что освоение самого процесса жизни и работы на орбите, исследования и эксперименты в космических полетах, не преследующие военных целей, — это чистое очковтирательство, нахальная попытка залезть к ним в карман с целью вытянуть деньги, которые еще к ним в карман не попали, но почти наверняка рано или поздно попадут (потому что все деньги непременно должны идти на оборону!) (К. Феоктистов).

Космонавт с горечью констатирует, что в основе космической программы лежали не научные, а военные интересы.

Типичным контекстом для слова «очковтирательство» является его сочетаемость с его синонимами:

— Только, пожалуйста, без буянства, — предусмотрительно подчеркнул Волька. — И без очковтирательства. То есть без обмана (Л. Лагин).

Командирам и политорганам изжить позорнейшее явление в условиях нашей Красной Армии — вранье и очковтирательство (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8).

Очковтирательство объясняется в тексте как обман или вранье.

В ряде примеров уточняются характеристики данного типа обмана:

Что это такое, я выяснил к концу службы: очковтирательство, показуха и обман государства (В.Катанян).

Показуха представляет собой способ обмана, государство выступает в качестве жертвы обмана.

Очковтирательство расценивается как преступление:

В практике золотопромышленности в царское время очковтирательство и вообще мошенничество не составляли редкости (В. Обручев).

Очковтирательство является неизбежным следствием бюрократизации жизни:

Сколько сил и нервов стоила ему не утихающая ни на день, ни на час борьба против тупоумных партбюрократов, зазнавшихся и зажравшихся партвельмож, против комчванства и комхамства, очковтирательства и подхалимства... (Б. Ефимов).

Его фельетонами не завершались, а начинались дела о злоупотреблениях, безобразиях, фактах очковтирательства, бюрократического тупоумия, чиновничьей черствости, унижения человеческого достоинства... (Б. Ефимов).

Автор, известный карикатурист, упрекает бюрократов в тупости, черствости, высокомерии, очковтирательстве и подхалимстве. Обратим внимание на объектов критики – это партийные бюрократы, которым была свойственна особая лицемерная надменность, получившая ироническое наименование «комчванство» (коммунисты по определению должны были вести себя скромно).

Чиновники, которым нет дела до простых людей, – объекты критики публицистов:

Место скромное, но очень ответственное — некий эпицентр, в котором сходились все проблемы бесхозяйственности и безответственности, головотяпства и очковтирательства (А. Инин).

В одном ряду перечисляются неумение организовать дело, отсутствие ответственности, предельная глупость и обман с целью представить ситуацию в лучшем свете.

С позиций руководства страны определялись типичные пороки представителей разных социальных групп:

Климат, который рождал бы стремление работать эффективнее, производительнее, лучше, создавал обстановку нетерпимости к прогульщикам и лодырям, к каждому факту халатности и бесхозяйственности, очковтирательству и приписка (Л. Брежнев).

Для рядовых работников такими пороками, по мнению лидера страны, были прогулы и лень, для руководителей на местах – равнодушие, неумение организовать дела и обман государства в виде завышенных показателей – приписок.

Заслуживает внимания пример сочетания внешних признаков успешного прохождения испытания в военном училище:

Я верно понял дух училища и уделил большое внимание чисто внешней манере, как держать себя перед экзаменаторами, стараясь понравиться им отчетливостью ответов, бравой, веселой выправкой и тактичным очковтирательством, которое у меня удавалось замечательно (В. Трубецкой).

Для экзаменаторов была важна только форма ответа: отчетливость, молодцеватость и приятные сведения.

Очковтирательство в ряде примеров рассматривается как органическая черта бюрократии как социального класса:

История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась (А. Зиновьев).

По мнению известного диссидента, бюрократия мимикрировала в новых общественных условиях, однако суть ее не изменилась.

Таким образом, очковтирательство контекстуально уточняется как органически присущий бюрократам обман государства, состоящий в подмене качественных характеристик явления его формальными количественными показателями с целью создания благоприятного впечатления о положении дел и сочетающийся обычно с

безответственностью, некомпетентностью и высокомерным равнодушием к людям, зависимым от бюрократов.

Для выявления понимания и осмысления этого концепта в сознании современных носителей русской лингвокультуры был проведен опрос информантов, которым было предложено ответить на вопрос: «Какие образы или ситуации приходят к Вам в голову, когда Вы думаете об очковтирательстве?» Было опрошено 100 человек – студентов и преподавателей волгоградских университетов. Результаты опроса подтвердили предположение о том, что рассматриваемый концепт не актуален для наших современников. Большинство опрашиваемых смутно различают очковтирательство и показуху, при этом трактуют данные концепты сугубо в личном плане, например, «*Это когда на рынке ты наденешь позорный пуховик, а вокруг тебя бегают продавцы и говорят, какой он шикарный и сшит исключительно на тебя; это когда кто-то останавливается на шикарной машине, взятой у отца, с таким видом, что это – его автомобиль; это когда приглашают гостей и угощают так, чтобы вызвать зависть*». Такие ответы были характерны для молодых респондентов. Были зафиксированы случаи полного непонимания слова «очковтирательство»: «*Это когда какой-нибудь ботаник в очках нам что-то заумное навязывает…*». Ботаниками на современном жаргоне называют обычно молодых людей не от мира сего, увлеченных учебой или наукой. В единичных случаях информанты (большей частью в возрасте от 50 лет и старше) приводили примеры очковтирательства как институционального обмана: «*Это ситуация типа: «Сколько собрали с гектара? Восемь центнеров? Пиши одиннадцать!»; это когда детей в школе готовят к открытому уроку, когда они заранее все проделают, а затем просто показывают на публику спектакль*». Заметим, что носители английского языка смогли найти только один эквивалент для обозначения этого концепта – show, т.е. спектакль, представление. В этом эквиваленте не акцентируется институциональный смысл обмана.

Подведем основные итоги.

Лингвокультурный концепт «сознательность» представляет собой реликт советской эпохи в русском

языковом сознании. Идеологическое ядро этого концепта включает признаки планомерного изменения сознания индивидов и общества и контроля партии и государства над этим процессом. Смысловая трансформация, которой подвергся этот концепт в постсоветский период, состоит в замещении ценностной доминанты – вместо общественного блага на первый план выступило личное благо. Общая идея сознательности как ответственности сохранилась, так же, как и понимание статусного неравноправия при оценке сознательности, но вместо государства как субъекта этой оценки на эту позицию выдвинулись представители социальных институтов (образования, медицины, правопорядка). Наблюдается определенная нейтрализация различий между сознательностью и совестью, и это свидетельствует о возрастании доли стихийности в поведении людей.

Концепт «очковтирательство» является уходящим концептом в современной русской лингвокультуре и ассоциируется с бюрократическим стилем поведения в Советскую эпоху. Этот концепт актуален для старшего поколения нашей страны. Возникает вопрос: почему это ментальное образование потеряло актуальность для наших современников, хотя бюрократия нисколько не изменила своего поведения? Можно переформулировать этот вопрос так: почему при неизменности референта концепт стал неактуальным? По-видимому, произошло смещение базовых ценностей: перенос центра тяжести с коллективных ценностей на индивидуальные привел к тому, что обман государства перестал быть предметом эмоционального переживания.

2.5. Типаж как характер («коллекционер»)

Одним из направлений лингвоконцептологии является выделение и описание лингвокультурных типажей – обобщенных узнаваемых образов представителей той или иной культуры (Карасик, Дмитриева, 2005; Деревянская, 2005; Елина, 2005; Мироненко, 2005; Мищенко, 2005; Радван, 2005; Скачко, 2005; Ярмахова, 2005; Макарова,

2006; Селиверстова, 2006; Коровина, 2008; Маруневич, 2009; Мурзинова, 2009; Васильева, 2010; Шильникова, 2010; Щеглова, 2010). Лингвокультурные типажи могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажи, например, английский аристократ, американский ковбой, русский интеллигент) либо социокультурную значимость, характеризуя особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу (социокультурные типажи, например, компьютерный хакер или футбольный фанат) (Лутовинова, 2006; А.В.Карасик, 2005).

Коллекционирование – систематизированное собирание однородных предметов – является распространенным видом досуга. Люди коллекционируют почтовые марки, монеты, этикетки, экзотических бабочек, картины и др. Это занятие определенным образом отражается на поведении человека, его внутреннем мире и влияет на характер личности. Коллекционирование достаточно распространено, личностные качества коллекционеров поддаются типизации, и поэтому можно говорить о выделении социокультурного типажа «коллекционер». Отношение к коллекционерам весьма вариативно: одни считают подобную деятельность занятной странностью, поскольку собиратели неизбежно отказывают себе в чем-либо ради пополнения своей коллекции, другие отмечают плюсы в том, что увлеченный человек, собирая и классифицируя предметы, расширяет свою эрудицию, третьи видят в этом занятии признаки личностной деградации, состоящей в том, что человек становится рабом своей страсти, не отличаясь принципиально от игрока. Этот типаж не доминирует в ансамбле современных типажей, не отличается этнокультурной или социально-статусной спецификой, однако заслуживает лингвокультурного описания, поскольку характеризует определенный тип людей, выделяемых на основании социально релевантного признака – организация досуга.

Теоретическим основанием для моделирования рассматриваемого типажа являются следующие тезисы: 1) лингвокультурный типаж представляет собой узнаваемый обобщенный тип личности, 2) типаж является разновидностью концептов – сложных ментальных образований, в составе которых можно выделить понятийные, образные и ценностные признаки, 3) лингвокультурный типаж имеет имя, которое служит основным способом апелляции к соответствующему типажу, 4) выделяются разновидности лингвокультурных типажей: типажи реальные и фикциональные, этнокультурные и социокультурные, современные и исторические. На основе приведенных классификационных признаков можно считать, что «коллекционер» является реальным социокультурным современным типажом.

Обратимся к понятийным признакам рассматриваемого типажа, зафиксированным в словарных дефинициях. Мы привлекаем английский материал в данном случае не для сопоставительного исследования, а для нахождения релевантных семантических признаков.

Коллекционер – собиратель коллекции. *Известный коллекционер. Страстный коллекционер. Выставка из собраний коллекционеров* (БТС).

Коллекция – систематизированное собрание однородных предметов. *Коллекция минералов. Коллекция картин. Музейная коллекция* (БТС).

Собиратель – тот, кто занимается собиранием, коллекционированием чего-л. *Собиратель народных песен. Собиратель редкостей. Собиратель картин, предметов старины* (БТС).

Collector – a person who collects, esp. things of interest as a hobby (COD); someone who collects things that are interesting or attractive [collect, collection]: *a stamp collector. The painting was bought by a private collector* (LDCE).

Collection – a group of things collected together (e.g. works of art, literary items, or specimens), esp. systematically (COD); a set of similar things that are kept or brought together because they are attractive or interesting [collect, collector]: *a stamp collection* (LDCE).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить в содержании рассматриваемого типажа следующие признаки: 1) человек, 2) приобретающий или получающий

3) однородные предметы, 4) систематизировано, 5) с интересом, 6) в качестве хобби. Указаны типичные объекты коллекционирования – марки, картины, минералы, предметы старины. Отмечено, что коллекционируемые предметы привлекательны, могут экспонироваться на выставках, а коллекционерам свойственно проявлять страсть к предмету своего увлечения.

Коллекционируемые предметы весьма разнообразны. Некоторые виды представляют собой детально разработанную сферу деятельности, сюда относятся филателия (коллекционирование почтовых марок), нумизматика (коллекционирование монет), фалеристика (коллекционирование знаков наград и различных значков). Для коллекционеров выпускаются специальные марки, памятные монеты, альбомы и кляссеры для хранения соответствующих предметов, публикуются каталоги. Предметы коллекционирования могут представлять собой большую культурную ценность: во-первых, они являются произведениями искусства, созданными профессионалами, во-вторых, эти предметы несут большой информативный заряд: человек, собирающий в течение длительного времени ту или иную коллекцию, становится знатоком в определенной сфере культуры, в-третьих, коллекционирование поднимает человека над ежедневным рутинным бытом, открывает еще одну интересную сторону жизни и способствует, тем самым, духовному росту личности. О монетах и марках пишутся статьи, публикуются журналы для коллекционеров. Во всех крупных городах есть клубы коллекционеров, где можно поменять дубликаты и приобрести новые марки или монеты.

Предметы коллекционирования имеют не только символическую, но и прямую материальную ценность. Редкие марки и монеты продаются на аукционах за огромные деньги. Это в полной мере относится к коллекционированию предметов искусства – картин, скульптур, рукописных книг и др. В этом плане коллекционеры весьма неоднородны по отношению к предмету своего увлечения: для одних это – интересный досуг, для других – выгодная форма инвестиций, для

третьих – способ презентации себя окружающему миру. Есть и редкие виды коллекционирования, люди собирают старинную одежду, холодное оружие, бутылочные этикетки, рыболовные крючки, печатные пряники, игрушки-головоломки и т.д. Таким коллекционерам трудно найти себе товарищей по увлечению, с которыми можно поменяться или обсудить качество той или иной вещи.

Природа коллекционирования состоит, по-видимому, в стремлении обладать серией понравившихся предметов. Это свойственно не только людям: вороны тащат в свои гнезда блестящие предметы, которые совершенно не нужны ни птенцам, ни взрослым особям. Обратим внимание на то, что коллекционные предметы не имеют утилитарного предназначения, они абсолютно бесполезны с бытовой точки зрения. В этом плане коллекционер выглядит как чудак, который получает удовольствие от созерцания своих сокровищ, в ряде случаев не имеющих никакой материальной ценности. Известно мнение о компенсаторной функции коллекционирования. Автор статьи «Коллекционирование» в Большой Советской Энциклопедии придерживается другой точки зрения: «В основе коллекционирования лежит познание, удовлетворение определенных интересов. Коллекционирование предполагает выявление, сбор, изучение, систематизацию материалов, чем оно принципиально отличается от простого собирательства» (Дьячков, 1973, с.432). Отмечается, что коллекционирование как особое направление человеческой деятельности получило развитие в эпоху Возрождения. Сначала коллекции были универсальными и часто включали набор «куриозных» вещей (кунсткамера Петра Первого), а со второй половины XVIII в. получили распространение специализированные коллекции (художественные, естественно-научные, исторические). Многие из частных коллекций легли в основу известных музеев. Выделяются научное, учебное и любительское коллекционирование. Типаж «коллекционер» по определению является любителем.

У коллекционирования есть возрастная и гендерная специфика. Многие дети собирают фантики от конфет, пластмассовые фигурки из полых шоколадок

«Киндерсюрприз», фирменные наклейки на бананах и т.д. В прошлом школьницы в массовом порядке собирали открытки с фотографиями известных артистов кино. В подростковом возрасте число коллекционеров, как правило, резко сокращается. К старости желание собирать коллекцию возрастает. Среди коллекционеров абсолютное большинство составляют мужчины. Это можно объяснить, вероятно, тем, что у женщин забота о семье и домашние дела занимают все свободное время. По моим наблюдениям, среди коллекционеров много военнослужащих, вышедших в отставку. Вероятно, систематизация любимых предметов вносит покой в их жизнь.

В виртуальной энциклопедии «Википедия» приводится любопытный список областей коллекционирования, этот список вряд ли можно назвать полным, некоторые названия не очень удачны, классификация произвольна, однако разнообразие видов коллекционирования впечатляет: 1) монеты, денежные знаки, ценные бумаги: бонистика (бумажные денежные знаки), нумизматика (монеты), экзонумия (знаки, не имеющие статуса денег); 2) военная тематика: сигнуманистика (нашивки и шевроны), милитария (коллекционирование военных предметов), униформология или мундироведение (коллекционирование мундиров и униформы), фалеристика (ордена, медали, значки), филобутонистика (пуговицы); 3) печатная и почтовая продукция: библиофилия (коллекционирование книг), филателия (почтовые марки), сигиллатия (почтовые конверты), филокартия (почтовые открытки), филотаймия (карманные календарики), филумения (спичечные этикетки), перидромофилия (билеты на транспорт), кофрокартия (туристические наклейки (отельные, автомобильные); 4) предметы искусства: коллекционирование живописи, филофония (аудиозаписи), собирание фигурок; 5) техника: коллекционирование фотоаппаратов, радиоприемников, калькуляторов, компьютеров, радиоламп, старинных автомобилей, масштабных моделей автомобилей и/или других транспортных средств; 6) различная упаковка: бирофилия (пивные принадлежности: этикетки, пробки, бирдекели, посуда, рецепты), коллекционирование алюминиевых банок, пробок, филумения (спичечные этикетки), фромология (этикетки от сыра), ксирофилия (упаковка от бритвенных лезвий), гумофилия

(обёртки и вкладыши от жевательной резинки), гелатофилия (обёртки от мороженого), виттафилия (бумажные кольца, надеваемые на сигары, папиросы и сигареты); 7) природные материалы, экспонаты флоры и фауны: коллекционирование насекомых, чучел животных, минералов, метеоритов, конхиофилия (морские раковины), 8) игрушки, модели: плангонология (куклы), киндерфилия (фигурки из киндер-сюрпризов), барбифилия (игрушки Барби), легофилия (игрушки Лего), коллекционирование игр, моделей самолетов, 9) другое: коллекционирование вин, алкоминималистика (коллекционирование миниатюрных бутылочек с алкоголем), филоботия (коллекционирование обуви), коллекционирование пластиковых карт, шильдиков (фирменных знаков на автомобилях, компьютерах и др.), кампанофилия (колокола и колокольчики), стилофилия (письменные принадлежности), шандалофилия (коллекционирование свечей), собирание нематериальных вещей (анекдоты, стихи, песни, графические или текстовые файлы определённой тематики, посещённые страны и др.) (www.wikipedia.ru). Более детальный список составлен современным тверским историком В.И. Лавреновым (www.vid.h1.ru).

Образные характеристики рассматриваемого типажа раскрывают типичные виды деятельности такого человека. Такие характеристики выявляются с помощью анализа сочетаемости слов, обозначающих данный типаж, и на основании анализа ответов респондентов. Существует диагностирующая и недиагностирующая сочетаемость слов, в первом случае раскрываются те или иные признаки, уточняющие семантику имени типажа, во втором случае такого уточнения не наблюдается: ср. «*Настоящий коллекционер не станет портить свою коллекцию подделками, если, конечно, подделки не составляют предмет собирательства*» и «*Коллекционер сильно простудился в поезде*». Для изучения диагностирующей сочетаемости слов, обозначающих типаж «коллекционер», использовались данные корпуса ruscorpora.ru.

Прежде всего обратим внимание на действия коллекционеров.

Коллекционеры готовы отдать большие деньги за предмет своего интереса:

Анонимный коллекционер заплатил 63 тыс за батистовую рубашку с вышитым на фоне императорского герба золотым инициалом N. (В. Мусвик).

Коллекционеры ведут длительные переговоры с владельцами вещей, которые могут пополнить коллекцию:

Во время одной из прогулок к профессору подошел коллекционер и долго уговаривал старика продать ему этот значок (Г. Грешневиков).

Коллекционеры трепетно относятся к предмету своего увлечения:

Вон мама моя – настоящий коллекционер – над каждой своей маркой трясется (Е. Лабутина).

Коллекционер обычно дорожит своей коллекцией:

Правда, я не настоящий коллекционер: когда приходят друзья, какая-нибудь бутылка обязательно открывается и выпивается (Ю. Пешкова).

Коллекционеры стремятся узнать как можно больше о новых поступлениях в свои коллекции:

Однако в минувшем году анонимный коллекционер встретился на частной вечеринке с известным французским специалистом Андрэ Лемэром и попросил его расшифровать некую надпись (Р. Нудельман).

Коллекционерам свойственно комментировать историю коллекционируемых предметов:

Если коллекционер серьезный, он вещи, с которыми сталкивается – в обмен пускает, или продает, или просто где-то видит, – заносит на особую карточку (П. Галицкий).

Коллекционеры с удовольствием экспонируют собранные ими коллекции:

В музее современной истории России (бывшем музее революции, что в Москве на Тверской) коллекционеры открыток впервые выставили свои сокровища на всеобщее обозрение (Э. Максимова).

Важную часть деятельности коллекционера составляет общение с товарищами по увлечению:

Коллекционеры марок устраивали сессии, круглые столы и тематические чаепития (Афиша // "Столица").

Надеемся, что со временем здесь все обустроится, вернутся прежние коллекционеры: многие ведь приходят не только купить диски, но и совершить обмен, просто поговорить на музыкальные темы (А. Малахова).

Коллекционеры вносят уточнения в системы знаний специалистов:

Ботаники признают лишь четыре "хороших" вида астрофитумов, но коллекционеры различают ещё несколько природных форм и выводят гибридные культивары (Д. Семенов).

Любительское коллекционирование сопряжено с азартом:

Не берусь судить, где тут кончается сугубо научный интерес и начинается нетерпеливая охота коллекционера, но за несколько лет ему удалось собрать уникальную библиотеку манускриптов, гравюр (Е. Парнов).

Коллекционеры не раз передавали свои коллекции в дар музеям:

Почему коллекционер, решив передать коллекцию в дар, выбрал именно Петергоф? (Г. Артеменко).

Вместе с тем коллекционеры могут переступить через закон и мораль, чтобы пополнить свою коллекцию:

Недавно в Италии арестовали "коллекционера", у него обнаружили десятки похищенных скрипок, которые разыскивал годами Интерпол (Е. Караколева).

Для совершения таких противоправных действий некоторые коллекционеры нанимают профессионалов-преступников:

Тут только одно из двух: или "Встречу" уволокли охотники за металлами, или ее выкрали по заказу какого-то коллекционера, потому что произведение сие обладает вполне очевидными художественными достоинствами. (Украденная "встреча" // "Криминальная хроника").

Некоторые коллекционеры причиняют вред живой природе:

Основной бич растений – коллекционеры, выкапывающие каждое растение, до которого только могут добраться (О. Квашнина).

Коллекция для некоторых собирателей превращается в высшую ценность, и чтобы сберечь коллекцию, они готовы пойти на убийство:

Один коллекционер очень боялся за свою коллекцию и установил некий аппарат с ядовитым газом, который приходил в действие, когда кто-нибудь, не зная об этом, проникал в квартиру (С. Мазур).

Жизнь известных коллекционеров бывает под угрозой, поскольку их коллекции представляют собой целые состояния:

21 января в Москве в доме №5 на Большой Переяславской улице была убита коллекционер живописи Наталья Александрова (О. Стулов).

Поэтому коллекционеры часто предпочитают не разглашать свои имена:

"Портрет Наполеона Бонапарта, императора Франции в полный рост, созерцающего бюст Афины Паллады, держащего в правой руке карту континента", приписываемый художнику Андреа Аппиани, выкупил за 150 тысяч евро один американский коллекционер, также пожелавший остаться инкогнито (Батистовая рубашка корсиканца // "Культура").

Судьба коллекций часто бывает печальной:

Умер один старый коллекционер, и дебилы наследники распродали все его книги, причем по частям, идиоты (Е. Парнов).

Объектная сочетаемость глагола «коллекционировать» уточняет тематику этого занятия и характеризует разновидности коллекционеров.

Многие коллекционируют почтовые марки:

Я никогда не коллекционировал ничего, кроме марок (В. Розов).

В увлечении некоторых коллекционеров явно просматривается стремление прикоснуться к чужой славе:

Петр коллекционирует автографы (Н. Богословский).

Некоторые начинают собирать то, к чему получают доступ благодаря своей основной работе:

Гомбоев – товарищ Шишмарева, свыше 40 лет сидел в Пекине и коллекционировал предметы буддийского культа (П. Козлов).

Обращает на себя внимание необычный предмет коллекционирования:

Композитор Оскар Фельцман коллекционирует... птичьи голоса (Н. Склярова).

Кир Булычев – известный писатель-фантаст, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Юго-Восточной Азии Института востоковедения – коллекционирует военные головные уборы (Жизнь прекрасна // "Столица").

Увлечение ее необычно: Екатерина Эдгаровна Тизенгаузен коллекционирует бабочек (В свободную минуту // "Работница", 1988).

В приведенных примерах необычный предмет коллекционирования характеризует известных людей, достигших признания в своей основной деятельности.

Коллекционирование свидетельствует о богатстве внутреннего мира человека:

Слыл ученым, естествоиспытателем, ловил и коллекционировал редких бабочек, переписывался с различными нашими и зарубежными специалистами, часто выезжал в экспедиции (Ю. Азаров).

Некоторые предметы коллекционирования могут навлечь опасность на своего владельца:

Другой мой университетский друг уже тогда коллекционировал антикоммунистические анекдоты (А. Зиновьев).

Определенные предметы свидетельствуют о деградации личности коллекционера:

И вот интересно, что бы сказали эти моралисты о коньке молодого немца моего улова в 1930-ом году: он коллекционировал фотографические снимки казней (В. Набоков).

Встречаются случаи, когда коллекционирование преследует практические цели:

Он коллекционировал пароли взломанных серверов, web-сайтов и персональных страниц (В.Тучков).

Коллекционирование бывает узко специфическим:

Муж коллекционировал книги по криминалистике, и из них она знала о мышьяке все (А. Савельев).

Некоторым людям свойственно менять предмет коллекционирования:

Всегда он был веселый, толстый, плотоядный, всегда он что-то коллекционировал – то марки, то монеты, то почтовые штемпеля, то этикетки с бутылок (А.Стругацкий, Б.Стругацкий).

Частотны примеры, в которых говорится о коллекционерах очень дорогих вещей:

Илюмжинов коллекционирует "Роллс-Ройсы", и у него есть на это средства (А. Тарасов).

Он коллекционировал иностранные машины, орденами себя награждал, прознавшие про эту его слабость иностранцы

начали весьма для себя небезвыгодно вешать на него свои ордена (Г.Бакланов).

В походах он возил с собой мозаичные полы, без разбору коллекционировал резные камни, старинные статуи и картины, по неслыханным ценам покупал красивых и ученых рабов (В. Прусаков).

В этих примерах четко выражена критическая оценка подобных коллекций.

Объект коллекционирования свидетельствует о художественном вкусе человека:

В разные годы Горький коллекционировал фарфор, медали, изделия из слоновой кости китайских и японских народных мастеров, оружие, гравюры, старинные миниатюры, картины, собирал книги (И. Андроников).

Он покупал дорогие картины, коллекционировал фарфор, любил редкие книги (Ю. Елагин).

Когда власти дали ему разрешение, отправил в Нью-Йорк жену, а сам же застрял в Москве еще на год – продавал квартиру, дачу, "Волгу", картины, старинную мебель, которую любил и коллекционировал (Е.Рубин).

Иногда коллекционирование приводит к тому, что для коллекции приходится строить отдельный дом:

Во Франции они имеют поместья, винодельческие заводы, коллекционируют старинные сервизы – их у них столько, что выстроили целый дом, чтобы разместить коллекцию (В. Катанян).

Для определенного типа людей коллекция стала своеобразным знаком принадлежности к высшему обществу:

Одни адвокаты коллекционируют самурайские мечи, другие старинные открытки, вы – русский фарфор советского периода ("Дача для меня – стиль жизни"// "Мир & Дом. Residence", 2004).

Для многих необычный предмет коллекционирования – способ саморепрезентации:

Я люблю их показывать, люблю ими хвастаться, и теперь все наши знакомые знают – Тарасова коллекционирует черепах (Т.Тарасова, В. Мелик-Карамов).

Важным диагностирующим контекстом является координативная сочетаемость слов, когда стоящие в одном сочинительном ряду единицы характеризуют и уточняют имя концепта.

Коллекционер – обычно знаток своего предмета:

Красавицы, – одобрил Гарри с особой интонацией знатока и коллекционера (А. Боссарт).

Коллекционирование расширяет эрудицию:

Потому что йог, эрудит, книжник, коллекционер Борька катастрофически не похож на нормального рабочего, да еще сталевара (Э. Лимонов).

Часто художники и музыканты являются коллекционерами:

А еще он любитель искусства, коллекционер и сам немножко художник (Т. Гнедовская).

Судите сами – музыкант, коллекционер, светский лев и вдруг террорист, член тайного общества "Красных бригад"! (З. Плавинская).

Коллекционерами становятся и мастера, изготовляющие предметы искусства:

Помимо того, что все Бирини мастерски играют на огромном количестве инструментов, коллекционируют их, а мужчины в совершенстве их изготавливают, это семейство устраивает еще и курсы для детей (А Вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб? // "Народное творчество", 2004).

Коллекционирование свойственно искусствоведам:

Ее отец, известный искусствовед и коллекционер, привил ей любовь к учебе, к искусству и путешествиям в те края, где можно часами бродить по музеям, сверяя каждый экспонат с каталогом (В. Катанян).

Коллекционеры бывают очень богатыми людьми:

Сергей Щукин, московский миллионер, меценат, коллекционер, вышедший из среды купечества, того купечества, которое щеголяло своими стремлениями к цивилизации и культуре, чьи жены получали свои туалеты из Парижа и ездили отдыхать на французскую Ривьеру (Ю. Безелянский).

Солдатенковская больница в Москве была построена по завещанию крупного негоцианта, издателя и коллекционера К.Т. Солдатенкова (1818-1901) (С. Бабаян).

В характере коллекционера могут совмещаться разные качества:

Шкодо, владеющий несколькими языками, физик по образованию, игрок по натуре, коллекционер старинного

восточного оружия по хобби, не докучал мне мелочной утомительной опекой (А. Сурикова).

Коллекционирование граничит с бизнесом:

Здесь устраивают выставки известных фотографов, сюда приезжают топ-дилеры, музейные эксперты, галеристы и коллекционеры (О. Кабанова).

Интересна классификация людей по интересам, в которой коллекционеры соотносятся с любителями компьютерных игр и любителями кино:

Максимальную эффективность слух приобретает, когда в качестве объекта воздействия выбираются устоявшиеся сообщества – профессиональные (например, рекламисты, художники или пивовары), по интересам (геймеры, коллекционеры, киноманы), по месту проведения досуга (клубберы, роллеры, сноубордисты). (В. Ляпоров).

Для уточнения понимания образной составляющей рассматриваемого типажа был проведен анализ коротких сочинений на тему «Когда я думаю о коллекционере, я представляю себе…».

Приведу типичные сочинения.

«Когда я думаю о коллекционере, я представляю себе моего соседа, старика, у которого на книжных полках стоят альбомы с марками. Он с восторгом разглядывает свои сокровища, сидя на старом диване в запущенной квартире. Он живет один, семьи у него нет. Он бережно берет марку пинцетом и долго рассматривает ее, приглядываясь к каждому зубчику».

«Когда я думаю о коллекционере, я представляю себе собирателя картин, богатого бизнесмена, в доме которого красуются на стенах произведения авангардной живописи. Они очень дорого стоят. К нему приходят гости и с уважением смотрят на полотна, хотя не все из гостей разбираются в искусстве. Но все говорят, какой прекрасный вкус у хозяина!».

«*Когда я думаю о коллекционере, я представляю себе полноватого мужчину в очках, который часто заходит в антикварный магазин и смотрит, не появились ли новые оловянные солдатики. У него дома есть несколько коробок с этими солдатиками, он их часто рассматривает, устраивает парады на письменном столе и потом их бережно складывает назад. Это взрослый ребенок. У него есть жена и дочь, они немного посмеиваются над ним, но не мешают ему*».

Заслуживают внимания высказывания о коллекционировании в сети Интернет. Например, в рамках

форума 1tv.ru человек под ником Santo следующим образом отвечает на вопрос, чем отличается хобби от коллекционирования:

«Хобби – это когда Вы время от времени покупаете приглянувшуюся вещь (даже если тематика покупок одна), но вполне можете и не покупать, ничего страшного не произойдет. А коллекционирование – это всеобъемлющая страсть. Может даже сродни мании. Вы не просто покупаете вещь по случаю, вы ищете ее. Иногда долго и мучительно, посещаете всех антикваров, они знают Ваше имя и телефоны, по которым нужно звонить, если искомое Вами вдруг появится у них. Купите вещь в любом виде, даже если она почти погибла и у нее не хватает деталей. Отреставрируете, найдете все недостающие детали, для этого еще раз обойдете всех торговцев (может, на это уйдут еще годы), потратите столько денег, сколько нормальный человек оставляет потомкам по завещанию. И все ради того, чтобы пополнить коллекцию, только ради самого существования этой вещи в Вашей жизни. Пять лет пытки и вы обладатель, ну скажем, комода. Вот что такое коллекционер».

Другой участник или участница этого форума под ником Fidelio развивает эту тему следующим образом:

Мне кажется, что хобби и коллекционирование – это совсем разные понятия:)) Хобби – это скорее физическое действие. То, чем человек любит заниматься. Например: выращивать цветы, резать фигурки из кости или дерева, строить парусники и т.д. Коллекционирование – тихая охота:)) Выслеживание любимой и желанной "добычи", захват её, приношение трофея в свой дом и бесконечное горделивое любование своим приобретением, а также показ друзьям и знакомым с соответствующими красочными рассказами:))

Анализ оценочных характеристик лингвокультурного типажа заключается в выборке высказываний с выраженной или выводимой оценкой. Эта оценка моделируется в модусе констатации (Хорошо, что X; Плохо, что X) и в производном от него модусе долженствования (Следует X; Не следует X). Любой типаж имеет двойственную оценку: внешнюю – оценочное отношение к типажу со стороны других людей и внутреннюю – такое отношение со стороны данного типажа к миру. В ряде случаев внешняя оценка ветвится: например, внешнее отношение к интеллигенту со стороны власти отличается от

внешнего отношения со стороны народа. Таким образом, устанавливается четыре типа оценки применительно к рассматриваемому типажу: внешняя положительная и отрицательная и внутренняя положительная и отрицательная.

Внешняя положительная оценка коллекционеров состоит в том, что следует положительно относиться к увлеченным людям, преданным, как сказал известный психолог В.Леви, сверхличному делу:

Этим занимаются дети, интересующиеся всем на свете; супруги, рождающие на свет не одно дитя, а два, три и более; коллекционеры; люди, заводящие у себя дома разную живность, изыскивающие всевозможные хобби; люди, преданные искусству, науке, любому сверхличному делу; это, между прочим, и те, кого иногда упрекают в легкомыслии, разбросанности, непостоянстве, счастливые сангвинические натуры (В. Леви).

Коллекционирование украшает жизнь, делает ее интересной:

В детстве я коллекционировал марки. Всякая настоящая пани тоже обязана выбрать "хобби", чтобы весело проводить время (И. Грошек).

Коллекционеры показывают всем, что в жизни есть место удовольствию:

Что поделаешь, коллекционеры – народ одержимый, тут и обижаться не стоит (Ю. Даниэль).

Заслуживает внимания наблюдение известного журналиста В. Овчинникова об англичанах:

Здесь поразительно велико число людей, которые разводят лошадей, или собак, или свиней, или овец, или коров; которые играют в крикет, гольф, теннис или занимаются греблей; которые коллекционируют книги, гравюры, автографы, японские безделушки или фарфор: которые изучают какой-то древний язык или совершают путешествия в неведомые страны; которые увлекаются охотой, рыбной ловлей или ботаникой; которые изучают какую-то область археологии или исследуют корни своего происхождения (В.Овчинников).

Коллекционирование в чем-то сродни спорту, который столь дорог жителям Британии.

Коллекционирование заслуживает одобрения, поскольку развивает внутренний мир человека:

Помнится, одного такого школьника-коллекционера при мне поправляли: надо говорить не "коплю марки", а "коллекционирую" – или, на худой конец, "собираю" ("ведь они расскажут тебе о дальних странах") (И. Утехин).

Действительно, коллекционирование принципиально отличается от бездумного накопления предметов.

Не менее частотна внешняя отрицательная оценка коллекционеров.

Коллекционерам свойственна страсть к получению, присвоению предметов своего интереса, эта страсть часто выглядит как неконтролируемая:

Частные коллекционеры подвержены сильному влиянию "эффекта владения" и нерационально воспринимают невозвратимые и альтернативные издержки (Ю.Автономов).

В погоне за предметами своей коллекции люди могут нарушить правила морали и закон:

В ту же пору началась торговля наградами, коллекционеры и пройдохи по дешевке их скупали, и когда двадцать лет спустя после Победы откованы были "брежневские" медали, многие вояки-окопники отказались их получать (В.Астафьев).

Некоторые фалеристы собирают награды, при этом приобретение советских и современных российских наград сопряжено с кражами, махинациями, не говоря уже о том, что награды символизируют подвиги, и поэтому их приобретение подразумевает циничное отношение к святому.

С точки зрения некоторых людей, коллекционирование – признак ординарности, поскольку это свойственно всем:

Он не бегал на каток, не заводил во дворе или на улице дружков-приятелей, не увлекался французской борьбой, не коллекционировал марок (А. Пантелеев).

Полемически заостряя эту идею, некоторые авторы утверждают, что коллекционирование – признак ограниченности:

Вы наверняка встречали таких людей в жизни: женщину, которая сто раз проверит, выключен ли утюг, прежде чем покинуть дом, мужчину, который коллекционирует вырезки из газет, чтобы, не дай Бог, не забыть прочитанное (А. Разакова).

С другой стороны, коллекционирование выглядит как нелепая странность:

Он крестиком вышивает или коллекционирует матрешек? (С. Таранов).

Такое отношение к коллекционерам как ненормальным людям показано в следующем сравнении:

Лидия поставила телефон у кровати, легла не раздеваясь и стала, как свихнувшийся коллекционер, перебирать немногие часы счастья в своей тридцатитрехлетней жизни (О. Некрасова).

Резкое отрицательное отношение к коллекционированию как таковому раскрывается в следующем примере:

Нет, решительно, грамзаписи и их коллекционеры – первые враги трепетного, непредсказуемого искусства исполнять. Да и иные слушатели, и иные критики упрекают – "А вот на такой-то записи такой-то великий исполнитель сыграл (спел) иначе!" (А. Избицер).

Эта идея легла в основу известного романа Джона Фаулза «Коллекционер». Коллекционер, в такой интерпретации, это тот, кто губит живое, прикалывает булавкой прекрасное существо, как бабочку, и его любование предметом своей коллекции противоестественно. Похищенная влюбленным маньяком пленница говорит ему: «*Ненавижу тех, кто коллекционирует, классифицирует и дает названия, а потом напрочь забывает о том, что собрал и чему дал имя*», и позже она пишет в дневнике: «…*коллекционеры – самые отвратительные из всех живущих на земле скотов. <…> Коллекционирование – это антижизнь, антиискусство, анти – все на свете*». Если рассматривать коллекционера как маньяка, такая позиция оправданна. Но маньяками являются, как известно, не только коллекционеры. В какой-то мере можно соотнести мифологему коллекции с ужасным даром, который получил античный царь Мидас: все, к чему он прикасался, превращалось в золото, т.е. лишалось жизни. Коллекционер изымает вещь из естественной среды и превращает ее в экземпляр коллекции. В расширительном смысле так поступает и ученый, исследующий тот или иной фрагмент действительности.

Внутренняя положительная оценка коллекционеров и коллекционирования видна в следующих примерах:

Не стоит удивляться тому, что многие вещи приписаны анонимам: настоящий коллекционер ценит не имя, но дух, не точность, а стиль (А. Мокроусов).

Коллекционер ценит не ярлык, а суть той или иной вещи. Это значит, что коллекционер понимает место той или иной вещи в культуре, в системе ценностей.

Коллекционирование отличается от научного наблюдения и описания вовлеченностью собирателя в предмет своей деятельности:

Но самое главное для коллекционера – не закономерности искать, это ведь не наука, а жить с широко открытыми глазами (Л. Велехов).

Ученый неизбежно должен дистанцироваться от предмета своих наблюдений, иначе теряется объективность описания. Коллекционер же сливается с коллекцией, и как было удачно сказано в одном из Интернет-форумов, в итоге коллекционер сам становится частью коллекции.

Внутренняя отрицательная оценка коллекционера со стороны других коллекционеров дается в следующих случаях.

Коллекционер недостаточно компетентен или лишен художественного вкуса:

Такая художественная слепота вызывала резкий отпор у опытного музееведа и страстного коллекционера Николая Павловича Пахомова (Э. Герштейн).

Коллекционер превращается в дельца:

Я коллекционер, а не торговец (Е. Парнов).

Коллекционер обманывает товарищей по увлечению или тех, у кого получает интересующий его предмет:

Он числился сотрудником одной библиотеки и давно промышлял «очисткой» библиотек и графических коллекций вдов знатных писателей, людей искусства и коллекционеров. Тактика его, как я слышал, была следующая: приходя в семью скончавшегося в роли представителя библиотеки желанным гостем (пахло денежками!), он отбирал книжные редкости для закупки, а всё, что интересовало его, как экслибрисиста, откладывал в особую стопку. Затем осуществлялась сделка, в ходе которой он намекал, что охотно бы приобрел у новых владельцев то, что ему лично более дорого, но, видите ли, он

человек небогатый. На радостях, как правило, он получал свое – просто как знак признательности (С.Ивенский).

Резюмирую.

Социокультурный типаж «коллекционер» представляет собой узнаваемый социальный тип, отличительным признаком которого является специфический способ организации своего досуга.

Понятийные характеристики данного типажа определяют его как человека, увлеченного собиранием и систематизацией однородных предметов, мотивационная база этой деятельности включает потребности присвоения и познания, тематика коллекционирования весьма разнообразна.

Образные характеристики типажа «коллекционер», выявленные путем анализа сочетаемости имен этого типажа, показывают, что в уточняющем контексте раскрываются свойственные коллекционерам признаки заинтересованности, азарта, эрудиции, художественного вкуса, стремления общаться с товарищами по увлечению, финансовой состоятельности, принадлежности к элите, стремления не привлекать к себе внимания в тех случаях, когда коллекционируются очень дорогие вещи, и привлекать к себе внимание, если предметом коллекционирования является нечто экзотическое. Коллекционирование сопряжено с искусством и бизнесом. В сознании носителей современной русской лингвокультуры типаж «коллекционер» конкретизируется как мужчина средних лет, немного странный, очень увлеченный своим занятием, не обращающий особого внимания на быт. Заслуживает внимания противопоставление коллекционирования и хобби, здесь на первый план выступает признак страстной увлеченности определенным занятием, в то время как в диаде «коллекционировать» и «собирать» важным является признак систематизации.

Оценочные характеристики социокультурного типажа «коллекционер» в русском языковом сознании имеют полярный характер: положительно оцениваются такие качества коллекционеров, как заразительное удовольствие, получаемое от любимого занятия, эрудиция, преданность

своему увлечению, наличие художественного вкуса, отрицательную оценку получают неконтролируемое стремление владеть предметом своего желания, выход за рамки морали и закона в удовлетворении своей страсти, меркантилизм, стремление быть таким, как все, и стремление отличаться от других, стремление систематизировать действительность в ущерб живому участию в ней.

2.6. Типаж как протест («шпана)

В любом человеческом сообществе выделяются криминальные личности – воры, мошенники, бандиты и т.д. К числу таких криминальных или полукриминальных социокультурных типажей относится шпана. Этот типаж, насколько мне известно, еще не был предметом лингвокультурологического анализа.

Трактуя социокультурный типаж как разновидность концептов, обратимся к понятийным, образным и оценочным характеристикам шпаны.

Рассмотрим словарные дефиниции.

Шпана – *обычно собир. Разг.-сниж. (неодобр.).* Хулиган, жулик. *Он был шпаной и пропойцей. Фабричная шпана. Связаться со шпаной. Здесь собиралась шпана со всего района*. Бранно. *Ах ты, шпана бессовестная!* (БТС).

Шпана – *чаще собир.* Арестанты (или арестант), находящиеся в тюрьме (воров. арго, устар.). || Хулиганье (или хулиган), жулики (простореч. вульг.). *Собралась всякая шпана. Он – настоящая шпана* (Ушаков).

Шпана – обычно *собир*. (прост., презр.) Мелкие жулики и хулиганы (Шведова).

Шпана – 1. *Неодобр., жарг*. Мелкий жулик, хулиган. *В молодости был шпана и пьяницей.* 2. *собир*. Жулье, хулиганы, уличные воришки. *Писатель В.Распутин в его Иркутске получил от местной шпаны по голове только потому, что тем захотелось завладеть его шикарными джинсами* (Химик).

Мы видим, что данное слово является собирательным и его значение раскрывается через слова «арестант», «хулиган», «(мелкий) жулик». В первом, устаревшем значении имеются в виду люди, находящиеся в тюрьме, под

арестом. Второе значение толкуется с помощью слов «хулиган» и «жулик».

Хулиган – Тот, кто занимается хулиганством (= Нарушение правил общественного порядка, общепринятых норм поведения, свидетельствующее о неуважении к обществу, к достоинству человека). *Задержать хулигана* | О дерзком, злом озорнике. *Не мучай кошку, хулиган!* (БТС).

Жулик – Вор, занимающийся мелкими кражами. *Жулики украли у меня кошелек* || Разг. Тот, кто жульничает, плут. *Ловко провели меня жулики* (БТС).

Строго говоря, хулиган не имеет ничего общего с жуликом, кроме тематической отнесенности к нарушителям закона и вытекающей отсюда отрицательной оценки. Эту дефиницию удовлетворительной признать нельзя.

Признаковый состав рассматриваемого концепта в понятийном плане соответствует представлениям рядовых граждан – основных носителей лингвокультуры – и является следующим: 1) группа людей, 2) нарушающая правила общественного порядка и совершающая мелкие правонарушения, 3) вызывающая к себе презрительное отношение, 4) часто находящаяся в состоянии алкогольного опьянения, 5) обычно живущая в бедных рабочих окраинах городов. Эти признаки вытекают из определений и словарных иллюстраций. Обратим внимание на то, что в словарях не фиксируется возраст и пол шпаны. Наиболее размытой частью дефиниции является ее собственно юридическая часть: в словаре не перечислены разновидности нарушений правил общественного порядка и мелкие правонарушения, поскольку для обыденного языкового сознания это не играет важной роли.

Этимология слова «шпана», по мнению Л.В. Куркиной, такова: Возм., из польск. воровского арго szpana ‘постоянный обитатель тюрьмы’, восх. к нем. арго spanvelder, schwanvelder ‘бродяги, род воров’, позднее spanna ‘глядеть, следить, высматривать’; связующее семантическое звено – ‘мальчишки, поставленные вором на караул, на стрёме’ (Шведова).

В обиходном сознании шпана неоднородна: сюда относятся беспризорники и босяки первых лет Советской власти, дворовые озорники, хулиганы, а также, с некоторыми оговорками, бритоголовые «гопники»

(агрессивно настроенные подростки, как правило, члены антиобщественной группировки – Химик) и «скинхеды» (агрессивные молодые бритоголовые националисты, от англ. skinhead, отметим, впрочем, что не все скинхеды являются фашистами и расистами).

В профессиональном сознании юристов те поступки, которые обычно ассоциируются с поведением шпаны, квалифицируются как мелкое хулиганство. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. следующим образом определяет состав такого правонарушения и санкции по отношению к нему:

«Глава 20. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Статья 20.1. Мелкое хулиганство

1. Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, – влечет наложение административного штрафа в от размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

2. Те же действия, сопряженные с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка, – влекут наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток».

В «Юридическом словаре» (www) сказано:

«Мелкое хулиганство – административное правонарушение, предусмотренное ст. 158 КоАП, граничащее с уголовно наказуемым хулиганством. К М.х. относится нецензурная брань и появление в пьяном виде в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан. Вопрос о наказании за М.х. решает начальник органа внутренних дел (или его заместитель). Он либо накладывает штраф, либо передает дело на рассмотрение суда». Мелкое хулиганство противопоставлено хулиганству:

«Хулиганство – преступление против общественной безопасности, предусмотренное ст. 213 УК РФ; грубое нарушение общественного порядка, которое выражает явное неуважение к обществу, сопровождается применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Юристы определяют преступление как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания», при этом признаками преступного деяния выступают «общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. … Преступления отличаются от иных правонарушений характером и степенью (иначе – уровнем) общественной опасности».

Мы видим, что в юридическом сознании нарушение правил общественного порядка конкретизируется по сравнению с обиходным сознанием и включает следующие признаки: 1) демонстрация явного неуважения к обществу, 2) нецензурная брань в общественных местах, 3) оскорбительное приставание к гражданам, 4) появление в пьяном виде в общественных местах, 5) уничтожение или повреждение чужого имущества, 6) применение насилия к гражданам либо угроза его применения. Подобные нарушения считаются более тяжкими, если они сопряжены с неповиновением требований представителей власти. Разумеется, в кодексе остается некий зазор для принятия решения представителями закона при квалификации таких правонарушений (формулировка «и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан»).

Для самоидентификации рассматриваемый социокультурный типаж использует слово «пацаны», вкладывая в это слово более широкое содержание, чем «парни», «мальчишки», это скорее «мои друзья, с которыми мы вместе гуляем и наводим страх на весь мир». В криминальной среде используются слова «братва» и «братки».

Если попытаться структурировать криминальный мир по его основным параметрам, то мы получим следующие позиции: 1) вор, в широком смысле слова, как представитель криминального сообщества, 2)

представитель карательных органов государства, назначение которых – борьба с преступностью, на языке воров «мент», 3) потенциальная жертва воров, человек, которого можно обмануть, обворовать, ограбить, на языке воров «лох», 4) человек, не относящийся к миру воров, ментов и лохов, вызывающий презрение со стороны воров, на их языке «фраер» (в ряде случаев фраер может стать лохом).

Соответственно, когнитивная и оценочная характеристика действительности применительно к сфере криминалитета осуществляется с трех углов зрения – с позиций нарушителей закона, с позиций хранителей закона и с позиций рядовых граждан. Выделение и самоидентификация представителей каждой из этих точек зрения имеет четкую специфику: именно поэтому слово «вор» по-разному осмысливается самими ворами, органами власти, ведущими с ними борьбу и обычными людьми. В этом плане шпана – это выделенная группа полукриминального и криминального мира с позиций рядовых граждан, сами участники этой группы называют себя иначе (например, «пацаны», «братва», «братки»), иначе определяют эту группу и органы правопорядка («несовершеннолетние правонарушители», «мелкие хулиганы»).

Воры не образуют монолитной группы, внутри этого сообщества выделяются следующие группы: 1) воровские авторитеты (на вершине стоят «воры в законе»), 2) «шестерки», занимающие самую нижнюю ступеньку в воровской иерархии, 3) воры-одиночки, 4) предавшие воров «активисты», т.е. преступники, вставшие в местах заключения на путь исправления и вызывающие ненависть у воров, 5) начинающие преступники. Существуют различные специализации нарушителей закона – разновидности мошенников, карманников, содержателей притонов, бандитов, распространителей наркотиков и т.д. Все воровское сообщество представляет собой структуру полевого типа, центр которого составляют воры, имеющие судимость и живущие по законам воровского мира, а периферию – различные группы, поведение которых

признается асоциальным (бродяги, «неформалы», шпана). Воровской мир вырастает из шпаны, молодежь из бедных малообразованных семей выражает своим асоциальным поведением протест против несправедливого, по их мнению, миропорядка, построенного на внешней благопристойности и внутренней беспринципности и бессердечности. Часть шпаны уходит в криминальный мир, большинство, однако, перерастает эту стадию подросткового бунта и начинают жить по нормам рабочего класса или люмпенизированной части населения.

Типологически шпана соотносится с разрядом «псов» или «волков» в древнем общественном устройстве (Агранович, Стефанский 2003, с.96). Это были молодые люди, вышедшие за рамки отрочества и еще не ставшие взрослыми мужчинами. Таких членов племени на определенное время выселяли за рамки поселения, где они должны были вести дикий образ жизни. Для них не существовало социальных норм. Всякий, кто выходил за границы поселения, мог стать их добычей. Их поведение отличалось жестокостью как по отношению к жителям поселения, так и друг к другу, они вели постоянные стычки друг с другом, и этот период являлся их инициацией. Выжившие в этих условиях имели право в определенное время вернуться в поселение и становились взрослыми мужчинами, воинами, полноправными членами сообщества. Ритуалы такого типа свойственны различным социумам, находящимся на стадии первобытного развития.

Образные характеристики рассматриваемого типажа можно определить путем анализа сочетаемости имени концепта «шпана», расширенного иллюстративного контекста, раскрывающего этот концепт, и с помощью социолингвистического эксперимента.

В произведениях современной художественной литературы и публицистики мы сталкиваемся с различными сочетаемостными характеристиками имени исследуемого типажа (использованы данные «Национального корпуса русского языка» www.ruscorpora.ru, 351 употребление слова «шпана» в разных падежных формах). Среди приведенных текстовых фрагментов можно противопоставить

семантически диагностирующие и не диагностирующие употребления рассматриваемого слова, к первым относятся те примеры, в которых раскрывается семантика данного слова, ко вторым – те случаи, когда смысл этого слова остается скрытым: *И когда его била шпана в Малаховке, молчал (В.Аксенов) – Я не знаю, что такое шпана (Ю.Трифонов).*

В корпусе диагностирующих примеров выделяются следующие атрибутивные уточнения рассматриваемого слова.

Локальная характеристика:

Шпана *московская тоже не спит, свое дело делает (К.Симонов).*

…писатели в городе Вологде приличные, но одеты – что тебе портовая **шпана** (В.Астафьев).

Искал сомнительных приключений с краснопресненской **шпаной** (М. *Захаров).*

Смелый, предприимчивый, он сумел прибрать к рукам всю одесскую блатную **шпану** (Л**.***Утесов).*

…он хулиган, пригородная **шпана** *(А.Найман).*

Он видел такое выражение лица у Сашки, когда во время драки в сельском клубе заезжая ***шпана*** *вытащила ножи (К.Тахтамышев).*

Скорее всего, это дело рук местной **шпаны** (Новости).

Мама моя считала, что для того, чтобы ребенок не стал уличной **шпаной***, у него должны быть увлечения, какое-то занятие помимо школы (Ю. Башмет).*

Ровным строем, четко печатая шаг, шла по улице милиция нашего города, а за ней, старательно держа ногу, вышагивали ее постоянные оппоненты и подопечные – наша городская **шпана** *(Ф. Кривин).*

Мы видим, что шпана локализуется по географическому принципу (московская, одесская, краснопресненская), по месту обитания (городская, пригородная, уличная, портовая), по признаку «свои / чужие» (местная, заезжая). Не каждая социальная группа имеет столь четкую локальную фиксацию, вероятно, шпана воспринимается как непременная принадлежность сообщества.

Возрастная характеристика:

В Холмогорах, кстати, как Ломоносов среди питерских несмышленышей, сидел в зоне с малолетней **шпаной** *замечательный художник Слава Сысоев (Е. Попов).*

Интерес к технике привел меня в Дом пионера и школьника – ДПШ, что мы расшифровывали по-своему: Дом подрастающей **шпаны** *(Ю.Сенкевич).*

О, это упоительное зрелище: начинает перекидываться снегом всякая **шпана***, вроде нас, а там пошло-поехало, и в конце концов убеленные сединами и осиянные лысинами начинают мальчишничать (Ю. Даниэль).*

…молодёжь, несовершеннолетняя ***шпана*** *озорничает и творит Бог знает что... (С. Довлатов).*

Типичный возраст шпаны – подростки.

Характерное поведение:

Но **шпана***, которую боялась вся Синопская набережная, немела и потела перед этой маленькой женщиной с седыми букольками (Ю.Кантор).*

Отстающий в росте, подверженный обморокам и слегка припадающий на левую ногу (родовая травма), подросток дать отпор распоясавшейся **шпане***, ясное дело, не мог (С.Гандлевский).*

Мы обернулись, и сразу смех перешел в угрожающее урчание – там сидела **шпана***, "фиксатая", пьяная, всё как полагается (А. Найман).*

Мелкая шпана, за пять долларов готовая отца родного продать… (А. Азольский).

Ибо **шпана** *заказная только того и ждет – третий, притаившийся, готов тюкнуть по темечку из сумрака якобы спасительной лестничной площадки (А. Измайлов).*

Все они были в одинаковых кожаных куртках со множеством карманов и пряжек, бритые наголо, с помятыми бледными лицами, похожие на пригородную **шпану** *(С.Болмат).*

А новоявленного Христа (он же Петя Салабонов) распинает на стенке вагона пьяная **шпана** *(Л.Аннинский).*

Шпане свойственно быть пьяной, наводить страх, испытывать страх, быть продажной, выполнять на заказ грязные дела, вплоть до убийства, иметь сходную внешность (обратим внимание на кожаные куртки с множеством пряжек в одном случае и наличие «фикс» – золотых зубных протезов – в другом случае, внешность изменчива, но группы узнаваемы).

Условия жизни:

Ходить туда поодиночке или даже небольшими группами было опасно – там постоянно обитала настоящая бездомная **шпана***, с которой лучше не сталкиваться (А. Козлов).*

После войны это было царство безотцовной **шпаны***, где споры разрешались финками (Е. Евтушенко).*

Характерно, что такая музыка нравилась всем, она объединяла и интеллектуалов-студентов, и подмосковную малообразованную ***шпану****, которая имела название "урла" (А. Козлов).*

Шпана часто бывает бездомной, малообразованной и лишенной родительской заботы.

Атрибутивное уточнение может быть общеоценочным и экспрессивным:

Разве от хорошей жизни офицеры из гарнизонов по барахолкам таскаются, со **шпаной** *всякой якшаются, оброк бандитам платят? (А. Михайлов).*

Вы можете меня спросить, почему же отъявленная **шпана** *принимала моего друга как своего? (Э.Володарский).*

Определения типа «всякая», «отъявленная», «настоящая» являются десемантизированными экспрессивно-оценочными усилителями при слове «шпана».

Встречаются и переносно-расширительные атрибутивные характеристики шпаны:

…раньше меня отсюда нещадно вытуривал администратор Шапиро, гроза окололитературной **шпаны***, нынче же я восседал за столиком со своим редактором в полном своем праве (Н.Климонтович).*

Я вышел на трибуну и сказал: главная беда состоит в том, что Горбачев окружил себя политической **шпаной** *(А. Яковлев).*

Сидеть в престижном кафе Дома литераторов имели право только лица, у которых были соответствующие удостоверения, и те, кто такими документами не обладал, подлежали выдворению подобно мелким правонарушителям. Аналогичным образом сравниваются с полукриминальными элементами те политики, которых отрицательно оценивает один из отцов-основателей перестройки.

Предикатная характеристика исследуемого слова объясняет типичные занятия шпаны.

Приставания, угрозы и побои:

Зонт у капитана Никоненко сломался еще прошлой весной, когда к нему на станции в Сафонове пристала какая-то ***шпана*** *(Т. Устинова).*

Грозит вам какая-то ***шпана****... (Ю. Домбровский).*

В холодные зимние дни, когда окна в квартирах покрыты картами узоров, а на улице кого-то весело метелит пьяная ***шпана****, особенно уютно с близким человеком у домашнего очага (С. Данилюк).*

Наемная **шпана** *вряд ли будет неотступно кружить вокруг указанного субъекта: выскочили-измордовали-отскочили, всего делов! (А. Измайлов).*

Пьяная шпана внезапно нападает стаей и получает удовольствие от избиения человека.

Причинение материального вреда:

Местная ***шпана*** *из классовой ненависти пыталась исподтишка царапнуть гвоздем крыло или проколоть шину (Ю. Грозмани).*

Думал, я **шпана** *несознательная, за бананами полез? (О. Некрасова).*

Зимой **шпана** *всякая на дачах живет – стекла бьют, печки рушат, а мне и лучше (Саша Соколов).*

Шпана совершает мелкие кражи, портит жилища и автомобили.

Образ жизни:

…направо – три пивных ларька и закусочная-стекляшка, где днюет и ночует великовозрастная **шпана***, так что лучше обходить павильон стороной во избежание неприятностей (С.Гандлевский).*

Какая-то мелкая **шпана** *за сигарету пыталась перетащить Служкина через какой-то бетонный забор, но так и не смогла (А. Иванов).*

Сын Марины Анатольевны больше не шляется со всякой ***шпаной*** *– готовится к поступлению в Красноярский университет (Е. Прошкин).*

Шпана *сбегает с уроков – считает себя уже достаточно умной, чтобы стать якудза («Известия»).*

Шпана *ботала по фене и верховодила, это были подростки, для которых в самом звуке слова "тюрьма" таился некий романтический призыв; вокруг их лидера и его близкого окружения вились слабенькие парeньки из послевоенных бедных и униженных слабеньких рабочих семей, готовые выполнить любой приказ (Н. Климонтович).*

Шпана любит проводить досуг у пивных ларьков, бесцельно бродить по улицам, на спор идет на странные и опасные для других людей поступки, пытается подражать взрослым ворам (*ботать по фене* – говорить на воровском жаргоне), а в школьные годы нарушает правила поведения учащихся, считая себя суперменами (показательно слово «якудза» – члены соперничающих между собой групп традиционной организованной преступности в Японии, а также общее название таких групп, раньше использовалось наименование «мафиози», но за японской мафией тянется флер мистической таинственности, к которой примешивается модное в наши дни владение приемами восточного рукопашного боя).

Трусость:

Во всяком случае, **шпана** *всколыхнулась, когда неподалеку замаячили три пары явно переодетых ментов, которые делали вид, что грызут семечки да курят (В. Скворцов).*

Он знал, что уличная **шпана***, так же как и собаки, чувствуют запах страха и наглеют, поэтому нападают только на тех, кто боится (М. Баконина).*

Елизавета неприятно удивилась – муж никогда не держал в доме ружья, охотников за глаза звал шпаной: по его убеждению, только **шпана** *утверждает свое мужское достоинство, напиваясь под ракитой, горланя, городя вранье, похваляясь оружием и почем зря паля по безоружным (А. Дмитриев).*

Шпана боится милицию и всех тех, кто достаточно силен, чтобы дать отпор, этот страх переходит в наглость перед беззащитными и жестокость по отношению к ним.

Объектные характеристики рассматриваемого слова показывают, что делают со шпаной органы правопорядка либо сильные люди:

Трясли по всему району **шпану (***А.Геласимов).*

В зале продолжался шум: эту в самом прямом смысле **шпану** *пытались выдворить, а она продолжала свои бесчинства (И. Архипова).*

…грозные курсанты наводят ужас на всю **шпану** *в танцевальном "Мраморном зале" на Васильевском острове (А. Городницкий).*

Шпану ловят, держат в страхе, выгоняют, показывая социальным низам их место.

Признаковый состав образно-ситуативных характеристик типажа «шпана» весьма разнороден. В художественной литературе и публицистике отмечается локальная конкретизация шпаны, ее возраст (в основном, подростки), типичное поведение – бесцельно ходить группой, приставать к беззащитным, быть пьяными, выполнять задания взрослых преступников, получать удовольствие от причинения боли и вреда, испытывать страх перед силой. Как правило, говорящий оценивает ситуацию, ассоциируя себя не со шпаной, в случае же самоотождествления с правонарушителями подчеркивает их романтизм, который противопоставлен лживой и несправедливой государственной идеологии.

Приведу пример развернутого иллюстративного контекста, распредмечивающего концепт «шпана».

В городе орудуют продуктовые грабители

Преступники вырывают из рук жертв не кошельки, а сумки с продуктами.

В городе зафиксирован новый вид преступлений. Грабители вырывают из рук жертв не кошельки, а обыкновенные продукты, пишет «Московский комсомолец».

Так, в 5-е отделение милиции, которое находится напротив Московского вокзала, за последние месяцы поступило несколько заявлений от потерпевших.

Люди не просят вернуть им еду, а требуют наказать хулиганов, лишивших семью ужина.

Как правило, нападают грабители преимущественно на женщин.

Алгоритм такой: увидев даму с сумкой потяжелее, один подросток кидается ей навстречу, практически сбивая с ног. Другой вырывает хозяйственную сумку и бежит с добычей из вокзала на улицу. Жертва, которая обычно падает, не пытается его догнать. Кражей сумок новые беспризорники не ограничиваются. Иногда они просто вырывают из рук мирных граждан мороженое, шаурму, блинчики, купленные в привокзальных кафе.

Лидия Селиверстова, пострадавшая от налетчиков, описывает ситуацию так: «Я стояла за столиком и ела блинчик. Ко мне подошел чумазый парнишка лет 12-ти. Попросил денег на хлеб, я отказала. «Ну тогда хоть едой поделись», – крикнул он. Выхватил блин из рук, ударил меня и был таков».

Милиция считает, что бандой подростков без определенного места жительства заправляют опытные бездомные. Существует у продуктовых воришек и общак, в который каждый вкладывает свою долю. Из него кормятся старшие собратья – кто-то из них не работает, так как имеет в иерархии бомжей высокий статус, а кто-то немощен и нездоров. Как пояснили стражи правопорядка изданию, у продуктовых воришек есть и вторая точка работы – Балтийский вокзал, откуда уходят пригородные электрички.

Самое любопытное, что младшие из «продуктовых воришек» специализируются именно на мороженом. Это своеобразный «бандитский форс»: мальчишки соревнуются между собой, кто вырвет мороженое у большего количества граждан. Они даже не съедают всю добычу – а просто выбрасывают «трофей» в урну.

Стражи правопорядка сообщили изданию, что классифицировать действия «продуктовых воришек» могут лишь по статье «Мелкое хулиганство». А за него больше 14-ти суток не дают.

В этом тексте сообщается о новом виде мелкого хулиганства, которое стало распространенным в сегодняшнем Санкт-Петербурге. Мы видим, что субъектами данного правонарушения являются подростки, они живут как беспризорники, у них есть иерархия, они соревнуются между собой в том, кто совершит более дерзкое нападение. Взятые вместе эти характеристики составляют разновидность нового проявления типажа «шпана» в современной России.

Социолингвистический эксперимент состоял в анализе коротких сочинений на тему: «Когда я думаю о шпане, я представляю себе…». Кроме того респондентам было предложено завершить высказывания «Шпана всегда…» и «Шпана никогда…». Всего было опрошено 200 респондентов – жителей г.Волгограда. Опрос производился в марте 2008 г.

Приведу типичные выдержки из сочинений:

группа подростков, преимущественно из неблагополучных семей, неряшливо одетые, обделенные вниманием и заботой родителей; трусливая стая;

группа парней от 15 до 25 лет, держит под контролем двор (район), живет по своим законам;

бесцельно слоняющиеся по городу полупьяные или обкуренные молодые люди, выискивающие легкую добычу;

вечер, парк, стайка шпаны, в возрасте 13-17 лет окружает парочку влюбленных, начинают задираться, просят сигарету, постоянно сплевывают, отпускают пошлые шутки, улюлюкают вслед;

группа подростков, которая бьет стекла в школе, издевается над уборщицей, говорит гадости прохожим;

подъезд дома на окраине города, в нем собираются подростки из неблагополучных семей, они курят, выпивают, нецензурно выражаются и вызывают негодование жильцов;

неуверенные в себе подростки, они не знают, чем заняться и поэтому несут разрушения;

маленький двор, темная подворотня, группа молодых людей с гитарой, распивают алкогольные напитки, поют дворовые песни, нецензурно выражаются;

группа неопрятно одетых подростков, живут мелкими грабежами, употребляют наркотики, ведут себя неадекватно;

к одинокому мужчине или одинокой женщине на улице подходит группа молодых людей в обтрепанной одежде, нетрезвые, пытаются ограбить, избить, унизить человека, наглые лица; обычно есть главарь;

группа подростков или детей, в возрасте 10-15 лет, часто в рваной, старой, поношенной одежде, ведут себя по-хулигански, но не переступают закон;

школа, перемена между уроками, второгодники стоят группой и ухмыляются;

подростки до 17 лет, речь их растянута и полна вульгаризмов, руки держат в карманах брюк или курток;

группа подростков разбивает витрину магазина, убегает за угол и со стороны с удовольствием наблюдают за суетящимися людьми, это сделано ради забавы;

крепкие, «накачанные» молодые люди, ведущие себя по-хамски, из неблагополучных семей, готовые легко развязать драку;

группа мальчишек в возрасте 12-15 лет, бесцельно бродит по улицам, проделывают мелкие пакости, могут обидеть маленьких, забрать деньги. Одежда нараспашку, кепка набок. В деревне воруют из чужих садов фрукты, ягоды;

первые годы Советской власти, беспризорники, небрежно одетые, желающие эпатировать публику, уверенные в своей безнаказанности;

подростки мужского пола, 15-18 лет, неаккуратные, рэпперский стиль, особые штаны, сленг, ругань, агрессивность?

бритоголовые подростки, участвующие в драках с такими же подростками с другой улицы или другого района.

Короткие сочинения информантов показывают, что при образно-ситуативном осмыслении шпаны актуальными оказываются признаки внешности, среды обитания, типичных форм поведения, речи. По внешним данным мы видим, что в индивидуальном сознании обычных людей шпана – это группа неопрятно одетых подростков (мнение респондентов колеблется в отношении возраста шпаны – это мальчики, подростки или молодые люди от 10 до 25 лет), в последние годы шпана ассоциируется с видом металлистов и рэпперов (поклонники определенного эпатажного стиля в музыке и поведении, они носят особые украшения, перстни, приспущенные штаны и т.д.), некоторые к шпане относят бритоголовых юнцов (скинхедов). Их типичная среда обитания – темная подворотня, грязный двор, подъезд многоэтажного дома в рабочей окраине, пустынные улицы (противопоставляются места отдыха и охоты). Типичные формы поведения – бесцельно бродить по городу, приставать к прохожим, драться с другими группами подростков (чужими), бить стекла (в школах – ненавистных местах принудительного пребывания), разбивать витрины магазинов, отнимать деньги у младших школьников, распивать алкогольные напитки, курить сигареты и употреблять наркотики, петь дворовые песни под гитару, совершать налеты на деревенские сады, вести себя бесцеремонно и нагло, держать руки в карманах, часто сплевывать. Их речь характеризуется наличием нецензурных ругательств и молодежного жаргона, особой назальной протяженностью. Обратим внимание на групповую структуру: в стае шпаны должен быть главарь.

Респонденты часто включают в свои ответы рассуждения объяснительно-оценочного плана: дети из неблагополучных семей, обделенные вниманием и заботой родителей, трусливые, получающие подлое удовольствие от унижения других людей или причинения им вреда.

Характеризуя наиболее яркие признаки шпаны в высказываниях «Шпана всегда …», респонденты отмечают следующее:

Шпана всегда *хулиганит, бездельничает, болтается без дела, чувствует себя уверенно в группе, действует сообща, ведет себя нагло, вызывающе, жестоко, обижает тех, кто слабее, вызывает негодование соседей и окружающих, выглядит неопрятно, ругается нецензурными словами, труслива.*

Контрастные признаки поведения рассматриваемого типажа устанавливаются через отрицательное высказывание «Шпана никогда…»:

Шпана никогда *не хочет учиться и работать, не бывает вежливой и хорошо одетой, не окажет помощи другим, не имеет друзей, не позаботится о слабых, не проявит самостоятельности, не думает о будущем, не сидит дома, не признает своих ошибок, не исчезнет*.

Эти признаки в значительной мере соответствуют названным ранее образным характеристикам рассматриваемого типажа.

В Русском ассоциативном словаре приводится лишь несколько обратных реакций на слово «шпана»: пацан 4, мальчуган 3, банда 2, блатной, городской, кореш, моложе, наглый, повеса, разгильдяй, уличный, хулиган 1 (РАС). Тем не менее в этих реакциях четко прослеживается самоидентификация некоторых респондентов (пацан, кореш), возраст шпаны (мальчуган, моложе) и оценка этого типажа с позиций рядовых граждан (остальные реакции).

Оценочные характеристики типажа «шпана» обнаруживают специфику у рядовых граждан, представителей государства и преступного мира.

В обиходном сознании шпана получает резко отрицательную оценку:

Ефрейтор Гаенко вырос среди пермской **шпаны***, где и приобрел сомнительный жизненный опыт, истерическую смелость и витиеватый блатной оттенок в разговоре (С. Довлатов).*

Для семантической диагностики содержания слова весьма значимы те контексты, в которых данное слово употребляется в уточняющем либо контрастном

сопоставлении с другими однородными членами предложения:

Были вещи, которых можно и нужно бояться: **шпана***, маньяки, террористы, катастрофы, пожары, войны, смертельные болезни (С. Лукьяненко).*

Это же трепачи, шпана, пьянь, простые пакостники (Ю.Домбровский).

Англичанину и американцу никогда не понять, что такое набитая до отказа воскресная платформа, ведь больше всего она похожа на военную эвакуацию; а что такое будни со **шпаной***, пьяницами, нищими? (З. Павлинская).*

В приведенных примерах слово «шпана» семантически соотносится идеей мирового зла либо с недостойным поведением для порядочного человека.

Взгляд с другой точки зрения, оправдание шпаны:

Это была моя жизнь: двор, голуби, друзья-пацаны, шпана, театр, а рядом театральное училище (Н. Склярова).

На этих бревнах, или, на местном наречии, "на дровах", ежедневно сходилась дворовая аристократия – парни 15-16 лет, **шпана**, *будущее население тюрем и лагерей (Е. Рубин).*

В первом случае автор элегически вспоминает юность, дворовых друзей, которых взрослые называли шпаной, во втором случае речь идет о тех молодых людях, которые не захотели подчиниться социальной системе, проявили аристократическое самоуважение и в итоге оказались в тюрьмах и лагерях.

Интересен семантический контраст в контекстуальном уточнении смысла рассматриваемого слова:

Стиляги почти все были из зажиточных семей высоких служащих и научных деятелей, **шпана** *представляла семьи работяг (Э. Володарский).*

Видя постоянную ложь и трусость взрослых – прежде всего учителей, – такой "со взором горящим" юноша, каким был тогда Шурка, и не мог не попасться на эту удочку: именно среди бесстрашной, независимой, плюющей на лживые условности взрослого мира **шпаны** *только и мог он надеяться найти сохранными моральные устои, каковыми бессознательно очень дорожил (Н. Климонтович).*

Непристойные жесты и подлинный смысл слов не задевали ее внимания, но все большее и большее отвращение охватывало Аглаю Петровну, когда она думала о том, что это говорят не просто грязные люди, хулиганы, пьяная **шпана***, а*

говорит система, государственный строй, будущее с их точки зрения, говорит их "нравственность" (Ю.Герман).

Стиляги и шпана противопоставляются по классовому признаку, лживый мир взрослых контрастирует с независимым миром шпаны, и, наконец, мелкие преступники образуют антитезу государственному строю, который, как выясняется, имеет такую же криминальную основу.

С точки зрения государства любое правонарушение наносит обществу несомненный вред:

Распространилось "свэ" – социально вредный элемент – для воров и **шпаны***; "крд" и "кра" – контрреволюционная деятельность и агитация, "пш" – подозрение в шпионаже (О. Волков).*

Представляет интерес морально-оценочная характеристика шпаны в публицистике: общими свойствами шпаны признаются неуважение жизни другого человека, неуважение чужой собственности, неспособность любить близких людей, даже собственных детей и родителей, органическая лживость и лицемерие (Кац, http). При таком подходе к определению рассматриваемого типажа шпана превращается в воплощение всех пороков человечества и тем самым теряет свои отличительные характеристики. Нельзя не согласиться с автором в том, что шпана – это питательная среда преступного мира, и если в основе склонности к преступлениям лежит отсутствие морали, то названные выше общие свойства шпаны объясняют такую склонность. Вместе с тем отметим, что у каждой социальной группы может быть свое представление о должном, оно есть и у преступников (например, можно и нужно обворовывать всех, кроме своих).

Оценочная суть шпаны ярко показана в рассказе Юнны Мориц «Шпана»: «*Ты тоже был маленьким, и шпана подучала тебя вцепляться в большого, делать ему всякие гадости, радуясь, что он беззащитен под ногами шпаны. Такой большой, и такой растоптанный, и доказать ничего не может*». Стая мелких хищников терзает беззащитную жертву, упиваясь своей безнаказанностью. Известно, что одной из самых страшных угроз в преступном мире является обещание натравить на кого-либо малолеток, поскольку они не знают

жалости и будут бить свою жертву насмерть с веселым игровым настроением.

Подведем основные итоги.

В русском языковом сознании выделяется социокультурный типаж «шпана», основными характеристиками которого являются следующие: 1) тройственное осмысление этого типажа (со стороны обычных людей, государственной власти и членов своей группы), 2) его высокая оценочная маркированность (негативная в первых двух случаях и позитивная в последнем), 3) конкретизация по возрасту, полу, уровню образования, материальному достатку и типичному месту проживания (преимущественно подростки мужского рода, малообразованные, из бедных семей, живущие в рабочих районах),

Наиболее яркими образными признаками шпаны для обиходного сознания являются ее внешний вид, агрессивность, локальная принадлежность, бесцельное хождение группой по улицам, алкогольное или наркотическое опьянение, для юридического сознания – возможность совершения этими людьми правонарушений, попадающих под определение мелкого хулиганства, для самих членов этих групп – взаимная поддержка и противостояние враждебной среде.

Оценочные характеристики шпаны в обиходном сознании сводятся к осуждению ее жестокости, подлости и ничтожества, в сознании власти – к определению типичных видов мелкого хулиганства как распространенного, не самого тяжкого правонарушения и контролю за тем, чтобы несовершеннолетние правонарушители не становились преступниками, в сознании самих представителей этой размытой социальной группы – к романтическому оправданию своего поведения, направленного на борьбу с несправедливым миропорядком.

2.7. Типаж как диагноз («разгильдяй»

В ряду лингвокультурных типажей – узнаваемых обобщенных типов личностей – выделяются различные

образы людей: сословные (купец), профессиональные (адвокат), исторические (декабрист), локальные (москвич), социально-психологические (чудак). Типажи могут быть этномаркированными (русский интеллигент, британский аристократ, американский ковбой) либо социомаркированными (начальник, шпана, кинозвезда). Любой типаж имеет оценочные характеристики, часто сбалансированные и представляющие собой сложение оценочных векторов (например, интеллигентов по-разному оценивают представители власти, народа и самой интеллигенции). Вместе с тем существуют типажи с явно выраженной единственной оценочной характеристикой, к таким обобщенным типам личностей относится и «разгильдяй».

Этот типаж хорошо известен всем носителям русской лингвокультуры. В толковом словаре слово «разгильдяй» определяется так: *разг*. Нерадивый, небрежный в делах, разболтанный человек (БТС). Эти характеристики дефиниционно разъясняются следующим образом: нерадивый – такой, который без усердия относится к своим обязанностям, делам и т.п.; недобросовестный. *Нерадивый работник, ученик*. Небрежный – без должного внимания, пренебрежительно относящийся к кому-, чему-л. *Небрежный работник, переводчик, секретарь*. Разболтанный – недисциплинированный, неорганизованный, несобранный. *Разболтанный подросток* (БТС). В определениях отмечается отсутствие старания (усилий, направленных на достижение чего-либо), добросовестности (честного выполнения своих обязанностей), сосредоточенности на чем-либо, внутренней готовности к чему-либо, подчинения порядку и правилам, уважения к кому-либо. Слово «разгильдяй» имеет ряд сниженно-разговорных и вульгарных синонимов, точнее дублетных выражений, например, «раздолбай». К числу таких синонимов относится слово «пофигист» – *разг., сниж.* О человеке безразличном, равнодушном, безучастном к кому-, чему-л. (БТС). В словаре В.И. Даля «разгильдяй» толкуется как «мешок, неповоротливый; кто ходит вперевалку, качая руками и приседая; || неряха, нечеса, растрепа, рохля, расстегай, оборванец» || беззаботный разиня или шатун» (Даль). Можно увидеть, что содержание этого слова либо радикально

изменилось с XIX в., либо в словаре В.И. Даля зафиксировано специфическое диалектное значение.

Этимология слова «разгильдяй» дискуссионна: по одной версии, это слово является производным по типу «разгуляй», «растрепай», корень «гиль» означает «смуту, мятеж, скопище», диалектное «гилить» толкуется как «смешить, проказить, балагурить», «изгиляй» объясняется как «шатун», лентяй, повеса»; по другой версии слово «разгильдяй» производно от тат. имени собственного «Уразгильды» (Фасмер). В пользу первой версии говорит то, что данное слово фоносемантически маркировано: с одной стороны, агентивным оценочным суффиксом «-ай/-яй» («раздолбай», «лентяй», «негодяй», «шалопай», «слюнтяй») и, с другой стороны, префиксом «раз-/рас-» с преимущественным значением интенсивности («разглядеть», «разыграться», «разлюбезный»).

В Большом словаре русской разговорной речи В.В. Химика серия слов с опорным словом «раздолбай» толкуется как «нерадивый, небрежный в делах, бесшабашный человек; растяпа, разгильдяй, неумеха, неловкий, разболтанный, крайне необязательный человек» (Химик).

Дефиниционный анализ слов, обозначающих ментальное образование «разгильдяй», дает возможность выделить следующие признаки в его составе: 1) человек, 2) отрицательно оцениваемый, 3) поскольку не выполняет своих обязанностей, 4) либо плохо выполняет их, 5) не проявляет усилий для достижения должного результата, 6) не уважает порядок, правила и людей, которые дали ему соответствующее поручение, 7) не привык честно относиться к своим обязанностям, 8) не умеет и не хочет работать, 9) ни о чем не беспокоится и не тревожится. Разгильдяй не делает того, что должен делать, и не испытывает при этом никакого неудобства.

Слова с пейоративной характеристикой субъекта делятся на обозначения несостоятельности и неуважительности, несостоятельность может иметь субъективное основание (ничтожество, подлец) либо объективное основание (урод, болван), неуважительность может быть активной (мошенник, наглец) или пассивной (лодырь, неряха) (Карасик, 2002, с.256). Известно, что частнооценочные слова могут развивать общеоценочное

значение (разгильдяй как тот, кто не выполняет своих обязанностей, и как тот, кто представляет собой ничтожество). Именно частнооценочное значение раскрывает систему ценностных ориентиров того или иного сообщества.

Идея невыполнения долга, обязанностей охватывает широкий спектр ситуаций – от неорганизованности и лени до предательства. В понятийных характеристиках разгильдяя можно увидеть три группы признаков: 1) проявление качества (значимое отсутствие либо плохое качество выполненной работы), 2) объяснение причины (отсутствие мотивации, безразличие, неуважение к людям), 3) состояние покоя и удовлетворенности.

Небрежность и невнимательность в выполнении своих обязанностей юридически квалифицируется как халатность – «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев» (ст.293 Уголовного кодекса Российской Федерации). Для юридической квалификации подобного поведения важны признаки должностных полномочий (человек, у которого нет таких полномочий, квалифицируется иначе), вида деятельности (служба), крупного ущерба (в кодексе уточняется сумма – 100 000 рублей, в редакции 2003 г.), нарушения прав или интересов граждан, организаций, общества или государства.

В моральном плане отрицательную оценку получает не столько результат соответствующего поведения, сколько отношение человека к своему долгу. Это отношение варьирует от относительно нейтральной невнимательности (в ряде случаев невнимательность может быть оправдана) до небрежности как неуважительности к людям. Такая

неуважительность детально обозначается в русском языке (обычно стилистически сниженными выражениями) как демонстрация презрительно-пренебрежительного отношения: кому-либо *наплевать, начихать, до лампочки, до фонаря, по барабану, по фигу, до фени, фиолетово* и др.

Отрицательное отношение к своим обязанностям проявляется как уклонение от работы (*отлынивать, манкировать, прогуливать, сачковать*). Обратим внимание на выделение идеи значимого отсутствия человека на работе, в учебной аудитории, на собрании. Тот, кто уклоняется от выполнения своих обязанностей, часто делает вид, что не понимает, чего от него хотят, такая позиция зафиксирована в ряде устойчивых сочетаний: *прикидываться валенком (веником, ветошью, пиджаком, чайником, шлангом)* – шутл., жарг. притворяться глупым, непонимающим, незаметным, разыграть из себя простачка, обычно с какой-л. целью, проявив хитрость (Химик).

Типичным проявлением разгильдяйства является лень, бездельничанье. Но следует заметить, что те, кого называют *лентяй, лодырь, бездельник, праздношатающийся, слоняющийся*, отличаются от разгильдяев в трех аспектах: во-первых, бездельничанье – это внешнее проявление разгильдяйства как качества личности; во-вторых, бездельничанье – это дискретная характеристика времяпрепровождения, человек сейчас может бездельничать, но затем начнет работать, а разгильдяй всегда будет уклоняться от выполнения своих обязанностей; соответственно, отрицательная оценка разгильдяя сильнее, чем соответствующая оценка бездельника.

Отрицательную оценку бездельникам, прогульщикам, халтурщикам, пофигистам и разгильдяям дают люди, выполняющие свои обязанности, а выполнение долга бывает сопряжено с усилиями, беспокойством, неприятными переживаниями. В этом плане особую критику вызывает состояние покоя и удовлетворенности, которое испытывает разгильдяй. Беспечные люди радуются жизни,

в то время как озабоченные своим трудом оказываются несправедливо обделенными такой радостью. Кроме того, как это отражено в сюжете известной басни о стрекозе и муравье, беспечные и праздные люди, попадая в неприятную ситуацию, часто обращаются за помощью к тем, кто честно выполнял свой долг, и в таком случае несправедливость ситуации удваивается.

Есть еще одно понятийное отличие разгильдяя от названных выше персонажей моральной пьесы, в которой мы все принимаем участие: в ряде случаев разгильдяйство характеризуется не только неуважительностью к другим людям, но и бестолковостью. Очень точное обозначение для такого бестолкового поведения нашел М.Е. Салтыков-Щедрин, это – головотяпство – «крайняя небрежность и бестолковость в ведении какого-либо дела» (БТС). В русском языке существует множество слов, как литературных, так и разговорно-сниженных, для обозначения глупых людей. В семантике слова «головотяп» заложена идея не только крайней глупости, идиотизма, но и статусной характеристики человека: так характеризуются представители власти, которые принимают решения, не вникая в суть дел и не учитывая их последствий. Глупость прощается тем, кто сам от нее страдает, и осуждается у тех, по чьей вине страдают другие.

Слово «разгильдяй» интересно еще и тем, что оно лишь отдаленно и приблизительно переводится на другие языки. Перед нами этноспецифический концепт. В английском, немецком и французском языках находим следующие эквиваленты лексических единиц «разгильдяй» и «разгильдяйство»: англ. *slovenly person, slovenliness,* нем. *schlampiger Kerl, Schlamperei,* франц. *ballot, désordre, nonchalance.* В свою очередь *slovenly* переводится как неопрятный, неаккуратный (об одежде), небрежный, сделанный кое-как (о работе); *schlampig* – неряшливый, небрежный, расхлябанный; *ballot* – увалень, обормот, олух, разгильдяй, *désordre* – беспорядок, *nonchalance* – небрежность, беспечность, разгильдяйство, равнодушие, апатия.

В словарях английского, немецкого и французского языков детально уточняются разновидности бездельников, прогульщиков, паразитов, бродяг, халтурщиков, нерях и чрезмерно медлительных людей, однако тот признаковый комплекс, который мы находим в семантике слова «разгильдяй» в других лингвокультурах не устанавливается. Например, английское *shirker – to shirk – avoid or neglect (a duty or responsibility) – человек, увиливающий, уклоняющийся (от работы, обязанностей)* – охватывает более узкий круг ситуаций по сравнению с тем, кто не выполняет своих обязанностей, даже не прилагая усилий для того, чтобы увиливать. В определенной мере идея безответственности как качества личности прослеживается в семантике слова *slacker – a person who avoids work, military service, etc.* В современном англоязычном сознании этот типаж немного модифицировался: *Although "slacker" was originally coined as a pejorative term for young men who avoided military service, specifically, and service to country and society, generally, "slacker" in the UK and in the United States has become a much more pervasive term of reference for the emergence of a young, affluent counter-culture movement since the 1990s that lacks motivation, is indifferent to social interests and needs and rejects values related to personal achievement, ambition and "social climbing" (W.Graves, private letter).* Как отмечает в частном письме У.Грейвз, этим словом в наши дни называют обеспеченных молодых людей, которые не проявляют амбиций, не сориентированы на достижение успеха, не стремятся карабкаться по социальной лестнице. Обратим внимание: эти молодые люди, во-первых, материально обеспечены, и, во-вторых, противопоставляют себя обычным представителям среднего класса, активно участвующим в социальной гонке. Разгильдяи же не относятся к какой-то определенной социальной группе, могут быть как богатыми, так и бедными. И внутренняя форма слов существенно различается: это расслабленность в слове *slacker* и демонстрация пренебрежительного бессовестного поведения в слове *разгильдяй*.

Немецкие слова *Pfuscher, Stümper, Murkser* обозначают плохих работников, халтурщиков. Французское *nonchalance*

акцентирует апатию, вялость, равнодушие вкупе с беспечностью и беззаботностью.

Обратимся к образным и оценочным характеристикам рассматриваемого типажа. Эти характеристики устанавливаются на основе анализа диагностирующих высказываний – т.е. высказываний, включающих имена рассматриваемого концепта и объяснительный контекст, позволяющий установить смысловые признаки в составе соответствующих слов. Проанализированы примеры, приведенные в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru).

Объяснительный контекст раскрывает причину квалификации того или иного поведения как разгильдяйства. Разгильдяи халатно относятся к выполнению своих производственных обязанностей:

Выяснилось, что молодой разгильдяй-водитель с вечера не проверил в баке топливо, и оно на подъеме закончилось.

Из-за невнимательности водителя, забывшего проверить топливо в баке, бензин кончился, автомобиль застрял на горной дороге, и люди не смогли вовремя добраться в пункт назначения. Обратим внимание на возраст водителя: подчеркивается его неопытность. Такие ошибки с годами обычно не повторяются.

Разгильдяи пренебрегают своими обязанностями как в работе, так и в учебе:

Внешне Леша не производил впечатления человека, интересующегося какими-то науками, более того, казалось, что он не в состоянии и вовсе закончить школу не то чтобы с какой-то медалью, а просто дойти до выпускных экзаменов и получить аттестат. Веселый разгильдяй, да и только (Т.Тарасова).

Большинство учащихся получает аттестат зрелости, окончить школу со справкой – значит проявить резкое неуважение к людям и себе. Персонаж, о котором идет речь, вел себя, казалось бы, как разгильдяй – плохо учился, не интересовался науками и при этом радовался жизни. Автор показывает, что такое впечатление было ошибочным.

Разгильдяйство может приводить к трагическим последствиям:

Его вовсе не интересовал тот факт, что сын-разгильдяй в пьяном угаре, обнюхавшийся кокаином, в компании двух девушек на своем новеньком БМВ нагло проехал на красный свет и врезался в «Москвич» (А.Ростовский).

Неуважение к правилам вождения автомобиля и преступное нарушение норм безопасности привело к дорожно-транспортному происшествию: водитель был пьян, находился под действием наркотика и поэтому столкнулся с другой машиной. Автор подчеркивает уверенность во вседозволенности у сына влиятельного человека с сравнивает марку дорогого импортного автомобиля с относительно дешевой отечественной машиной.

Разгильдяйство свойственно «золотой» молодежи:

По одним слухам, из британского элитного вуза его по причине неуспеваемости и разгильдяйства переправили отсиживать студенческий срок в МГИМО (А.Привалов).

Автор иронически называет обучение в одном из самых престижных вузов страны «отсиживанием срока» для отпрыска из семьи одного из руководителей государства.

В армии несоблюдение правил внутреннего порядка фиксируется очень жестко:

«Курсант Силаев разгильдяй!» — схлопотал он перед строем за плохо прибранную тумбочку (А.Афиногенов).

Порядок на тумбочке возле кровати является знаком выполнения армейской дисциплины.

Алкоголь вызывает потерю самоконтроля:

Кальтлуфт не любил разгильдяйства; он не пил и сердился, если его подчинённые бывали в нетрезвом виде (В.Гроссман).

Нетрезвые сотрудники могут допустить невыполнение или неверное выполнение поручений.

Внешнее выражение распущенности, бесконтрольности часто ассоциируется с богемным поведением:

Аннушка вовремя подавала обед, Маяковский и Брик всегда имели свежестираные рубашки, ее стараниями они были ухожены — она терпеть не могла разгильдяйство, богемность, небритых и расхристанных мужчин (В.Катанян).

Представители богемы очень ценят свою свободу, презирая нормы буржуазной морали, и поэтому намеренно выбирают внешность, которая вызывает отторжение у обычных людей. Эта внешность имеет сугубо знаковую

ценность: такова была желтая кофта Маяковского, таковы были и «кудри символистов полупьяных» (А.Тарковский).

Примеры, в которых разгильдяйство оправдывается, составляют незначительное меньшинство в выборке. В человеке могут сочетаться самые разные качества:

Однако адская смесь таланта и разгильдяйства, трудолюбия и лени, славы одного из лучших гонщиков Гран При и репутации прожигателя жизни делает Эдди Ирвайна одной из самых колоритных личностей Формулы-1 (В.Маккавеев).

Известные спортсмены, кинозвезды и эстрадные певцы часто ведут себя экстравагантно, намеренно формируя свой имидж как баловней судьбы, для привлечения к себе внимания публики.

Разгильдяйство может приводить к тому, что человек приобретает новое имя:

При рождении его действительно назвали и записали Никитой, а при жизни за простоватость, разгильдяйство и никчемность перекрестили в Петруху (В.Распутин).

Фонетическая форма диминутива Петруха ассоциируется с человеком, который не смог стать важной персоной. Этот факт контрастирует с настоящим именем человека – имя Никита по-гречески означает «победитель».

Представляет интерес пример, в котором автор критически оценивает собственное разгильдяйство:

Разгильдяйство мое продолжалось месяца три, даже больше, и за это время я раз навсегда всем своим сердцем почувствовал, какая смертельная скука с утра до ночи искать развлечений; я увидел, что быть шалопаем — это мучительный труд, что безделье не только позор, но и боль (К.Чуковский).

Известный писатель в своих мемуарах констатирует ошибочность распространенного мнения о том, что развлечения составляют счастье.

Важным типом диагностирующего контекста являются сочинительные конструкции. Примеры такого типа преобладают в нашей выборке.

Разгильдяйство сочетается с бесхозяйственностью (неумением и нежеланием вести дела) и коррупцией:

А к этому неизбежно добавятся обязательные для любой отечественной госконторы разгильдяйство, бесхозяйственность и воровство (П.Волошин).

Исконное российское разгильдяйство, помноженное на жажду наживы, похоже, непобедимо (И.Петровская).

Заслуживает внимания семантический контраст между воровством и коррупцией, которые перечисляются в одном ряду с разгильдяйством:

Безусловно, мы не выживем, не разобравшись с разгильдяйством, воровством и коррупцией в собственном доме (А.Тулеев).

Губернатор называет главные пороки современной власти на местах и подчеркивает, что эти пороки могут привести к социальным катаклизмам.

В примерах из современной публицистики и художественной литературы акцентируется то обстоятельство, что разгильдяйство носит преступный характер в поведении человека, наделенного государством определенными властными полномочиями:

Учитывая глубоко укоренившееся разгильдяйство, присущее любым федеральным структурам, этот способ можно назвать наименее удобным и надежным (Ю.Мамаев).

— Приходится признать, — с неохотой заявил он, — что иногда в наших рядах оказываются безответственные работники, откровенные разгильдяи, неумехи... (Д.Донцова).

Авторы подчеркивают давнюю традицию разгильдяйства в государственных учреждениях и широкую распространенность этого явления. В его основе лежит безответственность.

Последствия разгильдяйства приобретают символический характер:

И Владимир Путин правильно охарактеризовал взрыв моздокского госпиталя как следствие потрясающих по своим масштабам безалаберности и разгильдяйства.

Взрыв военного госпиталя – это символический акт унижения государства, которое оказывается не в состоянии обеспечить охрану тех, кто охраняет его. Безалаберность (легкомысленная неорганизованность) представителей власти закономерно приводит к трагичным последствиям.

Обратим внимание на типичные характеристики поведения сотрудников супермаркета, вызывающие протест со стороны покупателей:

Приходя в супермаркет, мы привыкли встречаться с "сервисом по-русски" – с грубостью продавцов, хамством охранников и разгильдяйством администратора магазина.

Продавцы ведут себя грубо (справедливости ради следует сказать, что грубость современных продавцов является скорее исключением, чем правилом), охранники проявляют неуважение к покупателям (в охранники часто идут безработные, которые пережили унижение из-за потери работы и компенсируют это унижение демонстрацией своей ситуативной власти над людьми), администраторы не владеют информацией и не следят за порядком в магазине.

Разгильдяйство не исчезает само по себе:

В Академгородке явная распущенность и разгильдяйство. Пора прибегнуть к организационным мерам (А.Гладилин).

Организационные меры означают смену кадров, снятие с должности чиновника, который не справляется со своими должностными обязанностями.

В примерах мы сталкиваемся с наблюдениями относительно сложности исправления разгильдяев:

Хоть озолоти, но если разгильдяй и лодырь, то все равно норовит схалтурить (П.Акимов).

В основе разгильдяйского пренебрежения своими функциональными обязанностями находится комплекс причин:

Угнетенное сознание, бесправие и нищета, бескультурье и разгильдяйство, российские просторы и бездорожье, политические ухабы, болота и кручи — все это вместе лежало на пути Реформации (А.Яковлев).

Известный политик-реформатор в своих мемуарах говорит о том, что бесправие подчиненных вызывает у них потерю мотивации к качественной работе, бесконтрольность властей (в силу огромной территории страны) понижает у них чувство ответственности, неопределенность политической линии руководителей государства (*политические ухабы, болота и кручи*) лишает местную администрацию уверенности в своем завтрашнем дне. Значимым в этом контексте является концепт «бездорожье», классическая диада «дураки и дороги» в течение столетий повторяется как две главных беды

России. В этом ключе известный лозунг из классического произведения И.Ильфа и Е.Петрова «*Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!*» приобретает вполне конкретный смысл: разгильдяйство – свидетельство интеллектуальной несостоятельности.

В таком контексте можно понять тех, кто считает разгильдяйство худшим из пороков:

И я могу простить все, но только не разгильдяйство (В.Кожевников).

В Советском Союзе, как свидетельствуют примеры из публицистических текстов 30-х годов, разгильдяйство приравнивалось к преступлениям против политического строя:

Притупляя политическую бдительность, усиливая политическую беспечность, обманывая, фальсифицируя подлинное положение вещей, демобилизуя и всячески размагничивая людей, опутывая их своими коварными сетями, враги искусно используют и такие факты, как падение или ослабление трудовой дисциплины, нарушение правил внутреннего распорядка, разгильдяйство и расхлябанность на отдельных участках производства (А.Вышинский).

Отсутствие трудовой дисциплины на предприятии, в учреждении, разгильдяйство и расхлябанность, невыполнение советских законов — все это облегчает подрывную деятельность шпиона, вредителя, диверсанта (Н.Рубин, Я.Серебров).

Нарушение правил внутреннего распорядка, производственного процесса на рабочем месте квалифицируется в речи государственного прокурора как пособничество врагам, шпионам и вредителям. Не удивительно, что за факты опоздания на работу, безответственности в ее разных проявлениях люди могли попасть в тюрьму.

Разгильдяйство наносит вред обществу в любое время, но в условиях войны оно особенно опасно. Приведу свидетельство известного белогвардейского военачальника:

Я неуклонно требовал от начальников гарнизонов самых решительных мер против разнузданности и разгильдяйства воинских чинов в тылу, требовал, чтобы все боеспособные без уважительных причин не оставляли бы своих частей, чтобы

все выздоровевшие немедленно отправлялись из лазаретов на фронт; настаивал на соблюдении установленной формы одежды (П.Врангель).

Заметим, что для него нет мелочей: ношение установленной формы одежды стоит в одном ряду с пресечением дезертирства.

В условиях сложных социальных трансформаций от безответственности страдают в первую очередь представители государственных учреждений – школ и больниц:

Почти все требования бастующих учителей глава района считает снятыми: деньги за коммунальные платежи выдаются регулярно, только в некоторых сельсоветах нескольким учителям из-за разгильдяйства не довезли деньги (И. Подлесова).

В данном примере в качестве иллюстрации разгильдяйства районных руководителей приводится несвоевременная выплата заработной платы учителям.

Люди привыкают жить в условиях безответственности властей и устанавливают для себя определенную норму такой безответственности:

Говорят, что уровень коррупции, беспредела и разгильдяйства в городской администрации в те предпраздничные дни зашкаливал за планку разумного (А.Кремнев).

Понятно, что коррупция и разгильдяйство не могут считаться приемлемыми ни в каком объеме, но социальная практика приводит к их шкалированию. Показательно в этом перечислении уголовное слово «беспредел», вошедшее в наш лексикон и означающее сейчас отсутствие правил, ограничивающих чей-то произвол, а в своем исходном уголовно-жаргонном значении – несоблюдения воровского закона, т.е. неписанных правил и традиций воровской среды, обязательных для ее членов.

Безответственное отношение к своим обязанностям демонстрируют и депутаты Государственной думы:

Думаю, что администрации президента необходимо поставить перед руководителями Думы и фракций вопрос о безобразно низком уровне трудовой дисциплины депутатов и наказать всех думских начальников рублем (точнее – миллионом рублей). Всякая похабщина и всякое разгильдяйство

допустимы в жизни, но все-таки не в таких масштабах, не такие явные (с особым цинизмом, как говорят в прокуратуре) и не среди тех, кто очевидно живет за счет налогоплательщиков (В.Третьяков).

Эта запись в Живом журнале, размещенная в Интернете, интересна в том плане, что политик сравнивает разгильдяйство с похабщиной (циничным бесстыдством), считает эти явлениями допустимыми в жизни до определенного предела и призывает наказывать депутатов-прогульщиков.

Разгильдяйство властей в отечественной истории имеет давнюю традицию:

Но это противоречие между вполне разумным подходом к преобразованию действительности и очередными попытками создания бюрократической утопии — отнюдь не случайность, не результат традиционного российского разгильдяйства, когда левая рука не знает, что делает правая (А.Рябов).

Но писатель ясно и последовательно продемонстрировал, как самодержавная власть действовала вопреки любым планам и программам, как она шаг за шагом проваливалась в хаос неуправляемости, разгильдяйства, как упускала многочисленные шансы вовремя принимать неотложные решения, как загоняла болезни вглубь (А.Архангельский).

Проявлениями безответственности на государственном уровне были отрыв от реальности (бюрократическая утопия), дефицит информации, хаотичность принимаемых решений, игнорирование очевидных проблем.

Многие политики и чиновники видят вред, идущий от безответственности властей, но полагают, что справиться с этим невозможно:

…но не столько головотяпством и разгильдяйством, которые обнаружились в Советской Армии, он сталкивался с ними и раньше, но мирился как с неизбежным злом (О.Гриневский).

Армия, которая призвана быть на страже безопасности страны, теряет боеспособность от безответственности офицеров и солдат. В сложных социальных условиях к этой безответственности прибавились и факты коррупции.

Бюрократический аппарат быстро мимикрирует и превращает борьбу с проявлениями безответственности чиновников в очередную кампанию:

В десять утра на планерке Павел Николаевич произнес пламенную речь о необходимости начать острую и бескомпромиссную борьбу с преступностью, халатностью и разгильдяйством (С.Таранов).

Пламенная речь директора на производственной планерке является риторическим упражнением, которое разыгрывается перед руководителями среднего звена и напоминает им о том, что их начальник умеет играть по правилам и владеет институциональным административным дискурсом. В этом примере показательны клише «пламенная речь» и «острая и бескомпромиссная борьба».

Разгильдяйство в более широком смысле характеризует действия всех людей, которые не задумываются над последствиями своих поступков. Таково экологическое осмысление соответствующего поведения:

Видимо, в наше время, когда нравственные устои в обществе заметно пошатнулись и дали «крен» в сторону личных интересов и сложнопредсказуемой агрессивности, зеленым насаждениям Дубны, похоже, еще не раз придется становиться жертвами разгильдяйства и необоснованного вандализма некоторых граждан, которые считают своим «долгом» покуражиться над беззащитными деревцами и цветочными насаждениями (Ю.Козлов).

Акты вандализма в отношении зеленых насаждений свидетельствуют о бездумном и безответственном взгляде некоторых наших сограждан на свою страну.

В корпусе примеров выделяются высказывания, в которых критически осмысливается распространенная точка зрения относительно связи безответственности и оторванности от земли, якобы присущей русскому национальному характеру:

А нищету, лень и разгильдяйство мы любили и любим объяснять «таинственными», до сих пор «неразгаданными» особенностями русского характера, присущими исключительно возвышенной русской душе (А.Яковлев).

Автор считает вредным подобное самооправдание. Интересен пример иронического комментария на данную тему:

Разгильдяйство, лень, пьянство — разрушительны, а значит, спасительны, ибо, истребив пороки, мы остаемся

наедине с добродетелями, от которых уже не приходится ждать пощады (И.Ефимов).

Автор прав, полагая, что жизнь по законам добродетели требует от человека усилий. Раскаяние в грехах необходимо для очищения души, но без усилий, направленных на борьбу с пороками, такое раскаяние становится ухищрением для слабовольных людей, не желающих менять свой образ жизни.

Разгильдяйство как потакание своим слабостям не имеет этнокультурной специфики. Разговоры о разгильдяйстве как национальной черте оскорбительны:

Педантичные немцы, пунктуальные англичане, деловые американцы и трудолюбивые японцы с разгильдяйством ничего общего не имеют, потому и живут хорошо, богато. А русские живут плохо, хотя и сидят на богатейших природных ресурсах, исключительно по своему разгильдяйству. И это не относится к какому-то определённому историческому периоду – социализм, застой, феодализм и т.п., это есть природная сущность самих русских, проявляющаяся во все времена и при всех политических режимах. И сейчас слишком многие верят этой лжи, несмотря на многочисленные факты, никак в эту схему не укладывающиеся (Д.Калугин).

Автор справедливо подвергает критической оценке этнические стереотипы, доказывая, что примеры безответственности можно найти в любом национальном сообществе. Тот факт, что тема разгильдяйства активно обсуждается в русской лингвокультуре, свидетельствует о том, что безответственность безоговорочно осуждается людьми. Разгильдяйство противоречит идее справедливого порядка, построенного на соответствии поведения требованиям совести.

Заслуживает внимания рассуждение о том, что борьба с разгильдяйством в своей жизни есть доказательство самому себе смысла жизни:

Это означало у Макарова: будь всегда деятелен и веди полную смысла жизнь, не забывай ни на мгновение, что ты живешь, не превращай свою жизнь, по примеру многих, в тягучую дорогу к смерти, борись с леностью телесной, умственной и с душевным разгильдяйством, не разбрасывай на ветер своих способностей и пуще всего цени время (Б.Островский).

Автор с горечью констатирует, что разгильдяйство распространено, что многим свойственно терять время и бездарно растрачивать свои способности.

Отношение руководителей страны к разгильдяям является своеобразным индикатором усиления государственной власти. Так, выступая перед представителями прессы в связи с террористическими актами в Ингушетии, Д.А. Медведев сказал: «*Что это – разгильдяйство, предательство или совокупность преступлений, на которые невозможно было повлиять*?» В таком координативном контексте разгильдяйство определяется как попустительство властей терроризму и квалифицируется как серьезное преступление против государства.

Для проверки полученных данных был проведен опрос информантов в виде задания закончить высказывание «*Когда я думаю о разгильдяйстве, я представляю себе…*». Были получены следующие ответы: *ученика, который плохо выполнил домашнее задание, человека с расхлябанной походкой; неряху с всклокоченными волосами; беззаботного человека, лежащего с травинкой в зубах, когда другие работают; молодого человека в рубашке, расстегнутой до пупа; рабочего, забивающего шуруп молотком; начальников из мэрии, приказывающих выкопать яму на дороге, потом засыпать ее, потом опять выкопать; человека, который курит возле бака с бензином, грязные общественные туалеты* и др. Для описания разгильдяйства респонденты приводят примеры ситуаций, в которых это качество личности проявляется: самолет выходит на взлет и затем возвращается, поскольку его забыли заправить горючим; рабочие электролизного цеха во время своей смены всей бригадой идут пить пиво, и происходит взрыв из-за недосмотра; солдаты, находясь на боевом дежурстве, отрезают цветные проводки из сложного механизма, чтобы плести перстни, и тем самым выводят из строя ракету; молодая мамаша оставляет горячий утюг на гладильной доске, в комнате играет ребенок, утюг падает и калечит малыша и т.д. В ряде случаев разгильдяйство приводит к трагическим последствиям, большей частью – к напрасной трате времени, сил и ресурсов. Подчеркну, что это качество

не является национально-маркированным, известен пример античного разгильдяйства: археологи раскопали храм, одна из колонн которого была установлена вверх ногами.

Таким образом, контекстуально идея разгильдяйства уточняется в виде основных видов деятельности, в которых разгильдяи проявляют себя (это работа, учеба, служба в армии, руководство на местном уровне). Отмечается, что разгильдяями часто бывают избалованные дети влиятельных родителей. Разгильдяйство органически связано с легкомысленной неорганизованностью, неумением и нежеланием вести хозяйство, воровством, коррупцией. С разгильдяями следует бескомпромиссно бороться, хотя на практике такая борьба часто превращается в имитацию деятельности. Исторически разгильдяйство как жизненная установка объясняется бесправием подчиненных и безнаказанностью руководителей. В годы активного строительства Советской власти разгильдяйство сурово наказывалось, приравниваясь к антигосударственной деятельности. Людям свойственно привыкать к разгильдяйству и оправдывать его. Противодействие разгильдяйству требует больших усилий.

В сознании носителей современной русской лингвокультуры идея разгильдяйства выражена весьма размыто – от наплевательского отношения к порученному делу, безответственности до внешнего пренебрежения к общественным нормам поведения, нарушения правил, порой с риском для жизни, принуждения к бессмысленной работе. Людей раздражает беспечное самодовольство разгильдяев, уверенных в том, что добрые люди не дадут им пропасть. Выделяются два типа разгильдяйства – безответственность работников, которые демонстрируют открытое насмешливое пренебрежение к данным им поручениям, и безответственность начальников, которые заботятся только о личной выгоде и поэтому принимают бессмысленные решения, имитируя активную деятельность.

Подведем основные итоги.

В русском языковом сознании выделяется отрицательно-оценочный этноспецифический социокультурный типаж «разгильдяй», конститутивными понятийными признаками которого являются невыполнение или плохое выполнение обязанностей в силу безответственности и равнодушия. Эти признаки уточняются следующими характеристиками: нежелание работать, уклонение от работы, бездельничанье, праздность, бестолковость, беспечность и удовлетворенность. Слово «разгильдяй» лишь приблизительно переводится на английский, немецкий и французский языки. Актуальность этого концепта и соответствующего ему типажа в русской лингвокультуре можно объяснить традиционной ориентацией русского сознания на требование жить по совести: разгильдяй своим поведением резко нарушает это требование. В высказываниях о разгильдяях прослеживается конкретизация тех видов деятельности, в которых они заняты. Обращает на себя внимание частотное упоминание о разгильдяйстве применительно к местным властям. В основе разгильдяйства лежит безответственность, обусловленная бесправием и бесконтрольностью.

Выводы

Моделирование лингвокультурных концептов как квантов переживаемого знания дает возможность определить не только культурные доминанты социума, но и технику лингвокогнитивного освоения мира. Внутренняя форма имени концепта содержит исходный перцептивный образ, который является **вектором конфигурации смыслов**, присущих всей тематической области, организуемой этим концептом. В этом смысле концепт представляет собой единицу лингвокультурного кода. На примере концептов «чистота» и «грязь» в русской и английской лингвокультурах удалось выявить соответствующие векторы конфигурации смыслов (противопоставление наличия и отсутствия внешнего и внутреннего загрязнения и противопоставление наличия иной субстанции на поверхности объекта и смешения вещества объекта с этой

субстанцией). Исходный образ грязи (неорганическое вещество в русском сознании и органическое – в английском) определяет особую чувствительность к грязи у англичан и требование устранения грязи как в прямом, так и в переносном смыслах.

Лингвокультурный концепт представляет собой своеобразную **когнитивную матрицу**, систему признаков, относящихся к осознаваемому фрагменту реальности. Эта система включает признаки двух типов: зафиксированные и незафиксированные в индивидуальном и коллективном сознании. Первые отражаются в дефинициях словарей, проявляются в типичной сочетаемости имен концептов, получают частотное выражение в ответах респондентов, вторые могут окказионально появиться в контексте. При этом понятийные, образные и ценностные признаки концептов не накладываются друг на друга, представляя собой разные измерения концептов и, соответственно, разные матрицы. На примере концепта «слава» в русской и английской лингвокультурах показано, что содержательный минимум этого концепта сводится к комбинации признаков «распространенное мнение о ком-либо или о чем-либо», «включающее одобрение либо порицание», «выражаемое в разговорах». Этот содержательный минимум уточняется в тематическом поле концепта в направлениях «степень известности», «степень эмоционально-оценочной квалификации», «оценочная мотивация», «возможность иронического переосмысления». Образные характеристики концепта «слава» представлены в трех ипостасях: слава героическая, божественная и обиходная. В русском сознании слава героическая связана с подвигами и смертью, в английском – с рыцарским кодексом поведения. Слава божественная метафорически осмысливается как особое сияние в обеих лингвокультурах. Слава обиходная воспринимается как популярность и допускает амбивалентную оценку. Ценностные характеристики данного концепта представляют собой нормы поведения, связанные со стремлением к славе. Для русской лингвокультуры приоритетным является требование держать под контролем это стремление, для английской –

рационально строить свое поведение, находя баланс между своими интересами и интересами общества.

Лингвокультурный концепт с выраженным регулятивным содержанием включает **двойственную оценку**, обусловленную позициями участника либо зрителя. Такая оценка может быть противоречивой. На примере концепта «интрига» показана структура двупланового действия, направленного на получение выгоды организатору и причинение вреда объекту. Организатор интриги оценивает ее с точки зрения эффективности предпринятых действий, объект – с точки зрения моральных норм поведения, а зритель – с точки зрения занимательности сюжета. В наше время увеличивается презентационная составляющая в коммуникативной практике и соответственно возрастает значимость зрительского осмысления интриги.

Выделяются лингвокультурные концепты с выраженным социально-историческим содержанием. Такие концепты могут рассматриваться как **лингвокультурные индикаторы эпохи**. Идеологическое ядро таких ментальных образований содержит ценностные приоритеты, которые нуждаются в толковании, поскольку могут не осознаваться или получать неверную интерпретацию. На примере концептов «сознательность» и «очковтирательство», представляющих собой реликты советской эпохи в русском языковом сознании, объясняются смысловые трансформации, которым подвергаются подобные концепты на протяжении времени. Эти трансформации состоят в замещении ценностных доминант. Так, для носителей русской лингвокультуры идея общественного блага стала вторичной по сравнению с идеей личного блага, сознательность стала отождествляться с совестью, обман государства перестал осознаваться как предмет эмоционального переживания.

Моделирование лингвокультурных типажей – узнаваемых представителей общества, поведение которых определяет и иллюстрирует культурные доминанты социума – позволяет выделить **направления типизации личности**, релевантные для лингвокультурологии. К числу таких направлений могут в частности относиться

социокультурные параметры личности – проведение досуга, отношение к нормам правопорядка и моральным установкам общества в целом. На примере социокультурного типажа «коллекционер» раскрывается мотивационная база собирательства, показаны образные характеристики коллекционеров (азарт, эрудиция, художественный вкус), выявляются амбивалентные оценки этого типажа (преданность своему увлечению и бесконтрольное стремление владеть предметом своего желания). Социокультурный типаж «шпана» иллюстрирует тройственную оценку этих людей (со стороны обычных граждан, государственной власти и членов своей группы). Этому типажу свойственна высокая оценочная маркированность (резко отрицательная со стороны и подчеркнуто положительная в своих глазах). Социум осуждает шпану за жестокость и ничтожество, власть определяет юридический статус поступков этих людей, а они сами считают себя романтическими борцами с несправедливым миропорядком. Для русского языкового сознания актуален социокультурный типаж «разгильдяй» - безответственный человек, не выполняющий свои обязанности. Разгильдяям свойственны нежелание работать, уклонение от работы, бездельничанье, праздность, бестолковость, беспечность и удовлетворенность. В сознании наших современников частотным является отнесение к разгильдяям представителей местной власти. Разгильдяй игнорирует нормы общества в ситуации бесконтрольности.

Глава 3. Лингвокультурные комментарии

3.1. Комментарий как жанр герменевтического дискурса

Дискурс представляет собой многомерное образование, и его типологизация возможна на основании любого признака. Обычно выделяют типы дискурса на основании социального признака (политический, религиозный, массово-информационный, научный, педагогический,

медицинский, рекламный дискурс), на основании коммуникативной тональности (юмористический, ритуальный, эзотерический, фасцинативный, идеологический дискурс), на основании канала общения (компьютерный, телефонный, эпистолярный дискурс), на основании коммуникативной тематики (экономический, экологический, моральный, сказочный, гастрономический дискурс), на основании способов воздействия и информирования (аргументативный, повествовательный, описательный, инструктивный, манипулятивный дискурс).

Интерпретативный подход к дискурсу акцентирует фактор адресата в общении. Применительно к художественному тексту можно выделить различные типы читателей. Так, У.Эко говорит о читателях-соучастниках, для которых тексты Флеминга – эффективное средство для отвлечения и развлечения, о читателях-эстетах, для которых такие тексты – очередное воплощение китча, о массовых читателях, для которых романы о Джеймсе Бонде – оглупляющая разновидность мыльной оперы (Эко, 2007, с.286). Аналогичным образом и рекламные тексты по-разному воспринимаются широкой публикой, заказчиками и коллегами-копирайтерами. Е.А. Елина выделяет искусствоведческие, “авторские”, литературно-художественные и наивные вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (Елина, 2002).

Если обобщить способы осмысления мира в процессе общения как особое измерение дискурса, то можно выделить и герменевтический дискурс. Его суть состоит в истолковании некоторого неочевидного смысла. В рамках этого дискурса выделяются его жанры – исторически сложившиеся текстотипы, в частности, комментарий, притча, коан и др. Назначение комментария – подтвердить информацию, уточнить ее, выразить критическое отношение к исходному тезису, разъяснить его дополнительный смысл. Важнейшими когнитивными координатами в моделировании смысла являются три феномена – знание, понимание и интерпретация.

Знания как объективная информация о действительности представляют собой неоднородное

образование. По признаку полноты информации можно противопоставить фундаментальные и ориентационные знания. Первый тип знаний представляет собой систематизированную достаточно полную информацию о том или ином объекте, а второй является своего рода тематическим указателем на сферу познаваемой действительности. В первом случае мы оперируем системой понятий и фактов, во втором случае мы имеем общее представление о том, под какой рубрикой располагается интересующая нас информация. Эти типы знания неравноценны в количественном отношении: человек должен иметь широкое общее представление об устройстве мира, но может обладать глубокими знаниями лишь в области своих профессиональных интересов либо хобби. Такое принципиальное разделение типов знания зафиксировано в лексической семантике многих языков мира. Противопоставляются глаголы со значением «знать основательно» и «знать поверхностно»: «знать» – «ведать» (рус.), «kennen» – «wissen» (нем.), «connaitre» – «savoir» (фр.), «know» – «be aware of» (англ.). Интересно, что в процессе развития такие глаголы могут зеркально менять свою семантику: в современном русском сознании «ведать» ассоциируется с глубоким проникновением в суть вещей, хотя исторически такое значение было у глагола «знать». Противопоставление фундаментальных и ориентационных знаний коррелирует с противопоставлением дальнейшего и ближайшего значения слова, по А.А. Потебне, и (с некоторыми оговорками) с противопоставлением долговременной и кратковременной памяти. Специфика ориентационного знания состоит в том, что этот тип информации очень лабилен, требует постоянной перепроверки и не ассоциируется с личностными ценностями человека, в то время как фундаментальное знание достаточно стабильно, требует не столько перепроверки, сколько дополнительных доказательств и насыщено личностными смыслами. В определенной мере фундаментальное знание пересекается с верой.

По признаку качества информации можно противопоставить субстанциональное и процедурное

знание. Первый тип информации представляет собой систему сведений о том или ином фрагменте действительности в отрыве от способа освоения этой действительности и применения полученных знаний. Второй тип информации содержит своеобразный набор инструкций относительно способов получения определенного знания, типовые модели его адаптации соответственно уровню познающего субъекта и ориентиры его использования в практической деятельности. В первом случае мы задаем вопрос: «Что это?», во втором случае – «Как это можно узнать и для чего это нужно?». Противопоставление субстанционального и процедурного знания в лингвистическом плане коррелирует с путями объяснения новой информации. Передача субстанционального знания представляет собой догматический и имперсональный способ приобщения субъекта к культуре, субъект должен сам выбрать способ такого освоения познаваемого мира, запомнить некую сумму знаний и быть в состоянии ее изложить либо применить на практике. Передача процедурного знания сориентирована на тонкую настройку приобщения субъекта к культуре с учетом его индивидуальных особенностей, акцент делается не на усвоении некоторой информации как вещи в себе, а на распредмечивании этой информации для познающего субъекта, на подчеркивании личностных и ситуативных смыслов обретения знания и на формировании определенных когнитивных установок у этого субъекта.

Разумеется, феномен знания представляет собой многомерное образование и не сводится только к названным типам его конкретизации. Так, Г.П. Щедровицкий говорит, что «тип знания определяется, во-первых, характером тех структур мышления и деятельности, в которых знание движется и работает, во-вторых, – характером структур коммуникации, в-третьих, характером структур трансляции, в-четвертых, характером «машин», производящих эти знания, в пятых, принципами соорганизации и систематизации знаний и, наверное, еще целым рядом других факторов» (Щедровицкий, 1997,

с.443). С точки зрения осознания знания противопоставляются эксплицитное и скрытое (неявное) знание (Полани, 1998). В плане защиты знания разграничиваются знание для всех и для избранных, т.е. экзотерическое и эзотерическое знание.

Приведенные мною типы – фундаментальное, ориентационное, субстанциональное и процедурное знание – можно рассматривать как ориентиры в интерпретативной деятельности комментатора. Данная схема может быть представлена в виде двухуровневой модели: 1) ориентационное (поверхностное) – фундаментальное (глубокое) знание, 2) фундаментальное знание в свою очередь распадается на субстанциональное (систематизированное) и процедурное (контекстуализируемое) знание.

Если знание – это относительно независимая от человека данность, отделяемый и отчуждаемый объект в виде текстов и других артефактов, то понимание относится к психическим феноменам. Литература, посвященная феномену понимания, насчитывает тысячи наименований. Приведу дефиницию понимания в изложении А.А. Брудного: «понимание выступает как присвоение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики» (Брудный, 1998, с.26). В.З. Демьянков определяет понимание как когнитивную деятельность, результатом которой является установление смысла некоторого объекта (Демьянков, 1996, с.124). Когнитивная деятельность как составная часть сознания человека соотносится с другими компонентами сознания – компетенцией (способностью генерировать акты сознания) и конкретным знанием (результатом когнитивной деятельности) (там же, с.52). В концепции В.З. Демьянкова выделяются девять модулей понимания, каждый из которых сориентирован на решение одной из задач когнитивной системы человека: 1) использование языкового знания (владение языком), 2) построение и верификация гипотетических интерпретаций (постепенное приспособление к меняющемуся контексту), 3) «освоение»

сказанного (требующий усилий переход от значения к смыслу; понимание не тождественно узнаванию), 4) реконструкция намерений автора (установление того, что имеется в виду, и распознавание стратегического замысла автора; понимание не тождественно угадыванию), 5) нетождественность внутреннего и модельного миров (граница терпимости к неточностям выражения и к трудностям освоить сказанное), 6) различие фокуса и фона понимания (соотношение осознанных и неосознанных презумпций интерпретатора), 7) изменение информационного запаса интерпретатора (соответствие знаний истине), 8) соотнесение с линией поведения интерпретатора (множественность проявлений понимания – высказанный и невысказанный ответы, демонстрация знания, учет реплик, возможность задавать вопросы), 9) выбор «тональности», или «ключа», понимания (наличие или отсутствие симпатии к собеседнику; соответствие стилю эпохи) (Демьянков, 1983, с.58-65). В этой сложной многомерной модели понимания устанавливаются такие его параметры, как ориентация понимания на объект, на свой внутренний мир, на внутренний мир партнера по общению, на когнитивный инструментарий, на меняющуюся ситуацию общения, на культурный фон общения. В терминологии цитируемого автора противопоставляются три момента: 1) понимание и уразумение (индивидуально-личностное постижение ситуативного смысла и схватывание объективного мира, причинности и т.д.), 2) понимание и интерпретация (целостный процесс и его элементарная процедура), 3) понимание и понятность (психический процесс и объективные характеристики текста или любого предмета, который предстоит понять).

Иначе трактуют понимание и сопряженные с ним феномены другие исследователи. Г.И. Рузавин считает интерпретацию базисной операцией герменевтики, исходной операцией нашего сознания вообще и мышления в частности. При таком толковании выделяются следующие этапы интерпретации: 1) интуитивное постижение (в простых случаях), 2) рациональное познание в форме гипотез, законов, теорий, 3) объяснение как завершающая

фаза интерпретации (Рузавин, 1983, с.62-68). В.П. Филатов отмечает, что «вопрос о понимании возникает тогда, когда существует разрыв в опыте людей, когда человек уже не может исходить из неявно принимаемого постулата о тождественности (непрерывности и интерсубъективности) собственного опыта и опыта других людей» (Филатов, 1983, с.71-73). Такой разрыв в опыте проявляется в трех основных типах ситуаций: а) диалог, б) перевод, в) интерпретация текста. В диалоге главное – понимание личностных смыслов, в переводе требуется понимание не только интенций, но и референтов, в интерпретации текста необходимо понимание как личностных смыслов, так и содержания (там же, с.73). Бахтинская идея диалогичности как условия взаимопонимания и общения является аксиомой современной антропологической лингвистики. Думается, что вряд ли можно выделять в качестве этапов интуитивное и рациональное понимание, каждый из этих типов понимания в известной мере самостоятелен, это разные способы освоения мира, человек может через инсайт прийти к пониманию чего-либо после долгих дискурсивных построений.

Г.И. Богин выделяет три типа понимания: 1) семантизирующее (декодирование единиц текста, понимание значений слов), 2) когнитивное (освоение содержательной информации) и 3) смысловое (феноменологическое, или распредмечивающее, личностно-ситуативное осмысление) (Богин, 1986, с.15). Герменевтическая модель Г.И. Богина дает возможность раскрыть объяснительный потенциал соотношения языка, культуры и языковой личности.

Л.Г. Васильев противопоставляет следующие интенциональные типы понимания: узнавание, постижение, декодирование, осмысление и интерпретацию (цит. по: Филатова, 2007, с.7). Данная исследовательская схема хороша тем, что учитывает разные ситуации, требующие интенциональных усилий для осмысления: в быту достаточно что-либо просто узнать (опознать), в теоретическом рассуждении или в жизненной коллизии мы приходим к постижению сути вещей, при столкновении с

неизвестным знаковым произведением мы пытаемся его декодировать, расширяя свой жизненный опыт, мы проходим через осмысление различных ситуаций (это – наиболее значимый и вариативный тип понимания), и, наконец, передавая наш опыт другому, мы прибегаем к интерпретации (я бы выделил в рамках интерпретации объяснение и перевод). В известной мере приведенная схема пересекается с моделью В.В. Знакова, который пишет о трех формах понимания (понимание-узнавание, понимание-прогнозирование, понимание-объединение). Понимание-узнавание носит констатирующий характер: «понимается только то, обозначением какой предметной ситуации или абстрактного понятия является объект понимания – какова фабула рассказа, сюжет картины и т.п.». Понимание-гипотеза проявляется в двух разновидностях: в первом случае необходимо понять, о чем идет речь (так мы пытаемся по контексту понять незнакомый термин), во втором случае имеет место осознание причин и последствий некоторого положения дел. Понимание-объединение есть синтез всех фрагментов познавательной ситуации в целостную структуру (Знаков, 1991, с.23-25).

Заслуживает внимания выделение трех способов философского понимания с опорой на греческую традицию в трактовке Г.Г. Майорова, который противопоставляет софийное, эпистематическое и технематическое понимание (сориентированное в первом случае на мудрость, во втором – на научное знание, в третьем – на изобретательность и ловкость мышления) (Майоров, 2000). Эти способы понимания относятся не только к философии, они отражают принципиально различные установки мировосприятия: определение смысла, систематизацию знания и получение удовольствия от интеллектуальной практики (последний тип понимания созвучен весьма актуальному в наши дни игровому отношению к жизни и поэтому заслуживает особого внимания). С точки зрения учета контекста для понимания того или иного объекта, противопоставляются два типа интерпретации: экзегетика (изначально – толкование священных текстов, а затем, в

расширительном смысле – любое толкование, учитывающее культурный контекст) и декодирование (изначально – расшифровка, а затем – объяснение текста с опорой только на его единицы и систему связей между ними, такой тип интерпретации оптимально подходит для текстов, принадлежащих древним эпохам или малоизвестным культурам).

Понимание противопоставлено непониманию, при этом проблема непонимания имеет несколько измерений. Во-первых, выделяются степени и типы непонимания (поверхностное, неполное, ошибочное понимание, недоразумение и т.д.). Во-вторых, требуют осмысления причины непонимания, эти причины, как отмечает О.Б. Соловьев, имеют различную природу: часто происходит подмена смысла субъективным переживанием и понимания – пересказом при нерефлексивном понимании, имеет место подмена рефлексивной объективации гипостазированием, типичны подмены последовательно проведённой рефлексивной объективации единичным актом рефлексии, распредмечивания – рефлексивной объективацией (Соловьев, 2009).

Итак, понимание представляет собой освоение знания, и с учетом выделенных ранее четырех типов знания можно предложить соответствующие им типы понимания: поверхностному знанию соответствует узнавание, глубокому знанию – уразумение и постижение. В такой схеме противопоставляются узнавание и понимание, при этом узнавание сориентировано на систему значений или – в более широком плане – на стабильный содержательный минимум тех ментальных образований, которые образуют коллективную картину мира для определенного социума, в то время как понимание сориентировано в двух направлениях – на глубокое понимание причинных и других системных отношений познаваемого объекта и на раскрытие его смысла, личностно-ситуативной значимости этой информации для субъекта. В таком противопоставлении уразумение соответствует эпистематическому пониманию, а постижение – софийному пониманию явления. Уразумение представляет собой

длительный и, как правило, дискурсивный процесс, а постижение может быть как дискурсивным, так и моментальным, в виде озарения. Постижение сопряжено с мощным эмоциональным переживанием. Уразумение соответствует когнитивному пониманию, а постижение – смысловому, или распредмечивающему, пониманию (в трактовке Г.И. Богина). Отмечу, что термин «поверхностное понимание» в данном контексте не содержит отрицательной оценки, такое понимание представляет собой узнавание (внутренняя форма слова recognition более ясно передает природу этого явления, перед нами соотнесение нового и прежнего знания, повторное осмысление по сложившейся модели). Поверхностное понимание – необходимый инструмент в ежедневной обиходной жизни, у нас бы не хватило ресурсов памяти глубоко вникать во все происходящие с нами события, и более того, такое глубокое осмысление нерелевантных явлений приводило бы к полному фиаско в практической деятельности. Поверхностное понимание в значительной мере автоматизировано. Что же касается соотношения субстанционального и процедурного знания, с одной стороны, и уразумения и постижения, с другой стороны, то в этом соотношении каждый из компонентов связан со всеми остальными.

Понимание есть усвоение знаний для себя, и, с позиций лингвистики, необходимым завершением понимания является экстериоризация знаний, их фиксация и передача другим людям. В основу классификации интерпретации как передачи осмысленной информации могут быть положены различные критерии: объективность, развернутость, эксплицитность и др. Выделяемые при этом типы интерпретации в значительной мере условны: грани между объективностью и субъективностью, сжатостью и развернутостью, эксплицитностью и имплицитностью носят размытый характер. В семиотическом плане можно выделить прагматические, семантические, синтактические и сигматические типы интерпретации. С позиций прагматики (отношение к интерпретатору) выделяются перформативность (имеется в виду юридический, научный,

теологический и т.д. статус комментатора) и адаптивность интерпретации (содержательное и формальное соответствие знаний уровню адресата). С позиций семантики (отношение к миру) интерпретативные тексты противопоставляются по тематике (область знаний) и инференции (выводимость – соотношение выраженной и выводимой информацией). Признак инференции является важнейшим семантическим показателем интерпретации, поскольку ее назначение состоит в разъяснении неочевидного. С позиций синтактики (отношение к другим знакам, в данном случае – к другим текстам) мы обращаем внимание на то, является ли интерпретация частью какого-либо текста либо образует целостный текст, например, развернутый завершенный комментарий. С позиций сигматики (отношение к форме знака, в данном случае – к языку толкования) анализируется код передачи знаний.

По своей тематике комментарии бывают богословскими, юридическими, историческими, политическими, филологическими, культурологическими и др. В эпоху постмодерна появился фикциональный комментарий (Беляева, 2009). Комментарий часто бывает частью или компонентом того или иного дискурса, но может быть и самостоятельным развернутым дискурсивным образованием.

По аналогии с типами понимания и знания можно выделить соответствующие им типы интерпретации: компрессия и амплификация, т.е. информационное сжатие и расширение, при этом назначение компрессии – соотнести осмысленную информацию с имеющимся знанием, а назначение амплификации – акцентировать прирост новой информации. Компрессия в определенной мере соответствует коммуникативной теме, а амплификация – реме общения. Амплификация в свою очередь распадается на два подтипа: ассоциативно-художественное и рационально-дискурсивное расширение информации.

Комментарий как уточнение ориентационного знания широко распространен в обиходном дискурсе:

Я в прошлое воскресенье был у друзей на даче, это недалеко, минут пятнадцать езды от Спартановки… (Адресат, если он живет в Волгограде, представляет себе примерную карту местности и может понять, о чем идет речь).

В научном гуманитарном дискурсе поясняющий комментарий соотносит новое понятие с известными в науке сведениями:

Под деятельностью принято понимать специфически человеческую форму осознанного и целенаправленного активного отношения к окружающему миру. Иногда деятельность противопоставляют поведению как неинтенциональной, нецеленаправленной активности (Сусов, 2009, с.59). Поясняющий комментарий устанавливает смысловые дистинкции между понятиями «деятельность» и «поведение». В этом комментарии лаконично определяются важнейшие признаки человеческой активности – осознанность и целенаправленность (интенциональность), при этом подготовленный читатель понимает, опираясь на сложившуюся у него систему понятий в данной области, что человеческая активность не сводится только к названным признакам, и что такое определение требует уточнения понятий «цель», «мотив», «интенция», «действие» и др.

Систематизация знания представляет собой важнейшую характеристику уразумения (эпистематического понимания). Например:

Среди главных характеристик экранного трэш-продукта можно выделить следующие:

- Содержание определяет культура повседневности. Реальность исследуется не в рамках системы «человек – бытие», а в рамках системы «человек – быт». При этом не важно, кто является документальным героем – знаменитость, обыватель или историческая личность.

- Обращение к телесному, к проблемам и потребностям «низа».

- Доминанта эстетики безобразного.

- В семантическое поле документального телеэкрана попадает в основном материал, отвечающий принципам сенсационности и экстремальности, патологии и извращённости (Манскова, 2009).

Характеризуя стиль «трэш» в телевизионной документалистике, Е.А. Манскова систематизирует его признаки и определяет их ценностные основания (быт в противоположность героике, телесное в противоположность духовному, безобразное в противоположность прекрасному и экстремальное в противоположность нормальному). В этом аналитическом комментарии сформулированы существенные характеристики современной массовой культуры – ориентация на толпу, понижение уровня толпы и привлечение внимания толпы.

Представляет интерес комментарий в рамках юридического дискурса. Например:

Статья 19 (гражданского кодекса) РФ Имя гражданина

1. Гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая.

В случаях и в порядке, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя).

Комментарии к Статье 19 (гражданского кодекса) РФ Имя гражданина

1. Право на имя относится к личным неотчуждаемым правам граждан. Имя, отчество и фамилия индивидуализируют личность. Согласно Конвенции о правах ребенка "ребенок приобретает право на имя с момента рождения".

2. В ст. 52 Семейного кодекса установлено, что имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальных обычаях. Фамилия ребенка определяется по фамилии родителей, а когда они носят разные фамилии – по соглашению между ними, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации. Разногласия между родителями по поводу имени или фамилии ребенка разрешаются органами опеки и попечительства.

Если отцовство ребенка не установлено в предусмотренном законом порядке, то имя ребенку дается по указанию матери, отчество – по имени лица, записанного в свидетельстве о рождении ребенка в качестве его отца, а фамилия – по фамилии матери.

Имя, отчество и фамилия регистрируются в органах загса (см. ст. 47 ГК и коммент. к ней).

Данный комментарий является официальным документом, на основании которого в правовых органах могут приниматься решения. В комментарии к статье Гражданского кодекса Российской Федерации уточняется тип соответствующего права личности, начало правообладания, способ правоприменения и фиксации права. Эти сведения образуют систему знаний в рамках правовой картины мира, зафиксированной в кодексе. Разумеется, в кодексе невозможно учесть все возможные отклонения от принятых в обществе норм поведения, но типовые модели поступков предусмотрены в комментариях к основному документу (это относится, например, к возможным спорам между супругами об имени и фамилии ребенка или о праве человека сменить имя). В Интернете были отмечены случаи, когда родители пытались дать детям имена нестандартные (например, в виде чисел) или провокационные (например, слово *Джихад* как имя ребенка в европейской стране). Грань между игровым и серьезным отношением к действительности является очень зыбкой.

В качестве части дискурса комментарий представляет собой распространенный прием расщепления линейной организации любого общения, в том числе и обиходного. Его функции разнообразны – это выражение собственной позиции, рассуждение, уточнение, выражение сомнения и т.д. Например:

Официально объявлено, что в начале октября 2009 г. в России появится монета достоинством 10 рублей. Монета будет чеканиться из стали с желтым покрытием и со временем заменит десятирублевые купюры, которые быстро изнашиваются. Диаметр монеты – 22 миллиметра – и ее цвет вызывают ассоциации с известным царским и затем советским червонцем, который воспринимается как символ богатства и финансовой стабильности.

В комментарии к официальному сообщению излагается рассуждение автора, раскрывающее символическую значимость обсуждаемого явления.

Образцом рассматриваемого жанра является комментарий Ю.М. Лотмана (1983) к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В нем противопоставляются предметные, текстуальные и концепционные комментарии,

первые разъясняют реалии, вторые объясняют значения тех или иных слов, ставших непонятными сегодня, третьи характеризуют идеи, требующие пояснения.

Прототипной разновидностью комментария выступает разъясняющий комментарий. Например, современный читатель может пройти мимо того факта, что Онегин ни дня не служил в армии или в государственном учреждении, и это делало его сразу же в глазах современников белой вороной. Заслуживает внимания и неслучайный эпитет «вальс безумный»: во времена Онегина этот новый танец считался в известной мере непристойным, слишком вольным (по сравнению с полонезом или мазуркой) и простонародным. Наши современники вряд ли знают значение слова «котильон»: «*Котильон – вид кадрили, один из заключающих бал танцев – танцевался на мотив вальса и представлял собой танец-игру, самый непринужденный, разнообразный и шаловливый танец. ...Там делают и крест, и круг, и сажают даму, с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, а в других местах и на колена становятся перед нею; но чтобы отблагодарить себя взаимно, садятся и мужчины, дабы избрать себе дам, какая понравится (...) Затем следуют фигуры с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание или отскакивание в танце одного от другого, перепрыгивание через платок высоко...*». Кстати, Ленский смертельно обиделся на Онегина за то, что Евгений пригласил Ольгу на последний танец, а во время этого танца влюбленный Ленский собирался сделать важное признание своей избраннице. «*Котильон мог длиться от полутора до двух часов и более, что было мукой для нетанцующих участников бала*» (Пеньковский, 2—5, с.160). Ленский покинул бал.

Наши современники не вполне понимают, почему Онегин во время дуэли не выстрелил в воздух. Этот момент носит культурно-концептуальный характер. Ю.М. Лотман дает следующее объяснение: «*Возникает, однако, вопрос: почему все-таки Онегин стрелял в Ленского, а не мимо? Во-первых, демонстративный выстрел в сторону являлся новым оскорблением и не мог способствовать примирению. Во-вторых, в случае безрезультатного обмена выстрелами дуэль начиналась сначала и жизнь противнику можно было сохранить только ценой собственной смерти или раны, а бретерские*

легенды, формировавшие общественное мнение, поэтизировали убийцу, а не убитого. Напомним правило дуэли: «Стрелять в воздух имеет только право противник, стреляющий вторым. Противник, выстреливший первым в воздух, если его противник не ответил на выстрел или также выстрелил в воздух, считается уклонившимся от дуэли...». Правило это связано с тем, что выстрел в воздух первого из противников морально обязывает второго к великодушию, узурпируя его право самому определять свое поведение чести» (Лотман, 1983). Почему Онегин выбрал дуэль на пистолетах, а не на саблях? А.Б. Пеньковский объясняет ситуацию следующим образом: «…*фехтовальная дуэль почти никогда не приводила к большой крови и не считалась инструментом Божьего суда, решавшего исход поединка с выбором между жизнью и смертью. Такая дуэль могла быть увлекательным спортивным зрелищем на публичных вечерах, рядом с декламацией, танцами и вокальными номерами, на нее шли драчуны-фанфароны и трусливые забияки (преимущественно из числа военной молодежи), которые, предлагая сабельный вызов, наперед были уверены, что жизнью они не рискуют*» (Пеньковский, 2005, с.26). И далее: «*Дуэль на саблях не украшала репутации дуэлянтов», хотя «умение «рубиться» («биться на саблях») входило в круг навыков, обязательных для русского офицерства той эпохи*» (там же, с.49).

Подтверждающий комментарий делается с целью зафиксировать правдивость или правдоподобие излагаемой информации. Строки «*Служив отлично-благородно, долгами жил его отец*» толкуются в цитируемом комментарии Ю.М. Лотмана следующим образом: отец Евгения (кстати, его имя ни разу не упоминается в романе, и это составляет одну из загадок произведения) был чиновником, формула «отлично-благородно» использовалась при аттестации чиновников, подобно клише из характеристик советского времени («политически грамотен, морально устойчив»). Во времена Онегина дворяне часто жили не по средствам: «…*столичное дворянство, начиная с екатерининских времен, поголовно было в долгах. Одной из причин всеобщей задолженности было сложившееся в царствование Екатерины II представление о том, что "истинно дворянское" поведение заключается не просто в больших тратах, а в тратах не по средствам*» (Лотман, 1983).

Уточняющий комментарий конкретизирует наши сведения о содержании произведения. Так, например, Ю.М. Лотман справедливо полагает, что современный читатель вряд ли адекватно осмыслит следующее выражение, используемое при описании правил поведения в доме Лариных: «*Носили блюда по чинам. – Обычай, согласно которому слуги обносят гостей, предлагая им кушанья в соответствии с иерархией их чинов. При таком порядке малочиновные гости видели перед собой почти пустые блюда, а дорогими винами их вообще иногда обносили. В источниках той поры встречается анекдот, согласно которому нечиновный гость на милостивый вопрос хозяина, доволен ли он обедом, отвечал: "Благодарю, ваше сиятельство, все видел-с"*» (Лотман, 1983).

Критический комментарий ставит под сомнение информацию в тексте. В черновом варианте романа «Евгений Онегин» мы сталкиваемся с любопытным примером авторского комментария: «*Бренчат кавалергарда шпоры... – Кавалергард – офицер кавалергардского полка, привилегированного полка гвардейской тяжелой кавалерии, созданного при Павле I в противовес уже существовавшему конногвардейскому полку. Обязательный высокий рост и белый расшитый мундир делали фигуры кавалергардов заметными в бальной толпе. В черновом варианте к тексту полагалось примечание: "Неточность. – На балах кавалергардские офицеры являются также как и прочие гости в виц-мундире в башмаках. Замечание основательное, но в шпорах есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В." Попытка снабдить поэтический текст оспаривающим его комментарием в прозе примечательна, поскольку создает картину диалогического спора между автором-поэтом и автором-прозаиком. А. И. В. – Анна Ивановна Вульф (1799 – 1835) в замужестве – Трувеллер, приятельница П., предмет его неглубокого увлечения*» (Лотман, 1983).

Резюмирую.

Одним из измерений дискурса является характеристика коммуникативных способов осмысления мира, в рамках этого измерения можно выделить герменевтический дискурс, суть которого состоит в истолковании неочевидного смысла.

Общая модель истолкования смысла может быть представлена как трехмерное образование: знание – понимание – интерпретация. Каждая из сторон этого образования измеряется в количественном и качественном отношениях. Можно противопоставить ориентационное и фундаментальное знание, в рамках последнего выделяются субстанциональное и процедурное знание. Типам знания соответствуют узнавание и понимание, при этом выделяются уразумение как систематизирующее понимание и постижение как смыслообразующее понимание. Типы понимания коррелируют с типами интерпретации – компрессия как выражение ориентационного знания, направленного на узнавание, и амплификация как выражение фундаментального знания, направленного на уразумение и постижение. Амплификация проявляется в ассоциативно-художественном и рационально-дискурсивном модусах интерпретации.

Комментарий как жанр герменевтического дискурса представляет собой вторичное текстовое образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте.

3.2. «Экклезиаст»: лингвокультурный комментарий

В данной работе рассматриваются образы и концепты книги «Экклезиаст» на материале оригинального текста и его канонических переводов на русский и английский языки, а также современных русских переводов этого произведения, размещенных в сети Интернет (Н. Басовский, Д. Гарбар, М. Ковсан, Г. Плисецкий, Э.Г. Юнц).

Книга «Экклезиаст, или Проповедник» входит в состав канонической Библии. Название этой книги в оригинале — «Kohelet» — происходит от древнееврейского корня *khl* со значением «собирать», «созывать». Этот библейский текст представляет собой глубокое философское и поэтическое размышление о смысле жизни и построен в виде развернутой проповеди, состоящей из 12 глав и 222 стихов.

Приступая к лингвокультурному комментарию «Экклезиаста», я отдаю себе отчет в том, что не только прикасаюсь к шедевру мировой литературы, но и затрагиваю центральный вопрос экзистенциальной философии – имеет ли ценность человеческая жизнь. Именно эта теме посвящена уникальная книга, жанр которой трудно определить – это проповедь и исповедь одновременно, афористический концентрат размышлений о жизни с позиций мудреца и деятеля.

Мотивы «Экклезиаста» и вариации на темы этого произведения прослеживаются во многих произведениях мировой литературы. Например:

Куда ни кинешь взор — всё, всё на свете бренно.
Ты нынче ставишь дом? Мне жаль твоих трудов.
Поля раскинутся на месте городов,
Где будут пастухи пасти стада смиренно
(А. Грифиус. Пер. Л.Гинзбурга).
Как сон, пройдут дела и помыслы людей.
Забудется герой, истлеет мавзолей,
И вместе в общий прах сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся
(Н. Минский).
Во вселенной наш разум счастливый
Ненадёжное строит жилье.
Люди, звезды и ангелы живы
Шаровым натяженьем её.
Мы еще не зачали ребенка,
А уже у него под ногой
Никуда выгибается пленка
На орбите его круговой
(А. Тарковский).

«Экклезиаст» парадоксален во многих отношениях: являясь частью Библии, он во многом противоречит фундаментальным библейским догматам. Проповедник восхваляет мудрость как главную добродетель человека и констатирует, что нам не дано понять жизнь, говорит о праве наслаждаться жизнью и напоминает о бесполезности усилий, направленных на изменение обстоятельств,

призывает вести себя благоразумно и повторяет о неумолимой смерти и неизбежном забвении.

Запоминающийся образ в «Экклезиасте» — это ветер, который кружится и возвращается на круги свои. Вместе с тем есть и еще один образ, ассоциативно связанный с ветром, но потерянный в переводах. Известная фраза *«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета!» (Эккл., 1:2, 12:8), «Vanitas vanitatum et omnia vanitas» – «Суета сует и всяческая суета»,* вошедшая в золотой фонд мировой культуры, не точно передает исходный текст *«Hevel havalim, hakol hevel».* Слово *hevel* дефинируется как «дыхание изо рта, пар, нечто эфемерное, преходящее» и в переносном оценочном смысле – «пустое, ничто». Удвоенное слово передает усиление признака. В современных переводах это выражено так: *«Ничтожное ничто» (М. Ковсан), «Никчемно всё, напрасно всё и бесцельно всё» (Э.Г. Юнц).* Русское слово «*суета*» означает «бессмысленное, беспорядочное, торопливое движение». Исторически корень «*суе-*» соотносится, как отмечено в этимологическом словаре М. Фасмера, с идеей пустоты. Такова же этимология латинского *vanitas (vanum – пустой*). Таким образом, идея эфемерности, мимолетности в переводе зафиксирована в немного ином освещении – пустота, ничего кроме пустоты. Если посмотреть на исходное значение мимолетности, то меняется и фокусировка в оценке положения дел: говорящий подчеркивает, что жизнь слишком мимолетна, слишком быстро проходит, как дуновение ветра. Идеи дыхания, духа и души ассоциативно связаны с дуновением ветра в разных языках. Заслуживает внимания и неслучайное совпадение имени нарицательного *hevel* и имени собственного *Hevel* – Авель. В библейской истории о Каине и Авеле младший брат символизирует исчезновение, он уходит из жизни, словно пар изо рта. В тексте книги неоднократно повторяется словосочетание «*томление духа*», англ. «*vexation of spirit*», в оригинале «*reut ruakh*» — «*погоня за ветром*», т.е. заведомо бесполезное занятие. Заслуживают внимания новые переводы: «*Ни за одну опору не держись: Всё это — суета, и дым, и ветер!» (Г. Плисецкий)*, «*…завершает любые деянья одинаково пустота: все стремления — ловля ветра и усилия все – тщета*» *(Н.*

Басовский). Итак, первое образное противопоставление в «Экклезиасте» – это ветер как метафора окружающего мира и выдох как метафора жизни.

Второе противопоставление – мудрость и ее антиподы. Прежде всего, мудрость неоднократно противопоставляется глупости: *И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою: у мудрого глаза его — в голове его, а глупый ходит во тьме (Эккл., 2: 13-14), Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья. Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых (Эккл., 7:4-5); Сердце мудрого — на правую сторону, а сердце глупого — на левую (Эккл., 10:2).* Контраст мудрости и глупости метафорически проявляется как оппозиция света и тьмы, семиотически фиксируется в виде противопоставления правой и левой сторон и ситуативно конкретизируется путем сопоставления плача и веселья, обличения и песен. Отношение к веселью и смеху является негативным в канонических текстах, смех ассоциируется с глупостью, безумием либо злой насмешкой: «*О смехе сказал я: "глупость!", а о веселье: "что оно делает?"» (Эккл., 2:2).* Эта тема неоднократно привлекала внимание писателей и философов (вспомним основной сюжетный конфликт в известном романе У.Эко «Имя розы»). Заслуживает внимания то обстоятельство, что смех контрастирует с улыбкой в религиозной литературе: «*Глупый громко смеется, а мудрый улыбается в тишине*» *(Бен Сира).* Трепет перед Всевышним несовместим со смехом: «*Плачь перед Богом и смейся перед людьми*» *(посл.).* Впрочем, по мнению некоторых мудрецов, *«Умереть смеясь – хороший знак для человека» (Кетубот).* Смерть с улыбкой на лице осмысливается как молитва благодарения.

Как и другие оценочные категории, мудрость градуальна: ее недостаток есть глупость, ее избыток не получает наименования в рассматриваемом тексте, но однозначно оценивается отрицательно: *«…во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Эккл., 1:18), англ.: «For in much wisdom is much grief: and he that increaseth knowledge increaseth sorrow».* Это речение не совсем точно переведено. В оригинальном тексте сказано: *«…berav*

khokhma rav kaas, veyosif daat, yosif makhov» — «…во многой мудрости много гнева, и кто прибавляет знание, прибавляет боль». Ср. новый перевод: «*…в великой мудрости – много мук; познание умножающий – страдание умножает» (М. Ковсан).* Слово *kaas* переводится как «*гнев, злость*». Это – не элегическое чувство печали (интересно, что в английской версии соотносятся печаль и знание, в русской – печаль и мудрость), а раздражение, связанное с пониманием бессмысленности собственных усилий и финального равенства с глупцами. Избыток ума, заметим, оценивается отрицательно в картине мира многих народов, причем субъектом оценки является тот, кому не нравится человек, считающий себя умником, поскольку умникам свойственно высокомерно и презрительно относиться к тем, кого они считают недостаточно умными: превосходство по уму, с их точки зрения, есть превосходство по самой сути человека. Поэтому фольклорный дурак всегда одерживает победу над умником, который оказывается вовсе не умным. Аналогичным образом бывает посрамлен и тот, кто считает себя мудрецом. Понятно, что отрицательную оценку получает не ум или мудрость, а нескромная манера предъявления этих качеств, наличие которых еще требуется подтвердить. В «Экклезиасте» субъектом отрицательной оценки является сам мудрец, который выносит приговор себе. Получается, что избыток мудрости мучителен. Обратим внимание на значение слова *makhov* – «боль, страдание». *Скорбь, печаль* и *горесть*, как и английские слова *sorrow, grief* – это переживание по поводу боли и страданий, т.е. нечто вторичное. В оригинальном тексте избыток знаний причиняет боль, страдания. Рискну предположить, что слово *makhov* этимологически связано со словом *maka* – «*удар, поражение, рана*», в том числе с выражением *makot mitsraim* – «казни Египетские». При переводе на другие языки отрицательные эмоции, связанные с осмыслением собственной избыточной мудрости, приобрели элегически дистанцированный характер.

Важным противопоставлением в концептуальной системе «Экклезиаста» является действие и его результат.

Подводя итоги своей жизни, человек, называющий себя Царем в Иерусалиме (ранее считалось, что текст создан Соломоном), говорит о своих достижениях: он построил себе дома, сады и виноградники, собрал много золота и серебра и стал богаче и известнее всех своих предшественников, он ел и пил вволю, его услаждали певцы и певицы. Но наступил момент, когда все богатства нужно было передать наследнику. И хотя в тексте об этом не говорится прямо, мы можем понять, что достойного наследника у этого человека не было. Это обстоятельство и привело в скорбь великого царя: *«И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня: И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем» (Эккл., 2: 18-19)*.

Интересно, что проповедник не сокрушается по поводу смерти как таковой, он относится к уходу из жизни вполне рационально. Его беспокоят три момента: отсутствие достойного наследника (точнее, вероятность того, что неизвестный ему наследник или продолжатель будет менее блистательно вести дела), неизбежное забвение, которое ждет всех, и финальное равенство всех обитателей этого мира.

Первый момент нуждается в историко-социальном комментарии: скорее всего, должность, которую занимал выступающий в собрании, не передавалась по наследству, т.е. это был не царский сан. Можно, впрочем, допустить, что наследник был слишком юн, и поэтому нельзя было увидеть заранее, насколько успешно он будет править своим народом. Из истории мы знаем, что дети царя Соломона были значительно ниже по интеллекту, чем их великий отец, единое царство распалось, и в рассуждениях Экклезиаста видна горечь по поводу грядущей беды.

Второй момент – неминуемое забвение – содержит в себе укор в адрес Творца. Человек принимает смерть физическую, но не может смириться с тем, что имя его исчезнет: «*…потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто*» (Эккл., 2:16). Эта

мысль очень точно и красиво передана в стихотворном переводе Н. Басовского:

Что с того, что ум возводит всё надёжно и красиво,
мудрый видит всё на свете, а глупец бредёт во мгле?
Свет, конечно, лучше мрака и пустыни лучше – нива,
но исход один и тот же ждёт любого на земле.
Снова род пройдёт за родом, и придут иные люди,
но и этих, вновь живущих, та же участь ждёт в конце,
и о мудром, жившем раньше, так же памяти не будет,
как не будет о безумце, как не будет о глупце.
Так зачем я был под солнцем
столь прилежным и премудрым?
Утруждал я ум и сердце, собирал добро, и вот –
то, чем нас заботил вечер, всё равно забудут утром
те, которым наша доля по наследству перейдёт.

Здесь мы сталкиваемся с идеей, которая неизбежно вызывает осуждение у религиозных мыслителей. Гиллель сказал: «*Влекущийся за именем – имя свое погубит*» (Авот, 1:13). Имеется в виду, что человек не имеет права на вечность, это право принадлежит только Создателю, одним из косвенных наименований которого является слово «Имя». Люди, способные к творчеству, осознают, что эта способность сближает их с Творцом мироздания, и остро переживают свою конечность. Известно, что Гиллель возражал против включения книги «Kohelet» в канонический список. Еще раз подчеркну, что речь идет не о физической смерти, этого страха у Проповедника нет, как и вообще нет страха у мыслителя. А.В. Мень, комментируя книгу «Экклезиаст», отмечает, что это произведение, «если брать его в отрыве от всего Писания, выглядит прямо-таки антиподом библейской веры и надежды», но далее делает вывод: «Поскольку становилось бесспорным, что преходящее не содержит в себе истинного блага, невольно являлась мысль, что выход можно найти только в аскезе, отрешенности, поисках совершенства за пределами зримого мира. В этом направлении еще раньше пошла индийская и частично греческая мысль. Характерно, что и христианские подвижники высоко ценили Экклезиаста, видя в книге осуждение суеты во имя вечного и нетленного» (Мень, 1992: 136). Такая интерпретация рассматриваемого

произведения возможна, однако трудно найти призыв к аскезе в словах: «*Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем. Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Эккл., 9: 7-10).* Речь идет не о поисках радостей в жизни, но и не об аскетическом отказе от них. Перед нами – глубоко религиозная установка разумного отношения к своей жизни, и в основе этой установки лежит не отказ от человеческой судьбы, а принятие ее. Подчеркивается быстротечность жизни, а не ее абсурдность либо враждебность человеку.

Третий момент тесно связан со вторым и касается финального равенства всех живых созданий – возвращения в прах: «*Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?» (Эккл., 3: 19-21).* Человек называет себя венцом творения, и горько осознавать, что этот венец эфемерен. Обратим внимание на фразеологизм «сын человеческий» — в оригинале «сын Адама». В имени первого человека, созданного из праха, прослеживается слово *adama* – *«земля, почва».* Земля возвращается в землю. Интересно, что дух животных сходит вниз на землю, обозначаемую словом *erets* – *«земля, страна».* Иначе говоря, животные составляют полное единство со своей землей, а человек связан с землей только своей телесной оболочкой. Словом *behema* обозначается рогатый скот, т.е. животные, приручennые человеком и употребляемые либо неупотребляемые в пищу. Приведу более точный современный перевод: «*Участь людей и животных — одна. Как те умирают, так умирают и эти. Одна душа у тех и других, И человек не лучше бессловесной твари» (Э.Г. Юнц).*

Финальное равенство касается прежде всего людей – мудрых и глупых, праведных и грешных: *«Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и [злому], чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы» (Эккл., 9:2).* Речь идет уже не о возвращении в прах, а о непостижимости воли Всевышнего. Внешне такая непостижимость выражается как срок и случай: «*И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (Эккл., 9:11-12).* Эта идея замечательно выражена в новом переводе:

И ещё довелось мне увидеть – я повторю для всех, –
что не быстрым удача в беге, и не храбрым в битве успех,
и не мудрым хлеб, и богатство – не запасающим впрок,
но каждому срок и случай, только случай и срок.
А знать не дано человеку, когда поглотится мглой,
как не знает этого рыба, влекомая сетью злой,
как не знает этого птица, влетевшая в злой силок,
но каждому срок и случай, только случай и срок! (Н. Басовский).

На мой взгляд, ассоциации с текстами Р. Киплинга не наносят ущерба этому рассуждению. В приведенном речении контрастируют деятель и действие (легконогий бегун – бег, герой – война, мудрец – хлеб, благоразумный – богатство, знаток – очарование). Состязание по бегу, война, пища, богатство и милость (благорасположение) – разные проявления жизни, и успеха в них добиваются вовсе не те, кто этого, казалось бы, заслуживает. С отсутствием успеха и награды соотносится и внезапная беда – сеть для рыб, силки для птиц и злой час для человека.

Понимание момента, ощущение своего участия в жизни – важнейшая характеристика мудреца. Эта идея четко сформулирована в следующем афоризме: «*На каждого мудреца возложена такая заповедь, которая не очевидна для исполнения» (З. Дашевский)*. Вероятно, в этом и состоит назначение мудреца, по Экклезиасту, —

способность видеть неочевидное. Идея схватывания момента в быстротечной жизни выражена в «Экклезиасте» следующим образом: «*Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Эккл., 3: 1-8).* В начале этих контрастирующих жизненных ориентиров приводятся два разных слова со значением «время»: *zman* и *et*, первое в большей мере соответствует временному промежутку, имеющему начало и конец, а второе – указанию на данное время, в русском языке эта идея в большей мере передается словом «*пора*» (например, *пора юности*). Именно второе слово используется в 14 антиномических парах. В английском варианте найдено следующее сопоставление: «*To every thing there is a season, and a time to every purpose under the heaven*». Хотя разница между словами *season* и *time* («пора года» и «время») проходит в другом измерении, противопоставление этих слов более точно передает тональность исходной библейской фразы. В современных переводах используются слова «время» и «пора», «час» и «время», «час» и «предел», «срок» и «время», в этих координативных биномах отражено смысловое различие, заданное в оригинале. Заслуживает внимания и многозначное слово *khefets* – «желание», «вещь», «предмет», «дело». В поэтическом тексте, как известно, часто нейтрализуется различие между значениями полисемантичного слова. На мой взгляд, английское *purpose* – *«цель»* достаточно точно передает суть исходного слова.

Многие размышляли над этими строками. Понятно, что в них содержится квинтэссенция всей человеческой жизни. Не случайна данная последовательность. Цепь антиномий начинается с рождения и смерти и завершается войной и

миром. Можно сделать вывод, что от рождения до конца своей жизни человек ведет войну и примиряется с жизнью, когда умирает. Чем занят человек на своем жизненном пути? Он насаждает и вырывает посаженное, убивает и лечит (Н. Басовский находит более энергичный перевод, отклоняясь от оригинала: «*время убивать и время воскрешать*»), разрушает (букв. проламывает) и строит, плачет и смеется, печалится (букв.: оплакивает умершего) и пляшет, разбрасывает камни и собирает камни (множественный символ – избавление и обретение), обнимает и удаляется от объятий, ищет и теряет, хранит и выбрасывает, рвет и сшивает, молчит и говорит, любит и ненавидит. Мы видим здесь действия и проявления чувств, при этом созидание и разрушение неоднократно меняются местами. В ряде случаев второе действие является исправлением первого – разрушение и строительство, убиение и исцеление, разрывание на части и сшивание. Иногда второе действие показано как уничтожение первого – насаждение и выкорчевывание, хранение и выбрасывание. Базовые эмоциональные состояния и их проявления сменяют друг друга – плач и смех, оплакивание умершего и радостный танец, влюбленность и потеря любви (не случайно в этом ряду плач на первом месте и не случайно любовь предшествует ненависти). Молчание исходно, лишь потом появляется речь. Идея тщетных усилий прослеживается в насаждении и выкорчевывании, хранении и выбрасывании: человеку приходится уничтожать то, во что вложены силы. Можно проинтерпретировать эти противопоставления и более оптимистично: человек насаждает одно и выкорчевывает другое, готовя тем самым место для новых насаждений.

Следует констатировать, что этот фрагмент «Экклезиаста» оказался, на мой взгляд, наиболее сложным для тех переводчиков, которые избрали стихосложение в его современном виде для передачи всего текста. Пришлось поменять местами контрастные действия для сохранения рифмы, изменить общий порядок этих противопоставлений, в ряде случаев антиномии дополнены не всегда удачными авторскими вариантами, например, «*в*

толпе плясать и в драке драться» (Д. Гарбар), «Всему свой срок: терять — и обретать. Есть время славословий — и проклятий» (Г. Плисецкий). Критически отмечая отдельные спорные фразы, считаю нужным подчеркнуть, что этот текст исключительно труден для перевода и, разумеется, поэтический перевод имеет свои условности.

Подобно музыкальному произведению, «Экклезиаст» построен в виде сменяющих друг друга тональностей. Стержневая идея мимолетности и эфемерности жизни уточняется афористическими размышлениями и советами. Так обращается к юноше многоопытный старец: *«Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд» (Эккл., 11:9).* Советы старца разнообразны: человек должен вести себя мудро и осмотрительно, скромно и ответственно, терпеливо и щедро. Замечательна метафора: *«Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его» (Эккл., 11:1).* Это значит, что следует творить добро, не демонстрируя добродетель напоказ и не рассчитывая на немедленную благодарность. Добро непременно найдет отклик, хотя говорящий честно предупреждает, что для этого может потребоваться много дней. Проповедник с горечью констатирует, что людям свойственно проявлять глупость и гнев, лень и распущенность, зависть и высокомерие. Мы видим сугубо прагматические призывы вести себя благоразумно по отношению к разгневанному господину: *«Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки» (Эккл., 10:4).* Эта мысль отчетливо выражена современным языком: «*Если начальник распекает тебя, сдержи свои чувства и изъяви покорность: самообладание удерживает от неверного шага» (Э.Г. Юнц).* Заслуживает внимания следующее признание старца: ***«****и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Эккл., 7:26).* Если мы вспомним о количестве жен и наложниц у царя Соломона, то становится понятно, что и в юности, и в зрелости, и в

старости своей он не раз становился пленником своей страсти и не уставал в этом раскаиваться. Можно пожалеть рассказчика: *«Чего еще искала душа моя, и я не нашел? — Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел» (Эккл., 7:28).*

По принципу рондо все произведение начинается на предельно минорной ноте и заканчивается ею. Финальные образы потрясают своей трагичностью: *«И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: "нет мне удовольствия в них!", доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем. В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; и запираться будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дщери пения; и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; — доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Эккл., 12:1-7).* Это образы меркнущего светила, прекращения всех привычных ежедневных забот, предчувствия неумолимой беды. Некоторые комментаторы полагают, что в этом отрывке аллегорически изображена поздняя старость, например, «*перестанут молоть мелющие*» означает «*выпадут зубы*» (Э.Г. Юнц). На мой взгляд, здесь мы сталкиваемся с неоднозначными многомерными образами, имеющими символическую природу и предполагающими индивидуально-ситуативное осмысление. Серебряная цепочка может означать и нить жизни, и луч от Создателя к человеку, и надежду, и право на просьбу и т.д.

Текст завершается банальными фразами редактора о том, что Экклезиаст был мудр и «*старался приискивать изящные изречения*». Особенно нелепо выглядит предложение: *«Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря. А что сверх всего*

этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для тела» (Эккл., 12:11-12). В оригинальном тексте – «*делать много книг*», т.е. собирать, читать, переписывать. Речение «*А что сверх того, то от лукавого*» является верным опознавательным знаком посредственности. Иронически звучит современный перевод: *«Всех книг все равно не прочтешь, и ум напрягать — себя только мучить» (Э.Г. Юнц).* Искусственное позднее редакторское дополнение к тексту оттеняет богатство оригинального произведения.

Резюмирую.

Книга «Экклезиаст» представляет собой единство исповеди и проповеди, ее исповедальная ткань повествует об основных обретениях, к которым приходит мудрый человек к концу жизни, а проповедническая энергетика направлена на оправдание осмысленности ускользающего бытия, каким бы тщетным оно ни казалось.

Важнейшие концепты рассматриваемого произведения имеют символическую природу: ветер осмысливается как внешний мир, выдох – как человеческая жизнь.

Ценностной доминантой «Экклезиаста» является мудрость – выработанная опытом постоянного духовного самосовершенствования готовность творить добро, принимая мир с его недостатками.

Особое внимание в книге уделено тем испытаниям, которые должен преодолеть мудрец: возможное фиаско наследников (последователей), забвение, финальное равенство с недостойными и непостижимость Божественного замысла.

Основным показателем мудреца является его умение осознать суть момента и совершить необходимый поступок, оставаясь человеком.

Лингвокультурное сопоставление оригинального текста и его переводов позволяет сделать выводы о том, что в переводах отходит на второй план идея мимолетности, ускользаемости земной жизни и заменяется идеей ее пустоты, тщетности, теряется ассоциативное богатство ряда слов, построенное на их многозначности и контекстуальной антонимии, происходит замещение слов,

обозначающих непосредственные переживания, словами, описывающими осмысление этих переживаний.

3.3. «Королева Элинор»: лингвокультурный комментарий

Поэтический перевод – очень тонкое и сложное искусство. Во-первых, всегда есть некий непереводимый остаток, специфические смыслы, которые живут только на родной почве. Во-вторых, ткань другого языка, его звуковой строй и грамматические конструкции составляют значительную часть того очарования, которое свойственно хорошему стихотворению. Поэты остро ощущают такую звуковую магию слова, и если они берутся за перевод, то им приходится принципиально менять фактуру исходного текста. Именно поэтому стихотворный перевод не является, строго говоря, переводом, а выступает как равноправное ответное поэтическое произведение. В-третьих, диалог с автором исходного текста не всегда доставляет удовольствие поэту-переводчику, который должен сохранять верность теме и стилистике переводимого текста. Вспомним горькое признание Арсения Тарковского: «*Для чего я лучшие годы продал за чужие слова?*». В-четвертых, переводчика критически оценивают знатоки, которые сравнивают оригинал и перевод и находят много объективных причин для различных замечаний. Предложен такой интересный способ воссоздания иноязычного поэтического текста, как филологический перевод, когда берутся удачные кусочки текста у разных переводчиков одного и того же стихотворного произведения и склеиваются в оптимальную, с точки зрения сторонников этого подхода, конструкцию. Между тем поэтический текст есть произведение целостное, в его основе лежит единая авторская интенция, и его элементы органически связаны между собой. Все эти сложности перевода поэтических текстов удачно схвачены в итальянской иронической сентенции «Traduttore – tradit-tore» («Переводчик – предатель»). Разумеется, любой перевод включает уступки и компромиссные решения, но

достижение взаимопонимания возможно только путем компромиссов.

Эти предварительные рассуждения можно рассматривать как развернутый эпиграф к комментарию одного из лучших, на мой взгляд, стихотворных переводов в русской поэзии, а именно английской баллады «Queen Eleanor’s confession» в переводе С.Я.Маршака «Королева Элинор».

Это стихотворение хорошо известно в России. Заинтересованные читатели активно обсуждают его достоинства и недостатки в сети Интернет (читатель легко может это проверить).

Баллада «Королева Элинор» в полной мере соответствует жанру данного произведения, это развернутое лирическое повествование на легендарную и историческую тему. Сюжетом баллады является исповедь умирающей королевы о ее грехах в присутствии короля и лорда маршала, переодетых монахами. Как выясняется, именно лорд маршал виновен в грехопадении королевы, однако он избегает наказания в силу обещания, которое дал ему король перед инсценировкой исповеди. Исторической основой баллады является жизнь королевы Элеоноры Аквитанской (XII в.), оказавшей значительное влияние на судьбы королей Англии и Франции. Но баллада о британской королеве – это не документальное, а художественное произведение, в котором вымысел важнее фактов. Реальная Элеонора Аквитанская пережила своего мужа, активно участвовала в политической жизни Европы, и ее романтические переживания касались, по-видимому, не только одного из королевских приближенных.

Сюжетную линию баллады составляет многомерный обман: король совершает грех, имитируя принятие исповеди у умирающей жены; королева совершила грех, изменив своему мужу; лорд маршал совершил грех прелюбодеяния с женой своего короля и совершает грех, нарушая таинство исповеди. Обратимся к началу баллады:

The Queen's faen sick, and very, very sick,
Sick, and going to die,
And she's sent for twa friars of France,
To speak with her speedilie.

Королева Британии тяжко больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

С.Я.Маршак нашел чеканный размер для баллады – четырехстопный анапест в нечетной строке и трехстопный анапест в четной с мужской рифмой. В оригинальном тексте о болезни королевы сообщается в обиходном, приватном ключе, так говорят о людях, с которыми лично знакомы: «*Королева заболела* (fall sick в шотландской диалектной форме), *очень сильно заболела, заболела и вот-вот умрёт*». Слово sick повторяется трижды. Так мог сказать рассказчик в кругу близких людей. Переводчик дистанцируется от сообщаемого, речь ведет повествователь, для которого действующие лица являются чужими. В оригинальном тексте королева ведет себя в соответствии со своим статусом: она посылает за двумя монахами из Франции, и приказывает доставить их срочно. С.Я.Маршак уточняет для русских читателей, что Франция – это родина королевы, показывает функцию этих монахов – провести исповедь и меняет тональность речевого действия: королева не велит, а просит позвать исповедников. Логика такова: если королева просит, значит, ей очень плохо.

Далее начинается развитие действия:

The King he said to the Earl Marischal,
To the Earl Marischal said he,
The Queen she wants twa friars frae France,
To speak with her presentlie.
Will ye put on a friar's coat.
And I 'll put on another,
And we 'll go in before the Queen,
Like friars both together.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец…
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.
Он верхом прискакал к своему королю,
И колени склонить поспешил.

«О, король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!»

Оригинальный текст очень прост и выдержан в обиходном ключе: «*Король, он сказал лорду маршалу, лорду маршалу он сказал, королева, ей нужны два монаха из Франции, чтобы поговорить с ней сейчас. Вы наденьте платье монаха, и я надену другое, и мы пойдем к королеве, как монахи, вместе*». Обратим внимание на именительный темы, вынесение существительного в первую позицию с последующим местоименным повтором. Это характерная черта разговорной речи. Рассказчик ведет разговор с людьми, неискушенными в тонкостях сложной речи. Перевод включает создание ситуации: размышление короля (сниженное «*попов привезёшь*» говорит о том, что король не очень уважительно относится к монахам и к самой тайне исповеди, вероятно, здесь С.Я.Маршак оценивает весь сюжет как человек XX века, живущий в атеистической стране), статусное приглашение лорда маршала во дворец (за ним посланы 12 вельмож), поведение маршала (он немедленно скачет к королю и на коленях просит прощения). Переводчик акцентирует лицемерие маршала, говорящего: «*если в чем-нибудь согрешил*», т.е. если грех и случился, то ненамеренно, королю демонстрируется полная преданность. Перед нами инсценировка всего сюжета, знаковая фраза, объясняющая последующее развитие событий.

Король понимает, что заставляет лорда маршала совершить грех, и дает ему гарантии безопасности:

"But O forbid." said the Earl Marischal,
"That I this deed should dee!
For it I beguile Eleanor our Queen,
She will gar hang me hie."
The King he turned him round about,
An angry man was he;
He's sworn by his sceptre and his sword
Earl Marischal should not die.

«Я клянусь тебе честью и троном своим,
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на плечи надень.
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах!»

В оригинальном тексте между лордом маршалом и королем идет некоторый торг, лорд маршал показывает, что боится гнева королевы, которая прикажет его повесить, король приходит в раздражение от этих слов и клянется своим скипетром и мечом, что лорд маршал не умрет. Эта баллада существует в нескольких вариантах, в других текстах король клянется солнцем, луной, звездами и короной. Такая клятва имеет сакральный характер. В переводе клятва выглядит более современной: на первое место король ставит свою честь, и лишь потом трон. Кроме того, король допускает, что лорд маршал может быть в чем-то виноват, но дает ему карт-бланш, заранее прощая его. Уточняется, одеяние какого именно монашеского ордена избрали лже-исповедники, это францисканское братство, нищенствующие монахи (на самом деле этот орден был основан после тех событий, о которых идет речь в балладе, но подобный анахронизм типичен для фольклорных произведений).

Король с лордом-маршалом приходят к королеве:

The King has put on a friar's coat,
Earl Marischal on another,
And they went in before the Queen,
Like friars both together.
"O if ye be twa friars of France,
Ye 're dearly welcome to me;
But if ye be twa London friars,
I will gar hang you hie."
"Twa friars of France, twa friars of France,
Twa friars of France are we,
And we vow we never spoke to a man
Till we spake to Your Majesty."

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли.
И кадили вдвоем, и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.
А потом повели их в покои дворца,

Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.
«Вы из Франции оба, святые отцы?»-
Прошептала жена короля.
«Королева, – сказали в ответ чернецы –
«Мы сегодня сошли с корабля!»

В оригинальном тексте говорится, что король и лорд маршал оделись как францисканцы и подошли к королеве. Интересен диалог королевы с монахами: «*Если вы – двое монахов из Франции, добро пожаловать, а если вы – лондонские монахи, я повешу вас. Мы двое монахов из Франции, двое монахов из Франции, двое монахов из Франции, и мы клянемся, что ни с кем мы не говорили, пока не стали говорить с Вашим Величеством*». Итак, опасения лорда маршала были не напрасны: королева привыкла приказывать вешать людей. Пришедшие трижды повторяют (фольклорный прием), что они – монахи из Франции и обращаются к королеве, используя принятый титул «*Ваше Величество*». С.Я.Маршак усложняет фольклорный текст (строки о том, как монахи зашли в церковь, читали псалмы и зажигали лампады, есть в другой английской версии баллады). Переводчик добавляет, что больная лежала в бреду, характеризует действия монахов (торопливо крестились на ходу). Диалог королевы и монахов лишен угрозы с ее стороны, показано состояние больной: она шепчет, а не говорит в полный голос. Ситуация носит более картинный, инсценированный характер, чем в оригинале. Монахи упоминают о корабле, на котором они пересекли границу между Францией и Англией. Обращение «*Королева*» делает текст современным, нижестоящие так не говорят в реальном общении с монархом.

Королева начинает каяться на исповеди:

"The first great sin that eer I did,
And I 'll tell you it presentlie,
Earl Marischal got my maidenhead,
When coming oer the sea."
"That was a sin, and a very great sin,
But pardoned it may be;"
"All that with amendment," said Earl Marischal,
But a quacking heart had he.

«Я неверной женою была королю,
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!
Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах.
Ты пред смертью меня не покинь!»
«Кайся, кайся!» – сурово ответил монах,
А другой отозвался: «Аминь!»

Первый грех, в котором признается умирающая королева, состоит в том, что ее первым мужчиной был лорд маршал, и она осознает, что это великий грех, но надеется на прощение. И лорд маршал под видом монаха отпускает ей этот грех, произнося стандартную фразу исповедника, но сердце у него сжимается от страха. Уточним: по типичному сценарию королевского сватовства полномочный представитель короля, его преданный рыцарь, должен был привезти королю его невесту из дальней страны. Предполагалось, что по закону рыцарской чести он ни в коем случае не должен прикасаться к будущей жене короля, даже если она ему понравится. Этот сюжет раскрывается в известной легенде о Тристане и Изольде. Лорд маршал нарушил кодекс рыцарской чести. С.Я.Маршак раскрывает это событие с позиций современности: жена короля говорит о том, что любит лорда маршала (в оригинальном тексте речь идет о лишении девственности, причем в одной из версий королева упоминает о том, что то событие произошло под зеленым деревом). Переводчик уточняет возраст королевы: с учетом того, что замуж выходили в весьма юном возрасте, королеве, которая 10 лет любит лорда маршала, возможно, еще нет и тридцати.

Королева продолжает исповедоваться:

"The next great sin that eer I did,
I 'll tell you it presentlie;
I carried a box seven years in my breast,
To poison King Henrie."
"O that was a sin, and a very great sin,
But pardoned it may be;"
"All that with amendement," said Earl Marischal,
But a quacking heart had he.

«Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрусталя
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.
Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах.
Ты пред смертью меня не покинь!»
«Кайся, кайся!» – угрюмо ответил монах,
А другой отозвался: «Аминь!»

Оригинальный текст насыщен исторической конкретикой, близкой англичанам: короля звали Генрих, или по-французски, Анри (Генрих II Плантагенет). Королева признается, что семь лет носила на груди коробочку с ядом, чтобы отравить короля. Действительно, различного рода отравления были широко распространены при дворах средневековой Европы. Однако королева Элинор не применила своего снадобья. Она признает, что само намерение было смертельным грехом. В переводе королева осуществила свой план, причем указаны дата, время, место и предмет преступления (три года назад, зимний вечер, обеденный зал, кубок из хрусталя). Интересно, что умирающая королева дает оценку своего способа действия как бы со стороны (украдкой всыпала яд), обычно о себе так не говорят. Вероятно, что-то помешало исполнению этого плана, возможно, король выбрал другой кубок, иначе бы сюжет не получил развития. С.Я.Маршак намеренно не называет короля по имени (и королеву тоже), тем самым обобщая изображаемые события.

Далее королева признается еще в одном грехе, который переводчик решил оставить за кадром:

"The next great sin that eer I did,
I 'll tell you it presentlie;
I poisoned the Lady Rosamond,
And a very good woman was she.

Умирающая королева сознается, что отравила придворную леди Розамунду, которая была хорошей женщиной, в другой версии дается более точное обозначение: *An the King's darling was she.' – И она была любимой у короля.* По свидетельству современников Элеонора Аквитанская действительно жестоко

расправилась с возлюбленной своего мужа, предложив ей на выбор смерть от кинжала или от яда. Говорится также, что Розамунда была молода и очень красива. Этот грех переводчик посчитал избыточным для характеристики героини повествования. Возможно, С.Я.Маршак полагал, что это – частный момент, не заслуживающий внимания и дублирующий тему отравления.

Наконец, королева признается в главном грехе:

"See ye not yon twa bonny boys,
As they play at the ba?
The eldest of them is Marischal's son,
And I love him best of a';
The youngest of them is Henrie's son,
And I love him none at a'.
"For he is headed like a bull, a bull,
He is backed like a boar;"
"Then by my sooth," King Henrie said,
"I love him the better therefor."

«Родила я в замужестве двух сыновей.
Старший принц и хорош, и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода – отца не похож.
А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног!..»
«Замолчи!» – закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

В оригинальном тексте королева приглашает монахов посмотреть на двух мальчиков, играющих в мяч. Старший из них, как оказывается, – сын лорда маршала, и она любит его больше всех, а младший – сын короля Анри, и она его совсем не любит, потому что голова у него – как у быка, как у быка, а со спины он – как кабан. Услышав это, король Анри говорит, что поэтому он его больше и любит. С.Я.Маршак сделал исходный текст более аргументативным. Королева говорит об уродстве короля, детально перечисляя его физические недостатки (плешив, косоглаз, криворук, кривоног), и при этом король не обладает умом и отвагой (это совершенно не соответствует исторической действительности, муж Элеоноры Аквитанской был на 11 лет моложе ее, имел крепкое

телосложение, ценил поэзию и проявил себя как умный и целеустремленный правитель). В переводе у короля сдают нервы, он не может терпеть того, что слышит. В оригинале перед нами человек, в какой-то мере вызывающий симпатию.

Финал повествования показывает нам короля, который вершит правосудие:

The King has cast off his friar's coat,
Put on a coat of gold;
The Queen she's turned her face about,
She could not's face behold.
The King then said to Earl Marischal,
To the Earl Marischal said he,
Were it not for my sceptre and sword,
Earl Marischal, ye should die.

Отшвырнул он распятье, и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.
А другому аббату он тихо сказал:
«Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!»

В оригинальном тексте король сбрасывает коричневую сутану францисканца и надевает свое золотое королевское облачение, королева отворачивается, не в силах смотреть на него, в другой версии он предстает в алом одеянии, а королева говорит, что ее предали. И далее король обращается к лорду маршалу, говоря, что если бы не клятва, тот бы не жил. Переводчик делает финальную сцену более зрелищной: король отшвыривает распятье (для верующего такой поступок мало вероятен) и оказывается перед королевой в доспехах с мечом в руках (доспехи обычно надевались перед боем, и рыцарский меч был достаточно тяжелым, чтобы носить его все время, здесь переводчик пожертвовал достоверностью ради большей презентационности). Король уточняет возможный способ казни для предателя – повешение. Францисканцы обычно обращались друг к другу со словом «брат», а не «отец», но эта мелкая деталь не меняет существа дела.

Суть баллады блестяще передана на русский язык. С.Я.Маршак сумел изобразить эмоциональный накал событий, сделал необходимые пояснения в тексте баллады, расставил все акценты в оценке событий, сделал изложение театрально зрелищным, показал значимость рыцарского слова. Переводчик пожертвовал некоторыми элементами фольклорного повествования (указательность, конкретика), несколько сместил фокус рассказчика, сделал текст более обобщенным содержательно и более структурированным в формальном отношении. Вне всякого сомнения, «Королева Элинор» относится к числу шедевров русской поэзии.

3.4. Загадочный текст Уистана Хью Одена: лингвокультурный комментарий

Стихотворение классика британской поэзии Уистана Хью Одена “O where are you going?” представляет собой удивительный сплав многозначных авторских ассоциаций и один из лучших образцов эвфонии на английском языке. Несмотря на то, что эта лирическая миниатюра считается хрестоматийной, к ней редко обращаются интерпретаторы, вероятно, в силу повышенной сложности авторской метафорики (исключение составляет блестящий анализ этого текста А. Бриссе – [Brisset, 1999]). Для лингвокультуролога этот текст интересен по нескольким причинам. Во-первых, в нем разворачивается ассоциативный потенциал ключевых авторских образов, свойственных средневековой англо-саксонской лирике и получающих специфическое преломление в поэтическом идиостиле У.Х. Одена. Во-вторых, в этом стихотворении можно найти перекличку с важнейшими ценностными установками, выраженными в произведениях художественной литературы и общественном сознании. В-третьих, представляет интерес перевод этого текста на русский язык, выделение актуальных смыслов и образов для русского языкового сознания.

Обратимся к тексту.

"O where are you going?" said reader to rider,

"That valley is fatal where furnaces burn,
Yonder's the midden whose odours will madden,
That gap is the grave where the tall return."
"O do you imagine," said fearer to farer,
"That dusk will delay on your path to the pass,
Your diligent looking discover the lacking,
Your footsteps feel from granite to grass?"
"O what was that bird," said horror to hearer,
"Did you see that shape in the twisted trees?
Behind you swiftly the figure comes softly,
The spot on your skin is a shocking disease."
"Out of this house" – said rider to reader,
"Yours never will" – said farer to fearer
"They're looking for you" – said hearer to horror,
As he left them there, as he left them there.
1931

Стихотворение, написанное четырехстопным амфибрахием, является эпилогом в авторском сборнике «The Orators. An English Study», включающем прозаические и поэтические фрагменты.

Главными героями в рассматриваемом тексте являются Reader, Rider, Fearer, Farer, Horror, Hearer, эти имена допускают неоднозначное осмысление и приблизительно могут быть переведены следующим образом: Читающий, Скачущий, Испуганный, Путешествующий, Пораженный ужасом, Внимающий. Стихотворение построено как диалог между этими персонажами. В первом катрене Читающий предупреждает Скачущего, что впереди – долина с пылающими печами (образ ада), там гнилостная гора (букв. помойная куча), запах которой сводит с ума, там щель – это могила, куда возвращаются смельчаки (архаичное значение слова tall). Во втором катрене Испуганный говорит Путешествующему, что сумрак (атрибут загробного мира) охватит весь путь к выходу, что итогом напряженного поиска будет пустота, а следы на граните станут травой (на мой взгляд, здесь выражена идея зарастания травой любого следа, оставленного человеком). В третьем катрене Пораженный ужасом предостерегает Внимающего, что впереди – страшная птица, образ которой просматривается в переплетенных ветвях, что за спиной у идущего – бесплотный призрак, который легко и стремительно

приближается (образ смерти), и на коже странника проявляется пятно, знак страшной болезни (в прямом понимании – симптом проказы, т.е. смерти при жизни). В заключительном четвертом катрене Скачущий приказывает Читающему уйти из дома, Путешествующий заявляет Испуганному, что тот никогда не одержит победу, Внимающий отвечает Пораженному ужасом, что тот является добычей сил зла. Герой оставляет своих оппонентов и уходит. Эта фраза «*И он уходит от них*» повторяется дважды. Обратим внимание: три ипостаси героя сливаются в одну, в то время как ипостаси его оппонентов остаются раздельными. Как справедливо отмечает Анни Бриссе, стихотворение образует жесткую структуру, в основе которой лежит оппозиция пассивного и активного персонажей, с одной стороны, и троекратное вариативное повторение предупреждения и ответа, с другой стороны (Brisse, 1999).

Паронимические пары Reader – Rider, Fearer – Farer, Horror – Hearer ведут к актуализации контрастных смыслов. Тройственное выражение предупреждения проявляется в разном выражении. В первом случае – это чувственно воспринимаемые знаки (пылающий огонь, омерзительный запах смерти и зияющая могила). Во втором случае – это рациональная аргументация (идея тщеты, блуждания в сумраке и итогового забвения). В третьем случае – это выход на уровень бессознательного ужаса перед смертью, которая наступит быстрее, чем думает герой. Какова реакция героя на эти три типа предупреждений? Вторжение в сферу ощущений вызывает ответное действие – изгнать источник этих ощущений. Рациональная аргументация приводит в действие контраргумент – герой убежден в том, что бездействие ведёт к поражению. Наконец, прямая апелляция к бессознательному ужасу отзеркалена переключением ужаса на самого себя.

Итак, если подойти к тексту, взятому как самодостаточное произведение искусства, то можно сделать следующие выводы относительно рассматриваемого стихотворения У.Х. Одена: 1) в нем ставится гамлетовский вопрос – быть иль не быть, 2) герой

осознает, насколько опасной является вовлеченность в борьбу с судьбой, 3) автор поддерживает того, кто действует, 4) ключевыми концептами этого текста являются символически выраженные ментальные образования «путь», «препятствие», «смерть», «ад», «тщета», «ужас», «преодоление». Взаимодействие данных концептов приводит к идее героизма как достойного образа жизни.

В контексте сборника «The Orators. An English Study», частью которого является этот текст, возникают дополнительные ассоциативные линии интерпретации стихотворения.

Сборнику предпослан эпиграф:

Private faces in public places
Are wiser and nicer
Than public faces in private places

Речь идет об искренности. Ораторы – это люди, целью которых является пропаганда, они ведут себя неискренно и поэтому их нельзя считать умными и приятными людьми. На первых же страницах суть дела сформулирована с публицистической прямотой:

What do you think about England, this country of ours where nobody is well?

Молодой автор (Одену было в 1931 г. 24 года) ставит традиционный для английского критического самосознания вопрос о неискренности, о лицемерии как фундаментальном качестве британского бытия. Таким образом, мотивом создания всего художественного сборника является протест. Этот протест спустя несколько лет находит афористически точное выражение в стихотворении, посвященном памяти великого поэта У.Б. Йетса:

Intellectual disgrace
Stares from every human face,
And the seas of pity lie
Locked and frozen in each eye.
(In Memory of W.B. Yeats).

Такое резкое обличение своих сограждан мог позволить себе человек, который менее всего обращал внимание на мнение окружающих. Он участвовал в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, был активным

антифашистом, покинул Англию и принял американское гражданство, затем вернулся, чтобы читать лекции в Оксфорде, и умер в Австрии. Есть определенные параллели в судьбах У.Х. Одена и О. Уайльда: оба были отмечены особым даром слова, очень критически относились к соотечественникам, были отвергнуты ими и умерли за границей. Отмечу, впрочем, что попытки вывести те или иные особенности творчества художника из его органики построены на признании тезиса о том, что искусство есть форма отклонения от нормального поведения людей, с чем согласиться нельзя. Приведу несколько афоризмов У.Х. Одена:

«Когда рецензент называет книгу «искренней», сразу же ясно, что книга а) неискренняя, б) плохо написана».

«Если вы не уверены в своём вкусе, знайте: он у вас есть».

«У каждого человека есть свой отличительный запах, по которому его узнают жена, дети, собаки. У толпы – общий, всегда одинаково дурной запах. Публика же запаха лишена вовсе».

Эти парадоксы были сказаны в разное время, но их общий стиль свидетельствует о том, что доминантой поведения У.Х. Одена является насмешливое неприятие посредственности, патетики и неискренности. Г.Э. Ионкис пишет о том, что насмешка у Одена часто сводится только к буффонаде и не становится сатирой (Ионкис, 1980, с.159). На мой взгляд, иронию нельзя называть шутовством. Ирония Одена очень специфична. В этой связи необходимо рассмотреть некоторые другие интертекстуальные связи стихотворения «O where are you going?»

Весь его текст построен как стилизация старинной английской фольклорной песни *The Cutty Wren* – (диал. Крапивник, маленькая коричневая певчая птичка):

Where are you going, says Milder to Malder
Where are you going, says Festle to Fose
We may not tell you, says the younger to the elder
Out to the green wood, says John the Red Nose
What shall we do there, says Milder to Malder
What shall we do there, says Festle to Fose
We may not tell you, says the younger to the elder
Hunt for the Cutty Wren, says John the Red Nose
How shall we shoot her, says Milder to Malder

With bows and with arrows, says Festle to Fose
That will not do then, says the younger to the elder
With big guns and knives then, says John the Red Nose
How shall we cut her up, says Milder to Malder
With forks and with knives, says Festle to Fose
That will not do then, says the younger to the elder
With hatchets and with cleavers, says John the Red Nose
How shall we cook her, says Milder to Malder
With pots and with pans, says Festle to Fose
That will not do then, says the younger to the elder
With a bloody big brass cauldron, says John the Red Nose
Who'll get the spareribs, says Milder to Malder
Who'll get the spareribs, says Festle to Fose
We may not tell you, says the younger to the elder
Give 'em all to the poor then, says John the Red Nose

В этой песне несколько человек (Майлдер, Молдер, Фесл, Фоуз, малыш, старший и красноносый Джон) говорят о ритуальной охоте на птичку: *Куда вы идете? – А вот и не скажем. – В Зеленый лес. – Что вы будете там делать? Не скажем. – Охотиться на крапивника. – Как мы подстрелим эту птицу? – Из лука. – Не получится. – С помощью больших ружей и ножей. – Как мы ее разделаем? – Вилками и ножами. – Не получится. – Топориками и тесаками. – Как мы ее будем готовить? – В котелках и на сковородках. – Не получится. – В огромном медном котле. – Кому достанутся копченые ребрышки? – Не скажем. – Тогда отдайте их бедным.*

А.Л. Ллойд полагает, что эта песня сначала была магическим заклинанием, частью древнего карнавала, а затем приобрела протестное значение: «In countless legends the wren features as a tyrant. It was called the King, the Little King, the King of the Birds; it still is called the "hedgeking" in some parts of England. To kill a wren meant that great misfortune would overtake you; but nevertheless the annual custom of killing the wren was common here and in France. Down to the 18th century there was a wren-hunting ceremony on Christmas Eve on the Isle of Man. Whether the masters liked it or not the servants would all take the day off, go to church, and when the bells rang at midnight they would set off to hunt the wren. When they caught one, they killed it, put it on a long pole with its wings extended, and carried it in procession to every house. For a few hours till dawn they had the freedom of the village, and they could do pretty well as they pleased, even in the master's house»

(Lloyd, 1944). В Англии и Франции эту птичку воспринимали как олицетворение власти господ, считали маленьким королем. Каждый год под Рождество бедняки отправлялись ночью в лес, ловили крапивника, убивали его и, наколов его с распростертыми крыльями на длинную ветку, ходили до рассвета по всей деревне, заходя в дома, даже в дом своего господина. Перед нами старинный кровавый языческий обычай, и это говорит о многовековой истории, стоящей за фольклорной песней. Показательны аллитеративные имена фольклорных персонажей. В стихотворении У.Х. Одена главные герои аналогичным образом именуются с использованием аллитерации.

Совмещение героической тональности текста, взятого изолированно от фольклорного прототипа, и задорной народной песни (заинтересованный читатель может воспользоваться ресурсами сети Интернет и послушать звучание) вносит существенные коррективы в понимание рассматриваемого стихотворения. Это – тонкая пародия на рыцарскую героику.

Крис Джоунз и Эндрю Мерфи считают, что У.Х. Оден имел основания для высмеивания соответствующих древнеанглийских текстов: «Auden's poem <…> distorts its source texts even as it alludes to them in order to make a point about the transmission and corruption of canonical texts. <…> At Oxford Auden studied Old English poetry under J. R. R. Tolkien and C. L. Wrenn and enjoyed the subject, although he only got a disappointing third-class degree overall, and was found in tears after the Old English exam paper. <…> Auden's retrospective judgement of Wrenn was that he 'was so much a philologist that he couldn't read anything beyond the words'. One can surmise that a student with such a low opinion of philology would not do well at 'Old English Texts', regardless of his engagement with the poems. Auden's encounter with Old English at Oxford therefore, was somewhat equivocal. His affection for the poetry, coupled with a measure of resentment towards his examiners and dissatisfaction with certain methods of instruction, coloured Auden's use of his source in *The Orators* (Jones, Murphy, 2002). Преподаватели из университета Сент-Эндрюз спасают честь мундира своих оксфордских коллег и сообщают публике занятные факты о студенческих неудачах молодого Одена. Мы узнаем, что будущий великий поэт с

интересом изучал древнеанглийскую поэзию под руководством профессоров Дж. Толкина (автора «Властелина колец») и Ч. Ренна, однако его экзаменационная оценка за этот курс не была высокой, и это его сильно огорчило. С Толкином Оден впоследствии был в очень хороших отношениях, с Чарльзом Ренном, признанным специалистом в области истории английского языка и английской грамматики, хорошие отношения не сложились. Этот профессор вообще отличался педантизмом. Теперь нам становится понятно, что совпадение названия фольклорной песни и фамилии профессора не было случайным. Если этого не знать, ироническая усмешка автора не видна.

Рассматриваемое стихотворение переводилось на русский язык.

Приведу переводы.

Перевод М. Карп:

«Куда ты собрался? – рек коннику книжник. –
Там бешено пламя бушует в печи.
Дыхание смрада дурманит до бреда,
И смелого смерть поджидает в ночи».
«Неужто не страшно? – рек страннику стражник. –
Неужто начать не боишься ничуть?
Такой ли ты бравый, что через обрывы
Ты выбраться сможешь на правильный путь?»
«О что это? Птица? – рек путнику призрак. –
Постой, приглядись – это тени вдали,
Проворны и прытки, затеяли прятки,
И трупные пятна по телу пошли».
«Скорее из дому!» – рек книжнику конник.
«Ты выйти не сможешь!» – рек стражнику странник.
«Тебя они ищут!» – рек призраку путник.
И прочь скачет всадник, и прочь скачет всадник.

Перевод В. Топорова:

«Куда ты, – наезднику молвил начетчик, -
В юдоли той, политой кровью, сгоришь,
Там запах дурмана страшней урагана,
Там в ров для таких храбрецов угодишь».
«Представь-ка, – пытливому начал пугливый, -
Там ворохом праха завалит проход,
И самым глазастым нет пользы от глаз там,

Там топот утопят твой топи болот».
«Взгляни же, – сказал домосед непоседе, -
В седло ль к этой птице садиться спиной, -
Вмиг с ветки сорвется, и в шею вопьется,
И крови напьется из раны сквозной».
«Поеду», – начетчику молвил наездник.
«Я справлюсь», – пугливому начал пытливый.
«Тебя, – непоседа сказал домоседу, -
Съест птица, когда я уеду без следу».

Перевод А. Михальской:

«Куда ты стремишься? – рек коннику книжник. –
Опасна долина, пылают огни,
От смрада расселин рассудка лишишься
И сгинешь во мраке любой западни».
«Неужто не видишь, – рек путнику пленник, -
Сгустившийся сумрак твой путь преградит,
Шагам твоим шорох травы незаметен,
Как знать, под ногами цветы иль гранит?»
«О что там за птица? – рек страннику страх, -
Чья тень в темноте средь деревьев дрожащих
Скользит, за спиною твоей появляясь?
Ты мечен печатью недугов горящих».
«Из этого дома», – рек книжнику конник,
«Тебе не узнать», – молвил пленнику путник,
«Тебя она ищет», – так страху рек странник,
Свой путь продолжая, свой путь продолжая.

Перевод М. Карп в максимальной мере сохраняет авторские образы и аллитеративное богатство исходного текста: «конник – книжник, странник – стражник, путник – призрак», «дыхание смрада дурманит до бреда», «смелого смерть», «бравый – обрывы – выбраться», «проворны и прытки – прятки – трупные». Интересны находки В. Торопова: «наездник – начетчик, пытливый – пугливый, непоседа – домосед», «ворохом праха – проход», «глазастым – от глаз там», «топот утопят – топи», необычный образ «седло птицы», в которое можно сесть спиной. В тексте перевода появляются болото, ураган, птица, пьющая кровь – авторские образы переводчика. А. Михальская стремится к точной передаче образов в ущерб ассонансной структуре стихотворения: «конник – книжник,

путник – пленник, странник – страх», «сгустившийся сумрак твой путь преградит», «цветы и гранит» и др. Обозначения действующих лиц, основных персонажей этого символического повествования выражаются в русском языке через смысловые переходы: rider – конник, наездник (конник точнее, наездник ассоциируется с цирком), reader – книжник, начетчик (оба варианта хороши, но первый поддерживается фонетически контрастной парой), farer – странник, пытливый, путник (более точным является вариант «путник»), fearer – стражник, пугливый, пленник (самый точный вариант – «пугливый» выражен атрибутивно, в то время как все остальные действующие лица получают номинативное обозначение), hearer – путник, непоседа, странник (оптимального варианта нет), horror – призрак, домосед, страх (оптимального варианта нет). Переводчики ушли от трансляции сложного смысла Your diligent looking discover the lacking. Очень точным следует признать перевод «трупные пятна». Самой сложной задачей оказалась передача ответов героя своим оппонентам. Остается выразить надежду, что появятся новые переводы этого удивительного стихотворения, которое было вызвано к жизни сложными чувствами и содержит закодированный личный смысл.

Подведем основные итоги.

Стихотворение У.Х. Одена «O where are you going?» представляет собой двуплановый текст, открытый смысл которого связан с балладной традицией английской литературы, а скрытый – с высмеиванием этой традиции. Переводы не могут (и, возможно, не должны) сочетать в себе эти оба смысла. Интерпретация художественного произведения может строиться по канонам декодирования текста, рассматриваемого как изолированное образование, либо в более широком филологическом контексте и, наконец, с учетом множественных биографических обстоятельств создания произведения, при этом каждая из интерпретаций имеет право на существование. История данного стихотворения показывает, что вдохновение поэта способно преобразовать любую эмоцию, включая и не самые возвышенные, в шедевр.

3.5. Эдгар По «Эльдорадо»: лингвокультурный комментарий

Американский поэт Эдгар По (Edgar Allan Poe) справедливо считается предтечей символизма. Его стихотворения отличаются изысканной мелодичностью, изощренной звукописью и резким контрастом между мечтой и реальностью. В ряду созданных им шедевров выделяется короткое и на первый взгляд достаточно простое в содержательном отношении стихотворение Eldorado (1849):

Gaily bedight,
A gallant knight,
In sunshine and in shadow,
Had journeyed long,
Singing a song,
In search of Eldorado.

But he grew old —
This knight so bold —
And o'er his heart a shadow
Fell as he found
No spot of ground
That looked like Eldorado.

And, as his strength
Failed him at length,
He met a pilgrim shadow —
"Shadow," said he,
"Where can it be —
This land of Eldorado?"

"Over the Mountains
Of the Moon,
Down the Valley of the Shadow,
Ride, boldly ride,"
The shade replied —
"If you seek for Eldorado!"

El dorado — по-испански «золоченый, золотой» — страна сказочных богатств, которую испанские конквистадоры

искали в Южной Америке, в бассейне Ориноко и Амазонки, в XVI-XVII веках. Согласно легенде, правитель этой страны каждое утро обсыпался золотым песком и смывал его в водах священного озера. В переносном смысле слово используется для обозначения волшебной страны.

В сюжетном отношении это стихотворение представляет собой повествование о доблестном рыцаре, который всю жизнь посвятил поиску этой волшебной страны, не смог ее найти и в конце своего пути встретил таинственного странника. Рыцарь обратился к нему с вопросом, где же находится эта страна, и странник ответил, что нужно преодолеть лунные горы и долину теней, если хочешь найти Эльдорадо. Идея стихотворения выражена предельно прямолинейно – нужно идти вперед, и тогда будет достигнута цель. Проанализируем способы выражения этой идеи.

Ритмически стихотворение представляет собой очень редкий для английского стихосложения размер – хориямб, комбинацию хорея и ямба. Этот размер имитирует цокот копыт и ассоциируется с задорной песней, которую распевает рыцарь. Первая строфа открывается архаической формулой gaily bedight – «в ярком облачении»: gaily – in a gay manner, brightly, splendidly, smartly, cheerfully, joyously, jauntily; to bedight – equip, apparel, bedeck (SOED). Обратим внимание на аллитеративное усиление «яркий – храбрый»: gaily – gallant. Далее уточняются временные характеристики действия – «при свете солнца и во тьме» — «in sunshine and in shadow». Слово shadow в этом стихотворении является ключевым, используется в разных смыслах и выступает в качестве рифмы к названию волшебной страны. Храбрый рыцарь, распевая песню, ищет заветную страну Эльдорадо в течение долгих лет.

Вторая строфа резко заземляет тональность повествования: «Но он состарился, этот смелый рыцарь». Можно увидеть некоторую иронию в сочетании рифм «old» — «bold». Синонимы gallant – bold выделяют разные аспекты храбрости: молодцеватая турнирная смелость сопоставляется со способностью бесстрашно сталкиваться с опасностью. На сердце рыцаря пала тень, т.е. его душа

стала погружаться во мрак, когда после долгих странствий он нигде не мог найти ни пятнышка земли той волшебной страны. Словосочетание «no spot of ground» эмфатически подчеркивает разочарование рыцаря. Герой начинает впадать в уныние. Общая тональность строфы становится немного ироничной.

В третьей строфе ирония уступает место трагическому повествованию: силы покидают героя, и он встречает таинственного незнакомца – he met a pilgrim shadow. Это тень, совершающая вечное странствие. Кто этот странник? Перед рыцарем – не живой человек, а тень в человеческом образе. Многие мифологические сюжеты совмещаются в этом емком образе – можно трактовать странника как посланца, переходящего границу миров, как предшественника рыцаря, обреченного вечно искать волшебную страну (возможна аналогия с Агасфером или капитаном «Летучего Голландца»), как воплощение смерти. Герой чувствует, что переходит черту, и понимает, что имеет право задать вопрос страннику. Заслуживает внимания модальность вопроса: “Where can it be this land of Eldorado?” – рыцарь не говорит “Where is it?” В вопросе звучит сомнение в существовании этой страны.

Четвертая строфа представляет собой выход в запредельный мир: лунные горы и долина теней метафорически обозначают неземное существование. Вывод ясен – на земле волшебной страны нет, нужен переход за черту. Странник аллитеративно подчеркивает идею нездешнего мира: Mountains of the Moon. Т.Мабботт в примечаниях к данному стихотворению пишет, что данное место является примером предельной отдаленности со времен античного мира (Mabbott, 2000, с.464). Неслучайно топосы дальнейшего путешествия рыцаря обозначены прописными буквами. Далее начинается странствие, в котором не будет солнечного света, Лунные Горы символизируют немыслимые препятствия, Долина Тени (или Мрака) прямо ассоциируется со смертью («*Если я пойду и долиною смертной тени, то не убоюсь зла, потому что Ты со мною*» — Пс. 22:4). Вернемся к многомерному обозначению тени – shadow – в тексте стихотворения. Этот концепт

приобретает расширительный авторский смысл: тень как темное время суток, тень как уныние, тень как образ из нездешнего мира, тень как смерть или ад. Финальные строки стихотворения содержат финальное напутствие рыцарю: «Ride, boldly ride» – «Скачи, смело скачи!». Странник завершает напутствие напоминанием: «If you seek for Eldorado!» — «Если ты ищешь Эльдорадо!». В толковом словаре подчеркивается специфический смысл глагола to seek — attempt to find out *if, what, why*, etc (SOED) – пытаться что-либо найти.

Таким образом, идея верности своей цели дополняется осознанием необходимости жертвенности ради этой цели. При этом мечта и обыденная жизнь оказываются несовместимы. Предложенная интерпретация является одним из возможных вариантов толкования данного стихотворения. Такой вариант поддерживается общей трагической тональностью других произведений Эдгара По, как стихотворных, так и прозаических. Сравним:

For the heart whose woes are legion
'T is a peaceful, soothing region —
For the spirit that walks in shadow
'T is — oh 't is an Eldorado!
(Dream-Land)

В стихотворении с характерным названием «Страна сна» утверждается, что эта волшебная страна – желанный рай для сердец, охваченных горем, и для духа, блуждающего во мраке, это – Эльдорадо. Нельзя не согласиться с Ю.В.Ковалевым, который пишет в комментарии к стихотворению «Эльдорадо»: «Попытки критиков выяснить, чего именно ищет герой баллады, успехов не имели. Эдгар По стойко придерживается «принципа неопределенности»: рыцарь ищет Эльдорадо! Сказать, что это такое, может только читатель» (Ковалев, 1998, с.452).

Стихотворение «Eldorado» неоднократно переводилось на русский язык. В филологической литературе обсуждались некоторые из переводческих версий (Торпакова, 1978; Бархударов, 1982). Рассмотрим разные переводы.

Перевод К. Бальмонта:
Между гор и долин

Едет рыцарь один,
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо.

Но в скитаньях — один
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада,
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде Эльдорадо.

И когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак — и шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:
«Расскажи, не пойму,
Укажи, где страна Эльдорадо?»

И ответила Тень:
«Где рождается день,
Лунных Гор где чуть зрима громада.
Через ад, через рай,
Все вперед поезжай.
Если хочешь найти Эльдорадо!»

Достоинства этой версии: четкая ритмическая структура стихотворения и адекватная передача его идеи. Хориямб перешел в анапест, поэту удалось образно ускорить бег лошади, из галопа в карьер. Идея и тональность каждого катрена переданы точно. Вместе с тем стихотворение приобрело новые черты: появилась идея добровольной аскезы («никого ему в жизни не надо»); изменилось отношение к рыцарю – вместо сочувственной и, может быть, немного ироничной интонации («но он состарился, этот смелый рыцарь», «на сердце его опустилась тень») возникло элегическое настроение романса («погасла былая отрада»); тень, встреченная нашим героем, получила коммуникативную инициативу (в оригинале рыцарь обращается к призраку, а не наоборот); рыцарь становится многословным, говоря «расскажи», «не пойму», «укажи»; в

четвертом катрене появился рай в качестве контраста к аду, чего не было в исходном тексте. На мой взгляд, нельзя отнести к творческим удачам К.Бальмонта – поэта с удивительно тонким чувством звуковой ткани языка – рифму «надо, не надо», особенно во втором случае (призрак раздраженно отвечает рыцарю, переходя на сниженный регистр общения, так отвечают докучливым попрошайкам). Резко выбивается поэт из свободного дыхания стихотворения в строке «Лунных гор где чуть зрима громада», русский синтаксис вывернут здесь наизнанку, инверсия чересчур искусственна.

Перевод В. Брюсова:

Он на коне,
В стальной броне;
В лучах и тенях Ада,
Песнь на устах,
В днях и годах
Искал он Эль-Дорадо.

И стал он сед
От долгих лет,
На сердце — тени Ада.
Искал года,
Но нет следа
Страны той — Эль-Дорадо.

И он устал,
В степи упал...
Предстала Тень из Ада,
И он, без сил,
Ее спросил:
«О Тень, где Эль-Дорадо?»

«На склоны чер-
ных Лунных гор
Пройди, — где тени Ада! —
В ответ Она. —
Во мгле без дна —
Для смелых — Эль-Дорадо!»

Поэт сумел филигранно передать ритмику стихотворения, сохранил исходные образы и предельно точно выразил его идею. Даже название дано как

транслитерация с испанского с выделением артикля. В.Я. Брюсов находит безупречный эквивалент для ключевой рифмы Эдгара По – Shadow – «тени ада». Авторское вторжение в исходную архитектонику рассматриваемого текста можно увидеть в строке «в степи упал…» Действие переносится в родные просторы. Вероятно, переводчик намеренно сделал речь призрака пунктирной, синтаксис выглядит разорванным в четвертом катрене, это обеспечивается разбиением слова «черных» и нагнетанием обстоятельственных признаков «во мгле без дна». Можно, конечно, заметить, что в исходном тексте нужно было преодолеть пояс Лунных гор (Over the Mountains of the Moon), в то время как в переводе рыцарь именно туда должен попасть. Но в целом, подчеркну, тональность стихотворения передана мастерски.

Перевод В. Рогова:

Ночью и днем
На коне лихом,
Сверкая парчой наряда,
Рыцарь скакал
И с песней искал
Волшебный край Эльдорадо.

Но стал он сед
Под ношей лет,
Душа преисполнилась хлада:
Нигде он не мог
Найти уголок,
Похожий на Эльдорадо.

И в последний свой день
Он скиталицу-тень
Спросил, не сводя с нее взгляда:
«О тень, отвечай:
Где сыщется край,
Чудесный край Эльдорадо?»

По гребням узор-
ных лунных гор,
Долиною мертвенной ада
Скачи сквозь тьму, -

Был ответ ему, -
Если хочешь найти Эльдорадо!

Перед нами очень качественный перевод. Ритмика исходного стихотворения и его идея бережно сохранены. Местами переводчик меняет ритм, например, переходя на анапест в третьем катрене. Удалось сохранить даже специфическую тональность Эдгара По: *he found No spot of ground That looked like Eldorado – Нигде он не мог найти уголок, похожий на Эльдорадо.* Переводчик выразил свое личное отношение к тексту в определениях, которых не было в оригинале: «волшебный» и «чудесный» край Эльдорадо. Лунные горы стали узорными, а долина ада – мертвенной. Значимое отсутствие определений в исходном тексте акцентирует действие, столь значимое как для англоязычного мира в целом, так и для данного повествования. Думается, что можно было бы подчеркнуть одно из немногих определений в оригинале – boldly ride – «смело скачи». Впрочем, переводчик посчитал возможным выразить эту идею через словосочетание «скачи сквозь тьму».

Перевод В.Васильева:

Средь гор и долин
Спешил паладин,
Ни солнце, ни тень не преграда.
И юн, и удал,
Он с песней искал
Таинственный край Эльдорадо.

Но тенью легла
На складки чела
Немых расстояний преграда.
Он в дальних краях
Ослаб и одрях,
Покуда искал Эльдорадо.

У сумрачных скал
Он тень повстречал:
«О тень, всем надеждам преграда,
Поведай ты мне,
В какой стороне
Смогу я найти Эльдорадо?»

«Ищи за несмет-
ным сонмом планет.
Ни в чем я тебе не преграда.
Спускайся скорей
В долину теней,
И там ты найдешь Эльдорадо!»

Стилистика стихотворения Эдгара По передана весьма точно. Удачно найдено слово «паладин», позволяющее построить оригинальную рифму и выражающее идею героического служения своей мечте. Вместе с тем мы видим некоторые авторские дополнения к исходному тексту. Наш рыцарь в первом катрене юн и удал, таким образом, переводчик упреждает сообщение о том, что в странствиях герой постареет. Удаль является специфически русским концептом, как отмечает Д.С. Лихачев (это смелость, которая проявляется на большом расстоянии, на скаку). Не совсем удачным является выбор слова «преграда» как контраста для Эльдорадо, хотя замысел переводчика понятен: суть поиска – в преодолении преград. Словосочетание «немое расстояние» само по себе интересно, но диссонирует с исходным текстом. Натуралистично передана идея старости – «ослаб и одрях». Как следует из перевода, рыцарь полагает, что в Эльдорадо его не пускает тень, которую он встретил, и тень его в этом разуверяет. Возникает декоративный пассаж «несметный сонм планет», которого нет в оригинале. Для переводчика было важно подчеркнуть стремление рыцаря как можно скорее найти Эльдорадо – «спешил паладин», «спускайся скорей», для Эдгара По значимой является смелость – условие для обретения Эльдорадо.

Перевод Вас. Федорова:

Весел и смел
Ездок летел
И день, и ночь. Был рад он...
Конь мой, лети!
Надо найти
Дорогу в Эльдорадо.

Но без дорог

Он изнемог —
Былая где отрада?
Он был везде,
Но все ж нигде
Не встретил Эльдорадо.

Вдруг перед ним,
Старым, седым,
Виденье с тусклым взглядом.
«Призрак, куда
Ехать, когда
Задумал в Эльдорадо?» —

«Выше озер
У лунных гор,
И ниже Смерти сада
Гони, гони
Коня сквозь дни
Увидеть Эльдорадо».

Этот перевод несомненно интересен. Ритмика стихотворения передана очень точно. Смена настроения в четырех катренах исходного текста полностью соответствует оригиналу. Переводчик пошел на некоторые отклонения от английского текста. Рыцарь превратился в ездока, и многомерная ассоциативная сеть смыслов, связанных с рыцарской символикой, улетучилась. Фраза «Конь мой, лети!» придает повествованию живость, но переводит его тональность в другое русло. Слишком прямолинеен вывод о том, что герой изнемог без дорог. Сниженно звучат словосочетания «задумал в Эльдорадо», «гони, гони коня сквозь дни». Разговорная свертка синтаксиса прослеживается в целевой конструкции «гони коня … увидеть Эльдорадо». Вместе с тем заслуживает внимания конкретный образ призрака – «виденье с тусклым взглядом». Произошла некоторая примитивизация исходного текста, хотя его главное содержание ритмически и концептуально не пострадало.

Перевод Э. Гольдернесса:

Надев перевязь
И не боясь
Ни зноя, ни стужи, ни града,

Весел и смел,
Шел рыцарь и пел
В поисках Эльдорадо.

Но вот уж видна
В волосах седина,
Сердце песням больше не радо:
Хоть земля велика -
Нет на ней уголка,
Похожего на Эльдорадо.

Устал он идти,
Но раз на пути
Заметил тень странника рядом
И решился спросить:
«Где может быть
Чудесный край Эльдорадо?»

«Ночью и днем,
Млечным Путем,
За кущи Райского сада
Держи свой путь, —
Ну, и стоек будь,
Если ищешь ты Эльдорадо».

Этот перевод заставляет читателя вспомнить о том, что вообще-то рыцарь должен быть на коне, хотя в исходном тексте (в первом катрене) эта идея прямо и не выражена. Известно, что закованный в сталь рыцарь вряд ли мог пройти долго. Переводчик подчеркивает смелость героя – «не боясь», «смел», хотя в первом случае бесстрашие относится сугубо к погодным условиям (зной, стужа, град), эта информация в исходном тексте отсутствует. Избыточной является фраза «хоть земля велика». Вряд ли можно признать удачными переводческие дополнения «Млечным Путем», «кущи Райского сада» — в оригинале речь идет о тяжком пути через Лунные горы и Долину тени, т.е. ад. Стилистически выбивается из общей тональности стихотворения разговорное междометие «ну» в устах призрака. Смелость замещается на стойкость, но зато переводчику удалось сохранить мысль об условии успеха: «Если ищешь ты Эльдорадо». Обратим внимание на

значимую замену восклицательного знака, который достаточно редок в английском тексте, на точку.

Перевод Н. Вольпин:

С песней в устах,
Отринув страх,
В палящий зной, в прохладу
Всегда в седле,
По всей земле
Рыцарь искал Эльдорадо.

Где юный жар?
Он грустен и стар,
Легла на грудь прохлада:
Искал он везде,
Но нет нигде,
Нет и подобья Эльдорадо.

Встала пред ним
Тень-пилигрим.
Смертным повеяло хладом. -
Тень, отвечай:
Где этот край,
Край золотой Эльдорадо?

- Мчи грядою
Лунных гор,
Мчи Долиной Тьмы и Хлада,
Молвит Тень,
Мчи ночь и день,
Если ищешь Эльдорадо.

Данная версия перевода весьма прямолинейна. Первый катрен точно передает идею исходного текста, хотя солнечный дневной свет заменяется палящим зноем. Во втором катрене автор вступает в прямой диалог с читателем: «Где юный жар?», тональность стихотворения меняется. В качестве ключевого оппозита для Эльдорадо переводчик выбирает слова «прохлада», «хлад». С таким вариантом можно согласиться, но не вполне адекватной является замена тени на сердце прохладой на грудь. Переводчик помогает русскому читателю прийти к значению слова Эльдорадо: «Край золотой Эльдорадо». Наибольшую критику вызывает резкая смена ритма:

четвертый катрен написан хореем, у которого, по свидетельству М.Л. Гаспарова (1999), в русской лингвокультуре совсем другая сеть ассоциаций. Переводчик жестко акцентирует скорость передвижения героя, трижды повторяя в четвертом катрене слово «мчи», в оригинале тень говорит иначе: Ride, boldly ride.

Л. Бархударов:

Рыцарь в броне,
На статном коне
И днём, и в ночную прохладу
Всю жизнь кочевал
И песнь напевал
В поисках Эльдорадо.

Но срок настал-
Он дряхлым стал,
А в сердце – грусть и досада:
Ужель никогда
Не найти и следа
Волшебного Эльдорадо?

И в скорбный день
Встретил он Тень,
Что бродила средь тьмы и хлада.
«Тень», он спросил
Совсем без сил,
«Где же страна Эльдорадо?»

«За Лунные Горы,
В Долину Теней
Тебе мчаться без страха надо»
Ответила Тень,
«И настанет день –
Ты отыщешь Эльдорадо!»

Приведенный текст соответствует исходному стихотворению ритмически и содержательно. Автор вносит дополнения в оригинал, уточняя характеристики коня («статный»), передвижения героя («кочевал»), Эльдорадо («волшебное»), момента встречи героя с тенью («скорбный день»), поведения тени («что бродила средь тьмы и хлада»), хотя кочевье предполагает размеренное и не вполне целенаправленное передвижение. Эти дополнения

в целом представляются вполне оправданными. Несколько снижают впечатление банальная рифма «настал – стал» и характеристика героя «дряхлый» (у Эдгара По говорится о том, что рыцарь состарился). Эмоциональные состояния «грусть и досада» прямолинейно уточняют то, что произошло с героем – на его сердце упала тень.

Перевод В. Кормана:

В пламени битв,
с пеньем молитв,
сквозь клубы дыма и чада,
будь свет, будь мрак,
рыцарь-смельчак
скакал, ища Эльдорадо.

Но в гонке лет
он стал уж сед.
Стал грезить в мареве чада.
Сердце сдаёт.
Глянет вперёд —
ни тени страны Эльдорадо.

Вдруг перед ним
стал пилигрим
как тень изо мглы и чада.
И в тот же миг
спросил старик:
«Где же страна Эльдорадо?»

Ответ был скор:
«Вдоль Лунных гор,
сквозь клубы адского чада,
долом Теней
скачи скорей
и там ищи Эльдорадо».

Этот вариант перевода, на мой взгляд, очень интересен. Обратим внимание на четкую ритмику стихотворения. Переводчик выбрал неожиданный коррелят для слова Эльдорадо – падежную форму слова «чад» — едкий, удушливый дым, дурман, помрачение сознания. Общая идея исходного текста передана точно. Авторские отклонения от оригинала состоят в понижении стиля («в гонке лет», «сердце сдаёт», «спросил старик»), в

добавлении обстоятельств («пламя битв», «пенье молитв», «клубы дыма и чада»). Образ пылающего ада выражен прямолинейнее, чем в оригинале, где говорится о Лунных горах и Долине тени. Не совсем удачен переход «И в тот же миг спросил старик», конкретизация момента избыточна.

Перевод Д. Карвина:

По кручам скал
Рыцарь скакал
В слепой ночи непроглядной.
И был он смел,
И песню пел
О солнечном Эльдорадо.

Но сколько лет
Заветный след,
Мелькнув, исчезал досадно.
И рыцарь устал –
Он был уже стар –
Разыскивать Эльдорадо.

И призрак возник
Перед ним на миг,
Уже на черте распада.
И рыцарь спросил
Из последних сил:
«Где ж страна Эльдорадо?»

«Скачи, скачи,
Смело скачи,
И будет тебе наградой
За верность мечте, -
Прошептала тень, -
Твоя страна Эльдорадо!».

Данная версия вписывается в число технически грамотных вариантов перевода. Достоинством этого перевода является четкость ритмического строя стихотворения и адекватная передача его идеи. В оригинальный текст добавлены некоторые избыточные, порой тавтологические уточнения: «кручи скал», «слепая непроглядная ночь», «спросил из последних сил», имеют место штампы «заветный след», «черта распада», элементы сниженной разговорности «след … исчезал

досадно». Этот перевод дидактично прямолинеен: слепая ночь контрастирует с солнечным Эльдорадо, призрак формулирует условие достижения цели («и будет тебе наградой за верность мечте»). Переводчик опускает характеристики места в четвертом катрене, но трижды повторяет слово «скачи».

Перевод С. Степанова:

Рыцарь в броне
Скакал на коне,
Сверкая блеском наряда.
И ночью и днем
Он пел об одном,
Пел о стране Эльдорадо.

С годами остыл
Неистовый пыл
И на сердце легла прохлада.
Он весь мир обошел,
Но нигде не нашел,
Нигде не нашел Эльдорадо.

Встал он без сил
И Тень вопросил,
Блуждавшую у водопада:
Поведай же мне,
В какой стороне
Искать теперь Эльдорадо?»

И слышит от ней:
«В долину Теней,
Не сводя горящего взгляда,
Днем и в ночи,
Рыцарь, скачи,
Если ищешь ты Эльдорадо».

Этот перевод ритмически выверен и содержательно адекватен исходному тексту. Вместе с тем очевидны серьезные стилистические недочеты. Я не могу согласиться с необходимостью включения в ткань стихотворения водопада как места, где блуждает Тень – выбор этого слова зависит только от рифмы. Странно звучит напутствие рыцарю не сводить горящего взгляда с чего-то (объект не уточняется). Вызывает возражение любительская рифма

«обошел – не нашел». Алогична фраза «встал он без сил». Не думаю, что стилистически оправданы архаические обороты «вопросил» и «от ней».

Перевод Г. Бена:

В блеске одежд,
Полон надежд,
Днем и во тьме ночной
Рыцарь скакал
И с песней искал
Эльдорадо – край золотой.

Прошло много лет,
Он стар и сед,
На сердце – мрак ночной;
На сотнях дорог
Он найти не смог
Эльдорадо – край золотой.

И сил лишен,
Встретился он
С блуждающей тенью ночной
И взмолился ей:
«Иль нет путей
В Эльдорадо – край золотой?»

«Чрез Лунные Горы, -
Сказала она, -
В долину тени ночной
Смелей скачи
И там ищи
Эльдорадо – край золотой!»

Переводчик сумел красиво передать ритм стихотворения и нашел оригинальное решение, отказавшись от финальной позиции для слова «Эльдорадо». В этом переводе смысловым каркасом является антитеза «ночной» — «золотой», т.е. тьма и свет, грусть и радость, жизнь и мечта. Найдено точное соответствие тени, упавшей на сердце – «мрак ночной». На мой взгляд, перевод не диссонирует с идеей и тональностью исходного стихотворения в авторском дополнении – «сотня дорог» и в уточнении коммуникативного поступка рыцаря:

«взмолился». Отчаяние героя выражено в форме отрицательного вопроса: «Иль нет путей…?»

Итак, приведенные версии перевода стихотворения Эдгара По «Eldorado» на русский язык свидетельствуют о том, что идея этого поэтического шедевра – вечное стремление к достижению несбыточной мечты — оказалась созвучной русской лингвокультуре и литературной традиции, а его замечательная форма воспринимается переводчиками как возможность проявить свое мастерство. Адекватная передача содержания стихотворения во многом основана на сохранении смыслового напряжения между словом «Эльдорадо» и рифмующегося с ним слова. В русских переводах мы сталкиваемся с весьма частыми дополнениями концептуального плана (концепты и реалии русской картины мира), значимым изменением тональности стихотворения (его снижением в область разговорного языка) и прямолинейностью ассоциаций.

3.6. Линии Стивена Крейна: лингвокультурный комментарий

Стивен Крейн (Stephen Crane, 1871-1900), поэт, прозаик, журналист – оставил яркий след в художественной литературе США. Литературоведы ведут дискуссии относительно того, к какому направлению можно отнести его произведения. Его называют представителем натурализма и импрессионизма, его считал своим учителем Э.Хемингуэй, его яркие, лаконичные, предельно искренние стихотворения, написанные верлибром, перекликаются с шедеврами Уолта Уитмена, Эмили Дикинсон, Томаса Стернза Элиота, Генриха Гейне. С. Крейн, к сожалению, мало известен в России, хотя его творчество привлекло к себе внимание таких признанных мастеров поэтического перевода, как А. Сергеев, В. Британишский, А. Кудрявицкий. Сам поэт называл свои стихотворения линиями, очевидно, вкладывая в слово противопоставление обычным поэтическим текстам. Действительно, его произведения резко отличаются от привычных стихотворений как по форме, так и по содержанию. Все линии Стивена Крейна

заслуживают комментариев, его произведения образуют целостный текст, в котором любое стихотворение представляет собой завершенную философскую миниатюру, открытую для истолкования.

Приведу некоторые стихотворения с их переводами.

Many workmen
Built a huge ball of masonry
Upon a mountain-top.
Then they went to the valley below,
And turned to behold their work.
"It is grand," they said;
They loved the thing.
Of a sudden, it moved:
It came upon them swiftly;
It crushed them all to blood.
But some had opportunity to squeal.

Впечатляет символический образ, положенный в основу стихотворения: огромный каменный шар, построенный на вершине горы, на который смотрят с восхищением и который внезапно начинает катиться вниз и насмерть давит своих создателей. Это аллегория нашей цивилизации: здесь можно найти пересечение с Вавилонской башней – попытка горделиво построить нечто великое, и с протестами луддитов, уничтожавших инструменты (поразительно современное прочтение этой аллегории как уничтожение человечества роботами, идея, лежащая в основе ряда фантастических предостережений, например, в фильме «Терминатор»). Нарратив предельно прост: постройка завершена, рабочие спускаются в долину, чтобы полюбоваться своим произведением, внезапно огромный шар устремляется вниз и уничтожает строителей.

Обратим внимание на стилистику текста. Повествование ведется в торжественно-архаической манере, напоминающей библейский стих. Действующие лица – workmen («рабочие»): workman – a man who uses physical skill and especially his hands in his job or trade (CIDE), т.е. люди, занятые физическим трудом и имеющие специальную подготовку. Слово *masonry* («каменная кладка») толкуется следующим образом: the bricks and pieces of stone that are used to make a building: *An old masonry wall collapsed, sending a large*

amount of debris crashing down onto the courtyard (CIDE); the bricks or stone from which a building, wall etc has been made: *Several people were buried under falling masonry* (LDCE). Обратим внимание на то, что в иллюстративных примерах словарей каменная кладка является старой, стена падает и убивает людей. Вероятно, такое развитие событий было типичным, если оно отложилось в ассоциативном содержании толкуемого концепта. Соорудив этот огромный шар из каменных глыб, рабочие спустились в долину и обернулись, чтобы посмотреть на результат своего труда. Поэт выбирает слово behold – («увидеть, узреть»): to see or look at: *The new bridge is an incredible sight to behold* (CIDE); *The beauty of the garden was a pleasure to behold* (LDCE). Данный глагол часто используется в Библии со значением «смотреть с удивлением и восхищением», этот же смысл выражается в словарных иллюстрациях. Свое создание рабочие оценивают словом *grand* («величественный, грандиозный») – splendid in style and appearance; attracting admiration and attention. *The Palace of Versailles is very grand* (CIDE). Это слово используется для объектов или событий, вызывающих восхищение. Затем наступает кульминация события в виде трех действий: вдруг шар начал двигаться, быстро настиг людей (в наречии swiftly акцентируется быстрота и легкость движения) и раздавил их насмерть (crush означает to press (something) very hard so that it is broken or its shape is destroyed: *The package had been badly crushed in the post* (LDCE). Подчеркивается сила давления и уничтожение формы объекта. Идея уничтожения усилена выражением «*до крови»*, т.е. от людей осталось только пятно крови. Последняя строка наполнена горькой иронией: «*но некоторые имели возможность взвизгнуть»*.

В этой притче мы видим несколько противопоставлений: вершина горы – долина, любование – страшная смерть, восторженная оценка – визг, и в итоге – попытка создать нечто великое и расплата за нее.

Эта миниатюра существует на русском языке в нескольких переводах.

Перевод А. Сергеева:

Многие каменщики
Сложили огромный кирпичный шар

На вершине горы.
Затем они спустились в долину
И обозрели свое творение.
- Величественно, – сказали они;
Шар им нравился.
И вдруг он покачнулся
И покатился на них
И мгновенно всех раздавил.
Но некоторые успели взвизгнуть.

В этом переводе бережно сохранена тональность оригинального текста и максимально точно переданы исходные фразы. Переводчику удалось передать удовлетворение рабочими своей работой, быстроту развития событий и финальный сарказм повествователя. Переводчик использует вполне оправданное уточнение («каменщики» вместо «рабочих», «кирпичный» вместо «каменный»). Архаичное выражение «многие каменщики» соотносится с текстами, в которых подобные сочетания обозначали «многочисленные». Своеобразен глагол «сложить», который передает идею строительства, возможно, переводчик открывает в данном случае перед читателем иную перспективу восприятия текста – сложить узор, соединить элементы мозаики и тем самым разгадать некоторую загадку. Обращает на себя внимание ироничное выражение «*обозрели свое творение*». В оригинальном тексте ирония появляется только в финальной фразе.

Перевод А. Кудрявицкого:

Артель рабочих
Соорудила огромный каменный шар
На вершине горы.
Потом труженики спустились в долину
И, обернувшись, стали любоваться делом рук своих.
- Это грандиозно, – говорили они.
Им нравилось их творение.
Вдруг шар качнулся и покатился вниз;
Он мгновенно настиг людей
И раздавил их всех.
Некоторые, правда, успели вскрикнуть.

В этом переводе сохранена торжественная тональность оригинала, его ритмика. Переводчик внес некоторые коррективы в текст: здесь действует артель рабочих

(С.Крейн говорит о множестве), затем эти люди получают наименование «труженики» (в оригинале используются только местоимения третьего лица), и наконец, финальная строка звучит мягче: «*вскрикнуть»* красивее, чем «*взвизгнуть»*. Идея стихотворения передана точно.

Перевод Е. Кузьмишина:

Много рабочих
Укладывали огромный каменный шар
На горной вершине.
Потом они спустились в долину
И оглянулись на труды рук своих.
«*Прекрасно!» – сказали они;*
Им это понравилось.
И вдруг он пришел в движение,
Он быстро подкатился к ним
И смял их в кровь.
Но кое-кому удалось уползти.

Данный перевод соответствует идее оригинала, отклоняясь от нее только в финальной фразе: переводчику стало жаль раздавленных людей, исчезла ирония. Очень точно передана идея гибели строителей – каменный шар «*смял их в кровь»*.

Не менее глубокий смысл содержится и в следующем стихотворении.

The wayfarer
Perceiving the pathway to truth
Was struck with astonishment.
It was thickly grown with weeds.
"Ha," he said,
"I see that none has passed here
In a long time."
Later he saw that each weed
Was a singular knife.
"Well," he mumbled at last,
"Doubtless there are other roads."

Символический образ препятствий на пути к истине очень необычен: это сорняки на тропинке, представляющие собой ножи. Сначала путник, идущий по этой тропинке, с изумлением замечает, что она заросла сорняками, и делает вывод, что уже давно здесь никто не ходил. А затем, вглядевшись в эти сорняки, он отступает, говоря, что

несомненно есть и другие дороги. Идея дороги к истине стандартна и имеет общечеловеческий характер. В китайской культуре путь (Dao) является одной из центральных философских категорий. Выражения о людях, которые ходят путями праведными или неправедными, изобилуют в Библии. Известна фраза К. Маркса из предисловия к «Капиталу»: «*В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам»*. Мысль о трудной дороге к истине является аксиомой. Но идея жертвенности движения по этому пути неочевидна. И закономерно, что многие отступают. Обратим внимание на авторскую иронию: путник сначала гордится собой, поскольку сразу же думает о лаврах первопроходца, а затем приводит благоразумный аргумент в пользу поиска менее опасного пути. Автор оставляет читателю самому решить вопрос о том, существует ли такой путь. Образы жалящих или колючих растений на пути встречаются в сентенциях мыслителей. Например, «*Истина – это крапива; кто слегка до нее дотрагивается – обжигается, тому же, кто смело к ней подходит, она не причиняет ни малейшего вреда*» (М. Сафир), «*Я вижу в жизни только один путь, покрытый терновыми кустами, которые рвут наши одежды и под конец оставляют нас обнаженными и покрытыми ранами»* (О. Сэн-Бартелеми). Интересно, что и немецкий писатель-юморист, и французский поэт-сатирик являются ровесниками: они родились в конце XVIII в., века просвещения, когда умами людей владела идея триумфального разума. Растение-нож – это сюрреалистический образ, Стивен Крейн сильно опередил своё время.

Стилистика этого произведения заслуживает пристального рассмотрения. Обратим внимание на наименование путника – *wayfarer* (книжн. «путник, странник») – a traveler by road, esp. on foot (SOED); *literary* someone who travels from one place to another on foot. *In the main, the destitute wayfarers were treated well* (LDCE). Книжно-литературное обозначение путников акцентирует их способ передвижения – пешком. В словарных иллюстрациях приводятся такие характеристики путников, как «бедные,

нуждающиеся». Глагол *perceive* («воспринимать, понимать, постигать») трактуется в словарях в двух значениях: 1) to see (something or someone), or to become aware of (something that is obvious). *Bill perceived a tiny figure in the distance*; 2) to come to an opinion about (something), or have a belief about (something). *How do the French perceive the British (= What do they think they are like)*? (CIDE). Автор использует это слово в двух смыслах одновременно: истина, будучи абстрактным понятием, открыта для понимания или постижения, но тропинка к ней показана как нечто конкретное, воспринимаемое чувствами. Слово pathway («тропинка, дорожка») объясняется так: a track which a person can walk along, or (figurative) a set of actions you take in life; a path. *New pedestrian pathways are being built alongside the road. (*figurative*) Working your way up through a company is a difficult pathway* (CIDE). Подчеркивается идея движения по тропинке, способа продвижения. Отсюда и переносное значение – последовательность поступков в жизни. Итак, шедший по тропе, ведущей к истине, был удивлен – автор подчеркивает – «сильно удивлен» (astonishment – great surprise). Дорога густо заросла сорняками. Вербальная реакция путника выражается междометием ha («*ха! а! ба!»* – восклицание, выражающее удивление, радость, торжество) – exclamation esp. humorous, used to express satisfaction that something bad has happened to someone who deserves it, or to express a feeling of victory. *Ha! So I am right after all!* (CIDE). Это – победный клич. Путник торжествует, поскольку слава обладателя истины теперь достанется ему. А затем он увидел, что каждое растение было особым ножом – a singular knife. Прилагательное *singular* («*исключительный, необычайный»*) объясняется следующим образом: *formal* of an unusual quality or standard; noticeable. *She was a woman of singular beauty* (CIDE). Это были единственные в своем роде ножи. Путник на некоторое время застыл на месте и пробормотал: *Well* (междометие с широким диапазоном смыслов, выражающее переключение темы беседы, заполнение паузы, ожидание и др.). Финальная фраза – слова странника о том, что есть и другие дороги, в этой фразе значима модальная оценка *doubtless* («*бесспорно, несомненно»*) – very probably (LDCE).

Путник, как мы видим, остается высокого мнения о себе, поскольку считает, что поступает благоразумно.

Рассмотрим переводы.

Перевод А. Сергеева:

Путник
Набрел на дорогу к истине
И изумился:
Так густо она заросла травой.
- Ба! – сказал он, -
Я вижу, давным-давно тут
Никто не ходил. -
И вдруг он заметил, что каждая
Травинка – нож.
- М-да, – заключил он, -
Конечно, должны быть другие дороги.

Переводчик акцентирует случайность выхода на тропинку к истине («*набрёл на дорогу*»). Вместо слова «*тропинка»* используется слово более размытого значения «*дорога»*. Для подчеркивания степени изумления А.Сергеев использует слово «так»: «*так густо она заросла»*. Точно передана разговорная тональность слов путника: «*давным-давно тут никто не ходил»*. Переводчик жертвует описанием речи героя, который не бормочет, а отчетливо изъясняется, важен результат: «*заключил он»*. Финальная строка усиливает высокую вероятность наличия и необходимость поиска другой дороги: «*должны быть другие дороги»*.

Перевод А. Кудрявицкого:

Путник,
Отыскавший тропинку к Правде,
Вдруг застыл в изумлении:
Она густо заросла травой.
- Гм, – сказал он, -
Похоже, здесь давно уже
Никто не ходил.
Потом он заметил, что каждая травинка
Острый нож.
- М-да, – пробормотал он тогда, -
Поищу-ка я другую дорогу.

В этом переводе точно передано содержание данной философской притчи. Тропинка к истине найдена.

Переводчик выбирает слово «*правда»* для обозначения истины и пишет это слово с заглавной буквы. В принципе, концепт «правда» является сугубо русским ментальным образованием, соединяя в себе истину и справедливость. Правда – это истина с моральным содержанием. Но в контексте данного стихотворения такая дистинкция не актуальна. Кстати, и ситуация борьбы за истину либо за правду нейтрализует это тонкое семантическое различие. Выражение «*застыл в изумлении»* более точно передает состояние путника, чем слово «*изумился»*. В переводе меняется эмоциональная тональность речи героя: восторженное восклицание уступает место задумчивому «*гм»*. Отметим, что А. Кудрявицкий не оставил вне поля зрения эпитет к слову «*нож»* – «*острый нож»*. Финальная строка менее жестко, чем в другом переводе, характеризует героя, который открыто признается в своем фиаско.

Перевод Е. Кузьмишина:

Странник,
Увидев Тропу к Истине,
Был поражен -
Она заросла травою.
«Ага! – сказал он, -
Видно, никто здесь уже давно
Не проходил.»
А потом он увидел, что каждая травинка -
Это лезвие ножа.
«М-да... – пробормотал он наконец. -
Поищу-ка я другую дорогу...»

Переводчик находит точное обозначение для состояния путника: «*Странник … был поражен»*. Написание ключевых слов «*Тропа»* и «*Истина»* с заглавной буквы вкладывает в эти слова дополнительный глубокий смысл. Странник использует сниженно-разговорное междометие «*ага»*, которое может передавать широкую гамму чувств, в том числе и радость (так могут прореагировать рыбаки, вытаскивая улов, или те, кто метко попал в цель). Е. Кузьмишин посчитал необходимым усилить слово «*нож»*, выбрав уточняющее словосочетание «*лезвие ножа»*. На мой взгляд, это – удачная находка. Точно передано замешательство героя: «*Пробормотал он наконец»*.

Многоточие в конце стихотворения показывает, что путник понимает свое поражение.

Трагическое непонимание между мирозданием и человеком выражено в следующем тексте:

A man said to the universe:
"Sir, I exist".
"However," replied the universe,
"The fact has not created in me
A sense of obligation."

Человек заявляет о своем существовании и слышит в ответ выражение насмешливого безразличия.

Стилистика этого лирического шедевра предельно проста. Исходная ситуация – некий человек, существо с неопределенным артиклем, обращается ко вселенной, к универсуму (при желании, это можно трактовать и как обращение к Богу) с удивительными словами: «*Я существую»*. В своем обращении человек, осознавая свой статус подчиненного, использует вежливое слово *sir*. Что стоит за этой констатацией о существовании? Это напоминание о себе, требование считаться с собой, желание получить эмоциональный отклик и осознание отсутствия интереса к себе. Универсум дает многословный ответ, состоящий в признании этого факта и отсутствии какой-либо ответственности перед человеком. Ответ напоминает казуистику юридической переписки. Четко слышна насмешливая интонация в ответе. Показательно начальное *however* (“однако, тем не менее, несмотря на”) – despite this; nevertheless. *This is one possible solution to the problem. However, there are others* (CIDE). Смысл этого диалога можно трактовать как трагедию маленького человека, как ироничное признание тотального равнодушия в мире, как требование к человеку осознавать то, что он есть микрокосм и не должен ни перед кем заискивать. Перед нами классическая загадка с открытым числом решений. Подобные креативные тексты заставляют читателя выйти за рамки заданных координат мироустройства.

Сравним интерпретацию этого текста в разных переводах.

Перевод В. Британишского:

Человек обратился к космосу:

«Сударь, я существую!»
«Однако же, – возразил ему космос, -
Этот факт не родил во мне
Чувство долга».

В качестве адресата назван космос. Это позволило переводчику нейтрализовать трудности, связанные с передачей нюансов обращения ко вселенной как существу женского рода в русском языке. Человек использует устаревшее русское вежливое обращение «*сударь»*. Так обращались к равным. Английское sir допускает такое прочтение, однако представляется странной логика обращения к равному с констатацией своего существования. Переводчик использует глагол «*возразить»* для передачи ответной реплики космоса. Возражение предполагает несогласие. С чем же не согласен космос? Вероятно, с подразумеваемым требованием испытывать чувство долга к человеку.

Перевод А. Кудрявицкого:

Человек сказал Вселенной:
- Смотри! Я существую!
- Да, – ответила Вселенная, -
Но сей факт еще не означает,
Что я должна о тебе заботиться.

Этот перевод очень точен по форме и содержанию. Переводчик уходит от формального использования обращения *sir* и использует энергичное средство привлечения внимания: «*Смотри!»*. Такая ситуация приводит к мысли о диалоге выросшего ребенка и матери. Парафраза исходного словосочетания «*чувство обязанности»* словами «*я должна о тебе заботиться»* представляется вполне оправданной. В переводе погашена ирония, с которой вселенная говорит с человеком.

Перевод Е. Кузьмишина:

Человек сказал Вселенной:
«Леди, я существую!»
«Ну и что же? – ответила Вселенная.
- Это что, значит, я тебе
Чем-то обязана?»

В этом переводе общение приобретает сниженный и немного абсурдный характер. Вряд ли можно считать

творческой удачей переводчика замену слова «*сэр»* на слово «*леди»*. Такой диалог становится чересчур этномаркированным, в то время как речь в нем идет о глобальных вещах. В целом же реакция вселенной (обратим внимание на написание этого слова с заглавной буквы) точно отражает исходный оригинальный текст по сути. Словосочетание «*Ну и что же?»* выражает отношение космоса к человеку. Верно передана тональность оригинала в словах «*Я тебе чем-то обязана?»*. Заслуживает внимания и асимметричность местоимений «*ты»* и «*Вы»* в этом диалоге (после использования слова "*леди*" на "*ты*" обратиться невозможно). Но леди Вселенная считает допустимым обратиться к человеку, как к своему слуге, хотя в английском такое использование местоимения второго лица единственного числа невозможно. Сниженно звучит и словосочетание «*Это что, значит, я…»* Леди так не говорят.

Подведём основные итоги.

Философские миниатюры Стивена Крейна посвящены месту человека в мире. Автор иронически оценивает попытки людей преувеличить собственную значимость. Линии С. Крейна представляют собой образец креативного поэтического дискурса. В этих текстах ставятся вопросы, на которые нет и не может быть готовых ответов. Поэтические идеи выражаются в индивидуально-авторских образах с высокой символической мощностью. Нарративные схемы в философских притчах С. Крейна сводятся к контрасту типичного человеческого поведения и неожиданного развития событий. Переводы этих миниатюр на русский язык свидетельствуют о разных модусах понимания поэзии, свойственных переводчикам, при этом наиболее сложной интерпретативной задачей оказалась передача иронической тональности автора.

Выводы

Одним из измерений дискурса является его смысловая глубина. Существует дискурс, не предполагающий поиск неочевидного смысла, дискурс, допускающий наличие

такого смысла, и дискурс, системообразующим признаком которого является скрытый смысл. В этом плане можно выделить герменевтический дискурс, суть которого состоит в истолковании неочевидного смысла.

Истолкование смысла может быть представлено в виде трехмерного образования: знание – понимание – интерпретация. Вектор понимания направлен на внутренний мир субъекта, вектор интерпретации обращен вовне. С позиций филологической герменевтики противопоставляются два типа знания - ориентационное и фундаментальное, в рамках последнего выделяются субстанциональное и процедурное знание. Ориентационному знанию соответствует узнавание, фундаментальному – понимание, последнее может быть систематизирующим (уразумение) и смыслообразующим (постижение). Типы понимания соотносятся с типами интерпретации. Ориентационное знание стремится к максимальной информационной компрессии. Фундаментальное знание стремится к амплификации - развернутой вербализации информации. Амплификация проявляется в двух модусах интерпретации - ассоциативно-художественном и рационально-дискурсивном.

Прототипным жанром герменевтического дискурса является комментарий – истолкование некоторого явления, или текста в широком понимании слова, по Ю.М. Лотману. Комментарий выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте.

Комментарий переводного художественного произведения представляет собой особый тип толкования текста. Перевод есть метатекст, а его толкование – мета-метатекст. В качестве иллюстрации герменевтического дискурса были проанализированы некоторые произведения мировой художественной литературы.

Заключение

Антропологическая лингвистика представляет собой систему знаний о языковом сознании и коммуникативном

поведении. Единицей такого знания является транслируемый смысл, закрепленный в значении языковых единиц и выходящий за рамки этой закрепленности. В этой книге обсуждались проблемы коммуникативной точности, интерпретативной глубины и ситуативно-культурной обусловленности смысла. Эти характеристики смысла являются координатами общения.

Признак коммуникативной точности дает возможность противопоставить три базовых типа дискурса – принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный. Неточное общение предназначено для установления эмоционального контакта с адресатом и демонстрации своей идентичности. Вербальная составляющая такого общения минимальна, хотя в ряде случаев коммуниканты участвуют в фатическом дискурсе, обмениваясь весьма развернутыми и сложными по форме высказываниями, за которыми, однако, стоит фактически нулевая информация.

Относительно точное общение происходит в разнообразных обиходных и институциональных коммуникативных ситуациях. Такое общение можно назвать рутинным дискурсом. Этот дискурс опирается на житейский опыт, практическое знание и значения повседневно используемых слов. Рутинный дискурс объединяет всех людей, поскольку выражает распределенный коллективный опыт. Люди обычно не задумываются над смыслом слов в рутинном общении, значения таких слов самоочевидны. Именно на уровне рутинного общения существуют этнокультурные концепты, содержание которых не подвергается сомнению или уточнению в обиходной коммуникативной практике.

Существуют такие коммуникативные ситуации, которые требуют точного общения. Креативный дискурс является личностным, он направлен на достижение максимальной точности смыслов в бытийном общении. Уточню: речь идет о бытийном содержании и креативных способах выражения этого содержания. Креативный дискурс порождает новые смыслы и сопряжен с трудным, порой мучительным поиском наиболее точного соответствия слова смыслу, а

нахождение такого слова приносит большую радость. Креативный дискурс объединяет небольшую часть коммуникантов.

Можно выделить смысловые образования, выработанные коммуникативной практикой и предназначенные для неточного, относительно точного и принципиально точного типов дискурса - эпиномы, эргономы и акрономы.

Признак интерпретативной глубины позволяет разграничить типы дискурса, не требующие поиска скрытых смыслов, ориентирующие на такой поиск и состоящие в этом поиске. Предлагается выделить эмблематический, аллегорический и символический модусы общения. Эмблематический дискурс предназначен для моментального считывания смысла и не нуждается в развернутой интерпретации. Аллегорический дискурс требует некоторых усилий от адресата для того, чтобы осознать определенный смысл, и при этом допускает однозначную интерпретацию. Символический дискурс принципиально открыт для множественных интерпретаций. Один и тот же текст может получить как эмблематическое, так и аллегорическое или символическое осмысление в зависимости от установок коммуникантов, хотя существуют текстотипы и тексты, предназначенные только для одного из модусов общения.

Есть определенные точки пересечения между эпиномами и эмблематическим дискурсом, эргономами и аллегорическим дискурсом, акрономами и символическим дискурсом. Каждый модус дискурса обусловлен коммуникативными потребностями людей, и поэтому такие модусы являются константами общения, порождая соответствующие жанры речи и типы языковых личностей.

Одной из существенных характеристик современной массовой культуры является сведение разнообразных языковых средств и речевых жанров к обиходному эмблематическому эпиномному способу общения. Эпиномный дискурс имеет свою ситуативную нишу. Разрастаясь за рамки этой ниши, данный тип общения ведет к девербализации – обеднению языковой культуры.

Концепты – сложные ментальные образования, в составе которых можно выделить понятийные, образные и ценностные признаки – допускают множественное измерение. Одним из измерений квантов переживаемого знания является их вектор конфигурации смыслов, исходный перцептивный образ, организующий всю тематическую область соответствующего концепта. Это измерение концептов дает возможность объяснить их смысловую деривацию.

Осмысление действительности находит специфичное выражение в различных сторонах концептов, при этом все возможные признаки, относящиеся к осознаваемому фрагменту реальности, образуют когнитивную матрицу соответствующего концепта. Этнокультурное, социокультурное и индивидуально-авторское своеобразие концептов состоит в актуализации специфического набора признаков такой матрицы.

Ценностная составляющая регулятивных концептов может иметь сложную структуру и содержать двойственную оценку, обусловленную позициями участников либо зрителей некоторой оценочно маркированной ситуации.

В ряду лингвокультурных концептов выделяются ментальные образования, содержание которых выражает социально-исторические нормы поведения, которые можно рассматривать как индикаторы эпохи. Непонимание этих концептов в новых исторических условиях объясняется замещением ценностных доминант общества.

Разновидностью лингвокультурных концептов являются типажи – узнаваемые представители общества, поведение которых определяет культурные доминанты социума. Можно выделить социокультурные параметры личности как направления персонологической типизации, позволяющие описать ту или иную картину мира.

Противопоставляя типы дискурса по признаку интерпретативной глубины, мы приходим к выводу о том, что существует дискурс, не предполагающий поиск неочевидного смысла, дискурс, допускающий наличие такого смысла, и дискурс, основным признаком которого является скрытый смысл. Дискурс, направленный на

истолкование неочевидного смысла, является герменевтическим. Прототипным жанром этого дискурса выступает комментарий – разъяснение смысла текста, допускающего множественное толкование.

Литература

Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.607-608.

Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С.110-111.

Авдосенко Е.В. Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 17 с.

Адамова М.В. Семантически сопряженные категории Freude и Trauer и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.

Агаркова Н.Э. Концепт «ДЕНЬГИ» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 20 с.

Агиенко М.И. Структуры концептов *правда, истина, truth* в сопоставительном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.

Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике): монография. Самара: Самар. гуманит. акад, 2003. 168 с.

Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1998. 182 с.

Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге: монография. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 2005. 198 с.

Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 20 с.

Алейников А.Г. Креативная лингвистика (обоснование, проблемы и перспективы) // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: Изд-во ин-та языкознания АН СССР, 1988. С.77-89.

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синэргетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.

Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 18 с.

Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 318 с.

Анашкина Н.Ю. Языковая картина мира в текстах английских стихов Nursery Rhymes и в их переводах на русский язык: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 20 с.

Английская поэзия в русских переводах. XX век. Сборник. Сост. Л.М. Аринштейн, Н.К. Сидорина, В.А. Скороденко. На англ. и рус. яз. – М.: Радуга, 1984. – 848 с.

Андреева И.В. Опровержение в институциональном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.

Анисимова Е.Е. Русский человек в зеркале рекламы // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. Вып.4. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.4-9.

Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Речевая компетенция менеджера: учебное пособие. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. 480 с.

Аничков И.Е. Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А.Мейе) // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С.140-150.

Анненкова О.В. Лингвокультурные характеристики англосаксонского властного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1-7. Волгоград: Парадигма, 2005-2009.

Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-66.

Арнольд И.В. Герменевтика эпиграфа // Слово – высказывание — дискурс: междунар. сб. науч. ст. / Под ред. А.А. Харьковской. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С.8-15.

Арская М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в совоременном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 24 с.

Артёмова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц (на материале английской и русской форазеологии): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 16 с.

Артёмова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.136-137.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К.Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С.54-78.

Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С.73-99.

Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С.5-29.

Арутюнян Н. Лингвокультурологический анализ трансцендентных концептов: монография. Ереван, 2008. 255 с.

Арутюнян Э.Б. Концепт «Храм» // Studia Linguistica – XI. Проблемы когнитивной семантики: сб. статей. СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. С.193-206.

Архипенкова А.Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативной культурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 17 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С.267-279.

Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография. Волгоград: Нива, 2008. 244 с.

Ашихманова Н.А. Трансформация ценностей в индивидуально-авторской концептосфере (на материале произведений Джона Барта): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 21 с.

Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.

Бабаева Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.

Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук, 2004. 40 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 с.

Бабушкин А.П. Личностная и национально-культурная специфика концептов разных типов // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А.Стернина и М.А.Стерниной. Воронеж: Истоки, 2009. С.87-95.

Бавин П. Слух – между словом и делом // Социальная реальность. 2006. № 6. С.7-22.

Бадмаева Т.И. Концепт «вода» в английской лингвокультуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 18 с.

Багдасарян Т.М. Речевое поведение врачей-психотерапевтов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 17 с.

Багичева В.В. Перцептивные смыслы концепта *жизнь* в творчестве рок-поэтессы Янки Дягилевой // Лингвокультурология. Вып. 2. Екатеринбург: Урал.гос.пед. ун-т, 2008. С.15-21.

Багрянская Н.В. Особенности коммуникативного поведения военнослужащих // Язык и национальное сознание. Вып.5. Воронеж: Истоки, 2004. С.173-180.

Баженова Л.С. Эстетические концепты «прекрасное» / «безобразное» в англоязычном сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.

Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре (И.А.Гончаров «Обыкновенная история») // Res linguistica: Сб. статей. К 60-летию профессора В.П.Нерознака. М.: Academia, 1999. С.130–147.

Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.

Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 20 с.

Балакина З.Ю. Национально-культурная специфика лексикографического описания эмоциональных концептов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.

Балалыкина Э.А. Представление о красоте в русском языковом сознании // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ 30 ноября – 2 декабря 2001 г. Казань: Школа, 2002. С.24-35.

Балашов С.Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX в. и их русских переводов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 25 с.

Балашова Е.Ю. Концепты *любовь* и *ненависть* в русском и мериканском языковых сознаниях: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.

Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. 188 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т.56. № 1. С.11-21.

Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С.11-21.

Бархударов Л.С. И снова – «Эльдорадо» // Тетради переводчика. Вып. 19. Под ред. проф. Л.С. Бархударова. – М.: Высшая школа, 1982. С.53-59.

Барышников М.С. Семантика и прагматика девизов на монетах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волоград, 2009. с.

Басангова Т.Г. Концепт «счастье» в обрядовом фольклоре калмыков // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. Вып.1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С.42-44.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т.5. М., 1996. С.159-206.

Бейлинсон Л.С. Нарушение речи как предмет лингвистического изучения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». № 5 (23). 2007. С.18-23.

Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград: Перемена, 2009. 266 с.

Белова Ю.А. Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2009.

Белозерова Е.В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

Белоусова Н.П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 16 с.

Беляева И.С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма : на материале произведений Владимира Набокова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.

Беляков А.А. Актуализация концептов Verstand и Vernunft на материале художественной литературы и публицистики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.

Береснева Л.В. К вопросу о когнитивно-прагматических характеристиках коммуникативной ситуации «застолье» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: сб. науч. тр. Вып.VII. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2005. С.88-97.

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 19 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические в русском переводе с параллельными местами. Минск: Новая жизнь, 1993.

Блинова И.С. Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.

Блок А. Интеллигенция и революция // Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. М.-Л.: Гос. изд. худ. лит., 1962. Т.6. С.9-20.

Боброва Е.А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в англоязычной культуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.

Богин Г.И. Типология понимания текста: учеб. пособие. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. 88 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т.1 – 384 с. Т.2 – 391 с.

Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 23 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с.

Болотнова Н.С. К вопросу о декодировании поэтического текста // Вопросы стилистики. Вып.24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С.38-47.

Болотова Е.Н. Лексикон гуманитарного дискурса: специфика функционирования общенаучных терминов: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.

Бондарева Е.П. Актуализация концепта *мысль* в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 18 с.

Бондаренко Е.В. Время как лингвокогнитивный феномен в англоязычной картине мира: монография. Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2009. 377 с.

Бондаренко Т.В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.

Бондаренко Я.А. Дискурс акцентуированных языковых личностей: коммуникативно-когнитивный аспект (на материале персонажной речи в современной американской художественной прозе): автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 2002. 20 с.

Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 48 с.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. Сочи, 1999. 92 с.

Борисова Е.Г. Особенности антиглобалистского дискурса в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып.17. Екатеринбург, 2006. С.26-35.

Борисова М.Б. Концепт «чудак» в художественном мире М.Горького // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Союз, 2001. С.362-370.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.

Брыжина Т.С. Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 25 с.

Бубнова И.А. Психолингвистический анализ индивидуальной специфики концепта абстрактного понятия *власть* // Вестник Минского гос. лингв. ун-та. Серия 1. Филология. №1 (17). 2005. С.7-18.

Буданова Т.А. Отзывчивый в русской языковой картине мира // Слово есть дело: Юбилейный сборник научных тудов в честь проф. И.П.Лысаковой. Т.1. СПб.: Сударыня, 2010. С.305-309.

Булатникова Е.Н. Концепты *лошадь* и *автомобиль* в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Кто виноват и что делать? // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. X. СПб.: Сударыня, 2009. С.20-23.

Бурыкин А.А. Коммуникативные и социальные функции языка // Вестник Магнитогорского университета. №1. 2000. С.106-110.

Буряковская В.А. Стратегии расистского дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С.200-207.

Бусоргина Н.Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 20 с.

Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2004. 22 с.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 33 с.

Бычкова Т.А. Концепт «жизнь – смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2004. 18 с.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998. С.44-88.

Вайс Д. Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг: сб. статей / Отв. ред О.Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.259-272.

Валуйская О.Р. Глубина текста как лингвистическая категория (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 21 с.

Варгина Е.И. Научный текст: функция воздействия: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2004. 31 с.

Варнавская О.О. Особенности языка философского научного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 22 с.

Варнавских Н.В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 16 с.

Варшавская А.И. Процессный подход к анализу дискурса-текста // Диалектика текста: в 2 т. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С.22-40.

Васильев Л.Г. Понимание гуманитарного научного текста: основы аргументативного подхода // Семантика слова и текста: психолинг-вистические исследования. Тверь, 1998. С.146-149.

Васильева Л.А. Лингвокультурный типаж «британский премьер-министр»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2010. с.

Васильянова И.М. Особенности аргументации в судебном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2007. 17 с.

Вахтель Н.М. Модели чисто русских речевых актов // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.1. Воронеж: Истоки, 2000. С.45-46.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.

Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С.467-499.

Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С.118-156.

Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С.531-554.

Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.

Вербицкая О.Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 17 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1999. 84 с.

Верещагина Е.Н. Поэзия Арсения Тарковского в контексте традиций Серебряного века: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2005. 20 с.

Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 24 с.

Виноградов В.А. Культурный концепт и его лингвистические составляющие: БЛИЗНЕЦЫ // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб.

науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С.9-21.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

Вишаренко С.В. Принципы структурирования концепта «honour» и текстовая реализация его ядерных компонентов: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1999. 23 с.

Вишневский А.В. Семантические особенности наименований битвы в древнеанглийской поэзии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иваново, 1998. 16 с.

Власова С.А. Концепт «life» в современной англоязычной культуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 17 с.

Волкова Н.А. Высмеивание и аргументирование: проблема взаимодействия речевых жанров: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.

Вольский А.Л. Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб, 2008. 36 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С.64-72.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 142 с.

Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007а. 284 с.

Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007б. С.8-93.

Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.

Воронина К.В. Понятие нонсенса в лингвистике // Матеріали Всеукраїньскої наук. конф. «Каразінські читання: Людина. Мова. Комуникація». Харків: ХНУ им. В.Н. Каразіна, 2005. С.36-37.

Воронцова Т.И. О когнитивной основе балладного жанра // Studia Linguistica – XI. Проблемы когнитивной семантики: сб. статей. СПб., РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. С.237-240.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Гаврилова М.В. Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып.17. Екатеринбург, 2006. С.77-87.

Гаврилова Н.В. Лингвокультурный концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С.198-206.

Гак В.Г. Истина и люди // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С.24-31.

Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К.Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С.90-96.

Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрения, 1996. 352 с.

Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 289 с.

Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2006. 19 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.

Гашимов Э.А. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода (на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2005. 20 с.

Глушак В.М. Речеповеденческий аспект проклятий в немецкой лингвокультурной общности // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып.16. Екатеринбург, 2005. С.139-144.

Гойман А.А. Некоторые аспекты картины мира человека Древней Руси: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 25 с.

Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. С.7-28.

Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.

Гольдберг В.Б. Способы концептуализации в лексике // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов:Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С.97-127.

Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В.Гоголя: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 336 с.

Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 112 с.

Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

*Гончаренко Н.*В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.

Горбачева Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: КомКнига, 2006. 112 с.

Грабарова Э.В. Концепт “savoir-vivre” во французской лингвокультуре и его русские соответствия: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Грабарова Э.В. Концепт «savoir vivre» — «умение жить» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С.257-333.

Григорьева Е.Г. Эмблема: принцип и явление (теоретический и исторический аспекты) // Лотмановский сборник. Т.2. Сост. Е.В.Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С.424-448.

Гринштейн А.Л. Карнавал и маскарад: два типа культуры // Режим доступа: www.ssu.samara.ru/~scriptum/ carnaval.doc

Гришечкина Г.Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2002. 23 с.

Гришина И.И. Функционирование имени собственного в кроссвордной логике английской авторской волшебной сказки: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 21 с.

Гришина Н.В. Концепт *вода* в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка

XI-XX вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2002. 22 с.

Гришина О.А. Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке (на материале публицистических текстов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 23 с.

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 22 с.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Гулинов Д.Ю. Национальная специфика французской лингвокультурной сферы «гастрономия» (переводческий аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Гуляева Е.Ю. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.

Гурочкина А.Г., Давыдова Л.З. Функционирование формул речевого этикета в акте вербальной коммуникации // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1990. С.47-53.

Гусар Е.Г. От Авося до Халявы: к проблеме смены концептуальных констант // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Вып.6. М.-Барнаул, 2003. С.67-76.

Гусейнова И.А. Жанровая организация маркетингового дискурса. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 364 с.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: монография. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.

Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 16 с.

Данилов К.В. Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 22 с.

Даньшина Е.В. Театральность американского электорального дискурса // Матеріали Всеукраїньскої наук. конф. «Каразінські читання: Людина. Мова. Комуникація». Харків: ХНУ им. В.Н. Каразіна, 2005. С.57-58.

Дебренн М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 33 с.

Дедова С.А. Содержание понятийного компонента концепта «зло» в политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып.16. Екатеринбург, 2005. С.52-61.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж, 2000. 310 с.

Дементьев В.В. Жанровая структура фатической коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1995. 19 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 248 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

Дементьев В.В. Разговор по душам // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С.231-245.

Дементьев В.В. Флирт // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С.269-283.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып.4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С.5-34.

Демурова Н.М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // Мир вверх тормашками (английский юмор в стихах). М.: Прогресс, 1974. С.5-22.

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып.2. Методы анализа текста. М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. 288 с.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. №6. С.58-67.

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во МГУ, 1989. 172 с.

Демьянков В.З. Понимание // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С.124-126.

Демьянков В.З. Понятие и *концепт* в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1. С.35-47.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв.

ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.309-323.

Демьянков В.З. Значение и употребление лексем класса красота // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.601-609.

Демьянков В.З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С.169 - 208.

Демьянков В.З. **Текст** и **дискурс** как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С.34-55.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.- Калуга: Эйдос, 2007. С.26-33.

Денисов П.Н. О лексической специфике произведений В.И.Ленина // Лингвистические исследования ленинского наследия (к 120-летию со дня рождения В.И.Ленина): сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1990. С.88-104.

Денисова Т.А. Репрезентация концептов *мужчина* и *женщина* в языковом сознании русского народа: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 22 с.

Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.

Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 22 с.

Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

Дзюба Е.В. Концепт *инобытие* в поэзии М.И.Цветаевой // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.8. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С.104-111.

Димитренко М.В. Мифологема ‘Поэт’ в русском поэтическом дискурсе XIX-XX вв.: рефлексивно-коммуникативный потенциал и особенности вербализации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 29 с.

Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.74-88.

Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.

Долгова И.А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 26 с.

Донец П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. Харьков: Штрих, 2001. 386 с.

Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномен, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.

Дрыга С.Г. Концепт «путь» в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 23 с.

Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2003. 25 с.

Душенко К.В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // Человек: образ и сущность: ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.132-160.

Дьякова Л.Н. Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с.

Дьякова М.Ю. Речевая реализация стратегии компромисса // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / науч. ред. И.П. Лысакова. Вып. IX. СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2007. С.299-304.

Дьячков А.Н. Коллекционирование // Большая Советская Энциклопедия (В 30 т.). М.: Советская Энциклопедия, 1973. Т.12. С.432.

Евсюкова Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. эконом. ун-та, 2001. 256 с.

Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.

Евтушок Ю.Г. Языковая репрезентация концепта CRIME (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 15 с.

Егорова И.Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгогроад, 2008. 22 с.

Егорова М.А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиций: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 18 с.

Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект. Саратов: Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, 2002. 256 с.

Елина Е.А. Старая русская армия и ее типажи // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.106-128.

Елохова Г.В. Семантика эгоцентрических категорий: Pflicht и ее актуализация в современном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 22 с.

Емельянова Н.А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 18 с.

Ермакова А.В. Способы и средства реализации концептов ‘жизнь’ и ‘смерть’ в художественном тексте (на материале романов «Чевенгур» А.Платонова и «Казус Кукоцкого» Л.Улицкой): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 22 с.

Ермакова О.П. Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 108-116.

Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2005. 204 с.

Ермолаева Е.Н. Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 21 с.

Есенова Т.С. Этническое содержание калмыцкой концептосферы // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: материалы постоянно действующего

семинара, 17-21 апреля 2007 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. С.12-17.

Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 19 с.

Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды / сост. В.В.Красных. М.: Гнозис, 2006. С.5-178.

Жданова Л.А., Ревзина О.Г. «Культурное слово» *милосердие* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.56-61.

Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 31 с.

Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2004. 44 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Жельвис В.И. Вербальная дуэль: история и игровой компонент // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2003. С.14-19.

Жуленева Е.С. Феномен «албанского языка» в блоговом пространстве русского Интернета // Язык и национальное сознание. Вып.9. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С.186-189.

Загурская Н.В. Образ-концепт сверхчеловека в контексте нового реализма // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.247-256.

Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект)»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С.36-44.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К.Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С.101-118.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье* // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С.209-230.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Заречнева Е.Н. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 20 с.

Зацепина М.В. Семантическая структура ключевых слов концептов *Отчуждение* и *Entfremdung* в сопоставительном аспекте // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып.16. Екатеринбург, 2005. С.149-155.

Заяц И.Г. Языковая репрезентация эмоциональных концептов «радость» и «горе» в средневерхненемецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 23 с.

Звада О.В. Фрейм «morality» и его объективация в языке (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 16 с.

Земскова И.П. Концептуальное поле ПОРЯДКА // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С.321-329.

Земцова Л.А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 15 с.

Зильберт Б.А. Тексты массовой информации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. 80 с.

Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Харьков, 2006. 20 с.

Знаков В.В. Понимание как проблема психологии мышления // Вопросы психологии. 1991. №1. С.18-26.

Зобнина О.А. Особенности ценностной составляющей концепта «Oxbridge» // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2007. № 2 (20). С. 30-33.

Зубец М.В. Коммуникативно-прагматический аспект лирического дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 19 с.

Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С.203-256.

Зубцов А.С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 23 с.

Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С.38–53.

Зюбина И.А. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 18 с.

Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 160 с.

Иванова М.М. Когнитивные признаки концепта *предприниматель* // Язык и национальное сознание. Вып.9. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. с.100-106.

Иванова С.В. Языковые особенности поэтического заголовка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 22 с.

Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

Ивлева С.В. Лингвосемиотические характеристики комического абсурда: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.

Игнатова М.В. Оценивание действительности военнослужащими и писателями в аспекте точности / неточности (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 20 с.

Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

Изюров А.М. Актуализация речевого субъекта в политическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 24 с.

Ильинова Е.Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте : монография. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2008. 513 с.

Инфантова Г.Г. Современный речевой портрет лексии *как бы* // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып.3. Посв. 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой / под ред. проф. М.А.Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С.46-55.

Ионкис Г.Э. Английская поэзия XX века (1917-1945): учеб. пособие для пед. ин-тов. – М.: Высш. школа, 1980. 200 с.

Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 37 с.

Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 19 с.

Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С.158-171.

Исаева Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления. Краснодар: Краснод. кн. изд-во, 1996. 251 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.

Кабаченко Е.Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 21 с.

Каблуков Е.В. «Пленарное заседание Государственной Думы»: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.

Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.

Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.

Калугина В.А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.

Калюжная И.А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

Каменева В.А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы): монография. Новокузнецк: КузГПА, 2006. 236 с.

Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале итоговых программ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.

Карабань Н.А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 23 с.

Карабыков А.В. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы 1 Междунар. науч. конф. (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.): в 4 ч. / Отв. ред. Е.А.Пименов, М.В.Пименова. Кемерово: Юнити, 2006. Ч.3. С.226-231.

Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.

Карасик А.В. Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.269-282.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С.3-16.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.37-63.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004. С.48-50.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С.25-61.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Гнозис, 2009. 406 с.

Карасик В.И. Девербализация // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. X. СПб.: Сударыня, 2009. С.109-117.

Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С.5-25.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т.1. Волгоград: Парадигма, 2005. С.13-15.

Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.

Каратанова О.А. Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук Волгоград, 2003. 20 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: сб. статей. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.: Ин-т языкознания, 2000. С.191-206.

Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.

Кассиан Римлянин, *Иоанн.* Писания [Электронный ресурс] //www.eparhia-saratov.ru/books

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.

Катаева Н.М. Русский концепт *воля*: от словаря – к тексту: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 21 с.

Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. Краснодар: КубГУ, 2004. 250 с.

Катермина В.В. Русское чиновничество XIX века в зеркале фразеологии и художественной литературы // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.104-116.

Кац А.С. Шпана – мусор человечества / http://zhurnal.lib.ru/k/kac_a_s/ spana.shtml

Кацунова Н.Н. Опыт лингвокогнитивного анализа метафор и идиом концепта FOOD (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. тех. ун-та, 2000. 175 с.

Кашкин В.Б. Маркеры «своего» и «чужого» в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2 ч. Ч.2. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. С.49-62.

Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посв. юбилею проф. Николая Николаевича Болдырева / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та им.Г.Р.Державина, 2005. С.337-353.

Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.

Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта *любовь* (аспектный анализ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.

Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: тез. докл. М.: Институт языкознания, 1991. С.49-50.

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. №5. С.126-139.

Ким И.Е. Социальная сфера в языковой картине мира // Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. С.89-154.

Кириллова И.А. Сфера науки // Хорошая речь. Саратов, 2001. С.69-84.

Киселева Г.В. Культурный концепт *Урюпинск* по экспериментальным данным // Язык и национальное сознание. Вып.9. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С.106-111.

Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. – М.: Метатекст, 1998. 447 с.

Кислякова П.С. Русские и финские речеповеденческие тактики одобрения и порицания // Коммуникативное поведение. Вып.23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2006. С.5-11.

Китик М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний Британского парламента): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 18 с.

Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 23 с.

Клименко Е.О. Концепт «менеджмент» в американской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 23 с.

Клименко О.К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН. 2005. с.86-103.

Климова С. Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона: «Чиновники» // Социальная реальность. 2007. №1. С.49-77.

Клоков В.Т. Символика и язык в пространстве культуры // Филология. Вып.2. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. С.5–19.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.

Клюканов И.Э. Теория коммуникации как область исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2005. № 1 (7). С.56-66.

Ковалев Ю.В. Комментарии // Эдгар Алан По. Стихотворения. СПб.: Симпозиум, 1998. — С. 367-457.

Ковалевская И.И. Официально-деловой дискурс в аспекте интерсубъективности (на материале английской коммерческой корреспонденции): автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2006. 20 с.

Кованова Е.А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.

Ковшикова Е.В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 20 с.

Кожанов Д.А. Концепт “Homeland” в американской картине мира и способы его языковой репрезентации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.

Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. С.52-61.

Козельская Н.А., Попова Н.Н. Экспериментальное исследование концепта «порядочность» (возрастной аспект) // Язык и национальное сознание. Вып.4. Воронеж: Истоки, 2003. С.192-195.

Козина Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2003. 20 с.

Колегаева А.В. Специфика интерактивного единства «комплимент-реакция» в английском языке (на материале художественных произведений и кинофильмов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 16 с.

Колесник А.С. Языковые средства отражения мифологической картины мира: лингвокогнитивный аспект (на материале древнеанглийского эпоса и современных британских художественных произведений жанра фэнтези): автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 2003. 19 с.

Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб.: Юна, 1998. 248 с.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2004. 19 с.

Колоян Д.Л. Коммуникативные стратегии языковой личности в сфере ухаживания // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2006. № 5 (18). С.38-42.

Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. 45 с.

Комбарова О.В. Лингвокультурные типажи «Hausfrau — домохозяйка» в обыденном сознании // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.174-185.

Комиссаров В.Н. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 444. М.: МГЛУ, 1999. С.75-87.

Комисарова Т.С. «Новогоднее обращение» как жанр политического дискурса (сравнительный анализ новогодних обращений В.В.Путина и Г.Шредера) // Жанры и типы текста в

научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып.2. / Отв. ред. А.Г.Пастухов. Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2005. С.143-150.

Коморова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 19 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976. 720 с.

Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 19 с.

Коновалова Т.В. Концепт Vertrauen в немецком языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.

Контримович А.А. Концепт «punishment» в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.

Кормилицына М.А. Языковая личность В.В.Виноградова в его письмах к жене // Вопросы стилистики. Вып.26. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. С.63-71.

Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

Корогодина И.В. Концепт Abneigung и способы его репрезентации в современном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.

Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Вологрaд, 1999. 24 с.

Косицкая Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 22 с.

Костецкая А.Г. Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 19 с.

Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И.Даля (на материале концепта «вода»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2002. 20 с.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.23–36.

Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 216 с.

Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 19 с.

Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 17 с.

Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.61-64.

Кошманова О.В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутск: Областная типография №1, 2001. 261 с.

Кравченко О.В. Явления языкового абсурда в художественных текстах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 25 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Красавский Н.А. Этномаркированный концепт «тоска» // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. Вып.5. Волгоград: Колледж, 2006. С.97-107.

Краснoперова Ю.В. Дискурсивные стратегии участников интервью: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 19 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Крейдлин Г.Е., Самохин М.В. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С.117-157.

Крестинский С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональные аспекты языковых единиц. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1993. С.59-66.

Кругликова Н.П. Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов первой и второй мировых войн): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. 26 с.

Крылова Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С.241-402.

Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г.Винокур. М.: 1996. С.135–138.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. №1. 2001. С.90-106.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Крюков А.В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.

Крюков Д.В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.

Крючкова Н.В. Концепт – Референция – Коммуникация. Саратов: ИП Баженов, 2009. 391 с.

Кряхтунова О.В. Шифтерный лингвокультурный концепт «справедливость» (на материале русской лингвокультуры): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 25 с.

Крячко В.Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.

Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. с.90-93.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кузнецов Ю.А. Находчивый в зеркале русского языка (к вопросу об особенностях русского национального характера) // Слово есть дело: Юбилейный сборник научных тудов в честь проф. И.П.Лысаковой. Т.1. СПб.: Сударыня, 2010. С.309-313.

Кузнецова В.В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.

Кузнецова И.А. Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.

Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

Кузнецова О.В. Семантический и прагматический потенциал прилагательных со значением «полезный» / «вредный» в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 19 с.

Кузьмишин Е. Анализ поэтики Стивена Крейна // http://crane.felodese.org/analis.html

Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. 392 с.

Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): монография. Самара: Издво Самарск. гос. пед. ун-та, 2004. 264 с.

Кунина М.Н. Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 23 с.

Курченкова Е.А. Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (на материале английской и русской прессы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 26 с.

Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лигвокультурный концепт: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 26 с.

Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии VII-XI веков (лингво-этнический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 26 с.

Лазарева Э.А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.9. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С.82-121.

Лазуренко Е.Ю. Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 18 с.

Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских

телевизионных программ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 21 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

Лассан Э.О. вертикальной составляющей некоторых русских концептов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / науч. ред. И.П. Лысакова. Вып. IX. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С.45-50.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.

Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 38 с.

Ленец А.В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 1999. 16 с.

Леонтович О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С.191-200.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.

Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А. Понятие чести и достоинства: психолингвистический анализ. М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2009. 72 с.

Леонтьев В.В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 26 с.

Лещева А.Н. Природа текстовой категории «неопределенность» (на материале лирики И.Бродского): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.

Лингвоконцептология. Вып.1. Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008.

Линнас Э.А. Критический анализ дискурса политической полемики (на материале электронных СМИ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2006. 18 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С.280-287.

Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной

антропологии. Пер. с англ. — М.: Восточная литература, 2001. — 142 с.

Ломова О.Е. Речевое поведение актеров в автобиографических текстах (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 19 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С.393-599.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.

Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983.- 416 с.

Лотман Ю.М. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т.2. Сост. Е.В.Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С.416-423.

Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Самосознание России: антология. Вып.2. Философские рефлексии. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.220-225.

Лукашкова О.Ю. Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ // Язык и национальное сознание. Вып.4. Воронеж: Истоки, 2003. С.156-161.

Лунёва Т.В. Лексикализованный концепт *гармония* в современном английском языке: структура и комбинаторика: автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 2006. 23 с.

Луотсинен Л., Селезнева Г.Я. Национальная специфика выражения приветствия в русской и финской коммуникативных культурах // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.3. Воронеж: Истоки, 2002. С.116-120.

Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. Вып.20. / Гл. ред. А.П.Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. С.215-229.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 476 с.

Лушникова Г.И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 44 с.

Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 256 с.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2000. 188 с.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. С.11-35.

Ляпин С.Х. Концептологическая формула факта // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 2. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. С.5-71.

Ма Яньли. Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: монография. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 223 с.

Майоренко И.А. Концептуализация понятия «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского и французского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.

Майоров Г.Г. София. Эпистема. Технема (Размышления о способах понимания философии в ходе истории) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №4. 2000. С. 88-106.

Макаров В.В. О соотношении национального характера и языка // Язык и социум: материалы VII междунар. науч. конф., г. Минск, 1-2 дек.2006 г. В 2 ч. Ч.1. Минск: РИВШ, 2007. С.30-33.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Макарова Л.И. Англоязычный лингвокультурный типаж «денди» // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. Вып.5. Волгоград: Колледж, 2006. с.135-141.

Макарова О.С. Метафора как средство языковой реализации индивидуальной концептосферы Ф.Ницше: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 19 с.

Максименко Е.В. Прагмастилистические аспекты рекламного дискурса (на материале текстов русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 18 с.

Маланина Н.В. Концепт «язык» в языковом сознании лингвистов и юристов // Филология и культура: сб. статей. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С.50-55.

Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.

Малин К.В. Отражение архетипического аспекта языковой картины мира автора в текстовой категории пространственно-временного и социально-этического континуума (на материале романов Д.Остен): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 18 с.

Малышева В.А. Языковая личность как воплощение национального характера // Национальный менталитет и языковая личность: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. С.31-37.

Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. С.26-40.

Манджиева Э.Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.

Манскова Е.А. Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики // Телевидение. 2009. Вып.1. [Электронный ресурс] www.mediascope.ru/taxonomy/term/3

Манькова Л.А. Лингвистическая типология газетных заголовков, 90-е годы XX века : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Симферополь, 2000.

Маняхин А.В. Концепты «дух», «душа», «сердце» и «мысль», «разум», «рассудок» в лирике Е.А.Боратынского: лингвистический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 22 с.

Мареева О.В. Генезис венца как регалии власти // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. – М.: Наука, 2006. С. 419-429.

Маринин Ю.Н. Речекомплекс «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1996. 24 с.

Маркова Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 16 с.

Маруневич О.В. Концепт «иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологический аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 28 с.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Маслова Ж.Н. Концептуализация в поэтическом тексте // Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов:Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С. 370-397.

Масыч Т.Л. Концепт «милиционер» в профессиональной картине мира сотрудников правоохранительных органов // Этносоциолингвистика и теория коммуникации: XXI век: сб. науч. тр. конф. /под ред. проф. В.И.Жельвиса. Ярославль: Изд-во ЯШПУ, 2009. С.58-65.

Матвеева Е.И. Ситуация признания в любви и ее дискурсивная реализация в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 22 с.

Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: НГЛУ, 2001. 320 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.

Мельник Г.П. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. Самара: Бахрах-М, 2001. С 3-42.

Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимсвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.

Мень А.В. История религии. Т.6. На пороге Нового Завета. М.: Слово, 1992.

Метелица Е.В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20 с.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.

Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / Под ред. О.Б.Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 312 с.

Милованова М.В. Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 44 с.

Миляева И.В. Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004. 21 с.

Мироненко М.В. Шутник как коммуникативная личность: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Миронова И.К. Структура концептосферы «Еда» в русском языке // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.9. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С.33-40.

Митрофанова О.И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П.А.Вяземского: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.

Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 356 с.

Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.

Михелёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 21 с.

Мишланов В.А. Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2003. С.290-302.

Мишуткина И.И. Семантически сопряженные категории Leben и Tod и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.

Мищенко М.В. Лингвокультурный типаж «американский ковбой» // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С.166-173.

Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков):): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.

Моисеева С.А. Французское и русское коммуникативное поведение: контактность и дистантность // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып.1. Воронеж: Истоки, 2002. С.24-27.

Моисеенко Е.Ю. Исповедь в средствах массовой информации как объект концептуального анализа // Матеріали Всеукраїньскої наук. конф. «Каразінські читання: Людина. Мова. Комуникація». Харків: ХНУ им. В.Н. Каразіна, 2005. С.132-133.

Моисеенко Л.А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 18 с.

Мойсеенко А.А. Функционально-прагматические параметры институционального дискурса в производственной ситуации (на материале англоязычной документации): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 16 с.

Молоткова А.И. Концепт *цветок* в языке и поэтической речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.

Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: монография. Харьков: Экограф, 2005. 300 с.

Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 18 с.

Москвин В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова *судьба*). Лексикографический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 32 с.

Москвин В.П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып.4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С.63-76.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.

Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с.

Мошина Е.А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов надежда и hope в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.

Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.

Мушаева О.К. Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

Мхитарян М.С. Лингвокультурологические особенности выражения комического в рекламе (на примере английского, армянского и русского языков) // Язык, коммуникация и этнический менталитет: материалы междунар. науч. конф. (Ереван, 5-8 мая 2006 г.). Ереван, 2006. С.213-218.

Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 303 с.

Нгуен Тхи Хыонг. Мир в образах сознания вьетнамцев // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.: Ин-т языкознания, 2000. С.220-236.

Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С.112–116.

Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. С.80–85.

Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

Никитченко Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 18 с.

Никишин Я.К. Функциональные аспекты языковой игры: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 22 с.

Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады Всесоюзн. науч. конф. Ч.2. М., 1991.

Новикова В.Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 17 с.

Новикова Т.Б. Заимствование лингвокультурных концептов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 21 с.

Новоселова Т.Н. Концепт MATERIAL WEALTH и его языковая онтологизация в англо-американской культуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 17 с.

Ножкина Э.М. Речевое поведение актера на страницах СМИ // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып.3. Посв. 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой / под ред. проф. М.А.Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С.5-12.

Норман Б.Ю. К анализу анекдота как жанра непрямой коммуникации // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2003. С.283-290.

Нужнова Е.Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 19 с.

Овчинникова Н.В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2006. 18 с.

Одарюк И.В. Особенности стереотипного речевого поведения журналистов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 23 с.

Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия, 2006. 336 с.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. Волгоград: Волгоград: Нива, 2006. 224 с.

Орлова О.Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

Орлянская Е.Г. Категория отчуждения и ее языковая онтология в современном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 17 с.

Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып.2. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. С.493-501.

Осипова А.А. Концепт «смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П.Астафьева 1980-1990-х гг.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 26 с.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М., 1986. С.22-129.

Охримович К.В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.

Ошкина К.В. Способы языковой актуализации морального дискурса (на примере немецкоязычных СМИ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 16 с.

Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19-37.

Павлова Н.В. Межкультурное движение жанра *лимерик* как текстовая реализация смысла *комическое*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2005. 17 с.

Павлова О.В. Концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.

Павловская И.Г. Образы пространства и времени в поэзии Арсения Тарковского: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.

Палашевская И.В. Концепт «суд» в русской лингвокультуре // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы межрегион. науч. конф, г. Волгоград, 8 февраля 2007 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. С.245-250.

Палий О.Л. Когнитивно-семантические параметры концепта «трагическое» в исторических хрониках В.Шекспира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 19 с.

Палкевич О.Я. Языковой портрет феномена иронии (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 17 с.

Панасова Е.П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 22 с.

Панкова И.М. Сравнение как смыслообразующая доминанта рекламного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 23 с.

Панкратова О.А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 23 с.

Панченко Н.Н. Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 21 с.

Панченко Н.Н. Донос как речевой жанр // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С.171-178.

Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград: Перемена, 2010. 304 с.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С.29-42.

Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.

Паскова Н.А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода (опыт семантической реконструкции на основе произведений Дж. Чосера): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 18 с.

Пашаева И.В. Семантически спряженные категории: das Gute / das Böse в немецком языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 17 с.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

Пеньковский А.Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М.: Языки славянских культур, 2005. 315 с.

Передриенко Т.Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 22 с.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Лабиринт, 2001. – 624 с.

Пермяков И.В. Смысл поэтического текста // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С.95-99.

Персинина А.С. Концепт «время» и образные средства его выражения в сонетах У.Шекспира: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 23 с.

Петелина Е.С. Прагматические особенности высказываний положительной оценки (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 1986. 16 с.

Петелина Ю.Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 16 с.

Петрова А.С. Как россияне понимают слова «интеллигенция» // Режим доступа: www.fom.ru 09.08.2001.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. – Л.-М.:Госиздат, 1925. – С.109-121.

Печенкина О.Ю. Содержание концептов *Бог* и *Судьба* в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И.Далем: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2001. 16 с.

Пиевская И.М. Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги псалмов»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.

Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.

Пименов Е.А. Концепт Gemüt в немецком языке // Язык. Культура. Человек. Этнос. Серия «Филологический сборник». Вып.3. Кемерово: Графика, 2002. С.79-82.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 262 с.

Пименова М.В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.

Пименова М.Вас. Слово-концепт *красота* и русская ментальность // Ментальность и меняющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В.Колесова / отв. ред. М.В.Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С.198-206.

Пинкер С. Язык как инстинкт. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. М.: Логос, 2000. – 448 с.

Плавинская В.С. Этноспецифический концепт «fun» в американской лингвокультуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 24 с.

Плешакова В.В. Русские благопожелания (опыт типологии и истории): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1997. 19 с.

Плиссов Е.В. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып.2. / Отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2005. С.157-167.

Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.

Плотникова С.Н. Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика, Г.Г.Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С.162-172.

Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2005. 21 с.

Погораева Е.А. Концепт JUGEND и его языковая онтология в лексико-семантической системе современного немецкого языка: лингвокультурологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 16 с.

Погребняк Ю.В. Концепт «я» в интериоризованном дискурсе // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Междунар. конф. (г.Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.): в 3 ч. Ч.2. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С.291-295.

Подзолкова Н.В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — 344 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Полина А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV-XX вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Харьков, 2004. 20 с.

Полиниченко Д.Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Полищук Г.Г. Семантико-стилистический анализ поэтических текстов // Вопросы стилистики. Вып.24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С.3-17.

Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1995. 21 с.

Попова Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Т.1. Волгоград: Парадигма, 2005. С.7-10.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Попович Л. Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // Коммуникативное поведение.

Вып.22. Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж: Истоки, 2006. С.61-84.

Поспелова А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге: дис. в виде науч. докл. … д-ра филол. наук. СПб., 2001. 72 с.

Поталуй В.В. Национальная специфика лексико-фразеологических полей «наименования руководителей» в русском и английском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 16 с.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Почепцов Г.Г. (мл.) Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: Аспекты взаимодействия. Киев, 1990 С.131-139.

Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, Ваклер, 2000. 768 с.

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С.110-122.

Правикова Л.В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 48 с.

Приходько А.Н. Концепт ORDNUNG как мерная единица немецкого этнического менталитета (лингвокультурный аспект) // Vita in lingua: К юбилею проф. С.Г.Воркачева: сб. статей. Краснодар: Атриум, 2007. С.158-171.

Приходько А.Н. Типы и классы концептов // Новое в славянской филологии: сб. статей /отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 80-89.

Прищепенко М.В. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.

Прозоров В.В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.162-167.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2004. 18 с.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. 364 с.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Прохвачева О.Г. Концепт «приватность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С.102-202.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Едиториал УРСС, 2003. 224 с.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2006. 224 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. М.-Пенза: Ин-т языкознания РАН, 1995. 378 с.

Пучкова Е.В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.

Пшенина Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла: автореф. дис. … канд. филол. наук. Алматы, 2000. 31 с.

Пшенкин А.А. Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 23 с.

Радван В.М. Лингвокультурный типаж «американский супермен» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.155-166.

Радван В.М. Этноспецифический регулятивный концепт «cool» в американской лингвокультуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.

Радзиевская Т.В. Слово «судьба» в современных контекстах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.64-72.

Радионова С.А. Символ // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. – С.674-675.

Радченко В.В. Архитектоника делового письма (сопоставительный анализ английской, немецкой и русской деловой корреспонденции): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 16 с.

Радченко О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. В 2 т. М.: Метатекст, 1997. Т.1 – 308 с. Т.2. — 232 с.

Ракитина С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 278 с.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.

Ратмайр Р. Прагматические клише «новой русской вежливости»: их употребление и оценка // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С.431-449.

Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2005. 22 с.

Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. 213 с.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.

Рудакова А.В. Интерпретационное поле концепта «быт» // Культура общения и ее формирование. Вып.9. Воронеж: Истоки, 2002. С.54-56.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. 294 с.

Рузавин Г.И. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения // Вопросы философии. 1983. №10. – С.62-70.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

Руткевич А.М. Архетип // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С.51-53.

Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 272 с.

Рябуха О.В. Лингвистическая репрезентация концепта «успех» в англоязычной публицистической прозе (на материале журнальных и газетных статей): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2009. 24 с.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

Рябцева Н.К. Стереотипность и творчество в переводе // Стереотипность и творчество в тексте: мкжвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А.Баженовой. Вып.12. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. С.12-26.

Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 27 с.

Савицкайте Е.Р. Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.

Савицкий В.М. Бог Аполлон и серая обезьяна (концепт ‘пошлость’ в пространстве культуры) // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С.173-190.

Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.

Савицкий В.М. Интеллигенция и интеллигентность // Vita in lingua: К юбилею проф. С.Г. Воркачева: сб. статей. Краснодар: Атриум, 2007. С.191-202.

Савицкий В.М., Гашимов Э.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование): монография. М.: МГПУ, 2005. 173 с.

Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. Самара: Изд-во “НТЦ”, 2004. 178 с.

Салалыкина Ж.В. Понятие «смерть» в русском языке (опыт концептуального анализа семантического поля): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 22 с.

Саломатов С.И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Санников А.В. Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С.405-468.

Саракаева Э.А. Психолингвистический анализ миссионерских текстов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2000. 18 с.

Сафаров Ш. Система речевого общения: универсальное и этноспецифическое. Самарканд: Самарканд. отд. изд-ва им. Г.Гуляма, 1991. 172 с.

Сафонова О.В. Образ волка в русской языковой традиции // Филология и культура: материалы VI Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2007. С.121-123.

Сафронов А.А. Смыслообразование в драматургическом тексте и его вторичных интерпретациях: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2003. 15 с.

Светоносова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

Свирковская С.В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 23 с.

Свистунова Н.И. Спортивные игры в семиосфере культуры и языка: концепт «футбол» в английском языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 21 с.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 180 с.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С.7-38.

Седов К.Ф. Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С.259-268.

Селиверстова Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века (на материале их публичных выступлений и мемуаров): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 16 с.

Селиверстова Л.П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 19 с.

Семейн Л.Ю., Тарасова И.А. Когнитивные аспекты лингвокультурологии: учеб. пособие по спецкурсу для студентов филологических специальностей. Омск: Вариант-Омск, 2005. 72 с.

Семенова Н. 10 самых страстных коллекционеров России [Электронный ресурс] //www.snob.ru

Семьёхина А.А. Репрезентация концепта “KNOWLEDGE” и его роль в формировании смыслового пространства текста (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 23 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.

Сергеев С.А. Особенности объективации концепта *мечта* в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.

Сергеева Н.М. Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.

Серебрякова С.В. Семантическое единство текстового пространства оригинала и его разновременных переводов // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Ставрополь: Альфа Принт, 2009. Книга 1. С. 241-248.

Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М., 1986. С.122-129.

Сидорков С.В. Функционально-семантические аспекты языковой стратагемности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 29 с.

Сидорков С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 216 с.

Силецкий В.И. Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и Возрождения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.130-137.

Синкина Е.Д. Концепт «дар» в одноименном романе В.В.Набокова // Текст – дискурс – картина мира: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Воронеж: Истоки, 2005. С.101-108.

Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. С.26-31.

Сиротинина О.Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» // Проблемы речевой коммуникации. Вып.2. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С.51-56.

Скачко Е.Ю. Лингвокультурный типаж «английский рыцарь» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С.88-104.

Скиба М.Е. Концепт «идеология» в американском языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 16 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Слышкин Г.Г. Мир Шерлока Холмса в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». № 4 (05). 2003. С.89-98.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып.4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С.34-50.

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 22 с.

Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. 550 с.

Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингв. ун-та, 1999. 156 с.

Соборная И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок): автореф. дис. … канд. филол. наук. Сочи, 2004. 19 с.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.

Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2005. 53 с.

Соловьев О.Б. Рефлексивные механизмы социокультурной динамики понимания: автореф. дис. … д-ра фил. наук. Новосибирск, 2009. 33 с.

Соловьева А.А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 16 с.

Соловьева Е.А. Концепты mind, HEART, SOUL в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с.

Соловьева Ю.Г. Когнитивная семантика лексических средств репрезентации обвинения в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.

Соломатов С.И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.

Солохина А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1988. 52 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Ставцева А.А. Концепт HUMAN INTELLECTUAL ABILITIES и его объективация во фразеологии современного английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 16 с.

Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.

Старостина Ю.А. Метафора как средство реализации концепта «запах» (на материале романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.

Стеблецова А.О. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 24 с.

Степаненко В.А. Слово / Logos / Имя — имена – концепт – слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» (на материале русского, немецкого и английского языков): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 38 с.

Степанов В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб.: Роза мира, 2003. 263 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С.35-73.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Степанов Ю.С. Характеры народов в зеркале их собственных языков (Юбилейные заметки к 70-летию факультета иностранных языков Харьковского национального университета) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. № 471. 2000. С.250-254.

Степанов Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.- Калуга: Эйдос, 2007. С.19-26.

Степанова Е.Д. Прагматические особенности коммуникативного акта «кредитный договор» в экономическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 24 с.

Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: Воронеж. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. 128 с.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001а. С.58-65.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001б. 252 с.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальное коммуникативное сознание // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. С.262-302.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып.1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8-20.

Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): монография. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. 302 с.

Стрелкова О.А. Особенности современного женского политического дискурса (на примере речевых портретов женщин-политиков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Курск, 2006. 22 с.

Стрельникова М.А. Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 18 с.

Строев А. Философ и щеголь: ролевые маски во французской культуре Просвещения // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тез. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С.120-124.

Ступин Л.П., Игнатьев К.С. Современный английский речевой этикет. Л.:Изд-во ЛГУ,1980. 142 с.

Сукаленко Н.И. Пошлость как концепт русской культуры // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. № 471. 2000. С.255-260.

Сунь Хуэйцзе. Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 24 с.

Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 20 с.

Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Кныга, 2009. 272 с.

Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 30 с.

Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар: Изд-во Юж. ин-та менеджмента, 2004. 155 с.

Сырица Г.С. Концепт *джентльмен* в авторской картине мира // Словоупотребление и стиль писателя: межвуз. сб. Вып.3 / Под ред. Д.М.Поцепни. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С.67-75.

Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.

Сюй Сяо Бо, Лысакова И.П. Национальная специфика языковой объективации категории «вежливость» в русской и китайской коммуникативных культурах // Коммуникативное поведение. Вып.17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С.149-158.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.

Тамерьян Т.Ю. Модель мира в языке: проблемы двуязычного пространства: монография / под ред. Ю.Д. Каражаева. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2004. 217 с.

Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С.255-273.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С.5-147.

Тарасова А.В. Концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 26 с.

Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 280 с.

Тарасова И.П. Концептуальные основы исследования общения. М.: Ин-т языкознания СССР, 1990. 117 с.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. М.: Просвещение, 1965. С.123-140.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.

Тернопол Т.В. Домашние духи в этнографическом и ментальном аспектах (компаративное исследование русского и английского фольклора): автореф. дис. … канд. культурологии. Ярославль, 2007. 22 с.

Терпелец А.В. Концепт «Erfolg» в современной молодежной субкультуре // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2006. С.59-62.

Терских М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2003. 26 с.

Тестоедова Т.В. Молитва как речевой жанр и ее разновидности // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона, г. Волгоград, 19-21 апреля 2004 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 231-235.

Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И.Тютчева // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С.203-212.

Тимохина Л.Р. Необычайные чудеса в Древней Англии (языковая репрезентация концепта «чудо» в древнеанглийской картине мира) // Концепт и культура: материалы 2 междунар. науч. конф. (Кемерово, 30-31 марта 2006 г.). Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. С. 268-275.

Тихонова С.А. Концепты *зло* и *evil* в российской и американской политической картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

Токарев Г.А. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.

Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С.38-75.

Торпакова В.П. Несколько слов о фантазии // Тетради переводчика. Вып.15. Под ред. проф. Л.С.Бархударова. М.: Международные отношения, 1978. — С.31-40.

Точилина Ю.Н. Концепт Zeit в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 19 с.

Точилкина Т.Г. Концепт «знакомство» как элемент картины мира в русскоязычном и англоязычном лингвокультурологическом пространстве: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 24 с.

Трактат Авот. М.: Внешторгиздат, 1990.

Трифонов А.Г. Абсурд // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С.9-11.

Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики: сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С.66-85.

Трошина Н.Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.64-89.

Трошина Н.Н. Стилистическая эквивалентность перевода как проблема межкультурной коммуникации // Ментальность. Коммуникация. Перевод: Сб. статей памяти Ф.М.Березина / РАН. ИНИОН. М., 2008. С. 159-179.

Трошина Н.Н. Речевые аспекты корпоративной культуры: аналитический обзор / РАН. ИНИОН. М., 2009. 44 с.

Тряпицына Е.В. Категория точности художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.

Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия: учебное пособие. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 368 с.

Тупикова С.Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале художественных текстов XIX-XX вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 17 с.

Тупицына И.Н. Лексико-семантические особенности речевого образа предпринимателя в устном деловом диалоге: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ульяновск, 2000. 21 с.

Уманец Л.В. Вербальная репрезентация вежливости в сфере делового общения (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 18 с.

Урванцев К.Г. Жанры современной теле- и радиорекламы (риторический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 17 с.

Утин К.С. Лингвокультурный концепт «компромисс»: подходы к классификации // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика, Н.А.Красавского. Волгоград: Перемена, 2003. С.34-38.

Уфимцева Н.В. Русский национальный характер: XX век – миф и реальность // Проблемы этносемантики: сб. науч.-аналит. обзоров. М,: ИНИОН РАН, 1998. С.86-121.

Ушаков Б.Ю. Алгоритм выделения символа в тексте // Ментальность народа и его язык / отв. ред. М. Влад. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С.77-82.

Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.

Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М.: Слово / Slovo, 2002. 232 с.

Федотова Н.С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Федотовских Т.Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 21 с.

Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2005. 22 с.

Филатов В.П. К типологии ситуаций понимания // Вопросы философии. 1983. №10. С.71-78.

Филатова О.М. Лингвоэстетическое исследование интерпретаций поэтического текста (на материале переводов стихотворения Г.Гейне «Ich weiβ nicht was soll es bedeuten…»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2007. – 18 с.

Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2002. 15 с.

Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.

Флеонова О.Л. Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы чёрного юмора: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

Фомина Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на материале выступлений Д.Буша и Т.Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.:Рус.язык,1982. 126 с.

Франкл В. Воля к смыслу / Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.

Халипов В.Ф. Власть: Кратологический словарь. М.: Республика, 1997. 431 с.

Ханский А.О. Коммуникативные стратегии вербального утешения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2002. 18 с.

Харламова Л.А. Матричный принцип формулы ‘faith, hope, charity – ‘вера, надежда, любовь’ и составляющих ее концептов (на материале английского языка и культуры): автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.

Хачатурова Н.Ю. Лингвориторические параметры российского эзотерического дискурса рубежа XX-XXI вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Сочи, 2004. 19 с.

Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 20 с.

Хомчак Е.Г. Культурно-историческое пространство концепта *лень* // Новое в славянской филологии: сб. науч. тр. / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С.374-380.

Хорошко Е.Ю. Репрезентация концепта «память» в жанре русского романса // Культура общения и ее формирование. Вып.13. Воронеж: Истоки, 2004. С.10-17.

Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

Хромова Т.А. Актуализация концепта TRUTH в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 21 с.

Хусаенова А.З. Когнитивно-лингвистическое исследование кластерного концепта PRIVACY: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2009. 17 с.

Цегельник И.Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитивно-функциональный подход: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 22 с.

Церенова Ж.Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

Цзоу Сюецян. Особенности концепта «чай» в русской и китайской культурах // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / науч. ред. И.П. Лысакова. Вып. VIII. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С.133-136.

Цивьян Т.В. Человек и его судьба – приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С.122-129.

Цицерон М.Т. Оратор // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. С.253-384.

Чайковская Н.Ю. Концептосфера «волеизъявление» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 24 с.

Чалбышева А.В. Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля (на материале немецких и русских текстов подъязыка физики): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 15 с.

Чаплыгина Т.Л. Лирика Арсения Тарковского в контексте поэзии Серебряного века: автореф. дис. …канд. филол. наук. Иваново, 2007. 16 с.

Чаплыгина Ю.С. Юмористические креолизованные тексты: структура, семантика, прагматика (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2002. 24 с.

Черватюк И.С. Власть как коммуникативная категория: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.

Червоный А.М. Понятие «небо» в китайском языке // Восточные языки и культуры. Материалы I междунар. науч. конф. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С.89-92.

Черкасова И.С. Специфика реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности в электронных объявлениях о знакомстве // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2006. С.59-66.

Черкасова Л.П. Слово *трава* в поэтической речи А.Тарковского // Вопросы стилистики. Вып.24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С.58-63.

Чернобров А.А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): учеб. пособие для студентов старших курсов гуманитарных факультетов, аспирантов и соискателей.

Материалы к спецкурсу. Новосибирск: Изд-во “Свиньин и сыновья”, 2006. 332 с.

Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.

Чернухина И.Я. Восприятие поэтического текста на примере восприятия тропа // Вопросы стилистики. Вып.24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С.26-38.

Чернышова Е.Б. Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 18 с.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 36 с.

Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С.11-22.

Черняк В.Д. Наброски к портрету маргинальной языковой личности. Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. № 2. СПб., 1994. С.115–130.

Черняк В.Д. Массовая литература и речевой портрет современника // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9 (по материалам Междунар. научн. конф.) / Отв. ред. М.П. Котюрова; Перм. ун-т – Пермь, 2005. С.294-299.

Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 388 с.

Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): монография. Волгоград: Перемена, 2008. 256 с.

Четыркина И.В. Перформативность как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: монография / под ред. С.А. Мегентесова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 223 с.

Чечина О.А. Образ двери в художественном дискурсе Серебряного века // Текст – дискурс – картина мира: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Воронеж: Истоки, 2005. С.47-51.

Чигридова Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярий (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Чиркова О.А. Поэтика современного народного анекдота: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.

Чубур Т.А. Объективация концепта ОТДЫХ в русском языке // Язык и национальное сознание: Вып.6. Воронеж: Истоки, 2004. С.20-22.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Чудинов А.П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.8. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С.69-77.

Чунахова Л.В. Особенности речевого поведения художников второй половины XIX века (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 17 с.

Чурсина О.В. Лингвокультурный концепт «мода» в языковом сознании и коммуникативном поведении: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 21 с.

Шамне Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 208 с.

Шамьенова Г.Р. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2000. 22 с.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 149 с.

Шашкова В.Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2006. 24 с.

Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Вып.444. М.: МГЛУ, 1999. С.180-187.

Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харківського

національного університету ім. В.Н.Каразіна. 2003. № 586. с.33-38.

Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В.Заходера): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Шейгал Е.И. Параметры доверительного общения // Человек в коммуникации: аспекты исследования: Сб. науч. ст. Волгоград: Перемена, 2005. С.204-220.

Шейкин А.Г. Символ // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Т.2. М.: РОССПЭН, 2007. С.457-458.

Шемякина А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 23 с.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991. Режим доступа: http://sovet.geraldika.ru

Шилихина К.М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 24 с.

Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1998. 20 с.

Шильникова И.С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа THE MAN OF PROPERTY на материале произведений Джона Голсуорси: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 22 с.

Шиповская А.А. Репрезентация категории «человек» в сетевом жаргоне (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 24 с.

Шкайдерова Т.В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30-40-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 23 с.

Школовая М.С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Шмелев А.Д. *Дружба* в русской языковой картине мира // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь

Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.704-715.

Шмелева Е.Я. «Новый русский» как фольклорный персонаж // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып.2. / Отв. ред. Л.П.Крысин. М.: Азбуковник, 2003. С.565-575.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. №1. С.72-77.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С.81-89.

Штейнгарт Л.М. Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 21 с.

Шульженко М.Ю. Процесс понимания художественного текста как постижение риторико-герменевтической организованности смыслов (на материале романа О.Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 27 с.

Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 25 с.

Щеглова Л.В. Значение этики в эпоху эстетизма // Режим доступа: www.vspu.ru

Щеглова Л.В., Щеглов В.В. Философский дискурс и проблема русского метафизического языка // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С.177-184.

Щеголева Ю.А. Стереотип положительного героя в традиционной культуре и современном массовом сознании // Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды / сост. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2006. С.179-262.

Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа Культурной Политики, 1997. 656 с.

Щекотихина И.Н. Воспроизводимость текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 1996. 19 с.

Щепотина Е.В. Вербализация мифологем CRIME, PUNISHMENT, FREEDOM, JUSTICE, LAW в американской

лингвокультуре: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 25 с.

Щирова И.А. Возможные миры изображенного сознания // Studia Linguistica – XI. Проблемы когнитивной семантики: сб. статей. СПб., РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. С.36-47.

Щурина Ю.В. Шутка как речевой жанр: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новгород, 1997. 24 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С.Д.Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.

Эмер Ю.А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С.91-100.

Юнг К. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1994. 336 с.

Юшкова Н.А. Концепт *ревность* в художественной прозе Ф.М. Достоевского: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 18 с.

Якимович Е.В. Стёб в современной русской лингвокультуре: слово, концепт, жанр // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / Под ред. Н.А.Красавского. Волгоград: Колледж, 2009. С.29-40.

Якимович Е.В. Концепты постиндустриальной России // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты: коллективная монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. С.158-168.

Яковенко Е.Б. Сердце, душа, дух в английской и немецкой языковых картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С.39-51.

Яковенко Е.Б. Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М.: ИП Кошелев А.Б. (Издательство “Эйдос”), 2007. 288 с.

Яковенко Е.Б. О контрастировании библейских текстов – источников и переводов // Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н.Ярцевой. М..-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2009. С.206-212.

Яковенко Н.Э. Когнитивно-прагматический подход к пониманию текста (когниотип внешности): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 18 с.

Яковлева Ф.Н. Концепт «печаль» в марийской песне // Национальные концептосферы с свете лингвистики и общегуманитарных дисциплин: материалы III Регион. конф. (с международным участием) по проблемам межкультурной коммуникации (Йошкар-Ола, 15 марта 2004 года). Йошкар-Ола: МГПИ, МарГТУ, 2004. С.111-114.

Янова О.В. Концепт BELIEF / TRUST / FAITH: структура и репрезентация в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 21 с.

Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

Ярмаркина Г.М. Просьба // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С.214-219.

Ярмульская И.Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.

Ярцева К.В. Концептуальная оппозиция *freond – feond (друг – враг)* в древнеанглийской эпической картине мира (на материале англосаксонской поэмы «Беовульф»): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб.,2010. 25 с.

Яцко В.А. Рассуждение как тип научной речи. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998. 182 с.

Яшина Е.А. Риторико-герменевтические аспекты языка литературной пародии (на материале русских и английских пародийных текстов): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 16 с.

Ballmer T., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. Berlin: Springer, 1981. 274 p.

Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. P.P. Giglioli (Ed.). Harmondsworth: Penguin,1979. P.157-178.

The Bible. Authorized version. London: Oxford University Press, 1964.

Brisset A. Traduire le texte dans son projet. Le littéralisme est soluble dans la poésie moderne : Auden // TTR : traduction, terminologie, redaction. Vol. 12. N°2. 1999. P. 39-56. Электронный ресурс: http://id.erudit.org/iderudit/037370ar

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ.Press,1987. 345 p.

Bucholtz M. Reflexivity and Critique in Discourse Analysis // Critique of Anthropology. 2001. Vol. 21 (2). P.165-183.

Dawkins R. Viruses of the mind (1991) // Режим доступа: www.memecentral.com

Duranti A. Linguistic Anthropology. Peking: Peking Univ. Press, Cambridge Univ. Press, 2002. 398 p.

Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. L.: Routledge, 2003. 270 p.

Gans E. The Origin of Language. A Formal Theory of Representation. – Berkeley: Univ. of California Press, 1981. – 314 p.

Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. 460 p.

Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974. 586 p.

Goffman E. The Neglected Situation // Language and Social Context: Selected readings. Ed. by P.P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin, 1979. P.61-66.

Goffman E. Forms of Talk. Oxford: Blackwell, 1981. 335 p.

Gogolitsyna N. The Russian intelligentsia // Rusistika. Spring 2002. N 25. P.14-22.

Grice H. Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P.41-58.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984. 465 p.

Hare A.P. Social Interaction as Drama: Applications from Conflict Resolution. Beverly Hills: Sage, 1985. 183 p.

Hare A.P., Blumberg H.H. Dramaturgical Analysis of Social Interaction. New York: Praeger, 1988. 177 p.

Hirsch E.D., Jr. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York: Vintage Books, 1988. 252 p.

Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988. 285 p.

Hoffman D. The Poetry of Stephen Crane. New York, London: Columbia University Press, 1957. 304 p.

Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. London: Tavistok,1977. 248 p.

Hymes D. Discourse: Scope Without Depth // International Journal of the Sociology of Language 57. 1986. P.49-89.

Jones C., Murphy A. 'One can emend a mutilated text': Auden's *The Orators* and the Old English *Exeter Book* // TEXT: An interdisciplinary Annual of Textual Studies 15: 2002. Электронный ресурс: http://eprints.st-andrews.ac.uk/archive/00000371/01

Keenan E.L. Two Kinds of Presupposition in Natural Language // Studies in Linguistic Semantics. C.J. Fillmore, T. Langendoen (Eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P.44-52.

Klapp O.E. The Fool as a Social Type // American Journal of Sociology 55. 1949. P.157-162.

Kochman T. The Politics of Politeness: Social Warrants in Mainstream American Public Etiquette // Meaning, Form, and Use in Context: Linguistic Applications. Ed. by D. Schiffrin. Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1984. P.200-209.

Kramarae C., Schulz M., O'Barr W.M. Introduction: Toward an Understanding of Language and Power // Language and Power. C. Kramarae et al. (Eds.). Beverly Hills: Sage, 1984. P.9–22.

Lakoff R.T. Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation // Variation in the Form and Use of Language: a Sociolinguistic Reader. Washington: Georgetown Univ. Press, 1983. P.305-323.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

Lemke J.L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. L., 2003.

Lloyd A.L. The Singing Englishman. An Introduction to Folk Songs. 1944. Электронный ресурс: www.mustrad.org.uk/articles/tse.htm.

Mabbott T.O. // Edgar Allan Poe. Complete Poems. Ed. by T.O. Mabbott. University of Illinois Press, 2000. – 628 p.

Slembrouck S. What is meant by discourse analysis? (2002) // Режим доступа: http://banc.rug.ac.be/da

Trappes-Lomax H. Discourse Analysis // The Handbook of Applied Linguistics. A. Davies, C. Elder (Eds.). Malden, Oxford: Blackwell, 2004. P.133-164.

Triandis H.C. Culture and social behavior. New York, 1994.

Словари и справочники

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 600 с. [ССРЯ].

*Баранов О.С. И*деографический словарь русского языка: 4166 статей. М.: ЭТС, 1995. 820 с. [Баранов].

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с. (БТС).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994. (СД).

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.; Т.2. М.: Терра, 1996. 422 с.

Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т.2. М., 1999.

Иврит-русский словарь. Сост. Ф.Л.Шапиро. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993. 537 с.

Новейший иврит-русский словарь Б.Подольского. Тель-Авив: Иврус, 2007.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.

Ребер А. Большой толковый психологический словарь (Penguin). Т.2. М., 2000.

Рифтин Б.Л. Китайские пословицы и поговорки // Мудрое слово Востока. М.: РИПОЛ, 1996. С.273-309.

Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с. [Бирих, Мокиенко, Степанова].

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. М.: Астрель, АСТ, 2002. (РАС).

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П.Евгеньевой. 2 изд. М.: Рус. язык, 1981. [МАС].

Словарь синонимов русского языка. В двух томах. / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель – АСТ, 2001. (ССРЯ).

Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950-1965. [БАС].

Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997.

Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. – 550 с.

Толковый словарь русского языка: В 3 т. / под ред. проф. Д.Н.Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. [Ушаков].

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В.Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003 (ТСРЯ).

Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001. (Ушаков).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю.Шведова. М.: Азбуковник, 2007. (Шведова).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. 576 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2002. 720 с. [Федоров].

*Химик В.В.*Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.

Apperson G.L. The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Ware: Wordsworth, 1993. 721 p.

Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1775 p. (CIDE).

Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1990. 1703 p. (COBUILD).

The Concise Oxford Dictionary of Current English. 6th Ed. Oxford: Oxford University Press, 1976. 1368 p. (COD).

The Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th Edition. 1995. On CD-ROM. (COD – CDROM)

Cohen J.M., Cohen M.J. A Dictionary of Modern Quotations. Harmondsworth: Penguin, 1975. 366 p.

Encyclopedia Britannica. Electronic Version. 1997.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin, 1988. 331 p.

Hendrickson R. The Wordsworth Book of Literary Anecdotes. London: Wordsworth, 1997. 328 p.

Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1966. – 1776 p.

Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. Jerusalem: Carta, 1987. – 721 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978. 1303 p. (LDCE).

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1993. 1528 p. (LDELC).

Oxford Advanced Learner's English Encyclopedic Dictionary. (OALED).

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S.Hornby with A.P.Cowie, A.C.Gimson. Oxford University Press, 1980. 1037 p. (OALD).

The Oxford Dictionary of Modern Quotations. Ed. by Tony Augarde. Oxford University Press, 1992. 530 p.

Rees N. The Bloomsbury Dictionary of Phrase and Allusion. London: Bloomsbury, 1993. 358 p.

Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969. 223 p.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Ed. by R.A.Dutch. Harmondsworth: Penguin, 1979. 712 p.

Sherrin N. Dictionary of Humorous Quotations. Oxford, 1996.

Shorter Oxford English Dictionary. 5th Ed. (CD-ROM Version 2.0). 2002. (SOED).

Simpson J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 1985. 256 p.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House, 1989. 2078 p. (WEUD).

Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, Mass.: Merriam, 1978. 909 p. (WNDS).

Webster's New World Thesaurus. Prepared by C.G.Laird. New York: Meridian, 1971. 678 p. (WNWThes).

The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. London: Wordsworth, 1993. 1175 p.

Научное издание

Владимир Ильич Карасик

Языковая кристаллизация смысла
Монография

Подписано к печати 15.05.2010 г. Формат 60х84/16. Печать офс.
Бум. офс. Усл. печ.л. 21. Уч.- изд.л. 22,2. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство "Парадигма".
400001, Волгоград, ул. Академическая, 22.
Типография "Парадигма"
400074, Волгоград, ул. Академическая, 22.

443